

Федеральная архивная служба России
Российский государственный архив
социально-политической истории
Фонд Джанджакомо Фельтринелли
Институт всеобщей истории РАН

ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) – ВКП(б)

И

Е В Р О П А

РЕШЕНИЯ «ОСОБОЙ ПАПКИ»

1923 – 1939

Москва
РОССПЭН
2001

ББК 63.3(0)61
П 50

Редколлегия

Г. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Ф. Гори, Е. Дундович,
К. Конти, Л. Кошелева, М. Наринский, С. Понс,
Л. Роговая, А. Филитов, О. Хлевнюк

П 50 Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 400 с.

В книге публикуется комплекс основных постановлений Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) под грифом высшей формы секретности «особая папка» по вопросам европейской политики за 1923—1939 гг. Документы отражают не только развитие двусторонних отношений СССР с ведущими государствами Европы, но также общие тенденции советской внешней политики, механизмы принятия важнейших внешнеполитических решений в предвоенный период.

© Российский государственный архив социально-политической истории 2001.

© Институт всеобщей истории РАН 2001.

© Вступительные статьи к разделам - А.М. Филитов, Г.М. Адиебеков, О.В. Хлевнюк, М.М. Наринский, 2001.

© «Российская политическая энциклопедия», 2001.

ISBN 5 - 8243 - 0255 - 3

Введение

Предлагаемое читателю издание секретных документов Политбюро по вопросам европейской политики Советского государства поможет понять ее основные направления и эволюцию в 20—30-е годы.

Исходная веха публикации связана с особенностями использованного источника, ибо «особые папки» стали формироваться с 1923 г. Поэтому первый период внешней политики молодой Советской России представлен неполно. Следует учитывать, что после Октябрьской революции В.И. Ленин и большевистские лидеры стремились придать политике нового российского режима исключительно революционный характер и отказывались от его включения в систему международных отношений. Основная ставка делалась на быстрое распространение революции в Европе, способной обеспечить выживание Советской России.

Этот период представлен в сборнике документами 1923—1925 гг. Советская Россия выступала как революционное государство, стремившееся резко изменить статус-кво либо всяческим подталкиванием революционного движения, либо даже применением военной силы. Советская Россия существовала как база для развития европейской и мировой революции. В этой связи нормальные отношения с другими европейскими странами рассматривались как некая передышка, как временное явление. Сейчас можно документально подтвердить, что советские дипломаты хорошо понимали глубокие противоречия между революционной активностью Коминтерна и попытками нормализации отношений СССР со странами Европы. Так, известный советский дипломат В.В. Воровский в феврале 1923 г. предупреждал Москву о возможности разрыва переговоров о торговом договоре с правительством Муссолини из-за действий Коминтерна в Италии. Воровский писал М.М. Литвинову, что прекращение переговоров «может толкнуть такого честолюбивого и неугомонного человека, как Муссолини, к принятию на себя инициативы борьбы против коммунизма и большевизма. Судьба этого вопроса сейчас в наших руках. От Политбюро зависит выбрать ту или другую тактику... Во всяком случае, как бы там ни решили, настаивайте на

одном: чтобы решение было ясно и точно»*. Эта двойственность и противоречивость советской внешней политики отражены в первой части сборника.

Важный поворот советской внешней политики к отказу от ставки на мировую революцию связан с торжеством сталинской концепции «строительства социализма в одной отдельно взятой стране». Этому периоду посвящена вторая часть нашего издания (1926—1929 г.). Отныне не СССР должен был способствовать мировой революции, а коммунистическое революционное движение было призвано всячески помогать Советскому Союзу. В этом контексте основная цель советской внешней политики состояла в создании благоприятных международных условий для строительства социализма в СССР. Отсюда и возможность соглашений с зарубежными государствами.

Первоочередной целью внешней политики СССР, как и на предшествующих этапах, оставалось предотвращение формирования антисоветской коалиции и развязывания войны против страны Советов — эта задача становится особенно актуальной в условиях мирового экономического кризиса. Следующему периоду советской политики и посвящена третья часть сборника: 1930—1933 г. Важное место в представлениях советского руководства занимала непосредственная угроза новой войны. Так, 5 января 1932 г. лидер Профинтерна А. Лозовский писал членам делегации ВКП(б) в Коминтерне: «Ряд фактов свидетельствует о том, что война приближается»**. Эту угрозу необходимо было отодвинуть. Линия внешней политики СССР становится более гибкой: использование пактов о ненападении, соглашений о неприменении военной силы с лимитрофами и т.п.

Следующий период советской внешней политики, отраженный в нашем издании: 1934—1939 г. В СССР утверждается сталинская диктатура. Страна отказывается (фактически) от курса на мировую революцию. Сталин проводит линию на маневрирование на международной арене: с одной стороны — осторожная поддержка идеи коллективной безопасности и договоры с Францией и Чехословакией; с другой стороны, сохранение контактов с фашистской Италией и нацистской Германией. Советская внешняя политика была осторожной и прагматичной, она стремилась добиться максимально выгодных международных условий для СССР.

Советская внешняя политика в решающей мере определялась Политбюро, которое было в этот период фактически высшим ор-

* Российский государственный архив социально-политической истории. Далее: РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

** Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 228. Л. 34.

ганом власти в СССР, постановления которого носили обязательный характер для всех ее «ветвей» — законодательной, исполнительной и судебной, а также для советских и международных политических и общественных организаций, расположенных на территории Советского Союза. Политбюро не только формировало и формулировало внешнеполитические и внешнеэкономические цели и интересы страны, но и жестко руководило, направляло и контролировало, вплоть до мелочной опеки, международную деятельность соответствующих наркоматов и ведомств, учреждений и организаций (иностранных дел, внешней торговли, финансов, ВСНХ, Госбанка, ВЦСПС, Исполкома Коминтерна и других). Многие подготавливаемые в недрах аппаратов наркоматов и ведомств документы открытого и конфиденциального характера (международные договоры, ноты и заявления зарубежным правительствам, торговые соглашения, директивы советским полпредам и торгпредам, а также другим представителям, выезжавшим в зарубежные командировки) должны были, после прохождения через коллегии соответствующих государственных и негосударственных организаций и учреждений, утверждаться Политбюро как «последней инстанцией». Только в этих случаях подобные документы обретали «окончательную законную силу» и получали тем самым «право на жизнь».

Для постановки, обсуждения и принятия постановления Политбюро по определенному вопросу создавались специальные комиссии, наделенные соответствующими полномочиями. В них входили, как правило, руководители заинтересованных ведомств, специалисты-эксперты. На базе подготовительных материалов составлялись докладные записки и обобщенные справки, которые представлялись в Политбюро за подписью председателя комиссии (возможно, также всех ее членов). При этом прилагались протоколы заседаний комиссий.

Полномочия Политбюро распространялись практически на все стороны международной деятельности упомянутых выше ведомств, в том числе на решение кадровых вопросов. Так, по представлению НКВД назначались, переводились в другие страны и увольнялись полномочные представители СССР за рубежом. Политбюро настолько плотно и систематически «опекало» полпредов, что ни один из них не мог сделать даже небольшой самостоятельный шаг или реализовать инициативу без разрешения «инстанции». Ожидание полпредом постановления Политбюро, особенно в период переговоров, порой в ущерб делу искусственно затягивало эти переговоры, так как советские представители не имели полномочий для принятия самостоятельных решений, выходящих за рамки директив Политбюро. Правда, происходило и другое: члены Политбюро опросом, в случае не-

обходимости, в спешном порядке принимали решения трижды в один день по одному и тому же вопросу. Так или иначе, Политбюро не отступало от заведенного им строгого запрета посылать и иным советским официальным представителям за рубежом, находившимся в сфере подчинения Политбюро, допускать хотя бы малейшее отклонение от инструкции или директивы. Если же какой-либо вопрос мог иметь несколько вариантов решений, то это оговаривалось в инструкции (или директиве). Отсюда феноменальная напористость и кажущиеся удивительными прямолинейность и целеустремленность советских дипломатов, действовавших от имени правительства СССР, а на деле выполнявших волю высшего партийного руководства и, следовательно, обязанных неукоснительно соблюдать партийную дисциплину.

В зависимости от периода постановления Политбюро были либо действительно коллективными решениями членов Политбюро, либо единоличными решениями Сталина. В 1920-е годы в условиях борьбы за лидерство в партии внешнеполитические вопросы во многих случаях являлись предметом острых разногласий и споров. Постепенно, по мере разгрома оппозиции, в Политбюро утверждалась единая линия во внешней политике, которую все в большей мере определял Сталин. Разные подходы к отдельным решениям некоторое время еще сохранялись. В начале 1930-х годов наблюдались эпизодические трения между руководителями НКВД и партии. Однако по мере укрепления личной власти Сталина подобные, даже самые мягкие разногласия становились все более редкими. Во всяком случае, на уровне решений Политбюро они уже не прослеживаются.

Нараставшая тенденция ограничения круга руководителей, принимавших участие в выработке решений, выражалась в организационной перестройке работы Политбюро. С 1927 г. была введена практика созыва закрытых заседаний Политбюро, на которых наиболее важные решения, в том числе внешнеполитические, рассматривались в узком кругу руководителей партии. 30 декабря 1930 г. по предложению Сталина было принято решение: «На заседаниях Политбюро по 10-м, 20-м и 30-м числам заслушивать только вопросы ГПУ, НКВД, обороны, валютные (секретные) и некоторые внутрипартийные вопросы, переносить рассмотрение остальных вопросов на очередные заседания Политбюро (5, 15 и 25 каждого месяца)»*. Указанные заседания 10, 20 и 30 числа каждого месяца были закрытыми, и их решения в основном оформлялись в особом протоколе.

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 112.

14 апреля 1937 г. Политбюро постановило: «В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе гг. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова»*. Это постановление закрепляло порядок отсечения от процесса принятия решений большинства членов Политбюро, что отразилось на оформлении протоколов. С середины 1937 г. редкими становятся записи о составе участников заседаний, все постановления Политбюро оформляются в протоколах под общей рубрикой «решения Политбюро». Важнейшие внешнеполитические акции в конце 30-х годов определялись единолично Сталиным (при совещательном голосе наиболее приближенных соратников) и в ряде случаев вообще не фиксировались в протоколах заседаний Политбюро. Наиболее ярким примером этого может служить советско-германский пакт 1939 г., решение о заключении которого Политбюро даже формально не принимало.

Большинство решений Политбюро по внешнеполитическим вопросам оформлялись в особых протоколах заседаний Политбюро, имевших гриф высшей формы секретности «особая папка» (по этой причине в литературе понятие «особая папка» и «особый протокол» употребляются как эквивалентные).

Практика выделения из протоколов особо секретных решений восходит к первым годам деятельности Политбюро. Так, 8 ноября 1919 г. было принято постановление Политбюро: «Решений по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а товарищу Крестинскому отмечать их себе для памяти и для личного исполнения»**.

1 февраля 1922 г. при рассмотрении вопроса об улучшении работы Секретариата и Политбюро было отмечено, что «для особо секретных предложений и решений ПБ ведется специальный протокол ПБ (отдельно от обычных протоколов ПБ), не рассылаемый членам ЦК»***. Однако на практике выделение особо секретных решений высших партийных инстанций в особый протокол началось с мая 1923 г.

Особые протоколы, так же как и обычные, были двух видов — подлинные и подписные. Подписной вариант особых протоколов за 1923—1952 гг. был получен РГАСПИ в 1995 г. из Архива Президента РФ и представляет собой машинописные копии, заверенные печатью ЦК и факсимиле подписи секретаря ЦК. По

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 986. Л. 16—17.

** Там же. Оп. 3. Д. 37. Л. 1—2.

*** Там же. Оп. 112. Д. 283. Л. 18.

сравнению с подлинниками этот экземпляр можно считать неполным, так как в нем отсутствуют формулировки некоторых постановлений. В графе «Слушали» и «Постановили» имеют место записи: «См. подлинный протокол» или «См. папку сов. секретных документов»*.

Особые протоколы XII созыва (май 1923 г. — май 1924 г.) не имели нумерации. Двойную нумерацию имели протоколы XIII—XV созывов (июнь 1924 г. — июнь 1930 г.). Поскольку они являлись частью обычного протокола, первый их номер совпадал с номером обычного протокола. В связи с тем, что решения с грифом «особая папка» принимались не на каждом заседании, особые протоколы имели свой собственный номер. Оформлялось это так: «Протокол № 101 (особый протокол № 79) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 мая 1927 года»**. С июля 1930 г. по март 1939 г. (XVI—XVII созывы) номер особого протокола соответствовал номеру обычного протокола. Начиная с марта 1939 г. (XVIII созыв), особые протоколы вновь приобретают свою нумерацию***.

Далее в одну или две колонки располагался текст под заголовками «Слушали» и «Постановили». Каждый рассмотренный вопрос оформлялся под своим номером (который соответствовал номеру обычного протокола) и располагался по дате его обсуждения.

Вслед за формулировкой вопроса в круглых скобках указывался перечень лиц, принимавших участие в его подготовке, и делалась отсылка к предыдущему решению Политбюро, Оргбюро или Секретариата ЦК по этому вопросу с указанием номера протокола, его даты и номера пункта.

Оформление особых протоколов менялось в разные годы.

Особые протоколы не рассылались, подобно обычным протоколам; рассылке подлежали только выписки из особых протоколов, в которых фиксировалось лишь одно постановление или чаще всего только часть постановления. Такие выписки посылались исключительно тем должностным лицам, которым непосредственно поручалось выполнять данное конкретное решение. В протоколе под каждым пунктом делалась отметка, кому и в каком объеме посланы выписки.

Большие документы, утверждавшиеся Политбюро (ноты, заявления, письма, многостраничные решения) помещались в виде приложений в конце особого протокола.

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 121; Д. 39. Л. 7.

** Там же Д. 5. Л. 1.

*** Там же. Д. 25. Л. 1.

* * *

Особые протоколы заседаний Политбюро за 1923—1939 гг., на основе которых подготовлен данный сборник, составляют 25 дел. Значительная часть постановлений, отложившихся в этих делах, касается внешнеполитических вопросов. В последние годы эти документы широко вводятся в научный оборот. В частности, опубликованы все решения Политбюро, касающиеся Польши и советско-польских отношений*, чрезвычайно важный и тщательно подготовленный труд посвящен взаимоотношениям СССР и приграничных государств**. Данная книга формировалась с учетом этих публикаций. В нее включены наиболее важные постановления по внешнеполитическим вопросам, касающиеся как двусторонних отношений СССР с европейскими странами, так и более общих проблем международной жизни в 1923—1939 гг.

* Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944 гг. / Ред. И.И.Костюшко. М., 1997.

** Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария / Часть 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. Санкт-Петербург, 2000.

1923—1925 гг.

Самый поверхностный взгляд на содержание «особых протоколов» заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) за 1923—1925 гг. позволяет обнаружить явную тенденцию: в них все меньше фигурируют вопросы, относящиеся к международному рабочему движению, все большим становится удельный вес проблем, связанных с развитием отношений с правительствами и даже отдельными фирмами капиталистических стран. Эта тенденция была обусловлена очевидными объективными факторами.

Прежде всего, окончательно выявилась неудача попыток организации широкого революционного движения по российскому образцу даже в странах, где внутривнутриполитическая напряженность достигала максимума (Германия, Болгария). С другой стороны, и правительства западноевропейских стран изменили свою политику в отношении советского государства, пошли на нормализацию отношений с ним (1924 г. получил название «года признаний»); для Советского Союза выявились возможности использовать западную технологию, кредиты, рынки.

Впрочем, советская пропаганда в этот период еще продолжала вещать о «мировой революции», а Политбюро порой рассматривало вопросы о помощи компартиям в организации насильственных акций против существовавших в их странах режимов. Однако в значительной мере это диктовалось инерцией или попросту соображениями межфракционной борьбы в руководстве РКП(б)—ВКП(б). Соответственно, речь шла не столько об объективной оценке ситуации и не о выборе наиболее эффективных путей и форм «революционизирования» внешнего мира, сколько о том, чтобы скомпрометировать соперников по правящей верхушке и набрать очки в борьбе за ленинское наследие.

Кстати, западные правительства неплохо научились к тому времени отделять «шум» от «сигнала» в советской внешнеполитической деятельности и пропаганде. В этой связи можно привести любопытное суждение, содержащееся в письме советского полпреда в Англии Х.Г.Раковского заместителю наркома иностранных дел М.М.Литвинову. Письмо не датировано, но можно заключить, что оно было написано в конце октября — начале ноября 1923 г., когда, казалось, вот-вот наступит «германский Октябрь», а британские «социал-предатели» в лице лидера лейбористской партии Макдональда, как бы не замечая «красной угро-

зы», вели курс на нормализацию отношений с Советской страной — «сеятелем смуты». Раковский писал: «Вас озадачивает, что попытки к переговорам делаются в такой обстановке, когда можно ожидать каждый день советской власти в Германии. Если судить по тому, что имеется в английской печати, эту «опасность» здесь недостаточно считают серьезной. Характерно, что единственные сообщения о предстоящей революции в Германии даются варшавскими и рижскими корреспондентами на основании того, что говорится у нас»^{*}.

В общем, и в вопросах отношений с «классовым противником» те или иные позиции, инициативы и реакции в советской правящей элите определялись в немалой степени не идеологическими и даже не государственными интересами, а соображениями все той же фракционной (а порой и личной) вражды и соперничества. Притом в сфере «нормальной дипломатии» на межгосударственном уровне можно было легче заработать политический капитал, чем путем конспиративных комбинаций, которые несли за собой шлейф провалов и судебных процессов против неудачливых заговорщиков (один из самых ярких и малоизвестных у нас примеров — так называемое «дело Чека» в Германии).

С другой стороны, и процесс нормализации отношений с «буржуазным миром» оказался отягощенным грузом нелегких проблем. Самой большой из них были претензии держателей российских финансовых обязательств и владельцев национализированных предприятий. Другой проблемой, которая портила отношения не только с правительствами, но и с широкими кругами западной общественности, были политические преследования в СССР. Была, наконец, проблема деятельности Коминтерна, зарубежных коммунистов и ее соотношение с политикой советского государства. Эти темы широко эксплуатировались экстремистскими силами на Западе, которые не останавливались перед прямыми подлогами и провокациями, чтобы сорвать налаживавшееся мирное сотрудничество двух систем. Примеры — инцидент с советским торгпредством в Берлине в мае 1924 г. или история с «письмом Зиновьева» в Великобритании в октябре—ноябре того же года.

В ответ советской стороной применялись разные меры. Порой это были грубые акции в духе заповеди «зуб за зуб» (так, в ответ на «процесс Чека» было инсценировано дело «немецких студентов-фашистов», ставшее прообразом последующих показательных судов над «вредителями»). Порой ответные акции носили более адекватный характер (удалось, например, с определенным моральным выигрышем урегулировать инцидент с берлин-

^{*} РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 25—26.

ским торгпредством). Порой советская дипломатия проявляла достаточную гибкость в поисках компромиссов в самых сложных и казалось бы нерешаемых ситуациях — как это было в ходе лондонских переговоров по урегулированию российской задолженности. «Особые папки» в этом отношении добавляют немало к нашему знанию техники принятия внешнеполитических решений, позиции различных представителей руководства СССР по актуальным европейским проблемам.

Был и еще один момент, характерный именно для периода 1923—1925 гг., когда внутрипартийный режим (по крайней мере, на «высшем уровне») еще не приобрел характера единоличной диктатуры Сталина, когда еще наблюдались столкновения мнений, а дипломатам давалась известная свобода в интерпретации тех директив, которые формулировались в Политбюро. Полпред Раковский мог выразить сомнения в решении «инстанции» и выразить его в письме к непосредственному начальнику Литвинову, а тот мог позволить себе в беседе с английским дипломатом посоветовать на то, что «усиление Компартии Германии радует Коминтерн, но затрудняет работу НКИДа». Решения Политбюро засвидетельствовали тот факт, что руководители НКИД — Чичерин и тот же Литвинов при случае достаточно решительно протестовали против грубых попыток ОГПУ вмешиваться в сферу дипломатии (как это было в деле «студентов-фашистов»).

Имелись и такие разительные факты, которые трудно было бы себе представить в последующие годы: реальная деятельность советских переговорщиков порой шла вразрез с директивами «инстанции», как это случилось на последнем этапе англо-советской конференции по выработке «Общего договора», который был подписан 8 августа 1924 г., став своего рода вершиной деятельности советской дипломатии того периода. Задним числом Политбюро выразило формальное недовольство слишком большой уступчивостью советской делегации, но его последующие директивы по развитию советско-английских отношений фактически исходили как раз из достигнутого компромисса и предусматривали даже возможность дальнейших уступок. Такой своеобразный «двойной язык» партийных решений за указанные годы следует учитывать.

Очень сложно на основании анализа «особых папок» распределить тогдашних руководящих деятелей ВКП(б), как участников заседаний Политбюро, так и тех, кто вызывался туда «на ковер», по шкале «жесткость-мягкость». Даже когда приводятся тексты поправок к обсуждавшимся документам, либо когда в тексте решения осуждается точка зрения того или иного лица, далеко не всегда ясно, о чем, собственно, идет речь.

В качестве общего знаменателя взглядов советского руководства можно назвать явное и глубокое неприятие сложившейся в Европе международной системы, идею необходимости и неизбежности ее кардинального изменения. Особенно это относилось к ситуации в Восточной Европе. Интересные мысли высказывал в этой связи один из советских дипломатов того времени Х.Г.Раковский, наиболее склонный к теоретическим обобщениям. В своей записке от 21 ноября 1924 г., наряду с известными и широко популяризируемыми задачами советской внешней политики («укрепление и поднятие нашего социалистического хозяйства»; «обеспечение Союза от всевозможных интервенций»; «содействие рабочему классу всех стран в борьбе за захват политической власти»*), он формулирует и такую: «приобщение к Союзу насильственно оторванных от него и аннектированных различными нашими соседями национальных групп (украинцев, белорусов и проч.)».

Еще более широкие цели ставил замнаркома Литвинов. В предназначенном для узкого круга советского руководства меморандуме (его основные моменты можно понять из текста цитированной выше записки Раковского, которая представляет собой что-то вроде рецензии на документ Литвинова) была сформулирована программа восстановления суверенитета СССР не только над отторгнутыми территориями Украины и Белоруссии, но и над странами Балтии. Раковский полемизировал с этой установкой Литвинова, но следует заметить, что его критика касалась в первую очередь оценки приоритетов: если замнаркома имел в виду усиление давления на страны Балтии при некотором улучшении отношений с Польшей, то его оппонент, напротив, считал, что основным объектом советского нажима должна быть Польша, и ради изоляции последней следует вести крайне осторожную политику в Прибалтике**.

Очевидно, в контексте этой полемики (разумеется, надежно укрытой от глаз общественности) можно лучше понять и постановления, касающиеся Прибалтики и Польши (а также, в какой-то части и Германии). Можно сказать, что сталинская дипломатия 1939—1940 гг. как бы «интегрировала».

Возвращаясь к упомянутому «теоретическому спору» в советской внешнеполитической элите, можно констатировать и еще один момент: Раковский, которому зачастую приписывалась

* Характерно, что эта задача поставлена им на последнее место и конкретизируется в пожелании уделять больше внимания международному рабочему законодательству, проблемам эмиграции и т.д. никак не в попытках организации вооруженных восстаний.

** РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л.303—305.

склонность к «революционной» дипломатии, оперирует в своей записке сугубо традиционными понятиями «баланса сил», блоковых комбинаций и исторических стереотипов в духе дипломатии XIX в. То же характерно и для попыток внешнеполитического анализа, который предпринимался на более низких ступенях советской внешнеполитической иерархии. К примеру, представитель отдела дипломатической информации НКВД в Берлине К. Лапинский в письме К.Б. Радеку от 6 октября 1925 г. характеризует Англию как «главного Штеренфрида (от немецкого «Störenfried» — «угроза миру, сеятель смуты». — А.Ф.) в Европе и Азии» и употребляет такие «внеклассовые» понятия, как «русофилия», «восточная и западная ориентация», «глупая толпа», а совершавший тогда поездку по странам Европы нарком Чичерин предстает у него в образе «живого ангела мира»*. Разумеется, в «особых папках» другой стиль формулировок, но в принципе они отражают тот же акцент на заповедях силовой дипломатии, с чисто формальным соблюдением «политической корректности» в духе господствующей идеологии.

Как можно судить по особым протоколам Политбюро, политические решения, принимавшиеся тогдашним советским руководством, отражали сложившиеся у него представления, известные уже по опубликованным документам советской внешней политики и соответствующих западных сборников: главный «противник» в общеевропейском масштабе — Англия, менее однозначный фактор — Франция, главная «угроза миру» на западной границе СССР — Польша, наиболее ценный партнер — Германия, возможные «вспомогательные» партнеры — Италия (в континентальном контексте), Литва (в региональном).

Те же материалы показывают, однако, что эти представления не оставались статичными, застывшими. «Антианглийский аффект» в советской внешнеполитической доктрине проявлялся не всегда. Материалы «особых папок» показывают, что в период деятельности правительства Макдональда имела место скорее «проанглийская» ориентация. Франция и даже Германия (несмотря на рапальскую политику) на протяжении почти всего 1924 г. были как бы на периферии внимания. Положение меняется после кампании с «письмом Зиновьева» и приходом к власти консервативного правительства Болдуина—Чемберлена. После краха первоначальных надежд на то, что «англичане одумаются», начинаются поиски подходов к Франции (весна 1925 г.) и активизация советско-германского диалога (начиная с конца 1924 г.).

* РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 23. Л. 9.

Советской дипломатии не удалось заблокировать вступление Германии в Лигу Наций, но зато было заключено советско-германское торговое соглашение (ход соответствующих переговоров многократно рассматривался на Политбюро) и началось обсуждение вопроса о заключении полномасштабного политического договора (он был подписан в 1926 г.). Удалось ограничить ущерб от процессов по делам «Чека» и «студентов-фашистов». Развивалось (хотя и не без трудностей) сотрудничество в военной области.

На пути улучшений отношений с Францией объективных препятствий было, по-видимому, больше, чем с Англией или Германией. Во Франции многочисленнее была группировка вкладчиков российских ценных бумаг, объемнее их претензии на возмещение; остро стояли проблемы с российским имуществом, секвестрованным французскими властями. Четкой линии в отношении Франции выработать не удалось. Материалы Политбюро обнаруживают колебания в выборе методов дипломатии — от жестких директив полпреду до дезавуирования его предложений о выдвигании «ультимативных» требований.

Решения Политбюро подтверждают очевидную уже из опубликованных материалов в серии «Документы внешней политики СССР» неопределенность советских представлений об «итальянском факторе». Предпринятая на рубеже 1924—1925 гг. попытка оживления советско-итальянских отношений (фашистский террор не был препятствием с точки зрения лидеров СССР) кончилась ничем.

Что касается Польши, то в 1924 г. имелись, судя по всему, какие-то расчеты на установление более ровных отношений с этим крупнейшим западным соседом СССР, однако затем наметилось явное охлаждение. С начала 1925 г. Польша все более фигурирует в «особых папках» как главный организатор антисоветских интриг, в частности, в Прибалтике.

На уровне зондажей осталась плодотворная, в принципе, идея налаживания отношений с Литвой — государством, которое стало жертвой силовой политики со стороны Польши и ее покровителей из лагеря западных держав и которая проявляла готовность к сближению с СССР.

В целом, особые протоколы заседаний Политбюро за 1923—1925 гг. ярко показывают как достижения, так и трудности в переходе от «революционной» к «нормальной» внешней политике и дипломатии. Противоречия в этих подходах, осложнявшиеся межфракционной борьбой, давали о себе знать и в последующий период.

Из протокола № 9
31 мая 1923 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

В. Об англо-русском конфликте (т. Чичерин)¹.

П о с т а н о в и л и :

1. Послать т. Красину телеграмму о том, что ввиду явного стремления английского правительства порвать, он должен сосредоточить все свое внимание на своей прямой задаче ликвидации торгпредства и может входить в сношения с английским правительством только по прямому поручению из Москвы и только в пределах, даваемых Москвою.

2. Поручить НКИД составить ответную ноту, в которой указать на невозможность с нашей стороны идти на дальнейшие уступки².

3. Согласиться на подписание предложенного англичанами формуляра на началах полной взаимности³.

4. В вопросе о тральщиках указать на то, что мы остаемся при прежнем толковании⁴.

5. По вопросу о возмещении Дэвиссона и Стен-Гарта согласиться уплатить за двух. Что касается распространения возмещения на другие аналогичные случаи, согласиться только на условии взаимности. Принять цифры возмещения: 9 и 3 тысячи⁵.

6. По вопросу о послах отвергнуть односторонний отзыв, повторить нашу готовность расследовать действия наших послов и указать на необходимость в этом взаимности⁶.

7. Общий тон ноты должен быть таков, чтобы оставить впечатление, что эта нота не последняя.

8. Продолжать настаивать на созыве конференции⁷.

9. Отметить, что выставлены новые требования со стороны английского правительства и что Англопра делает попытку одностороннего регулирования расчетов.

10. Основным в ноте сделать момент, указывающий на то, что общественное мнение в России понимает дело так, что Англопра предрешило разрыв, причем сослаться на то, что после каждого ряда уступок со стороны Совпра Англопра выдвигает новые ультимативные требования, как бы боясь, что предрешенный им заранее разрыв может не состояться, ввиду чего общественное мнение в России всю ответственность за возможный разрыв возлагает на Англопра.

11. Поручить НКИД составить проект ноты, разослать к субботе и обсудить его на специально созванном заседании Политбюро в понедельник 4 июня.

12. Меморандум Керзона опубликовать немедленно после его опубликования за границей, поручив редакциям газет открыть самую острую кампанию, направленную против англ[ийских] требований. Таковую же кампанию поручить организовать парткомам⁸.

13. Поручить Президиуму ВЦСПС обратиться с соответствующим воззванием к Рабочей партии. Составление воззвания поручить т. Чичерину⁹.

14. Включить в ответную ноту заявление о том, что беседы Красина ни в коем случае не могут заменить тех переговоров между уполномоченными обоих правительств, о которых говорило Совпра в двух предыдущих своих нотах и на которых оно настаивает теперь¹⁰.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 1—2.

Примечания:

¹ Вопрос об обострении советско-английских отношений в связи с так называемым «ультиматумом Керзона» неоднократно обсуждался на заседаниях ПБ, начиная с 11 мая по 18 июня 1923 г. (см.: Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний / Т. 1. 1919—1929. М., 2000. С. 218—226), однако в «особую папку» попало лишь решение от 31 мая, отразившее результаты обсуждения очередного меморандума английского правительства от 29 мая. Его содержание было расценено как признак ужесточения позиции английской стороны и ее намерения обострить конфликт.

² Нота Советского правительства, датированная 4 июня, переданная в МИД Великобритании 9 июня и опубликованная в советской печати 12 июня, содержала ряд существенных уступок требованиям английской стороны и носила подчеркнуто примирительный характер. (См.: Документы внешней политики СССР (далее: ДВП. Т. VI. С. 334—338.). В ответной ноте от 13 июня британское правительство выразило удовлетворение этими уступками и предложило прекратить дальнейшую переписку по данному поводу (ДВП. Т. VI. С. 338—339).

³ По-видимому, речь идет об английском проекте совместной декларации о запрещении враждебной пропаганды, приложенном к ноте от 29 мая. См.: ДВП. Т. VI. С. 330.

⁴ Еще до «ультиматума Керзона» английская сторона выражала протесты против задержания советскими пограничниками английских траулеров, промышлявших в пределах 12-мильной зоны у советского побережья. Англичане настаивали на том, что границы территориальных вод ограничиваются трехмильной зоной и отказывались признать законность декрета Советского правительства от 24 мая 1921 г., согласно которому эта зона расширялась до 12 миль. В советской ноте от 23 мая 1923 г. выражалась готовность «временно» разрешить британским рыбакам промысел в пределах 12-мильной зоны при условии оформления этого урегулирования в виде особой двусторонней конвенции. Английская сторона считала достаточным простой обмен нотами. В ноте от 4 июня советская сторона заявила о «го-

товности пойти навстречу точке зрения Британского Правительства, не настаивая на конвенции». См.: ДВП. Т. VI. С. 279—284, 326—327, 334.

⁵ Речь шла о выплате компенсации английской гражданке Стэн Гардинг, арестованной советскими властями и затем отпущенной, а также вдове расстрелянного английского гражданина Дэвисона. В ноте от 29 мая английская сторона впервые назвала конкретные суммы «отступного»: «3000 ф.ст. по иску г-жи Стэн Гардинг и 10000 ф.ст. по иску г-жи Дэвисон». В ответной ноте от 4 июня Советское правительство заявило о согласии выплатить требуемые суммы в полном объеме. См.: ДВП. Т. VI. С. 327, 334.

⁶ Англичане требовали отзыва советских полпредов в Афганистане и Иране — Раскольников и Шумяцкого. В конечном счете они удовлетворились информацией советской стороны о том, что Раскольников «переведен на другую работу», а Шумяцкову даны указания не вмешиваться во внутри-иранские дела.

⁷ Речь шла об открытии переговоров по установлению полномасштабных договорных отношений между двумя странами. Они начались только в апреле 1924 г. (см. документ № 6).

⁸ Текст ноты, или «меморандума» английского правительства от 29 мая 1923 г. был опубликован в советских газетах 1 июня 1923 г. Его сопровождали довольно резкие комментарии. См., например: Стеклов Ю. Разыгрались аппетиты // Известия. 1923. 1 июня (передовая статья). В последующие дни тон полемики стал более спокойным.

⁹ См. обращение «Рабочей партии и генеральному совету трэд-юнионов Англии» от имени «расширенного заседания пленума ВЦСПС» // Известия. 1923. 2 июня.

¹⁰ См.: ДВП. Т. VI. С. 338.

№ 2

Из протокола № 27 22 августа 1923 г.

С л у ш а л и :

п. 23. О международном положении (ПБ от 9.VIII.23 г., пр. № 22, п. 1) (тт. Зиновьев, Радек, Троцкий, Бухарин, Пятаков).

П о с т а н о в и л и :

1) На основании имеющихся в ЦК материалов, в частности, на основании писем товарищей, руководящих германской компартией, ЦК считает, что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть.

2) Признать, что вся работа, не только ГКП и РКП, но и всего Коммунистического Интернационала должна соотноситься с этим основным фактом.

3) В соответствии с этим ЦК поручает делегации РКП в Коминтерне разработать все основные выводы, вытекающие из со-

здавшегося международного положения и внести их на утверждение Политбюро.

4) В связи с этим же, очередные задачи РКП:

а) политическая подготовка трудящихся масс Союза республик к грядущим событиям;

б) мобилизация боевых сил республики (в частности, рассмотрение вопроса, поставленного тов. Брандлером);

в) экономическая помощь германским рабочим;

г) соответствующая дипломатическая подготовка.

Для разработки этих последних вопросов создать комиссию в составе тт. Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека, Чичерина. Созыв за т. Зиновьевым. Этой же комиссии поручить разработку проекта закрытого письма губкомам и тезисов для газетной кампании.

5) Все решения комиссии довести до сведения членов Политбюро, и, в случае отсутствия возражений, считать их решениями Политбюро.

б) Поручить Секретариату организовать ознакомление членов ЦК с этими решениями¹.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 4—5.

Примечание:

¹ Постановление отразило результаты обсуждения вопроса о перспективах революции в Германии, которое проходило на заседании ПБ 21 августа. Судя по имеющейся стенограмме этого обсуждения (Источник. 1995. № 5. С. 120—127), все его участники, за исключением Рыкова, так или иначе высказались за то, чтобы ориентировать КПГ на вооруженный захват власти. Еще до принятия этого постановления, 13 августа, в Германию прибыл специальный эмиссар Коминтерна А.Я.Гуральский для военно-технической подготовки восстания (подробнее о нем: Пантелеев М.М. Авантюрист или политический деятель? // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 121—130). Материалы стенограммы заседания 21 августа, а также предшествующей переписки руководящих деятелей РКП(б) и Коминтерна показывают, что наиболее радикальную линию представляли Зиновьев и Бухарин, которые еще 25 июля в ответ на запрос ЦК КПГ послали директиву, нацеливавшую немецких коммунистов на немедленное столкновение с властями. Эта директива была задержана Радеком и Куусиненом и затем отменена решением ЦК, которое поддержали и Сталин, и Троцкий. Последний считал, что восстанию должна предшествовать приостановка демобилизации Красной Армии, поскольку собственными силами немецкие коммунисты не смогут захватить и тем более удержать власть. Эта его установка нашла отражение в пункте постановления о «мобилизации боевых сил» Советской России. В постановление не вошел предлагавшийся Троцким пункт о назначении «календарного срока» восстания. Его текст отразил более осторожную формулу Сталина о разработке «условной календарной программы».

№ 3

**Из протокола № 36
27 сентября 1923 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.
Ж. О Болгарии (т. Зиновьев)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить первые четыре пункта постановления болгарской комиссии (см. особую папку), поручив Секретариату ЦК проверить состав указанных в п. 4 товарищей с точки зрения их соответствия целям, для которых они согласно предложений комиссии предназначаются.

б) Продлить существование комиссии, пополнив ее одним из членов Секретариата ЦК по определению Секретариата.

Приложение

ПРОТОКОЛ БОЛГАРСКОЙ КОМИССИИ

Присутствовали: Склянский, Сапунов и Пятницкий.

С л у ш а л и :

Об образовании непосредственной связи с Болгарией из портов Черного моря.

П о с т а н о в и л и :

1. Послать на разведку тов. Чочева (бывшего заведующего связи между КПБ и ИККИ) и тов. Георгиева из Бургаса в Болгарию из Севастополя на истребитель (истребитель не доходит до берегов Болгарии, а останавливается недалеко от берега. Вышеназванные товарищи отправятся на лодке до берега).

2. Сейчас же послать 10 коммунистов болгар, военных (офицеров и летчиков) в Севастополь. Если окажется, что какой-нибудь прибрежный город находится в руках восставших, то все военные товарищи, кроме летчиков, отправляются в Болгарию, летчики же устанавливают связь между югом России и Болгарии на аэроплане.

3. Оружие, которое еще лежит в Севастополе с прошлого года, приготовленное для Болгарии, послать немедленно, как только будет установлена связь.

4. Болгарские коммунисты (по словам Сапунова, их около 120 человек), которые находятся в Москве и других городах России, немедленно, как только будет установлена связь, посылаются в Болгарию вооруженными. Список составляется секретарем ЦК РКП при участии тов. Сапунова.

5. Дальнейшие шаги обсудить после того, как получатся более подробные сведения из Болгарии.

Москва. Сентября 26 дня 1923 г.

Пятницкий, Сапунов².

Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 15, 16.

Примечания:

¹ Речь идет о мерах по поддержке вооруженного восстания, которое болгарские коммунисты подняли с целью свержения режима Цанкова. Решение о вооруженном восстании было обусловлено репрессивными мерами, принятыми властями против коммунистов. 12 сентября 1923 г. были закрыты все помещения парторганизаций БКП, проведены массовые аресты ее руководителей. Восстание началось 22 сентября 1923 г. и охватило ряд областей западной и северо-западной Болгарии. Оно было подавлено после недели упорных боев.

² На документе имеются пометы: «ОП. Тов. Сталину», «См. пост. ПБ от 27/IX. 23 г. пр. № 36», «Товарищ Склянский согласен со всеми предложениями».

№ 4

Из протокола № 38

4 октября 1923 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы комиссии ПБ по международным делам¹ (т. Зиновьев).

П о с т а н о в и л и :

1. Решения комиссии утвердить.

2. Предложить посылаемым товарищам дать себе ясный отчет в том, что главной опасностью в настоящий момент является несоответствие между революционной ориентировкой верхушки германской компартии с одной стороны и объективным положением и настроениями рабочих масс с другой стороны и что вытекающей отсюда наиболее острой и неотложной задачей подготовки к восстанию является постановка перед верхушкой ГКП определенного срока и переориентировка ее в смысле подготовки восстания к этому сроку.

3. Согласиться с комиссией в вопросе о назначении срока — 9 ноября с.г.

4. Приложить все политические и организационные усилия к тому, чтобы этот срок был соблюден.

5. Утверждая постановления комиссии, считать, что намеченный срок решающего выступления, разумеется, является лишь ориентировочным и что вопрос окончательно должен быть

решен на месте германской компартией. Возможность откладывания отнюдь не должна служить предлогом для каких бы то ни было попыток сузить размах работы или уклониться от поставленных в упор задач подготовки восстания. Следует помнить, что по ходу событий возможно, что возникнет необходимость назначить решающее выступление и раньше предусмотренного срока.

6. Политбюро считает, что отправка тт. Троцкого и Зиновьева в Германию абсолютно невозможна в настоящий момент. Политбюро считает, что таковой же была и воля Пленума ЦК (если в последнем кто-либо из членов Политбюро сомневается, то Политбюро должно немедленно провести опрос всех членов ЦК). Возможный арест названных товарищей в Германии принес бы неисчислимый вред международной политике СССР и самой германской революции. Задачи, стоящие перед СССР в связи с надвигающимися событиями, и организация активной помощи германской революции, требуют непременного пребывания этих товарищей в СССР. С другой стороны, намеченная группа цекистов дает достаточные гарантии серьезной помощи германским товарищам.

7. Послать в Германию тт. Пятакова, Радека, Рудзутака и Куйбышева².

8. С этими постановлениями ознакомить немецких товарищей.

9. Предрешить, что члены указанной четверки с 5.X.c.g. освобождаются от выполняемой ими в настоящее время работы. Поручить Секретариату ЦК в течение сегодняшнего дня (4.X.) решить вопрос о временной (хотя бы до следующего заседания ПБ) замене членов четверки на выполняемой ими работе.

10. Поручить четверке совместно с членами комиссии ПБ по международным делам, не входящими в четверку, обсудить вопрос о своей линии поведения и внести свои предложения на утверждение Политбюро.

11. Предложить четверке решить по приезде в Берлин вопрос о привлечении к ее работе т. Крестинского, и в случае возможности соблюдения необходимой конспирации, привлечь т. Крестинского к участию в работе четверки, предоставляя ему на всех или некоторых своих совещаниях решающий голос.

12. Вопрос о хлебе для Германии отложить.

13. Увеличить особый фонд на 500.000 зол[отых] рублей.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 17—18.

Примечания:

¹ См. документ № 2.

² Решение о включении в «четверку» Рудзутака не было выполнено из-за болезни последнего; вместо В. В. Куйбышева в ее состав был включен нарком труда В.В.Шмидт (см. документ № 5).

**Из протокола № 40
18 октября 1923 г.**

С л у ш а л и :

п. 16. Вопросы комиссии ПБ по международным делам (ПБ 11.X., № 39, п. 26)¹ (т. Зиновьев).

П о с т а н о в и л и :

а) Указать нашему торгпредству в Берлине, что им было проявлено недостаточно внимания и энергии в важнейшем деле снабжения хлебом.

б) Возложить на тт. Фрумкина, Крестинского и Стомонякова ответственность за правильную постановку этого дела.

в) Обязать т. Фрумкина наблюдать за своевременной отправкой хлеба и устранением всех препятствий к ней, обязав т. Фрумкина регулярно представлять в комиссию ПБ по международным делам краткие сообщения о ходе дела.

г) Предложить т. Фрумкину договориться т. Куйбышевым относительно отправки квалифицированного продовольственника в Германию.

д) Обязать т. Уншлихта оказать всяческое содействие по своей линии делу распределения доставленного хлеба.

е) Обязать представителей Коминтерна в Германии озаботиться о немедленном выделении герм[анской] компартией представителя для сношения по всем хлебным операциям.

ж) Предложить тт. Крестинскому и Стомонякову в срочном порядке представить свои соображения о пунктах и сроках доставки хлеба и о юридической стороне дела.

з) Поручить т. Фрумкину все количество хлеба, ассигнованного в советском порядке, отправить в самый кратчайший срок, т.е. не позже 1 ноября (не менее 10 мил. пудов)².

и) Отменить постановление ПБ о посылке т. Куйбышева в Германию³.

к) Назначить четвертым представителем Коминтерна в Германии т. Шмидта В., предложив ему выехать в Германию по соглашению с комиссией ПБ по международным делам.

л) Провести в советском порядке освобождение т. Шмидта от работы и звания Наркома труда.

м) Поручить Оргбюро обсудить замену т. Шмидту на посту Наркомтруда.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 21—22.

Примечания:

¹ 11 октября 1923 г. Политбюро поручило рассмотреть вопрос комиссии Политбюро по международным делам доложить о своем решении на следующем заседании ПБ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 387. Л. 6).

² Восемь первых пунктов («а»—«з») постановления представляют собой внешне радикальную ревизию пункта 12 предыдущего постановления (см. документ № 4), которым решение вопроса «о хлебе для Германии» откладывалось. Рассмотрение этого вопроса на ПБ было, очевидно, вызвано направленной в Москву 14 октября 1923 г. жалобой руководства германской компартии на советского торгпреда в Берлине Б.С.Стомонякова. Немецкие коммунисты писали, в частности, что «на наши два запроса относительно находящихся в распоряжении количеств хлеба мы не получили до сего дня никакого ответа», что со стороны торгпредства имеет-де место «саботаж Германской Революции». В своем объяснении, отправленном в «ЦК РКП, т. Сталину» 17 октября, торгпред охарактеризовал конфликт как «склоку»; по его словам, никаких запросов он не получал и в свою очередь обвинил представителей КПГ (депутатов прусского ландтага Каца и Унфрида, члена городского собрания Галле Килеана, министра экономики в коалиционном правительстве Саксонии Беттхера) в нарушении элементарных правил конспирации и «несерьезном отношении к делу»: «они ведут себя так, что прежде чем наступят решающие события, они провалят дело и будут перестреляны как куропатки» (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 39—42). 1 ноября Политбюро приняло новое постановление: «Освободить НКВТ от возложенного на него обязательства доставить 10 милл. пудов хлеба в Германию, разрешив НКВТ использовать уже доставленный хлеб так, как НКВТ найдет нужным» (Там же. Л. 23). Это решение было явной реакцией на провал планов КПГ по организации вооруженного восстания, ставший очевидным после оккупации Саксонии рейхсвером 20 октября и разгона там коалиционного правительства левых социал-демократов и коммунистов 29 октября.

29 ноября 1923 г. на ПБ был рассмотрен вопрос «Заключение ЦКК о втором заявлении т. Стомонякова». Было принято следующее решение: а) Отменить постановление Политбюро от 18.X. с.г. о т. Стомонякове. б) Указать т. Стомонякову, что им была допущена ошибка в инциденте с приемом членов ландтага» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 34).

³ См. документ № 4.

№ 6

Из протокола № 84 8 апреля 1924 г.

С л у ш а л и :

п. 33. О дополнительной директиве по переговорам с Англией¹.

(Пост. ПБ от 5. IV. 24, пр. № 83, п. 1-Е) (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение тов. Литвинова с поправками тов. Сталина (см. приложения № 1 и 2).

Приложение № 1

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОВ. ЛИТВИНОВА

1. Предложить делегации немедленно прислать в Москву точные переводы английских законов об облегчении внешней торговли и экспортных кредитов, вместе со всеми поправками, внесенными за последние годы в эти законы, и сообщить подробности латвийского займа. Тем временем делегация ни в коем случае не должна соглашаться на подведение требуемого нами займа под эти законы².

2. Предложить делегации ни в коем случае не приглашать в Москву ни Эркарта, ни других концессионеров, а повести с ними переговоры в момент, который определит делегация, от имени лондонской концессионной комиссии, которой можно послать на помощь кого-либо из Москвы. Главконцесскому необходимо поручить срочно выработать новые условия соглашения с Эркартом и другими концессионерами³.

3. Поручить Главконцесскому в самом срочном порядке заняться составлением проектов концессионных договоров по тем английским предприятиям, которые ВСНХ предназначены к сдаче в концессии. Проекты должны быть согласованы со всеми ведомствами и одобрены Госпланом и Политбюро, прежде чем они будут предложены концессионерам. Дать на это Главконцесскому сроку три-четыре недели.

4. Предложение т. Красина о затребовании у английского правительства наших архивов и нужных нам документов по расчетам возражение ни у кого не вызовет, поскольку это осуществимо. Фактически без судебных процессов или частных сделок с царскими чиновниками, у которых документы находятся, добиться этого нельзя будет, административной власти английского правительства для этого недостаточно.

Приложение № 2

ПОПРАВКИ ТОВ. СТАЛИНА К ПРЕДЛОЖЕНИЮ Т. ЛИТВИНОВА

1) Предрешить необходимость поездки т. Литвинова в качестве члена делегации в Лондон, несмотря ни на какие протесты английских консерваторов, в срок, подлежащий определению Политбюро⁴.

2) Четвертый абзац предложений т. Литвинова превратить в четвертый пункт, сформулировав его примерно таким образом: «затребовать у английского правительства наши архивы и нужные нам документы по расчетам, или, во всяком случае, прямого содействия английского правительства в получении нами архивов и документов, мотивируя это требование тем, что в противном случае мы лишаемся возможности вести нормально перего-

воры и дать точные ответы на ряд вопросов другой стороны, связанных с расчетами»⁵.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Чичерину, Раковскому, Пятакову.
Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 48—50.

Примечания:

¹ 5 апреля 1924 г. Политбюро поручило Литвинову «выделить из записки т. Красина, что надлежит голосованию членов Политбюро в качестве дополнительной директивы делегации по переговорам с Англией, и внести на голосование членов Политбюро опросом по телефону» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 431. Л. 2). Предметом советско-английских переговоров, которые начались 14 апреля 1924 г., были вопросы, оставленные открытыми при установлении дипломатических отношений между обеими странами 1 февраля 1924 г. Для английской стороны это были прежде всего проблемы российских долгов и компенсации собственникам национализированных предприятий, для советской — получения кредитов на восстановление и развитие народного хозяйства. Переговоры завершились подписанием 8 августа 1924 г. двух договоров — общего и торгового. Эти договоры не содержали окончательного урегулирования указанных проблем, однако определяли согласованные рамки и пути их решения. Тексты договоров см.: ДВП. Т. VII. С. 609—636.

² Глава советской делегации на переговорах — Х.Г.Раковский — считал, что тактически целесообразно было бы начать конференцию с выдвижения «малой программы» экономического сотрудничества, в рамках которой предусматривалось, в частности, добиваться распространения на СССР кредитных льгот, предусматривавшихся английским «законом о поощрении экспортной торговли» («Trade Facilities Act»). Раковский отдавал себе отчет в том, что размеры кредитов на основе этого закона не могли быть сколь-нибудь крупными (не более 5 млн. фунтов), однако, достижение соглашения об открытии этой кредитной линии могло, по его мнению, облегчить прохождение вопроса о большом займе. Публикуемой директивой такая тактика ведения переговоров по существу отклонялась. Раковский неоднократно (в частности, в письмах Литвинову 16 и 30 апреля) просил разъяснить, «распространяется ли данная запретительная директива и на малую программу», но внятного ответа он так и не получил и высказал в этой связи ряд критических замечаний в адрес замнаркома. (РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 134, 159). Критика, очевидно, возымела действие, поскольку, как свидетельствуют английские документы, советская сторона в ходе переговоров поставила вопрос о двух займах на основе «Trade Facilities Act»: на поставку морских судов (2 млн. ф.) и сельхозмашин (100 тыс. ф.). Эти запросы были отвергнуты, кстати так же, как и упомянутые в тексте решения ПБ просьбы о займах со стороны Латвии (См.: Documents on British Foreign Policy (далее: DBFP) 1919—1939. First Series. Vol. XXV. L. 1984. P. 374, 546). Тем не менее в «Договоре о торговле и мореплавании», заключенном 12 августа 1924 г. предусматривалось распространение на СССР льгот по упомянутому английскому законодательству (ДВП. Т. VII. С. 625—626).

³ Лесли Эркарт (Lesley Urquhart; фамилия транскрибируется также, как Уркварт или Уркарт) являлся президентом Ассоциации британских кредиторов России. Он выражал принципиальную готовность решить вопрос о погашении российских долгов путем предоставления концессий. Глава советской делегации Раковский первоначально считал, что контакты с представителями английских кредиторов по тактическим соображениям форсировать не следует. В письме Литвинову от 16 апреля он сообщал, что «Уркарт держится в тени» и что «в данный момент всякая попытка каких бы то ни было косвенных переговоров (с ним) может нам быть только помехой». (РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 141). Вместе с тем, в письме Литвинову от 30 апреля Раковский выражал недовольство дальнейшей проволочкой, чреватой провалом переговоров: «Во вчерашнем Вашем письме Вы сообщаете, что об Уркварте будет решен вопрос лишь 8-го мая. Я нахожу, что Москва не спешит. При обыкновенном темпе работы в Концесском договоре, по поводу которых было вынесено постановление Бюро, получатся, пожалуй, в конце июня. До этого времени, я боюсь, все будет закончено, и не трудно предугадать, в каком смысле. Я нахожу, что не уделяется необходимое внимание на то, чтобы нам здесь была дана возможность довести это трудное дело до благополучного результата» (Там же. Л. 166).

⁴ Литвинов был в 1918 г. депортирован из Великобритании, и в 1924 г он все еще считался нежелательным визитером (DBFP. Vol. XXV. P. 364). Литвинов прибыл в Лондон 5 июня. 19 июня он встретился с Макдональдом (DBFP. Vol. XXV. P. 543). На встрече присутствовал также Раковский.

⁵ Данная поправка также нацеливала советскую делегацию на усиление «нажима» в отношении партнеров по переговорам. Между тем, судя по информации Раковского, английская сторона в данном вопросе и без того шла навстречу советской позиции, признав право СССР на архивы российского посольства и генконсульства (РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 137, 165). Хранители этих архивов, М.Е.Саблин и М.А.Ону отказались однако передать их советским представителям; последовало, как и прогнозировалось в первоначальном проекте, судебное разбирательство, которое завершилось лишь 13 мая 1925 г. признанием обоснованности советского иска (См.: DBFP. Vol. XXV., 308. P. 654—656).

№ 7

Из протокола № 87 5 мая 1924 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Об инциденте в Берлинском торгпредстве (тт. Чичерин, Литвинов, Аванесов)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить НКВД послать т. Крестинскому телеграмму, в которой предложить торгпредство временно, по деловым мотивам, закрыть, и немедленно приехать в Москву для доклада пра-

вительству, если удовлетворение от германского правительства еще не получено².

б) Дать т. Раковскому подробную телеграфную инструкцию от НКВД (т. Чичерина), которая подробно освещала бы инцидент в Берлинском торгпредстве и выясняла бы вероятную его связь с желаниями известных немецких и французских кругов оказать давление на лондонские переговоры для затруднения положения Макдональда и усиления позиций ведущих на него атак консерваторов. Копию инструкции сообщить т. Крестинскому³.

в) Поручить т. Литвинову дать немедленно в печать интервью, в котором подчеркнуть, что вероятное значение инцидента заключается в блоке известной части германских и французских деловых кругов для срыва лондонских переговоров⁴.

г) Дать НКВД директиву открыть кампанию в печати в духе интервью т. Литвинова, и начать соответствующую кампанию в прессе других стран⁵.

д) Поручить тт. Чичерину и Литвинову вызвать сегодня же Ранцау для переговоров для соответствующего нажима⁶.

е) Отложить вопрос об ответе Пуанкаре⁷.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову, Аванесову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 52.

Примечания:

¹ 3 мая 1924 г. в здании советского торгпредства в Берлине был произведен обыск и были арестованы несколько его сотрудников по обвинению в содействии побегу арестованного немецкого подданного Боценгардта, являвшегося ранее сотрудником торгпредства и членом германской компартии (руководство КПГ объявило его провокатором). Полпред СССР в Германии Крестинский потребовал немедленного прекращения акции и объяснений от германского правительства. Позиция последнего не отличалась последовательностью: вначале был выдвинут тезис о «недоразумении», затем действия полицейских властей были объявлены полностью оправданными, а советские протесты — необоснованными, еще позднее в обращение вошла версия о «недисциплинированности» берлинской полиции, предпринявшей-де свою акцию без ведома правительственных инстанций, которые придерживаются прежней линии в отношении СССР и вовсе не намерены менять ориентацию в сторону сближения с Францией. Постоянным при этом оставался довод о том, что торгпредство СССР не располагает правом экстерриториальности, а его сотрудники — дипломатическим иммунитетом. В конечном счете инцидент был урегулирован советско-германским протоколом от 29 июля 1924 г. В нем констатировалось, что германское правительство «порицает» акцию полицейских властей и что руководивший ею полицейский чиновник отстранен от должности; советской стороне предлагалась компенсация за ущерб. Вместе с тем, советская сторона согласилась с «разделом» здания торгпредства, по которому статус экс-

территориальности был признан лишь за $\frac{3}{5}$ его площади; дальнейший статус торгпредства должен был быть определен в ходе последующих переговоров (ДВП. Т. VII. С. 232—240, 267—270, 409—411).

² Во исполнение данного пункта постановления полпред Крестинский и торгпред Стомоняков 7—8 мая выехали в СССР. 14 мая в советской печати было опубликовано сообщение о том, что торгпредство закрыто с момента совершенного на него налета; 17 мая было сообщено о дальнейших мерах по свертыванию экономических связей с Германией (Там же. С. 274, 286).

³ Советский полпред в Англии Раковский в письме Литвинову от 6 мая интерпретировал инцидент в несколько ином плане; по его мнению, немецкая сторона руководствовалась тремя мотивами: намерением «провалить коммунистов на выборах», «желанием понравиться французам» и расчетом на то, чтобы «сорвать наши переговоры с Англией, Бельгией и Голландией»; вместе с тем, Раковский усмотрел положительный эффект берлинских событий в том, что они подорвали пропагандистский миф о наличии тайного союза между СССР и Германией, направленного против Англии и Франции и таким образом скорее ослабили аргументы консерваторов против правительства Макдональда. О закулисной роли Франции в организации инцидента он не упоминал (РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 175—176).

⁴ 6 мая Литвинов выступил с заявлением для советской печати, где, в частности, охарактеризовал инцидент как «франко-германский заговор против Лондонской конференции» (ДВП. Т. VII. С. 253—256).

⁵ Эта кампания в печати началась в «Правде» 9 мая и в «Известиях» 10 мая 1924 г.

⁶ В своей телеграмме в МИД Германии от 6 мая Брокдорф-Ранцау отметил правомерность требований советской стороны «получить удовлетворение» в связи с инцидентом; в телеграмме от 11 мая он добавлял. «Германии, прежде чем идти на развод (т. е. на ухудшение отношений с СССР. — А.Ф.), следовало бы уяснить себе, что претендентов на ее руку и сейчас не так-то много, а у бедной разведенной женщины их будет еще меньше». См.: Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (далее: ADAP). Serie A 1918—1925. Bd. X (7. April bis 4. August 1924). Göttingen, 1992. S. 181, 189—190.

⁷ Имеется в виду, вероятно, выступление французского премьера в сенате 9 апреля 1924 г., где он впервые заявил о желательности нормализации советско-французских отношений, сопроводив это, однако, рядом предварительных условий (признание долгов, прекращение пропаганды и т. д.). Этот пункт постановления вскоре потерял практическое значение в связи с тем, что после состоявшихся 11 мая выборов во Франции к власти пришло правительство левого блока, выступавшее за безоговорочное признание СССР. Соответственно, идея франко-германского заговора была с советской стороны несколько приглушена. Так, в речи наркома внешней торговли СССР Л.Б. Красина на XIII съезде ВКП(б) 26 мая 1924 г. признавалась возможность того, что полицейская акция в Берлине была предпринята без ведома германского правительства и отражала лишь «надежды на сговор с Францией» со стороны неких неназванных германских политических кругов; о роли Франции вообще ничего уже не говорилось (ДВП. Т. VII. С. 317—324).

**Из протокола № 4
19 июня 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. Вопросы НКИД.

3. О Македонии (тг. Чичерин, Трилиссер, Коларов, Дмитриев, Уншлихт, Пятницкий, Милютин, Менжинский, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Подтвердить предыдущее решение Политбюро (пр. № 77, п. 1-в) по македонскому вопросу (см. приложение).

Текст приложения:

«Политбюро считает весьма вероятным революционное обострение кризиса в Б. и присоединяется в этом смысле к оценке возможных перспектив, данной Болгарской компартией и Коминтерном.

Политбюро считает, что болгарское революционное движение должно рассчитывать исключительно на внутренние революционные силы: болгарских рабочих и крестьян. В частности, Болгарская компартия должна иметь в виду, что СССР — ввиду общего положения вещей — вооруженной силой (или даже военной демонстрацией) болгарской революции в ближайшее время помочь не могла бы.

В отношении Югославии Политбюро рекомендует Болгарской компартии величайшую осторожность.

Тов. Уншлихту поручить провести подготовительную работу (10 тыс. винтовок и т. д.)»¹.

б) В вопросе о партизанских действиях согласиться с мнением большинства комиссии, признав мнение т. Милютина неправильным².

в) Считать желательным помещению в «Правде» общей принципиальной статьи, посвященной событиям на Балканах, и сообщения в «Известиях» в духе проекта, предложенного т. Чичериным (см. приложение).

г) Декларацию македонских автономистов опубликовать за их подписью.

Приложение

**ПРОЕКТ СООБЩЕНИЯ ОТ БЮРО ПЕЧАТИ НКИД
ИЛИ ИНСПИРИРОВАННОЙ СТАТЬИ В «ИЗВЕСТИЯХ»**

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения указывают на целый ряд в высшей степени важных новых фактов во внутреннем состоянии македонского революционного движения.

В официальном бюллетене внутренней Македонской революционной организации³ от 15-го марта было опубликовано сооб-

шение о начавшихся преследованиях против македонских революционеров со стороны правительства Цанкова. Несколько сот македонских эмигрантов, находящихся в Болгарии, были арестованы. Является ли этот разрыв между ВМРО и правительством Цанкова глубоким и окончательным покажет будущее. Во всяком случае рознь между ними с того момента все увеличивается, политика Цанкова по отношению к Югославии и к Франции становится все более дружественной. Связанное с ним прежде автономистское течение македонцев ищет новых путей. В том же номере бюллетеня МВРО были напечатаны сообщения о жестокостях сербского господства в Македонии и об ужасах, которым со стороны сербов подвергается македонское население. Македонское революционное движение выступает, таким образом, с этого момента в официальных изданиях МВРО, как борющееся и против болгарского, и против югославского правительства.

Этими обстоятельствами обуславливается все последующее развитие македонского вопроса. Происходит сближение на широкой базе между враждовавшими между собой македонскими течениями автономистов и федералистов, которых борьба в течение десятилетий сопровождалась убийствами и всякими актами насилия. В настоящее время наиболее сильное автономистское течение, находившееся в момент болгарского переворота в близких отношениях с Цанковым, громко заявляет о том, что все балканские правительства враждебны интересам македонского народа, и подчеркивает громадную положительную роль политики СССР для всех угнетенных национальностей, и в том числе для македонцев, и вместе с тем идет на примирение со своим прежним смертельным врагом течением федералистов. Внутри автономистского течения представляемое Тодором Александровым крыло, ближе всех стоявшее к Цанкову, выступает совместно с противоположным крылом Протогеровова и Чаулева, и они вместе идут на соглашение с федералистами.

Руководители ВМРО провозглашают, что в своей революционной борьбе за свободу Македонии она может рассчитывать только на крайние прогрессивные революционные движения в Европе, борющиеся против империализма. Ни одно из балканских правительств не мыслит об освобождении и объединении разрозненных частей Македонии, ни одно из них не действует в пользу самоопределения македонского народа. ВМРО заявляет, что правительство Цанкова ведет явно противомакедонскую и противоболгарскую политику вразрез с общими интересами своего собственного народа; аресты нескольких сотен македонцев в Болгарии, запрещение всех легальных печатных органов македонской эмиграции в Болгарии, защищающих македонскую освободительную борьбу, готовность правительства Цанкова по-

сягнуть на виднейших деятелей македонского освободительного движения для выдачи их Югославии вот, по словам ВМРО, последние яркие доказательства преступной политики софийского правительства. ВМРО заявляет, что рвет окончательно с иллюзиями свободы Македонии и создания балканской федерации через интервенцию балканских шовинистических и европейских империалистических правительств. Она заявляет, что только такие правительства могут претендовать быть искренними друзьями македонской свободы и балканских народов, которые в своей собственной политике дают достаточно доказательств того, что преследуют на деле осуществление принципа свободы и самоопределения народов. Одновременно она заявляет торжественно, что прекращает все преследования и отменяет все исполнительные меры и распоряжения против отдельных македонских деятелей, групп, организаций и течений, поскольку те искренно станут на почву истинно революционной борьбы под знаменем балканской федерации. ВМРО делает первый и решительный шаг для создания необходимой благоприятной атмосферы с целью созыва объединенного конгресса всего македонского революционного движения, на котором должен быть создан единый македонский революционный фронт.

Нам известно, что примирение автономистов с федералистами уже выразилось в целом ряде конкретных шагов. Однако цели ВМРО будут осуществляемы лишь в том случае, если она сделает дальнейшие, конкретные шаги по тому же пути. Целый ряд правительственных постов в Болгарии занят лицами, принадлежащими к автономистскому македонскому течению, следует ожидать в этом вопросе реального осуществления разрыва между ВМРО и софийским правительством.

Глубокие изменения, произошедшие в политической линии ВМРО, уже начали находить свое выражение и в изменении ее отношения к болгарской коммунистической партии и к левому крылу болгарской земледельческой партии. Первые шаги на этом пути уже совершены и можно ожидать их дальнейшего развития, без которого перемена тактики ВМРО не может принести всех своих плодов. Изменившиеся отношения ВМРО к болгарским коммунистам несомненно выразятся в ближайшем будущем в реальных конкретных шагах.

Внутри ВМРО наиболее сильные местные организации чрезвычайно резко выступают на деле против цанковского правительства. Ильинденская организация, в которой организованы преимущественно участники знаменитого ильинденского восстания, наиболее резко выступает против софийского правительства. Три революционных округа, Салоникский, Петрический и

Сересский, составляющие большинство ВМРО, организуют сами противодействие политике болгарского правительства.

Эти факты указывают на глубокие процессы, происходящие в широких массах угнетенных национальностей, все более разубеждающихся в обещаниях и предложениях шовинистических и империалистических правительств.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Зиновьеву, Сталину — все; Бухарину, Стеклову — п. «в» и «г»; т. Уншлихту «а».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 2—5.

Примечания:

¹ 14 февраля 1924 г. Президиум ИККИ принял решение, на основе которого БКП должна была «приступить немедленно к военно-технической подготовке вооруженного восстания». (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 27. Л. 98). 20 февраля в Москве представители БКП и Болгарского земледельческого союза пришли к соглашению о подготовке вооруженного восстания. 13 марта Политбюро приняло решение, по которому «болгарское революционное движение» должно было делать ставку «исключительно на внутренние революционные силы» потому, что СССР не был в состоянии предоставить военную помощь. Решение содержало также следующие директивы: «г) Предложить Коминтерну и болгарской компартии обдумать известную политическую комбинацию для Болгарии, выяснившуюся в обмене мнений на заседании Политбюро. д) Принять предложение т. Уншлихта относительно подготовительной работы. Увеличить смету Коминтерна на соответствующие суммы» (Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 463—464; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 38).

² Данных о позиции Милютина нет.

³ ВМРО (Внутренняя Македонская революционная организация), основанная в 1893 г., боролась за объединение славянской Македонии с Болгарией. После мирного договора 1919 г., согласно которому славянская Македония перешла к Сербии, ВМРО возобновила борьбу. При этом организация разделилась на две группы: большие, руководимые Александровым и Протогеровым, требовали присоединения Македонии к Болгарии на правах автономии («автономисты»); меньшие, во главе с Димовым, которые в 1920 г. присоединились к БКП, выступали за независимый статус Македонии в рамках балканской федерации («федералисты»). В апреле 1924 г. в Вене имели место контакты между представителями БКП и руководителями ВМРО Александровым, Протогеровым и Хаулевым. В результате была достигнута договоренность об объединении обеих групп с целью борьбы за независимую Македонию в рамках балканской федерации.

№ 9

**Из протокола № 12
24 июля 1924 г.**

С л у ш а л и :

1. Вопросы НКВД.

М. О Болгарии¹ (тт. Коларов, Димитров, Копп, Ротштейн, Фрунзе, Уншлихт, Милютин, Пятницкий).

П о с т а н о в и л и :

Поручить комиссии в составе тт. Фрунзе, Дзержинского и Троцкого подробно ознакомиться с положением дел в Болгарии и с предложениями, вносимыми представителями Болгарской компартии, и сделать сообщение на следующем заседании Политбюро. Созыв комиссии за тов. Троцким.

Выписки посланы: тт. Фрунзе, Дзержинскому, Троцкому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 11.

Примечание:

¹ См. документ № 8.

№ 10

**Из протокола № 13
29 июля 1924 г.**

С л у ш а л и :

1. Вопросы НКВД.

Ж. О Болгарии (ПБ № 12, п. 1-М)¹ (тт. Троцкий, Фрунзе, Дзержинский, Мануильский, Коларов, Дмитров, Чичерин, Милютин, Уншлихт).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить резолюцию по болгарскому вопросу, предложенную комиссией Политбюро (см. приложение).

б) Комиссию, создаваемую п. 7 этой резолюции, считать комиссией помощи со стороны РКП болгарской компартии.

в) Состав комиссии: тт. Фрунзе (председатель), Чичерин, Трилиссер, Мануильский, Пятницкий, Уншлихт и Коларов.

г) С созданием комиссии под председательством т. Фрунзе ранее существовавшие комиссии по болгарскому вопросу ликвидировать.

д) Все практические вопросы, связанные с болгарским вопросом, передать на рассмотрение комиссии т. Фрунзе.

Приложение

С[овершенно] секретно.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО БОЛГАРСКОМУ ВОПРОСУ

(В одном экземпляре)

1. Признать, что до укрепления партии на железных дорогах, на почте и телеграфе, в армии и в деревне партия не может ста-

вить себе вооруженного восстания в качестве неотложной практической задачи текущей осенью.

2. Международная обстановка наименее благоприятна для восстания в настоящий момент и требует всемерного выигрыша времени с нашей стороны, так как обстановка на Балканах будет изменяться вероятнее всего к лучшему.

3. Поэтому задача партии состоит в усиленной и всесторонней политической, организационной и технической подготовке вооруженного восстания и захвата власти рабоче-крестьянским блоком под руководством коммунистической партии. Именно к этому нужно вести крестьян, удерживая их от преждевременных вооруженных выступлений и разъясняя им, что победа мыслима только в теснейшем союзе с рабочим классом, которому предстоит вести борьбу в городах, центрах правительственной власти, и которому поэтому необходимо всесторонне подготовиться к этой борьбе.

4. Неотложные задачи партии:

- а) комячейки на железных дорогах,
- б) комячейки в армии,
- в) комячейки в деревне.

5. Военная организация партии строится на разведке в лагере врага, создании вооруженных кадров, захватах оружия, устройстве складов, баз и пр.

Принять в качестве основного правила, что базироваться нужно не на оружие, ожидаемое извне, а на то, которое берешь у врага. Ввозимое извне оружие может иметь только вспомогательное значение.

6. Одновременно нужно разработать план подготовительной работы на Балканах в целом, а также и за их пределами, имея в виду, что переворот в Болгарии может быть успешным только при условии соответственной поддержки его в первую очередь на Балканах.

7. Создать комиссию под председательством т. Фрунзе для практической разработки и фактического проведения в жизнь мероприятий, вытекающих из этой резолюции, в частности из пункта 6 или вообще для всемерной поддержки болгарской партии.

В комиссию включить представителей:

- а) Коминтерна,
- б) Наркоминдела,
- в) болгарской партии и балканской федерации,
- г) Реввоенсовета,
- д) т. Трилиссера.

8. Комиссии рассмотреть вопрос об ассигновании соответственных средств.

9. Высказываясь в том смысле, что восстание этой осенью не обещает победы, Политбюро исходит из тех соображений, что наша болгарская партия, жестоко пострадавшая в результате сентябрьского восстания², еще далеко не успела восстановить свой организационный аппарат и создать для себя пункты опоры в тех областях, которые имеют решающее значение для исхода восстания. Подготовиться к руководящему не только политическому, но и организационно-боевому участию в восстании вряд ли возможно в течение 1—2 и даже 2—3 месяцев. В этом смысле мы высказываемся за то, чтобы партия применяла необходимые меры для оттяжки восстания примерно до весны следующего года, прикрывая свою напряженную подготовительную работу соответственными политическими маневрами.

Само собой разумеется, однако, что решение этой оттяжки восстания до весны не может иметь абсолютного характера. Те или другие благоприятные события (рост революционного движения в других балканских государствах, прежде всего в Румынии, военные конфликты на Балканах и пр.) могут заставить резко изменить решение в смысле скорейшего открытия революционных действий. Но до наступления такого рода событий, которые подлежали бы особой оценке, наша болгарская партия должна руководствоваться директивами, изложенными в настоящей резолюции.

Ф.Дзержинский, Л.Троцкий, М.Фрунзе.

Выписки посланы: т. Фрунзе — все; тт. Чичерину, Трилиссеру, Мануильскому, Пятницкому, Уншлихту, Коларову — «в».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 12—14.

Примечания:

¹ См. документ № 9.

² См. примечание 1 к документу № 3.

№ 11

Из протокола № 14
30 июля 1924 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Доклад комиссии Политбюро об английских переговорах (ПБ от 29. VII., пр. № 13, п. 1-А) (тт. Рыков, Сталин, Раковский, Чичерин, Шейнман)¹.

П о с т а н о в и л и :

Утвердить предложенный комиссией Политбюро проект статей договора между СССР и Великобританией (см. приложение), со следующими поправками:

а) Во вступлении исключить слова «между ними».

б) В качестве последней уступки считать возможным заключение соглашения при следующей редакции ст. А, предложенной т. Чичериным:

«Во исполнение и в развитие торгового соглашения между РСФСР и Великобританией от 16-го марта 1921 г. и составляющей приложение к нему декларации о взаимных обязательствах, Правительство СССР заявляет о своем согласии, в виде изъятия из закона от 28-го января 1918 г. об аннулировании займов бывшего царского правительства, установить совместно с правительством Его Британского Величества сумму для удовлетворения претензий британских граждан и обществ по займам, выпущенным или гарантированным бывшим царским правительством, либо российскими городами, относящимися к территории СССР, и обозначенным в иностранной (нерусской) валюте».

в) В примечании к ст. С изменить конец со слов «лишь в отношении...» следующим образом: «для удовлетворения претензий британских граждан, возникших из их владения процентными бумагами, относительно которых будет доказано, что они были приобретены в собственность до 28-го января 1918 года»².

г) В последнем абзаце статьи Д слова «вышеозначенных сумм» заменить словами «вышеозначенной суммы».

д) Примечание к ст. Д¹ не считать ультимативным; в случае необходимости ограничиться получением обязательства от британского правительства в содействии нам.

е) В ст. Е исключить последний абзац, включив следующий параграф: «по претензиям Союза ССР или отдельных граждан к Британскому Правительству в отношении убытка или ущерба, явившихся результатом военных операций или враждебных мероприятий со стороны Британского Правительства против СССР в течение указанного периода»³.

ж) В качестве последней уступки считать возможным заключение соглашения при следующей редакции первого абзаца ст. Ф: «В интересах восстановления экономического сотрудничества обеих стран, Советское Правительство согласно, в виде изъятия из декретов о национализации промышленных и земельных имуществ, вступить в переговоры с заинтересованными лицами о возможном возмещении британским гражданам или об[щест]вам за промышленные имущества или концессии, которыми они раньше владели сами или через своих представителей и которые были национализированы или аннулированы Советским Правительством».

з) Допустить, в случае необходимости, включение в статью Ф специального заявления со стороны английского правительства, приблизительно в такой формулировке: «Стоя на основе необхо-

димости достижения существенного прогресса в удовлетворении Советским Правительством претензий частных собственников, как необходимого условия для предоставления займа...»⁴.

и) В ст. Г слова: «улучшения экономического положения СССР» заменить словами: «оживления экономических отношений между СССР и Великобританией». Слова: «и создания возможности для Правительства ССР выполнения принимаемых им на себя по настоящему договору обязательств» — исключить.

Приложение

Окончательная редакция

ПРОЕКТ СТАТЕЙ ДОГОВОРА МЕЖДУ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ

Высокие договаривающиеся стороны, стремясь к хозяйственному сотрудничеству и к укреплению дружественных отношений для разрешения всех спорных вопросов и ликвидации неразрешенных претензий каждой из сторон, согласились на нижеследующем:

Статья А

Правительство СССР, стоя на почве закона от 28-го января 1918 г. об аннулировании займов бывшего царского правительства и во исполнение и в развитие Торгового Соглашения между РСФСР и Великобританией от 16 марта 1921 года и составляющей приложение к нему декларации о взаимных обязательствах, заявляет о своем согласии, в виде исключения из указанного закона об аннулировании государственных займов, установить совместно с Правительством Его Британского Величества сумму для удовлетворения претензий британских граждан и обществ по займам, выпущенным или гарантированным бывшим Российским Императорским Правительством, либо российскими городами, относящимися к территории СССР, и обозначенные в иностранной (нерусской) валюте.

Статья В

Правительство Е.Б.В. признает, что финансовое положение Союза ССР делает невозможным удовлетворение полностью претензий, упомянутых в статье А, и что удовлетворение их в размере, устанавливаемом согласно настоящего договора, не может быть производимо, пока не будут сделаны шаги к восстановлению и увеличению экономического благосостояния СССР.

Статья С

Правительство СССР начнет погашение суммы, о коей сказано в статье А, с момента, когда между Правительством СССР и Правительством Е.Б.В. будет достигнуто соглашение, заключаю-

щее детальное постановление о времени, сумме, условиях и способе такого погашения.

При определении вышеуказанной суммы должны быть приняты во внимание сокращение территории бывшей Российской Империи, уменьшение народонаселения и уменьшение национального дохода.

Переговоры о заключении вышеуказанного соглашения будут начаты не позже, чем...⁵ Советское Правительство не возражает против привлечения Британским Правительством бондхольдеров к участию в этих переговорах.

ПРИМЕЧАНИЕ: В связи с этой статьей к договору должен быть приложен протокол, или обмен нотами, где будет указано, что паушальная сумма устанавливается для удовлетворения претензий британских граждан, возникших из их владения процентными бумагами, относительно которых будет доказано, что они были приобретены в собственность до 28-го января 1918 года.

Статья Д

Все претензии, кроме специально оговоренных в настоящем договоре, граждан и обществ одной стороны к правительству другой в отношении взаимно нанесенного ущерба или сумм, причитающихся каждой из сторон, возникшие из событий, имевших место в период между 1-м августа 1914 г. и вступлением в силу настоящего договора, взаимно погашаются, причем ввиду имеющегося сальдо в пользу Великобритании и ее граждан, Правительство СССР имеет установить по соглашению с Британским Правительством сумму, предназначенную для погашению этого сальдо.

После уплаты этой суммы все претензии британских юридических лиц к Правительству СССР будут считаться погашенными.

Условия, порядок и сроки уплаты этой суммы будут установлены по соглашению договаривающихся сторон, причем будет принято во внимание финансовое положение СССР.

Распределение вышеозначенной суммы между британскими претендентами будет произведено Правительством Его Британского Величества, но Правительство СССР обязуется облегчить справедливое распределение этих сумм снабжением Правительства Его Британского Величества документами и сведениями, находящимися в его распоряжении.

Статья Д¹

С момента вхождения в силу настоящего договора, Правительство СССР получает право распоряжения всеми суммами и имуществами, принадлежавшими прежним Российским Правительствам либо их учреждениям и находящимися на территории Великобритании, точно так же, как и всеми такими суммами и

имуществами, принадлежащими российским предприятиям, ныне в СССР национализированным. (Должна быть заново отредактирована английскими юристами, причем должны быть отнесены две мысли: ПЕРВАЯ, что все суммы и имущества, о которых идет речь в этой статье, освобождаются от всяких претензий, и ВТОРАЯ, что британские лица и общества должны сообщить о нахождении у них таких имуществ.)

Статья Е

Договаривающиеся стороны соглашаются, что должны быть отложены для обсуждения в будущем все вопросы, связанные с претензиями Правительства СССР к Правительству Е.Б.В. или Правительства Е.Б.В. — к Правительству СССР, возникшие из событий, имевших место между 4 августа 1918 года и 1 февраля 1924 г., включая сюда претензии: а) по военным кредитам, открытым Великобританией России; б) по русскому золоту, переданному бывшим Императорским и Временным Правительствами Великобритании^б; с) по русскому золоту, переданному Германии, согласно дополнительного договора к Брест — Литовскому договору и полученного Великобританией; д) по суммам, уплаченным из кредитов Английского Правительства бывшим царским Правительством частным фирмам и лицам в качестве авансов и задатков по оставшимся невыполненными к 7 ноября 1917 года договорам и заказам; е) по суммам, которые Российское Правительство должно Британским Правительственным Департаментам, либо эти Департаменты Российскому Правительству; ф) в отношении произведенных, либо имеющих быть произведенными согласований счетов, относящихся к вышеуказанным претензиям каждой из договаривающихся сторон; г) по претензиям Союза ССР или отдельных граждан к Британскому Правительству, в отношении убытка или ущерба, явившихся результатом военных операций или враждебных мероприятий со стороны Британского Правительства против СССР в течение указанного периода.

Статья Ф

Стоя на почве декретов о национализации промышленных и земельных имуществ, Советское Правительство, в виде исключения из указанных законов, в интересах восстановления экономического сотрудничества обеих стран, согласно, в целях возможного возмещения британским гражданам или об[щест]вам за промышленное имущество, или концессии, которыми они раньше владели сами или через своих представителей и которые были национализированы или аннулированы Советским Правительством, немедленно вступить в переговоры с заинтересованными лицами.

Для облегчения этой задачи Британское и Советское Правительства назначают комиссию, по два представителя от каждой стороны, которой должен быть предоставлен весь имеющийся материал о претензиях бывших собственников. Делегации обоих Правительств в составе этой комиссии, по мере получения материала, делают о нем доклад своим Правительствам.

Для целей настоящей статьи выражение «промышленные имущества и концессии» употреблено, как включающее фабрично-заводские, горные, нефтяные, лесные и всякие подобные имущества и концессии.

Статья Г

В целях оживления экономических связей между СССР и Великобританией, Правительство Е.Б.В. обязуется предоставить гарантию по займу СССР, имеющему быть выпущенным в Великобритании и долженствующему быть употребленным на хозяйственные цели, причем две трети этого займа предназначается для оплаты имеющих быть размещенными в Великобритании заказов Правительства СССР и его хозорганов и на производимую ими в Великобритании покупку товаров.

Статья Ш

Размеры и условия займа, о коем сказано в статье Г, должны быть установлены особым соглашением договаривающихся сторон.

Статья И

Все постановления настоящего соглашения о ликвидации взаимных претензий и о займах составляют единое целое.

Выписки посланы: гг. Чичерину, Раковскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 15—20.

Примечания:

¹ Обсуждение данного вопроса на заседании ПБ было вызвано кризисом в англо-советских переговорах, начавшихся 14 апреля (см. документ № 6). Кризис был инициирован английской стороной, которая 8 июля представила разработанный ею в одностороннем порядке весьма жесткий проект урегулирования спорных вопросов, относившихся к «ликвидации прошлого». В нем предоставление СССР займа увязывалось с безоговорочным признанием советской стороной обязательств «по погашению займов, выпущенных или гарантированных предыдущими Российскими правительствами или российскими городами», а также по предоставлению «справедливой и эффективной компенсации» бывшим собственникам национализированных британских предприятий. Закупки в счет займа могли производиться только в Великобритании, советское правительство должно было предоставить под предоставляемый заем некий «залог», гарантирующий его погашение, само его предоставление предполагалось в виде нескольких траншей, поступление которых могло быть задержано в случае отсутствия

прогресса в переговорах между советской стороной и держателями российских ценных бумаг. Вдобавок из суммы первого транша советское правительство обязывалось выплатить компенсацию «британским подданным, подвергшимся тюремному заключению, либо другим формам преследования личности» (соответствующие претензии исчислялись суммой в 800 тыс. ф.ст.). Обсуждение прочих взаимных претензий (военные кредиты, российское золото, «убытки и ущерб» послеоктябрьского периода) оставлялось на будущее. Конкретная сумма займа не фигурировала (вместо цифры в тексте проекта было проставлено многоточие), однако из внутренней переписки английских официальных лиц явствует, что речь шла примерно о 30 млн. ф.ст. Материалы той же переписки свидетельствуют о том, что английская сторона осознавала невозможность быстрого решения вопроса о долгах, который осложнялся жесткой позицией английских бондхолдеров (держателей ценных бумаг) на переговорах с советской делегацией (они упорно требовали выплаты полной суммы долга, исчисленной в 39 млн. ф.; Раковский предлагал 6 млн., указывая, что эта цифра более чем вдвое превышает рыночную котировку всех российских облигаций). См.: DBFP. Vol. XXV. P. 330, 544—549.

12 июля Раковский вручил английской стороне свой контрпроект. Согласно ему, решение вопроса о долгах переносилось в категорию вопросов, подлежащих обсуждению в будущем, чему должна была предшествовать принципиальная договоренность о займе. Многие невыгодные для СССР положения английского документа в контрпроекте были опущены. Вместе с тем, его составители проявили достаточную гибкость: были сохранены текстуальные формулировки и общая структура английского проекта; даже число статей в обоих документах оказалось одинаковым — лишь вместо цифр они были обозначены в контрпроекте буквами латинского алфавита. Самая же большая уступка заключалась в том, что с советской стороны не оспаривалась юридическая обоснованность претензий английских вкладчиков на компенсацию: статья «А» по сути совпадала с первой статьей английского документа (См.: DBFP. Vol. XXV. P. 550—551).

29 июля Политбюро сформировало комиссию в составе Сталина, Рыкова, Раковского, Чичерина и Шейнмана, которой поручалось окончательное редактирование формулы соглашения с Англией. Для заслушивания доклада комиссии на 30 июля намечалось экстренное заседание Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 453. Л. 1).

Утвержденный Политбюро 30 июля текст, сохранив общую структуру «контрпроекта» от 12 июля, сделал его содержание более «жестким». Наиболее существенной переработке подверглась статья «А»: и в основном, и в «резервном» вариантах удовлетворение претензий британских вкладчиков трактуется не как выполнение обязательства, вытекающего из существующего права, а напротив, как изъятие из правовой нормы, чуть ли не как акт благотворительности со стороны советского государства.

² Формулировки пунктов «б» и «в», согласно которым исключались из рассмотрения долговые обязательства, обозначенные в рублях, а также те, что были приобретены после декрета об аннулировании царских долгов, преследовали цель отсесть из круга претендентов на компенсацию всякого рода спекулянтов, скупавших обесцененные российские бумаги, в том числе и облигации внутренних займов.

³ В первоначальном проекте говорилось о **взаимных** претензиях в результате «военных операций и враждебных действий».

⁴ В базовом варианте статьи «Ф» излагалась лишь точка зрения советской стороны, согласно резервному варианту имелось в виду добавить также изложение английской правовой позиции.

⁵ Так в документе.

⁶ Имеются в виду золотые слитки на общую сумму не менее 331 млн. долларов, переданные царским правительством Великобритании в качестве депозита в обеспечение гарантии займов, предоставленных британским правительством России во время первой мировой войны на закупку военного оборудования и материалов.

№ 12

Из протокола № 15 2 августа 1924 года

С л у ш а л и :

п. 1. О новом английском тексте договора с Великобританией (т. Чичерин, Аванесов)¹.

П о с т а н о в и л и :

Оставить в силе решение Политбюро от 30-го июля с. г.²

а) Остаться при формулировке договора, выработанного на заседании Политбюро 30 июля как наиболее выгодной для нас.

б) Отложить обсуждение и включение в договор, если таковой необходимо будет заключить к предстоящей сессии английского парламента, новых статей, включенных Велпра в присланные 2 августа проект договора, и имеющих отношение к взаимным претензиям и к займу³.

в) Статью 22 нового английского проекта о наибольшем благоприятствовании считать приемлемой в английской редакции.

г) Ввиду отсутствия текста соглашения относительно территориальных вод и рыбной ловли, считать невозможным включение этого соглашения в принятый Политбюро от 30 июля проект договора.

д) Признать статью 23-ю нового проекта договора Велпра неприемлемой, предложив заменить ее соответствующим пунктом соглашения с Керзоном в период ультиматума в прошлом году⁴.

е) Предложить делегации мотивировать настоящее решение Политбюро таким образом: «Мы считаем требование, переданное т. Чичерину через Ходжсона, о принятии нами генерального договора до 6-го августа, не только практически неосуществимым за краткостью срока, но и тревожным в смысле симптома действительности намерений Английского Правительства довести переговоры до соглашения. Мы впервые получаем английское

предложение сегодня, 2-го августа, причем это предложение включает в свой состав ряд совершенно новых, впервые появившихся пунктов, которых мы не имели возможности обсудить даже в предварительном порядке, на основе новых предложений Понсонби, доставленных в Москву тов. Раковским. Правительство СССР решительно и твердо стремится к соглашению в возможно короткий срок. Но, относясь со всей серьезностью ко взаимным обязательствам договора, мы должны иметь возможность внимательно обсудить все параграфы договора в руководящих правительственных органах, чего, разумеется, нельзя сделать до 6-го августа, т. е. в течение четырех дней».

ж) Подтвердить решение Политбюро от 29/VII с. г. (пр. №13 п. 1-Г)⁵ по вопросу об установлении календарных сроков, хотя бы на протяжении ближайших пяти лет, в отношении наших платежей по принимаемым нами, в случае подписания договора с Англией, обязательствам и получаемым нами суммам в силу предоставляемого нам займа.

з) Обязать ВСНХ и НКВД собрать материал, могущий быть использованным для доказательства преувеличенности требований со стороны английских собственников в отношении их потерь при национализации, в частности, по той причине, что целый ряд предприятий частных собственников, национализированных после Октябрьской революции, были убыточными и стояли накануне или в процессе банкротства.

На основании собранных сведений дать соответствующие директивы печати и рекомендовать их использование в выступлениях ответственных лиц, причем первые выступления должны быть организованы не позднее, чем через 3 дня по получении этих сведений⁶.

и) Поручить НКВД собрать материал о наиболее ярких враждебных выступлениях ответственных представителей правительства Великобритании по отношению к СССР.

Выписки посланы: т. Чичерину — все; тт. Раковскому — все без пункта «з», Дзержинскому — п. «ж».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 21—22.

Примечания:

¹ 2 августа британская сторона в отсутствие советской делегации, выехавшей в Москву, представила новый проект, содержащий уже не отдельные статьи, а полный текст Общего договора (см.: DBFP. Vol. XXV. P. 552—553). В нем отразились определенные подвижки навстречу советской позиции. В частности, для достижения соглашения по долгам отныне полагалось достаточным, чтобы его одобрила лишь половина вкладчиков; снимался принцип решения спорных вопросов путем арбитража.

² См. документ № 11.

³ См. документ № 13. Такая позиция ПБ никак не отразилась на возобновившихся в Лондоне переговорах, дискуссия шла на основе нового британского проекта. Советской делегации удалось добиться некоторых уступок (к примеру, советско-британская комиссия по рассмотрению претензий бывших собственников теряла право инспекции соответствующих предприятий на территории СССР, формулировка «компенсация за убытки» заменялась на менее определенную «компенсация за претензии» и т.д.). Вместе с тем, не удалось добиться сужения круга претендентов на компенсацию. В окончательном тексте договора, подписанном 8 августа, законными собственниками российских ценных бумаг признаны все те, кто приобрел их до 16 марта 1921 г. (ДВП. Т. VII. С. 621), а не до 28 января 1918 г., как того требовал пункт «в» постановления Политбюро от 30 июля (см. документ № 11).

⁴ Имеется в виду текст статьи английского проекта, касающейся обязательств сторон по невмешательству во внутренние дела друг друга (согласно английской официальной публикации, это была статья 22-я, а не 23-я). Возможно, привлекательность формулировок, содержащихся в английских нотах от 29 мая и 13 июня 1923 г. (ДВП. Т. VI. С. 330—338), состояла для советской стороны в том, что там прямо говорилось, что Великобритания не будет поддерживать российских эмигрантов и даваемые ею гарантии будут распространяться на страны, «которые составляли часть бывшей Российской империи и которые теперь стали независимыми». Как бы то ни было, в ходе последовавших переговоров в Лондоне, вопрос о замене новой английской формулировки старой не поднимался, и в тексте советско-английского договора фигурирует та же, которая постановлением ПБ от 2 августа определялась как «неприемлемая» (Там же. Т. VII. С. 623). На следующем заседании, состоявшемся 6 августа, Раковский принял новую редакцию статьи о претензиях бывших английских собственников, предложенную представителем британской делегации Понсонби. Найденная формула предусматривала, что их «согласованное разрешение» будет достигнуто в ходе подготовки второго договора, который должен последовать вслед за принятием Общего и Торгового договоров. Эта компромиссная формула вошла в текст статьи 11-й Общего договора между СССР и Великобританией, который был подписан 8 августа 1924 г. (Там же. Т. VII. С. 622).

⁵ Имеется в виду решение Политбюро «Об арбитражном договоре» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 453. Л. 1).

⁶ Здесь и далее полужирным шрифтом выделяются слова, подчеркнутые в документах.

№ 13

Из протокола № 16 7 августа 1924 г.

С л у ш а л и :

2. Вопросы НКВД.

В. Доклад комиссии тов. Фрунзе (ПБ от 29. VII., пр. № 13, п. 1-Ж)¹ (тт. Уншлихт, Чичерин, Брюханов, Мануильский, Пятницкий).

П о с т а н о в и л и :

а) Одобрить предложения комиссии т. Фрунзе (см. приложение).

Приложение

а) Комиссия считает недопустимым информацию о Балканах в той форме, в какой она дана в «Правде» № 172 от 31.VII, так как это создает атмосферу преувеличенных революционных ожиданий и вредит практической революционной работе на Балканах².

б) Впредь информацию московской прессы о балканских событиях поручается контролировать т. Чичерину.

в) а) Признать необходимым производить закупку оружия для Болгарии в других странах, для чего обратиться в ЦК РКП с просьбой об ассигновании на сей предмет 50 тыс. долларов. Тт. Фрунзе и Уншлихту поручается поставить этот вопрос на разрешение на ближайшем заседании Политбюро ЦК РКП.

б) Признать необходимым: 1) ассигновать в распоряжение т. Фрунзе (Уншлихту) 50.000 долларов из средств НКФина в порядке секретного ассигнования; и 2) отпускать дополнительно до конца года 8.600 долл[аров] в месяц, начиная с августа месяца.

в) Поручить т. Чичерину контроль над информацией в прессе по болгарскому вопросу.

г) Назначить т. Уншлихта заместителем председателя комиссии ПБ по болгарскому вопросу, на время болезни т. Фрунзе.

Выписки посланы: т. Уншлихту — все; т. Брюханову «б»; т. Чичерину — «в».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 23—24.

Примечания:

¹ См. документ № 10.

² Имеется в виду опубликованная 31 июля 1924 г. в газете «Правда» информация от редакции под заголовком «Революционная атмосфера на Балканах. Тревожное настроение в Болгарии и Румынии» и «Чрезвычайное положение в Румынии» (Правда. 1924. 31 июля. С. 1—2).

№ 14

**Из протокола № 19
21 августа 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

А. Вопросы нашей делегации в Лондоне (тт. Раковский, Шейнман, Томский, Чичерин)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Начать дальнейшие переговоры с Англией со второй половины сентября, возложив руководство ими на полпреда.

б) Обе комиссии — по вопросу о собственности и о мелких претензиях — назначить в одном и том же составе: тт. Преображенский, Рейнгольд и Гойхбарг; в качестве помощников для комиссии, но не членов, командировать тт. Любимова и Мальцмана.

в) Определить размер желательного нам займа в Англии в 40 миллионов фунтов стерлингов, с тем, что мы берем на себя обязательство при этом размере займа оплатить претензии держателей старых займов и компенсации за национализированную собственность в размере двух третей этой суммы².

г) Распределение общей суммы наших платежей по отдельным группам держателей и собственников сейчас не предрешать.

д) Все ежегодные платежи союзного правительства в Англии как по новым, так и по старым обязательствам, не должны превышать 12 % годовых от нового займа³.

е) При заключении займа правительство СССР дает обязательство не менее 60% займа направить на заказы СССР английской промышленности с тем, чтобы 40% займа получить от Англии валютой.

ж) Поручить т. Раковскому выяснить точный размер капитала СССР, находящегося в английских банках⁴.

з) Признать необходимым поставить ответственное лицо во главе торгпредства в Англии. Назначение торгпреда в порядке предварительном поручить Оргбюро⁵.

и) Ассигновать НКВД на известное дело дополнительно 25 тысяч фунтов стерл[ингов]⁶.

к) Поручить тт. Раковскому и Томскому выяснить вопрос о возможности организации в Англии рабочей газеты с участием левых профессионалистов и размер ее стоимости.

л) Предложение НКВД о предоставлении торговой концессии Маршаллу считать желательным, отложив обсуждение этого вопроса до внесения НКВД-ом конкретных предложений⁷.

м) Поручить т. Чичерину внимательное наблюдение за всеми выступлениями в печати по поводу Макдональда⁸.

н) Поручить ВСНХ сбор и подготовку материалов для проведения кампании по поводу задолженности национализированных фирм.

о) Поручить т. Зиновьеву организовать комиссию для подготовки в недельный срок всех материалов по вопросу о преследовании коммунистов в Европе и о деятельности меньшевиков и

эсеров как в России, так и за границей, с привлечением к этой работе т. Радека.

п) Поручить т. Куйбышеву наблюдение за исполнением постановления Политбюро по предложению т. Лозовского и ускорить представление доклада в Политбюро.

р) Принять предложение т. Чичерина об образовании комиссии по вопросу об иностранных миссиях. Состав комиссии — тт. Куйбышев (председатель), Чичерин (с заменой т. Литвиновым), и Дзержинский (с заменой т. Менжинским).

с) Предложить НКВД в 2-недельный срок выяснить те пункты, куда должны быть командированы наши представители, согласно договора с Англией, поручив т. Раковскому добиваться во что бы то ни стало консульства в Индии.

т) Не возражать против приезда в Россию Мак-Кенна⁹.

у) Вопрос о работе т. Шейнмана отложить до возвращения его из отпуска.

ф) Поручить Оргбюро совместно с т. Раковским рассмотреть вопрос о состоянии полпредства и торгпредства в Лондоне и принять меры к улучшению их состояния.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 27—28.

Примечания:

¹ Согласно статье 11-й советско-английского договора от 8 августа 1924 г. предусматривалось скорейшее открытие переговоров по заключению «второго договора», который должен был урегулировать конкретные параметры решения проблем возмещения и займа.

² Сумма займа, которая определялась как желательная, не намного превышала ту, на которую ориентировалось английское правительство (40 против 30 млн. ф. ст.), зато размеры компенсации предусматривались значительно большие, чем ранее предлагавшиеся (26,6 против 6 млн. ф. ст.).

³ Английская сторона ранее в неофициальном порядке сообщала, что готова предоставить заем СССР под 6% годовых. Таким образом, еще 6% предполагалось потратить на возмещение претензий британских собственников (в случае принятия советского запроса по сумме займа это составило бы 2,4 млн. ф. ст. в год).

⁴ В меморандуме английского участника переговоров с СССР Дж. Грегори называлась цифра в 4,5 млн. ф. ст. на счетах одного только банка «Баринг». (DBFP. Vol. XXV. P. 558); Раковский в письме Литвинову от 11 мая 1924 г. упоминал сумму в 60 млн. ф. ст. (РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 187).

⁵ Обязанности торгпреда СССР в течение 1924—1925 гг. исполнял Раковский.

⁶ Характер «известного дела» выяснить не удалось. Из содержания следующего пункта можно предположить, что речь шла о выделении субсидии «левой прессе».

⁷ Э. Дж. Маршалл занимал пост исполнительного директора фирмы «Vecos Traders Ltd», где были представлены, в частности, интересы семьи премьер-министра Болдуина.

⁸ Имелось в виду, видимо, не допустить повторения «разоблачительной» кампании в советской печати в адрес главы лейбористского правительства, которая серьезно осложнила ведение переговоров в начале мая 1924 г.

⁹ Дж. Мак-Кенна был президентом банка «London Joint City & Midland Bank» и влиятельным членом Совета иностранных вкладчиков.

№ 15

Из протокола № 20 28 августа 1924 г.

С л у ш а л и :

п. 4. Вопросы НКИД.

А. О. Польше (тт. Чичерин, Копп, Уншлихт).

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение т. Чичерина:

1) О поручении НКИД предварительной выработки записки о советско-польских взаимоотношениях с установлением программ максимум и минимум для предлагаемой Польшей конференции;

2) По вопросу о т. Войкове дать фактическую справку Скржинскому с предварительным представлением ее в Политбюро¹.

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 30.

Примечание:

¹ Вопрос возник в связи с письмом польского министра иностранных дел Скшиньского, который предлагал созыв польско-советской конференции и выражал некоторое сомнение в отношении будущего советского полпреда в Польше П. Л. Войкова в связи с его ролью в расстреле царской семьи. На заседании Политбюро 4 сентября был принят «с поправками т. Сталина и дополнением т. Каменева» проект ответного письма польскому МИД, в котором предлагалось «немедленно приступить к обмену мыслей нашими правительствами по поводу всех стоящих перед нами вопросов». Говорилось также о возможности личной встречи Скшиньского и Чичерина. Значительную часть послания занимал вопрос о Войкове и проблеме «цареубийства». В тот же день письмо за подписью Чичерина было направлено Скшиньскому (ДВП. Т. VII. С. 438—441). Однако ни в тексте послания, ни в решении Политбюро от 4 сентября не формулировалась какая-либо конкретная программа советско-польских переговоров. К этому вопросу Политбюро вернулось 18 декабря 1924 г. и приняло решение: «а) Поручить НКИД ответить Польше согласием на ведение переговоров и посылку в Польшу для этой цели представителя НКИД, не исключая возможности поездки т. Чичерина. б) Предложить НКИД внести в Политбюро более

детализированное предложение о содержании переговоров. в) При ведении переговоров не отказываться от принципа исправления границ между СССР и Польшей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 49).

№ 16

**Из протокола № 20
28 августа 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 7. Доклад комиссии ПБ по предложениям Х. (ПБ от 21.VIII, пр. № 19, п. 12) (тт. Мануильский, Уншлихт).

П о с т а н о в и л и :

Одобрить следующие предложения комиссии:

1. Придать деятельности эстонской компартии боевой характер, оказав ей содействие в подготовительных мерах по оказанию вооруженного отпора попыткам фашистского переворота.

2. Проверить через соответствующие органы экономическое и политическое состояние Эстонии и степень революционного брожения, позволяющего рассчитывать на успех движения¹.

3. Назначить постоянную комиссию в составе тт. Уншлихта, Трилиссера, Мануильского, Чичерина и Рястаса для оказания содействия эстонской компартии. Созыв комиссии за т. Мануильским.

Выписки посланы: т. Мануильскому — все; тт. Уншлихту, Трилиссеру, Чичерину, Рястасу — 3.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 30.

Примечание:

¹ Источник и характер информации о планах «фашистского переворота» в Эстонии неизвестны. Тот факт, что до сведения членов формируемой комиссии (за исключением ее председателя) было решено не доводить содержание пунктов 1 и 2, можно объяснить стремлением обеспечить максимальную объективность в «проверке» существовавшей в Эстонии обстановки, исключить предвзятость выводов относительно степени «революционного брожения». Эта предосторожность не помогла: 1 декабря эстонские коммунисты попытались поднять вооруженное восстание, которое было быстро подавлено («ревельские события»). Западная печать развернула широкую пропагандистскую кампанию, обвиняя СССР во вмешательстве во внутренние дела Эстонии. Во внутренней дипломатической переписке давались более сдержанные оценки. Так, в меморандуме чиновника британского МИД Р. Липера от 6 февраля 1925 г. отмечалось, что «путч (т.е. события 1 декабря 1925 г. в Таллине (Ревеле). — А.Ф.) стал следствием прежде всего внутренних условий», существовавших в эстонском обществе и государстве (DBFP. Vol. XXV. P. 853).

№ 17

**Из протокола № 22
11 сентября 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.
И. О Швейцарии (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

Разрешить НКВД свести к минимуму (к выражению сожаления) требования к Швейцарии, выставленные в ноте по поводу убийства тов. Воровского, в том случае, если эти требования окажутся единственным препятствием к назначению с нашей стороны наблюдателя Лиги Наций¹.

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 36

Примечание:

¹ 10 мая 1923 г. советский представитель на Лозаннской конференции В.В.Воровский был убит бывшим офицером врангелевской армии М. Конради. Швейцарское правительство отказалось взять на себя ответственность за попустительство убийце. В ответ 20 июня 1923 г. ВЦИК и Совнарком СССР приняли решение о бойкоте Швейцарии, вследствие чего советские представители не могли присутствовать на международных форумах, проводившихся на швейцарской территории, в частности, в Женеве, где была расположена штаб-квартира Лиги Наций. Советско-швейцарский конфликт был урегулирован лишь в апреле 1927 г.

№ 18

**Из протокола № 37
25 ноября 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. Об английских нотах (тт. Чичерин, Литвинов)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Признать необходимым завтра же опубликовать ноты английского правительства в «Правде» и «Известиях», комментировав эти ноты в передовых и др. статьях².

б) Для окончательного редактирования ответной ноты, на основе обмена мнений в Политбюро, создать комиссию в составе тт. Сталина, Зиновьева и Литвинова с правом утверждения ноты от имени Политбюро.

Созыв комиссии за т. Литвиновым³.

в) Поручить т. Томскому немедленно принять меры через т. Мельничанского к получению от делегации английских профсоюзов или от Перселя обещанного ею заявления по поводу «письма Зиновьева»⁴.

г) Не возражать против предложения т. Сокольникова о размещении депозитов Государственного Банка за границей.

д) Поручить т. Чичерину ориентировать т. Карахана в создавшейся международной обстановке и дать директиву об ускорении хода переговоров с Японией. Предложить НКВД передать эту директиву т. Карахану через Владивосток и оттуда отправить специальным курьером.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову, Сталину — все; Томскому — «В».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 44.

Примечания:

¹ Речь идет о двух нотах британского правительства от 21 ноября 1924 г., в одной из которых содержалось заявление об отказе Англии от ратификации заключенных 8 августа 1924 г. договоров, а в другой — резкие обвинения по адресу Советского правительства в связи с так называемым «письмом Коминтерна» (см.: ДВП. Т. VII. С. 560—561, 722—723; DBFP. Vol. XXV. P. 447—448). Публикация в английской печати 25 октября 1924 г. текста этого подложного «письма», который фигурировал также в приложении к ноте заведующего северным отделом МИД Великобритании Дж. Грегори, направленной Раковскому 24 октября (ДВП. Т. VII. С. 718—720), была ловким маневром сил, выступавших в Великобритании против налаживания отношений с СССР. Развернутая ими пропагандистская кампания привела к тому, что на выборах 29 октября правительство блока лейбористов и либералов во главе с Макдональдом потерпело поражение и к власти пришли консерваторы (кабинет Болдуина—Чемберлена). Судя по тому, что вопрос об отношениях с Англией был впервые рассмотрен Политбюро лишь спустя месяц после начала антисоветского поворота в этой стране, советское руководство недооценило влияние кампании по поводу «письма Коминтерна» на английское общественное мнение, а также серьезность намерений консерваторов изменить политику в отношении СССР. Другой причиной замедленной реакции советского руководства на кризис в советско-английских отношениях могло быть то, что оно ожидало экспертной оценки спецслужб относительно подоплеки истории с «письмом Коминтерна». Первое сообщение по каналам ОГПУ поступило 11 ноября, оно было подтверждено 20 ноября источниками Разведупра РККА. Полученная информация сводилась к тому, что непосредственным изготовителем фальшивки был некто Покровский, получивший за нее 500 ф. ст. от резидента английской разведки в Риге Блэка. Руководителем организации по подготовке компрометирующих СССР «документов» являлся бывший начальник разведки у Врангеля Попов (West N., Tsarev O. *The Crown Jewels. The British Secrets at the Heart of the KGB Archives*. London, 1998, P. 33—43). Эти фамилии и реальное место событий не были преданы гласности (вероятно, с целью избежать

раскрытия источника информации), что ослабило убедительность советской контрпропаганды.

² См газеты «Правда» и «Известия» от 26 ноября 1924 г.

³ 28 ноября 1924 г. Советское правительство выступило с двумя нотами: в первой предлагалось передать конфликт по поводу «письма Зиновьева» на международное третейское разбирательство; во второй выражалось сожаление по поводу отклонения консервативным правительством Великобритании договоров, подписанных правительством Макдональда 8 августа 1924 г. (ДВП. Т. VII. С. 556—561; DBFP. Vol. XXV. P. 450—453). Раковский вновь поставил вопрос о «письме Зиновьева» во время беседы с Чемберленом 6 января 1925 г. Однако британский министр иностранных дел уклонился от его обсуждения (ДВП. Т. VIII. С. 33—38; DBFP. Vol. XXV. P. 632—634).

⁴ Делегация Конгресса британских тред-юнионов во главе с Перселем находилась в СССР с 11 ноября по 15 декабря 1924 г. В английской газете «Daily Herald» от 27 ноября 1924 г. было опубликовано сообщение, в котором отмечалось, что делегация «в результате проведенного ею в Москве расследования подлинности «письма Зиновьева» единодушно пришла к выводу, что «документ» является подлогом и никаких доказательств против приведено быть не может». Этот вывод делегации БКТ был включен в текст упомянутой выше советской ноты от 28 ноября.

№ 19

Из протокола № 39 4 декабря 1924 г.

С л у ш а л и :

5. Заключение по делу о Чиатурском марганце и о договоре с Харриман (ПБ от 27. XI., пр. № 38, п. 4-А § «в»¹ (тт. Крыленко, Пятаков, Чичерин, Литвинов, Сванидзе).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать желательным отдачу предпочтения германцам даже в том случае, если их предложения будут несколько менее выгодны, чем предложения американцев.

б) Поручить т. Чичерину вызвать Брокдорф-Ранцау и сообщить ему о нашем желании оказать предпочтение Германии, предложив ему ускорить соответствующие переговоры ввиду того, что договор с американцами накануне подписания. Крайний срок для окончательного решения германских концессионеров — 15 декабря.

в) Предложить ГКК ни в коем случае не срывать переговоров с американцами, всячески их оттягивая.

г) В том случае, если придется все же заключить договор на концессию с Харриманом, в договор должен быть включен пункт

об обязательстве Харримана выкупить по справедливой цене предприятия, находящиеся во владении немецких фирм.

Выписки посланы: тт. Пятакову, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 46.

Примечание:

¹ Имеются в виду переговоры между Советским правительством и американским банкиром Гарриманом о концессии по эксплуатации месторождений марганца в районе Чиатуры (Грузия).

№ 20

**Из протокола № 40
11 декабря 1924 г.**

Слушали:

п. 35. О Лиге Наций¹.

Постановили:

а) Поручить тов. Красину сообщить, что если будет прислано Наркоминделу заявление о согласии принять советского представителя в Лигу Наций в качестве наблюдателя на равных основаниях с Америкой, то он уверен, что правительство СССР отнесется к такому заявлению благожелательно.

б) Предложить т. Красину при сообщении этого ответа быть максимально осторожным, чтобы ни в коем случае не получилось впечатление, что инициатива исходит от нас².

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 48.

Примечания:

¹ 29 августа 1924 г. Германия получила официальное приглашение английского премьера Макдональда вступить в Лигу Наций. В меморандуме германскому правительству от 23 сентября Литвинов вновь изложил тогдашнюю советскую точку зрения на Лигу Наций как орудие держав-победительниц в 1-й мировой войне и оплот версальской системы международных отношений. В ходе последующей встречи с немецким поверенным в делах Радовицем 17 октября 1924 г. он опроверг распространявшиеся в немецкой печати слухи о возможности одновременного вступления в Лигу Наций СССР и Германии (ДВП. Т. VII. С. 484—490). Тем не менее, выступая на следующий день на заседании ВЦИК СССР Чичерин впервые упомянул о возможности посылки советского наблюдателя в Женеву (Там же. С. 490—505).

² На следующем заседании Политбюро 18 декабря данное решение было подтверждено с внесением в него поправки «в том смысле, что наблю-

датель от СССР посылается в Лигу Наций на равных основаниях с другими наблюдателями» вместо «на равных основаниях с Америкой» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 49).

№ 21

**Из протокола № 41
18 декабря 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. Вопросы НКИД.

Г. О торговом договоре с Германией (ПБ от 11. XII., пр. № 40, п. 2-б)¹ (тт. Рыков, Фрумкин, Литвинов. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить НКИД представить в Политбюро через две недели общий доклад о наших взаимоотношениях с Германией, и в частности, о советско-германских торговых переговорах, собрав все материалы по этому вопросу и запросив мнения полпредства и торгпредства в Берлине.

б) Обязать т. Михальского представить в Политбюро докладную записку по вопросу о переговорах с Германией.

в) Предложить комиссии, назначенной Политбюро 11. XII. с. г. для руководства делегацией по переговорам с Германией, представить в Политбюро к тому же сроку точную формулировку тех требований, которые должны быть выставлены советской делегацией при ведении переговоров о торговом договоре.

Выписки посланы: тт. Рыкову, Чичерину — все, т. Михальскому — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 50.

Примечание:

¹ Имеется в виду советско-германские торговые переговоры, которые будучи прерваны в мае после инцидента с советским торгпредством (см. документ № 7), возобновились в Москве 15 ноября 1924 г. 11 декабря 1924 г. Политбюро рассмотрело вопрос о торговом договоре с Германией и создало комиссию для руководства советской делегацией по переговорам с Германией в составе Рыкова (председатель), Фрумкина и Литвинова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 480. Л. 1).

№ 22

**Из протокола № 42
24 декабря 1924 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. Вопросы НКИД.

А. О Германии (тг. Чичерин, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Одобрить предложения НКИД по вопросу о Германии (см. приложение — прот. № 361 Коллегии НКИД от 22/XII с.г., п. 1).

Приложение

«1. Рассматривая предложения Ранцау¹, как зондаж для выяснения нашей линии поведения в отношении Польши, ответить на них контрзондажем, приняв за основу при дальнейших переговорах с ним следующие положения:

а) Совпра ставит вопрос значительно шире, чем его ставит Ранцау, имея в виду, что обмен мыслей с Германией должен касаться не только отношений к Польше, но и к Англии и всей вообще международной политики обоих государств.

б) Как первое предварительное условие, СССР и Германия берут на себя обязательство не вступать ни в политические, ни в экономические блоки с третьими державами против другой договаривающейся стороны.

в) Как второе предварительное условие, СССР и Германия обязуются в дальнейшем координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу Наций или о посылке в Лигу Наций наблюдателя.

г) По выполнении этих предварительных условий могут быть обсуждены германские предложения. (Чичерин)²».

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 52.

Примечания:

¹ Речь идет о предложениях, которые германский посол в СССР выдвинул в ходе беседы с Чичериным 20 декабря 1924 г. Они сводились к тому, что оба государства должны координировать свои действия с целью «оттеснения Польши в ее этнографические границы». Посол действовал при этом на основании директивы статс-секретаря МИД Германии Мальцана от 13 декабря 1924 г. Согласно немецкой записи беседы, Чичерин высказал ту мысль, что «советское правительство имело в виду обмен мнениями по общеполитическим вопросам, а имперское правительство говорит теперь лишь о контактах по польскому вопросу», причем «Германия обещает лишь нейтралитет в отношении России, а от России требует активной поддержки в вопросе о западной границе Польши». Вместе с тем, по утверждению Ранцау, советский нарком «приветствовал» выдвигание формулы об «оттеснении Польши в ее этнографические границы» (ADAP. Serie A: 1918—1925. Bd. XI. (5. August bis 31. Dezember 1924). Göttingen, 1993. S. 577—578, 641). Советская запись этой беседы неизвестна.

² Эта позиция была доведена до сведения германского посла Чичериным в ходе беседы, состоявшейся 25 декабря 1924 г. (ДВП. Т. VIII. С. 785—786; ADAP. Serie A: 1918—1925. Bd. XI. S. 641—642). Советская инициатива преследовала цель нейтрализовать последствия «западной ориентации»

правительства Германии, которая рассматривалась как отход от «рапалльской политики». В частности, особое беспокойство советской стороны вызывал курс Германии на вхождение в Лигу Наций без достаточных гарантий того, что этот акт не будет направлен против интересов СССР. Еще во время беседы с Ранцау 20 декабря Чичерин, согласно упомянутой выше немецкой ее записи, рассматривал в качестве «идеального варианта» тот, при котором «Германия и Россия вступят в Лигу Наций вместе или пошлют туда обе наблюдателей».

№ 23

**Из протокола № 46
27 января 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. Вопросы НКИД.

А. Об Италии (ПБ от 15.1., пр. № 45, п. 1-Б)¹ (т. Чичерин, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Разрешить НКИД заключить соглашение с Италией, исключив из предложенного НКИД текста соглашения (см. приложение) пункт 5-й, в части, касающейся сохранения договора в тайне, и считая необходимым его немедленное опубликование.

б) Признать желательным ознакомление с договором в соответствующий момент лидеров итальянской оппозиции, если это ознакомление не сможет помешать заключению договора.

в) Поручить тов. Бухарину подготовить соответствующим образом итальянских коммунистов.

Приложение

«СССР и Италия обязуются:

1. Не участвовать в каких бы то ни было враждебных одной из сторон соглашениях или действиях, как дипломатического, так военного и экономического характера.

ПРИМЕЧАНИЕ: Обязательство не распространяется на Лигу Наций, но Италия обязуется в самой Лиге Наций всеми доступными ей мерами противодействовать враждебным решениям и действиям Лиги против СССР.

2. Сохранять нейтралитет в случае военных действий против одной из договаривающихся сторон.

3. В случае возникновения войны или опасности войны между какими-либо государствами обе стороны немедленно обсуждают создавшееся положение в целях изыскания мер к предотвращению опасности или ликвидации войны.

4. Обе стороны обязуются оказывать друг другу поддержку в их стремлениях к пересмотру Лозаннской проливной конвенции.

5. Договор заключается сроком на 5 лет. *В случае желания одной из договаривающихся сторон, обе стороны обязуются сохранить настоящий договор в тайне в течение шести месяцев, после какового срока каждая из сторон имеет право предать договор гласности*².

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову — все; т. Бухарину — «В».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 60.

Примечания:

¹ Идея заключения «пакта дружбы» между Италией и СССР исходила от правительства Муссолини, который высказал ее впервые во время беседы с советским полпредом К.К. Юрневым 7 декабря 1924 г. На заседании 24 декабря 1924 г. Политбюро приняло предложение НКИД о включении в итало-советский договор обязательства не участвовать во враждебных действиях против другой стороны (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 52). 24 декабря Юрневу было поручено заявить Муссолини о готовности советского правительства «немедленно вступить в переговоры» (ДВП. Т. VII. С. 589), однако тот затягивал выполнение директивы, считая нецелесообразным демонстрировать сближение с режимом Муссолини, близким, по его мнению, к краху. Против такого сближения выступали к тому же итальянские демократы, а также руководство Итальянской компартии (этим обстоятельством было обусловлено включение в текст решения от 27 января пунктов «б» и «в»). После повторной директивы от 2 января полпред встретился с Муссолини и сообщил ему о готовности начать переговоры (Там же. Т. VIII. С. 70). К тому времени фашистское правительство уже охладело к этому проекту, поскольку уже получило поддержку в выходе из международной изоляции со стороны консервативного правительства Англии. Муссолини предложил СССР вступить в Лигу Наций и поддержать итальянскую политику на Балканах. СССР должен был также выступить с инициативой по пересмотру Лозаннской конвенции по черноморским проливам. Взамен Италия обязывалась не ратифицировать протокол о присоединении Бессарабии к Румынии от 28 октября 1920 г. Итальянская сторона предлагала выделить пункты о проливах и Бессарабском протоколе в секретное дополнение к договору. Проект договора на протяжении января 1925 г. несколько раз обсуждался в советском руководстве. 15 января Политбюро поручило НКИД устроить совещание с участием Раковского (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 485. Л. 1). В результате окончательный проект несколько отличался от того, что фигурирует в решении Политбюро от 27 января. Изложенные в нем пункты были включены в «Заключительный протокол», который был дополнен статьей, согласно которой «ни одна из сторон не должна была подтверждать или ратифицировать какие-либо соглашения, ранее ими подписанные, направленные против интересов другой стороны» (имелось в виду добиться от Италии открытого отказа от Бессарабского протокола). Муссолини в беседе с Юрневым 9 февраля фактически отклонил советский проект, который был тем самым снят с обсуждения (См.: ДВП. Т. VIII. С. 70, 121—123; Хормач И.А. СССР—Италия. 1924—1939 гг. (Дипломатические и экономические отношения). М., 1995. С. 25—30).

² Фраза, выделенная курсивом, в тексте документа зачеркнута.

Из протокола № 47
5 февраля 1925 г.

Слушали:

п. 2. Вопросы НКВД.

А. О Франции (тт. Чичерин, Литвинов, Красин).

Постановили:

1. а) Предложение т. Сокольникова по вопросу о долгах отклонить. Считать необходимым продолжение неофициальных переговоров на основе старой схемы, выработанной по отношению к Англии, т.е. на основе признания госдолгов при условии получения соответствующего займа. Официальные переговоры с французской комиссией по возможности затягивать. Если в ходе переговоров выяснится необходимость вести переговоры с держателями ценностей, не стремиться к их объединению, но вести их предпочтительно с отдельными держателями, отодвигая самый момент переговоров, поскольку возможно¹.

б) В генеральные переговоры с бывшими собственниками национализированного в СССР имущества пока не вступать. Для выяснения размеров претензий этой категории кредиторов и дальнейшего уточнения претензий других категорий кредиторов командировать в Париж одновременно с т. Красиным комиссию т. Преображенского (тт. Преображенский, Рейнгольд, Членов), ограничив задачи комиссии исключительно осведомительными целями (собираание материалов и т. п.). Комиссия состоит при полпреде. Признать необходимым немедленный отъезд тт. Преображенского и Членова; срок отъезда т. Рейнгольда определить в зависимости от хода рассмотрения бюджета².

в) Поручить НКВД и Госплану немедленно заняться подготовкой плана закупок, заказов и долгосрочных кредитов во Франции на с.х., промышленные и военные цели, или же соответственной переработкой плана, выработанного в свое время для Англии³.

г) Предложить т. Красину потребовать от Де-Монзи его схему об удовлетворении кредиторов за счет известного процента от отчислений по французским концессиям в СССР.

д) Претензии правительства СССР и частных лиц по интервенции противопоставить военным кредитам, мелким претензиям французов по конфискации имущества и причинению личного ущерба, а также претензиям собственников национализированной собственности. Дать директиву редакциям газет повести соответствующую кампанию в прессе.

е) Иметь в виду возможность обращения части нашего золота во Франции (Брест-Литовское золото, Салоникское и др.) на уплату процентов держателям ценностей на время требуемого нами моратория⁴.

ж) Заявить Францпра, что переговоры чисто политические мы будем вести не через какую-либо комиссию, а обычным дипломатическим путем.

з) Указать советской прессе на необходимость широко поставить кампанию в прессе по вопросу о наших контрпретензиях по интервенции в полемике с Францией по вопросу о долгах. В частности, подчеркивать наши претензии к Франции за содействие временному отторжению Бессарабии, а также за увод Черноморского флота, вызвавший у нас дополнительные расходы по обороне страны.

II. Поручить НКИД и т. Красину самым настойчивым образом потребовать от французского правительства выполнения обещания о возвращении бизертского флота. В советской печати повести соответствующую кампанию.

III. Предложить НКИД и т. Красину предпринять все необходимые шаги к тому, чтобы признание французского правительства распространялось и на Грузию⁵.

IV. Поручить НКИД послать т. Шляпникову по телеграфу напоминание о нецелесообразности каких бы то ни было политических переговоров с Францией в данный момент, предложив ему подождать возвращения т. Красина⁶.

V. Подтвердить, что вся переписка полпредства с НКИД должна производиться через полпреда.

VI. Считать приезд т. Шляпникова в Москву в настоящий момент преждевременным.

VII. Принять предложение НКИД о замене второго секретаря полпредства т. Фигатнера т. Перумовым, т-ща же Фигатнера отозвать.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову, Красину — все; Преображенскому — 1 «б», Фрумкину, Кржижановскому — 1 «в», Антипову — VII.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 63—65.

Примечания:

¹ 18 ноября 1924 г. во время выступления в палате депутатов, Эррио заявил о своем намерении возвратить советскому правительству военные корабли, увезенные Врангелем при эвакуации из Крыма в 1920 г и находившиеся в североафриканском порту Бизерте и очертил программу будущих переговоров о компенсациях по французским займам, предоставленным России. Неофициальные позиции сторон по этому вопросу были сформулированы в ходе беседы между полпредом СССР во Франции Красиным и

членом палаты депутатов Лушером, состоявшейся 3 января 1925 г. Лушер выразил готовность отказаться от требования признания советской стороной всей суммы долга, исчислявшейся в 14—15 млрд. золотых франков, предложив «помириться» на условиях уплаты 2 млрд. фр. и процентов по ним в виде ежегодных платежей «около 100 млн. франков» на протяжении 20 лет. Красин в ответ заявил: «На практическую комбинацию признания известного долга безотносительно к признанию долгов прежних правительств мы идти готовы, но неизменным условием является новый заем на цели экономического восстановления. Если возможно убедить или заставить убедить французских держателей пойти на редуцирование суммы долга до двух или, может быть, и до одного и ниже миллиарда франков, то неужели в самом деле нельзя было бы при помощи правительственной гарантии или гарантии крупнейших банков организовать одновременно новый заем в сумме хотя бы тех же 2 млрд. золотых франков, тем более что большая часть этого займа осталась бы в виде заказов во Франции» (ДВП. Т. VIII. С. 17—18).

Эта схема не встретила, однако, позитивного отклика с французской стороны. Как сообщал Красин 11 января 1925 г., официальный представитель Франции на переговорах де-Монзи отмежевался от компромиссной позиции Лушера в вопросе о снижении претензий к СССР. В то же время, по-видимому, под влиянием проникшей в печать информации о готовности советской стороны пойти на признание «известного долга» стала повышаться биржевая котировка российских облигаций на парижской бирже, что подрывало аргументацию об их обесценении, которая активно использовалась в советской дипломатии (ДВП. Т. VIII. С. 45—49).

² Мысль о целесообразности приезда во Францию Преображенского и Рейнгольда содержалась в упомянутом сообщении Красина от 11 января.

³ По итогам своей беседы с французским послом Эрбеттом Литвинов 26 января 1925 г. сделал вывод: «В настоящее время у нас во Франции нет влиятельных кругов, которые были бы заинтересованы в улаживании спорных вопросов; путем обещания заказов мы должны завоевать поддержку промышленников» (ДВП. Т. VIII. С. 102).

⁴ По условиям Брест-Литовского мирного договора между Советской Россией и Германией, последняя должна была получить 245 т 564 кг золота в виде контрибуции. Фактически Германии было передано 93 т 563 кг золота, стоимость которых была эквивалентна 322 млн. франков (См.: Исторический архив. 1998. № 1. С. 137).

⁵ Представители грузинского правительства, которое перестало существовать после вступления в Грузию частей Красной армии, продолжали посещать разного рода дипломатические приемы, устраиваемые французской стороной. Эта практика вызывала протесты советской стороны. Вопрос о формальном признании Францией вхождения Грузии в состав СССР поднимался, в частности, Красиным в беседе с Эррио 12 марта 1925 г. (ДВП. Т. VIII. С. 184).

⁶ В конце января 1925 г. Красин был отозван в Москву для консультаций. На время отсутствия полпреда его замещал Шляпников, который попытался активизировать диалог с французской стороной. Как следует из текста решения Политбюро от 12 февраля 1925 г., он по собственной инициативе и вопреки пункту IV решения от 5 февраля, предложил Эррио «заключить договор о неучастии во враждебных комбинациях». Расчет был при этом, видимо, на то, что демонстрацией политического сближения с Фран-

цией можно добиться от нее экономических уступок. Политбюро не одобрило этой инициативы Шляпникова. Была принята альтернативная схема, опирающаяся на идею Литвинова о завоевании поддержки «промышленников» (заказы, концессии и т. д.). В ее развитие решением от 12 февраля предусматривался ряд соответствующих мер: согласие на включение во французскую миссию в СССР «специалиста по финансовым вопросам», а также «приезд в Россию группы французских промышленников» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 70).

«Политические вопросы», о которых идет речь в решении, касались, помимо «грузинского», очевидно, прекращения деятельности бывших царских дипломатов во Франции и введения советских представителей во французский орган, управлявший секвестрованным имуществом частных российских банков и фирм на территории Франции. По обоим вопросам советской стороной были направлены ноты (соответственно 10 и 12 февраля). Ответная французская нота от 12 марта говорила о принятии мер по прекращению консульской деятельности бывших российских дипломатов-эмигрантов, однако нота от 17 марта отклоняла советское требование о «прикомандировании» уполномоченных посольства или Правительства СССР к управляющему секвестрованным имуществом российских банков и фирм (ДВП. Т. VIII. С. 124—126, 140—143).

№ 25

**Из протокола № 47
5 февраля 1925 г.**

Слушали:

п. 28. Предложение по болгарскому вопросу¹.

Постановили:

Согласиться с резолюцией Президиума ИККИ (см. приложение).

Приложение

Совершенно секретно.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРЕЗИДИУМА ИККИ ОТ 28/ 01 — 25 г. ПО БОЛГАРСКОМУ ВОПРОСУ (Утверждено ПБ 29/ 01—25 г.)

Ввиду того, что международное положение вообще, положение Болгарии на Балканах в частности, таково, что шансы удержания власти коммунистов и левых земледельцев сейчас крайне малы; что вооруженная помощь со стороны СССР исключена; что самостоятельное выступление коммунистов сейчас грозило бы потерей нашего влияния в земледельческом лагере и даже прямо могло бы на время спасти Цанкова, — необходимо:

1. Отказаться теперь от вооруженного выступления против групп, свергающих Цанкова.

2. Согласиться на переговоры с «левыми» генералами.

3. Вести эти переговоры по возможности вместе с левыми земледельцами под лозунгом: *драться против Цанкова готовы*².

4. Главными условиями выдвинуть:

а) вооружение рабочих и крестьян (не ультимативно), фактически делать это во всяком случае;

б) разоружение цанковистов, врангелевцев и т.п.;

в) новые выборы в течение нескольких недель на основе демократического выборного закона (существовавшего до Стамбульского);

г) немедленная всеобщая амнистия;

д) полная легализация компартии и земледельцев;

е) признание СССР (не ультимативно).

5. Коммунисты оказывают влияние на левых земледельцев в том смысле, что они в правительство не входят (до выборов).

6. Коммунисты уже сейчас усиленно выдвигают свою экономическую программу.

ЦК компартии должен ясно видеть неизбежные опасности этой тактики: опасности эти заключаются в том, что мы невольно можем помочь укрепиться более жизнеспособной фракции буржуазии. Наша же задача заключается в том, чтобы сделать из свержения Цанкова ступеньку к дальнейшей борьбе за рабоче-крестьянское правительство в подходящий по международным соображениям момент, закрепляясь для этого на всех возможных позициях, и постепенно распространяя революционное влияние на соседние крестьянские страны.

Западные компартии должны иметь в виду, что параллели между германской ситуацией в октябре 1923 г. и нынешней болгарской проводить невозможно. И *международный* момент (германская революция = европейская революция) и *внутреннее* положение в Болгарии (громкая роль революционного крестьянства) и *межпартийное* положение в Болгарии (отсутствие сильной социал-демократии) совершенно не те, что в Германии.

Само собой разумеется, что непредвиденные ситуации завтра после свержения Цанкова могут потребовать и иных решений партии, к которым надо готовить партию, во всех отношениях (в том числе и вооружением). В печати взять тон более сдержанный по отношению к элементам, готовящим переворот.

Выписка послана: т. Пятницкому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 65, 67—68

Примечания:

¹ См. документы № 8, 9, 10.

² Здесь и далее выделенные курсивом фрагменты текста даны в документе вразрядку.

Из протокола № 48
12 февраля 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

А. Об Англии (тт. Чичерин, Литвинов, Раковский, Красин, Михальский).

П о с т а н о в и л и :

Принять с поправками предложения коллегии НКИД в следующем виде:

1. Сделать все необходимое с нашей стороны для создания благоприятной атмосферы для начала переговоров. С этой целью:

а) дать директиву нашей печати, чтобы она учитывала колебания английской политики по отношению к СССР; в частности, она должна оттенить менее агрессивную политику Чемберлена и Болдуина в противоположность политике Черчилля¹;

б) Поручить НКИД дать заверения, на условиях взаимности, представителю английского правительства, что правительство СССР остается на почве прежних соглашений о взаимном невмешательстве и никаких изменений с нашей стороны в этой области не предполагается.

2. Пункт второй предложений НКИД отклонить, оставив в силе в официальных переговорах старую формулу связи между ликвидацией долгов и заключением займа².

3. Если т. Преображенский будет занят в Париже, назначить другую аналогичную комиссию для работы в Лондоне.

4. Имея в виду вырабатываемую нами схему заказов во Франции, признать необходимым иметь также схему заказов и в Англии (это связано с возможностью получения долгосрочных кредитов), обязав соответствующие ведомства, под ответственностью Госплана, представить в НКВТ к 1 марта все необходимые сведения.

5. Признать необходимым довести до благоприятного конца соглашение с «Лена-Гольдфильдс» и продолжить переговоры с Урквартом³.

6. Признать необходимым назначить торгпреда в Англию.

7. Принять предложения НКИД о необходимости разрешения благоприятным образом некоторых вопросов, касающихся английских граждан, о чем т. Раковский передаст соответствующие заявления в комиссию т. Куйбышева⁴.

8. Послать тов. Карахану директиву в том смысле, чтобы он смягчил тон своих выступлений при сохранении их содержания по существу⁵.

Выписки посланы: т т. Чичерину, Литвинову, Раковскому — все; Красину, Цюрупе — 4; Пятакову — 5; Хатаевичу, Красину — 6; Куйбышеву — 7; Менжинскому — 7.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 69—70.

Примечания:

¹ Тезис об изменении позиции консервативного правительства Англии в сторону «меньшей агрессивности» возник, очевидно, на основании информации Раковского о своей беседе с Чемберленом 6 января 1925 г. (ДВП. Т. VIII. С. 33—38; DBFP. Vol. XXV. P. 632—633).

² Содержание данного пункта предложений НКИД неизвестно.

³ Соглашение с компанией «Лена-Гольдфильдс лимитед» было заключено 14 ноября 1925 г. (ДВП. Т. VIII. С. 723). С другой стороны, позиция Уркварта изменилась в сторону большей жесткости, и контакты с ним были прерваны.

⁴ Суть соответствующих предложений неизвестна. Очевидно, речь шла о жалобах на действия ОГПУ.

⁵ Вопрос о выступлениях полпреда СССР в Китае Л.М.Карахана стал предметом обмена мнениями в ходе беседы между британским министром иностранных дел Чемберленом и Раковским 1 апреля 1925 г. Согласно английской записи беседы, Чемберлен выразил резкий протест по поводу «деятельности советского посла в Пекине, который непрерывно поносит своих коллег и политику их стран, подстрекая китайское правительство к денонсации договоров с моей страной и другими державами». Согласно той же записи Раковский ответил на это следующим образом: «В позиции России происходят существенные изменения. Сразу же после революции приходилось делать упор на пропаганду, поскольку революционное правительство не чувствовало себя в безопасности. Ныне однако у него есть достаточные средства для обороны, и в оружии пропаганды больше нет такой необходимости. Посол в Пекине высказывается, наверное, не очень умно. Ранее он получил инструкции попытаться установить более гармоничные отношения со своими иностранными коллегами» (DBFP. Vol. XXV. P. 658).

№ 27

Из протокола № 48 12 февраля 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

В) Постановление комиссии т. Пятницкого по предложению НКИД (ПБ от 7.II.25 г., пр. № 48, п. опр. 5) (тт. Чичерин, Литвинов, Менжинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Подтвердить решение ПБ от 7/2 с. г. об утверждении предложения большинства комиссии т. Пятницкого (см. приложение).

б) Признать необходимым опубликовать выдержки из показаний арестованных в редакции, одобренной НКВД и ОГПУ.

в) Поручить ОГПУ и НКВД обсудить вопрос о том, в какой форме иностранные корреспонденты могли бы убедиться в нормальном содержании арестованных.

Приложение

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО, согласно протокола № 48 от 7/2-25г.

С л у ш а л и :

О целесообразности свидания представителя германского посольства с тремя арестованными германскими «студентами»-террористами и о возможности использования этого дела в переговорах с германским представительством в части благоприятного для нас окончания процесса «ЧК»¹.

П о с т а н о в и л и :

1. В данный момент следствия считать абсолютно недопустимым дачу свидания представителю Германского Посольства, так как это может побудить арестованных не давать в дальнейшем откровенных показаний и уже данные взять обратно.

2. Предложить ОГПУ передать т. Литвинову протокол показаний Киндермана для прочтения выдержек из него, по соглашению с ОГПУ, немецкому послу².

3. Предложить НКВД и ОГПУ составить для прессы статью в противовес кампании германской прессы³.

4. Считать необходимым максимальное использование этого дела в переговорах с германским правительством. Это дело связать с предстоящим коммунистическим процессом в Германии о «ЧК» и других, в которых привлечены в качестве обвиняемых русские граждане⁴.

Пятницкий, Ягода.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Менжинскому, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 70, 74.

Примечания:

¹ 26 октября 1924 г. органы ОГПУ арестовали трех студентов-немцев, прибывших в СССР с рекомендациями по линии КПГ, — К. Киндермана, Т. Вольшта и М. Дитмара (последний был гражданином Эстонии). Германское посольство заинтересовалось судьбой арестованных сравнительно поздно, лишь после появления в немецкой печати сообщений о намерении отца одного из них — Киндермана, предпринять акт мести в отношении советского полпреда. Из телеграммы посла Германии Брокдорф-Ранцау от 23 января 1925 г. следует, что он был склонен принять сообщенную ему советской стороной версию о том, что все трое арестованных являются членами

правоэкстремистской организации «Оргеш». Согласно этой версии, наиболее отягчающие свидетельства имелись у следствия в отношении Диттмара, а Киндермана и Вольшта обещано было в ближайшее время освободить. Однако 6 февраля германской стороне было сообщено о новых «признаниях» Киндермана, согласно которым все трое были членами другой правонационалистической организации — «Консул» и имели задание совершить покушения на Сталина, Троцкого, а также и на самого посла Брокдорф-Ранцау как якобы слишком просоветски настроенного. Следствие, как утверждалось, выяснило к тому же, что Диттмар и Вольшт являлись якобы бывшими офицерами-подводниками, осужденными за потопление госпитального судна Антанты.

7 февраля 1925 г. Политбюро для ознакомления с материалами дела и выяснения целесообразности допуска к ним представителей германского посольства назначило комиссию в составе Пятницкого, представителя ОГПУ и НКВД с поручением закончить работу в 24 часа (РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 162. Д. 2. Л. 72).

В телеграмме от 10 февраля германский посол высказал сомнения по поводу адекватности сообщенной ему новой версии, предположив, что «признания» были выжаты путем психологического давления на арестованных. Вскоре из Берлина ему была прислана ориентировка, согласно которой все «дело» было «инсценировано Иностранным отделом ГПУ». Мотивом называлось намерение «нажать» на немецкую сторону в плане недопущения антисоветских выпадов на начинавшемся 10 февраля процессе по делу военной организации КПГ («дело ЧК») и облегчения участи одного из фигурантов этого процесса — советского советника при ЦК КПГ П.А.Скоблевского (а также арестованного незадолго до этого тогдашнего лидера КПГ А. Маслова). В телеграмме от 24 февраля германский посол сообщил о своей «доверительной беседе» с председателем СНК А.И.Рыковым, в ходе которой тот прямо предложил сделку — одновременно «ликвидировать» как «дело ЧК», так и «дело студентов» (ADAP. Bd. XII. Dok. 57, 74, 82, 115, 116, 119; о «деле ЧК» — см. так же: Коминтерн и идея мировой революции. М., 1999. С. 484—487).

² Конкретные сроки выполнения этого пункта неизвестны. Вполне вероятно, что упомянутая телеграмма Брокдорф-Ранцау от 10 февраля была послана уже после получения им «выдержек» из протокола допроса Киндермана.

³ Первые материалы в советской печати в духе версии о «студентах-террористах» появились 21 февраля 1925 г.

⁴ Под протоколом отсутствует подпись представителя НКВД. По словам Брокдорф-Ранцау, в разговоре с ним Чичерин и Литвинов сообщили, что они «настойчиво пытались добиться удовлетворения моего пожелания о посещении [арестованных], но не смогли преодолеть сопротивления ГПУ; они при этом ссылались на решение Совнаркома, который взял сторону ГПУ» (ADAP. Bd. XII. Dok. 82). Муссирование «дела студентов» не воспрепятствовало проведению «процесса ЧК» и преданию гласности в его ходе фактов о связях между немецкими коммунистами и советским посольством. Вместе с тем, оно сыграло негативную роль в советско-германских отношениях. 8 апреля 1925 г. Брокдорф-Ранцау довел до сведения Чичерина полученные из Берлина директивы, согласно которым по существу отвергались советские предложения от 24 декабря 1924 г. (см. документ № 14) и форму-

лировался курс на сближение Германии с западными державами. Излагая приводимые немецким послом объяснения такого поворота в политике своего правительства, Чичерин записал: «Чрезвычайно повредила, по его словам, и история с немецкими студентами, которая была весьма сильно использована и которая послужила доказательством, что в Москве с ним не считаются» (ДВП. Т. VIII. С. 212). Еще более раздраженную реакцию посла вызвало продолжение «дела студентов» в виде судебного процесса, проходившего в Москве с 24 июня по 3 июля 1925 г. В беседе с Чичериным 28 июня Брокдорф-Ранцау упомянул даже о возможности разрыва дипломатических отношений (ДВП. Т. VIII. С. 396—400). См. также документы № 28, 31, 32.

№ 28

**Из протокола № 48
12 февраля 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 28. Предложение НКВД.

П о с т а н о в и л и :

а) Для ознакомления с материалами по вопросу об арестованных немецких студентах и выяснения целесообразности допуска к ним представителей Германского Посольства¹, назначить комиссию в составе: т. Пятницкий, представитель ОГПУ и НКВД.

Созыв комиссии за т. Пятницким.

б) Комиссии закончить свою работу и представить свои предложения в Политбюро в 24-часовой срок.

Выписки посланы: тт. Пятницкому, Литвинову, Чичерину, Ягода.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 72.

Примечание:

¹ См. документ № 27.

№ 29

**Из протокола № 48
12 февраля 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 29. О тов. Володько.

П о с т а н о в и л и :

Послать т. Крестинскому шифротелеграмму: «Без особой нужды к упомянутому генералу не обращаться, следите за ходом и сделайте все необходимое»¹.

Выписка послана: т. Крестинскому — шифром.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 72.

Примечание:

¹ Володько (или Вольф, Гельмут, Горев), псевдоним П.А.Скоблевского, стоял во главе военной организации КПГ в 1923—1924 годах. Он был арестован немецкой полицией весной 1924 г. по обвинению в террористической деятельности. В результате судебного процесса, проходившего в Лейпциге с 22 февраля по 22 апреля 1924 г. был приговорен к смертной казни (см. об этом: Коминтерн и идея мировой революции. С. 475). В решении Политбюро от 27 января 1925 г. по данному вопросу говорилось: «Поручить Секретариату предпринять немедленные шаги для соответствующих переговоров с Сектом» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 62), из чего следует, что имелось в виду использовать имевшиеся связи с главой рейхсвера генералом Сектом для того, чтобы добиться облегчения участи Скоблевского.

№ 30

Из протокола № 51 5 марта 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

А. Об Эстонии (тт. Литвинов, Копп).

П о с т а н о в и л и :

Принять с поправками предложенный НКИД проект устного заявления эстонскому правительству¹ (см. приложение).

Приложение

УСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ЭСТОНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ (утверждено 5 марта 1925 года)

«Вопреки многократным заявлениям Эстонского Правительства о дружественном отношении к СССР и неоднократным опровержениям всяких противоречащих этому сведений, Правительство СССР имеет неопровержимые доказательства того, что Эстонский Посланник в Лондоне г. Каллас дважды в течение января обращался к Английскому Правительству с явно враждебными по отношению к СССР предложениями, исполнение которых было бы равносильно английскому протекторату над Эстонией и передаче Англии руководства внешней политикой Эстонии по крайней мере в отношении СССР².

Ввиду абсолютной точности имеющихся в его распоряжении сведений, Правительство СССР не намерено входить с Эстонским Правительством в обсуждение формального вопроса об их достоверности. Оно позволяет себе запросить Эстонское Правительство, делались ли демарши Эстонского Посланника в Англии с ведома и согласия Эстонского Правительства и одобряет ли последнее эти выступления, противоречащие как его многократным заявлениям, так и характеру взаимоотношений между СССР и Эстонией.

Советское Правительство относится чрезвычайно серьезно к уклону эстонской внешней политики, выразившемуся в представлениях г. Калласа Английскому Правительству и считает нужным заявить, что оно ни в коем случае не может мириться с установлением в Прибалтике протектората, направленного против Советского правительства, и руководящего влияния, хотя бы в самой отдаленной и косвенной форме, со стороны третьих государств³.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 82, 84.

Примечания:

¹ После организованного эстонскими коммунистами восстания (1 декабря 1924 г.) международная обстановка в Прибалтике осложнилась. 16—17 января 1925 г. в Хельсинки прошла конференция четырех стран — Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. Как сообщил в Лондон английский посол в Риге Дж. Воган, ссылаясь на доверительную информацию, полученную от министра иностранных дел Латвии Мееровица, на этой конференции было принято секретное соглашение о «едином фронте против большевизма» (DBFP. Vol. XXV. P. 845). Советского полпреда тот же Мееровиц заверял, однако, что речь шла исключительно о планах и инициативах эстонской стороны, явившихся плодом «неровности» и «горячности» «милитаристичного правительства Эстонии» (ДВП. Т. VIII. С. 20—21). Советскую сторону особенно беспокоила возможность эстонско-английского союза, направленного против СССР, о чем свидетельствует данное решение Политбюро.

² Источник полученной советской стороной информации неизвестен. Согласно английским дипломатическим документам, эстонский посланник в Англии Каллас в беседе с Чемберленом 14 января 1925 г. просил английское правительство выступить с заявлением о «заинтересованности» Великобритании в судьбе прибалтийских государств, в частности, Эстонии. Чемберлен, судя по его собственной записи беседы, уклонился от прямого ответа на этот запрос. Принявший Калласа 27 января постоянный заместитель министра иностранных дел Кроу заявил о невозможности для Великобритании «взять на себя роль специального протектора балтийских государств», не исключив в то же время возможности английских поставок вооружения Эстонии (DBFP. Vol. XXV. P. 835—836, 847—850).

³ 10 марта 1925 г. посол СССР в Эстонии А.М.Петровский зачитал текст этого заявления представителю эстонского правительства. В телеграмме от 17 марта, адресованной в НКИД, полпред сообщил ответ эстонской стороны, который сводился к тому, что правительство Эстонии не давало поручение Калласу выступить с таким предложением, а сам посол отрицает, что он с таким предложением когда-либо выступал. В июле 1925 г. в НКИД поступила информация о намечавшихся англо-эстонских переговорах о передаче принадлежавших Эстонии островов Эзель и Даго в аренду Великобритании для создания там военно-морской базы. Однако вопрос о новом демарше по адресу эстонского правительства в ЦК не ставился (ДВП. Т. VIII. С. 187, 778—779).

Из протокола № 51
5 марта 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Б. О студентах¹ (тт. Литвинов, Менжинский, Пятницкий).

П о с т а н о в и л и :

1. Утвердить с поправками следующие решения комиссии, назначенной делегацией РКП в Президиуме ИККИ:

а) Поручить т. Кацу ознакомить ЦК КПП с делом Киндермана, и сообщить показание Киндермана, каким образом он вступил в Дурлахскую парторганизацию КПП и о том, что лица, подписавшие ему как парткнижку, так и удостоверение на право выезда в Россию, служат в посреднической конторе отца Киндермана.

Обратить внимание ЦК КПП на то обстоятельство, что копия документа, выданного Дурлахской парторганизацией, находится в руках германского посла в Москве.

Через т. Каца предложить КПП принимать меры против проникновения в ряды КПП чуждых, враждебных ей элементов.

б) Предложить ЦК КПП через т. Каца ознакомить как членов партии, так и рабочих вообще с тем, каким образом Киндерман вступил в КПП, так как среди членов КПП замечается неудовольствие по поводу ареста якобы германского коммуниста.

в) Ознакомить с материалами дознания (кои могут быть в соответствии с интересами дальнейшего следствия предъявлены) представителей секций КИ и представителей иностранной (если это политически необходимо) и русской прессы с тем, чтобы открыть газетную кампанию с опубликованием соответственных документов одновременно в СССР и за границей.

Все это провести в ударном порядке.

II. Признавая желательным ускорение окончания предварительного следствия и передачу дела в суд, обязать ОГПУ в следующем заседании Политбюро представить свои соображения по этому вопросу.

III. Считать необходимым немедленное опубликование статьи или интервью тов. Каца по делу Киндермана. Проведение этого решения поручить тт. Пятницкому и Дзержинскому.

Выписки посланы: тт. Дзержинскому, Пятницкому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 82—83.

Примечание:

¹ См. документы № 27, 28.

№ 32

Из протокола № 52
13 марта 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.
Ж. О студентах¹ (т. Менжинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять следующие предложения тов. Менжинского:

1. Формально передать дело в Верховный Суд СССР с 20 марта с.г.

2. Председателем Суда по данному делу назначить тов. В.В.Ульриха.

3. Ответственным следователем от Верховного Суда по делу назначить тов. И.И.Сосновского.

4. Следствие продолжать в прежнем порядке за полной ответственностью ОГПУ. Следствие закончить между 15 апреля и 15 мая.

5. Все сношения с представителями Германского посольства и прочими лицами, не имеющими непосредственного отношения к следствию, вести через Пом[ощника] Прокурора при Верховном Суде СССР т. Катаняна, вплоть до вручения обвиняемым обвинительного акта, после чего эти сношения вести только через председательствующего суда т. Ульриха.

6. После передачи ОГПУ дела немецких террористов в суд опубликовать об этом в печати.

б) Предложить т. Менжинскому максимально ускорить передачу дела в суд.

в) Поручить т. Менжинскому перед постановкой дела на суде войти в Политбюро с окончательным предложением о составе суда.

Выписки посланы: т. Межинскому — все; т. Литвинову — «а» 1, «а» 6; т. Ульриху В. — «а» 1, 2, 3, 4, 5, 6; Катаняну — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 86—87.

Примечание:

¹ См. документы № 27, 28, 31.

№ 33

Из протокола № 55
2 апреля 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 2. О переговорах по торговому договору с Германией¹ (тт. Ганецкий, Рыков, Фрумкин, Цюрупа, Литвинов, Варга, Стомоняков, Свидерский).

П о с т а н о в и л и :

Признать уступки немцам, сделанные комиссией Политбюро по вопросу о заключении советско-германского торгового договора 31 марта с. г., максимальными, и решения комиссии утвердить (см. приложение).

Приложение

(Утверждено Политбюро 2/IV-25 г., окончательная редакция).

**ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО
ПО ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА
ОТ 31 МАРТА 1925 г.**

С л у ш а л и :

1. Обсуждение спорных вопросов договора.

П о с т а н о в и л и :

1. Дать нижеследующую директиву советской делегации по заключению договора:

а) согласиться платить налоги за торгпредство при обязательном условии не контролирования книг и т. п.;

б) согласиться, что положение наших хозорганов за границей приравнено к положению частных юридических лиц;

в) стремиться выработать соглашение, на основании которого к нам не будут применяемы хлебные пошлины;

г) предложить представить нам кредит в 500 милл. марок на 3 и 10 лет, но считая, однако, этот вопрос ультимативным;

д) допустить транзит на Восток в форме смешанных обществ;

е) дополнить договор пунктом о консигнации, т.е. о ввозе немцами разных товаров по договорам с НКВТ или другими органами с оговоркой, что в случае непродажи допущенных товаров в течение определенного срока, НКВТ или эти другие органы, обязуются таковые товары купить;

ж) считать для нас приемлемым заключение соглашения по патентному вопросу в случае соглашения немцев на заключение ветеринарной конвенции.

С л у ш а л и :

2. Об аквизициях (оффертах).

П о с т а н о в и л и :

Предложения немцев об аквизициях (оффертах) отвергнуть.

Выписки посланы: Рыкову, Фрумкину, Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 100, 105.

Примечание:

¹ См. документы № 7, 21.

№ 34

**Из протокола № 56
9 апреля 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

А. О совещании¹ (ПБ от 26.III.25 г., пр. № 54, п. 15) (тт. Ара-лов, Трилиссер, Берзин, Уншлихт, Чичерин, Литвинов, Дзер-жинский).

П о с т а н о в и л и :

Одобрить с поправками постановление комиссии Политбю-ро² от 3 апреля с.г. (см. приложение).

Приложение

ПРОТОКОЛ № 1

Заседания комиссии 3-го апреля 1925 года

С л у ш а л и :

I. Вопросы о целях и значении происходящего в Риге совеща-ния представителей генштабов Польши, Румынии и государств Прибалтики.

П о с т а н о в и л и :

1) Констатировать бесспорность факта происходящей в Риге конференции представителей генштабов Польши, Латвии и Эс-тонии с участием Румынии и Финляндии в качестве «наблюдате-лей».

2) Конференция представителей генштабов является последо-вательным этапом в процессе установления единого антисовет-ского блока в граничащих с СССР на Западе государствах (Гель-сингфорская конференция, конференции представителей МВД и политохраны, конференции представителей генштабов).

Отмечается наиболее активная роль в этой конференции Польши, руководимой Францией, но учитывая факт большого влияния Англии на некоторые государства в Прибалтике (Фин-ляндия и Румыния) и усиливающееся влияние на других (в Гер-мании, Балканы, Польше и Латвии), также нарастающую актив-ность антисоветской ее работы, как на Востоке, так и на Запа-де — надлежит признать, что и Англия заинтересована в созда-нии на западных наших границах антисоветских плацдармов, в построении которых Англия осуществляет приемы неофициаль-ного характера (инспекционные поездки по Прибалтике предста-вителей адмиралтейства и военного м[инистерст]ва, комиссия

генерала Корка и т.п.). Следовательно она может воспользоваться организуемым прибалтийским блоком³.

Таким образом факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии ТАИТ В СЕБЕ НЕПОСРЕДСТВЕННУЮ УГРОЗУ ОПАСНОСТИ СССР.

К предотвращению этой опасности со стороны СССР должно быть принято ряд мер, а именно:

а) Использовать возможности нашего экономического давления на государства Прибалтики в целях разложения этого блока, для чего выяснить конъюнктуру наших экономических отношений с Прибалтикой, учитывая, как положительные, так и отрицательные стороны. Для выработки конкретных предложений в этой области собрать материалы в наших экономических органах.

б) Существующий между Польшей и Литвой антагонизм по возможности использовать для разложения блока, указав Литве, что блок Прибалтики с Польшей составляет непосредственную угрозу Литве.

в) В отношении Германии максимально использовать противоречия (с Францией и главным образом) с Польшей. В частности, указать Германии, что вдохновляемый Францией блок Прибалтики с Польшей и Румынией в первую очередь направлен против нее⁴.

г) В целях выяснения степени подготовки боевых сил наших ближайших соседей и непрерывного тщательного наблюдения за направленными против нас мероприятиями наших возможных противников — соответствующим ведомствам максимально усилить разведку.

д) Коминтерну широко развить работу по разъяснению рабочим массам Запада значение этого военного блока как новой угрозы со стороны империалистов по отношению к СССР и мирового пролетариата.

е) Признать необходимым максимальное усиление боевой и мобилизационной готовности Красной армии, а также принятие мер по усилению охраны границ. В частности, необходимо обратить особое внимание на усиление нашей военной промышленности и создание соответствующей материальной базы для нашей армии.

ж) В отношении Польши и Румынии соответствующим органам всемерно использовать существующие на окраинах этих государств национальные противоречия.

з) Принять меры к разъяснению через нашу печать широким рабочим и крестьянским массам значение этого нового антисоветского блока и возрастающей опасности.

С л у ш а л и :

II. О дальнейшей работе комиссии.

П о с т а н о в и л и :

Работу комиссии продолжать, для дальнейшего изучения вопроса, проверки выводов и выработки более конкретных предложений в отношении мероприятий с нашей стороны.

Выпуски посланы: тт. Чичерину, Литвинову, Фрунзе, Менжинскому и Аралову — все; Фрумкину — 2 «а»; Пятницкому — 2 «д».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 106, 108—109.

П р и м е ч а н и я :

¹ Речь идет о совещании военных представителей Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии и Румынии, состоявшемся в Риге с 31 марта по 2 апреля 1925 г. Оно явилось воплощением плана создания «фронта против большевизма», о котором шла речь на январском форуме четырех стран в Хельсинки. Сведения о созыве этого совещания поступали от советских полпредов в Польше, Финляндии и Латвии. 2—5 декабря 1925 г. было проведено еще одно секретное совещание представителей генштабов Польши, Латвии, Эстонии и Румынии (ДВП. Т. VIII. С. 191—192, 200, 203—204, 228, 780, 786).

² Комиссия по прибалтийским делам была создана постановлением Политбюро от 26 апреля 1925 г. в составе Орджоникидзе, Микояна, Молотова, Антипова и др. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 501. Л. 2).

³ Английский полпред в Риге Воган в своих донесениях от 31 марта и 19 апреля 1925 г. привел высказывания ряда немецких, латвийских и литовских дипломатов, сводящиеся к тому, что основную роль в организации «военной конференции» играла Польша, стремящаяся к статусу регионального «гегемона», а за ее спиной стояла Франция, также руководствовавшаяся гегемонистскими мотивами. Английский дипломат воздержался от выражения собственной точки зрения по поводу этих высказываний. Так же без комментария он сообщил о появлении в советской печати статей о рижском совещании военных деятелей пяти стран «с обвинениями по адресу Великобритании в поддержке военного сотрудничества этих стран». Об определенной вовлеченности Великобритании в военные мероприятия в Балтийском регионе говорит телеграмма Чемберлена Дж. Вогану от 28 июля 1925 г., где сообщалось, что в ответ на запрос министра иностранных дел Эстонии Пусты от 8 мая 1925 г. о присылке английской военной миссии министерство обороны Великобритании 5 июня приняло по этому вопросу положительное решение (DBFP. Vol. XXV. P. 881—882, 916—917).

⁴ Судя по сообщениям английского полпреда в Риге Вогана, усилия советской дипломатии по использованию противоречий между странами Балтийского региона опирались на реальные факты и имели определенный эффект. Воган, в частности, упомянул о том, что советская сторона проинформировала МИД Литвы о сделанном ей польским послом в СССР Кентжинским предложении «поделить балтийские государства на две сферы влияния между СССР и Польшей». Расценив этот советский демарш как признак того, что «большевики хотят поссорить Литву с Польшей», Воган вместе с тем косвенно признал наличие у польских политиков идей о разделе «сфер влияния» с Россией. Воган привел также высказывание литовского

министра иностранных дел Чарнекиса, который отметил, что целью проведения рижской конференции было «заключение военной конвенции с целью создания барьера между Россией и Германией» (DBFP. Vol. XXV. P. 889—891).

№ 35

Из протокола № 56 9 апреля 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 5. Сообщение тов. Шляпникова (тт. Шляпников, Литвинов, Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать необходимым выход из состояния пассивности¹.

б) Поручить НКВД наметить и представить в Политбюро через неделю предложения: 1) о мерах наших уступок по линии долгов, имея в виду также русское имущество во Франции и получение кредитов; 2) о договоре о ненападении и 3) о формах кампании в печати (с использованием речей Жореса и пр.).

в) Предложить т. Красину сообщить в Политбюро в недельный срок точное состояние переговоров с французским правительством (а также с частными фирмами).

г) Сообщить т. Красину, что Политбюро считает дальнейшее состояние пассивности вредным и подготавливает переход к активности, предложив ему представить свои практические предложения по этому поводу.

д) Решения по пунктам «а», «б», «в» и «г» сообщить т. Красину.

е) Предложить комиссии тов. Преображенского в недельный срок представить в Политбюро точные цифровые данные об обязательствах, установленные комиссией до сих пор².

ж) Поручить ВЦСПС вместе с т. Шляпниковым озаботиться доведением до конца издания французского перевода отчета делегации английских профсоюзов³.

з) Освободить т. Шляпникова от обязанностей советника полпредства в Париже⁴.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову — все; Догадову — «ж», Шляпникову — «з»; т. Антипову — «з».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 106—107.

Примечания:

¹ Рассмотрение данного вопроса Политбюро было вызвано, очевидно, телеграммой Красина в НКВД от 23 марта 1925 г., в которой советский полпред отмечал явное охлаждение французской стороны к идее скорейшего разрешения спорных вопросов с СССР. Это изменение во внутривнутриполитической ситуации во Франции объяснялось влиянием антисоветской линии

Чемберлена и отсутствием каких-либо конкретных предложений по финансовым вопросам с советской стороны (ДВП. Т. VIII. С. 190—191).

² Комиссия прибыла в Париж 1 апреля.

³ Имеется в виду документ, разоблачающий провокацию с «письмом Зиновьева» (см. документ № 18).

⁴ Данный пункт объясняется, по всей вероятности, разногласиями между Шляпниковым и Красиным, по которым Политбюро взяло сторону последнего (см. документ № 24).

Вопросы советско-французских отношений на протяжении 1925 г. еще несколько раз ставились на обсуждение Политбюро. 11 июня Красин передал в Москву компромиссное предложение французской стороны о бизертском флоте (см. документы № 24, 40), согласно которому возвращались все корабли за исключением броненосца «Адмирал Алексеев» (ДВП. Т. VIII. С. 361). Опросом членов Политбюро от 12 июня было решено послать Красину шифровку, текст которой гласил: «Требовать возвращения всего флота плюс броненосец генерал Алексеев. В случае отказа Красину немедленно выехать в Москву, отложив переговоры о флоте на ближайшее будущее» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 189).

№ 36

**Из протокола № 60
23—25 апреля 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. О Германии¹ (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) Предложить тов. Крестинскому заявить официальный протест германскому правительству по поводу мотивировки приговора.

б) Поручить тов. Крестинскому позаботиться о Скоблевском как легальными, так и нелегальными способами.

Выписка послана: тов. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 114.

Примечание:

¹ См. документ № 29. В сборнике «Документы внешней политики» сведений о выполнении этой директивы не имеется. Судя по немецкой записи беседы между министром иностранных дел Германии Штреземаном и советским полпредом Крестинским, имевшей место 25 апреля, советский дипломат попытался получить от собеседника обещание повлиять на суд в плане устранения из приговора пунктов, компрометирующих советских представителей в Германии. Речь шла при этом отнюдь не о выражении «протеста». Крестинский, согласно записи Штреземана, заявил, что он «прекрасно понимает невозможность официального воздействия на суд» и просит германское правительство оказать таковое «в конфиденциальном порядке». Штреземан на это ответил, что «в данном случае трудно провести

грань между официальными и конфиденциальными демаршами» и отверг просьбу Крестинского. Последний никак не возразил Штреземану и, напротив, постарался убедить собеседника, что его предстоящий отъезд не вызван какими-либо политическими причинами (ADAP. Serie A. Bd. XII. Dok. 272. S. 721—723; ДВП. Т. VIII. С. 249—254).

№ 37

Из протокола № 62
7 мая 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

Ж. О Германии (тт. Чичерин, Литвинов, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложение НКИД о принятии мер к устранению из окончательного приговора по лейпцигскому процессу заявления о причастности совпосольства к делу Скоблевского, в случае же безрезультатности этих мер заявить формальный протест после опубликования официального приговора¹.

б) Вопрос о Германии в целом отложить, предложив НКИД представить к следующему заседанию Политбюро свои конкретные предложения в письменной форме.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 115.

Примечание:

¹ См. документ № 36. Ни советские, ни германские документы не фиксируют какой-либо официальной реакции советской дипломатии на приговор суда по делу Скоблевского. В конечном счете вопрос о его судьбе был решен в результате длительных переговоров, имевших место в середине 1926 г. В обстановке некоторого потепления в советско-германских отношениях после подписания Берлинского договора советской стороне удалось добиться помилования осужденного.

№ 38

Из протокола № 64
21 мая 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 2. Вопросы НКИД.

Б. О торговых переговорах с Германией¹ (ПБ от 2.IV.25 г., пр. № 55, п. 2) (тт. Рыков, Ганецкий, Стомоняков, Чичерин, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать нецелесообразным принятие на себя точной гарантии процента импорта немецких товаров в СССР, не считая, однако, исключенным не обязывающее нас заявление по этому вопросу, но лишь в том случае, если такое же заявление, дающее нам не меньшие преимущества, будет сделано и со стороны немцев.

б) Принять предложение об организации смешанного транзитного торгового общества, положив в основу обсуждения проекта организации этого общества решение большинства комиссии.

в) Одобрить в принципе следующий проект статьи 44-й: «Правительство СССР будет благожелательно рассматривать заявления германских физических и юридических лиц о получении концессии, когда дело будет идти об объектах, которые правительство СССР будет отдавать в концессионное пользование. Германские заявители будут во всяком случае при соискании и проведении концессий трактоваться не менее благоприятно, чем граждане наиболее благоприятствуемой нации».

Выписки посланы: гг. Рыкову, Ганецкому, Стомонякову, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 119.

Примечание:

¹ См. документ № 33.

№ 39

**Из протокола № 66
11 июня 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. О концессии «Юнкерс»¹ (ПБ от 27.I.25 г., пр. № 46, п. 25) (гг. Минкин, Пятаков, Фрунзе, Мартынович, Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) Считать желательным заключить соглашение с Юнкерсом при условии, если он обязуется приступить к немедленному моторостроению и организации авиазавода в Филях вне производственной зависимости от его заграничного завода в Дессау. При этих условиях считать возможным в процессе переговоров пойти на соответственные уступки концессионеру².

б) Общее руководство этими переговорами поручить тов. Троцкому, как председателю ГКК.

в) Поручить РКИ в кратчайший срок выяснить вопрос о виновных в ряде упущений в деле покупки и приемки негодных моторов или самолетов с докладом в Политбюро. Поручить РКИ установление виновных лиц за упущения в осуществлении концессионного договора с Юнкерсом³.

г) Поручить РКИ с правом привлечения соответственных ведомств проверить, действительно ли наша сторона является ответственной за нарушение договора и решение третейского суда не может быть в нашу пользу.

Выписки посланы: т. Троцкому — все, т. Чуцкаеву — «в», «г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 124, 125.

Примечания:

¹ 15 марта 1922 г. советское правительство заключило с немецкой авиационной фирмой «Юнкерс» секретный договор, который предусматривал строительство авиационных заводов в Филях (недалеко от Москвы) и в Харькове. Этот договор являлся первым шагом к установлению секретного военного сотрудничества между рейхсвером и Красной армией. Сотрудничество продлилось до осени 1933 г., оно достигло своей вершины 30 июля 1923 г., когда в Берлине стороны заключили временное соглашение, которое предусматривало немецкое финансовое участие и немецкую техническую помощь в организации военного производства в Туле и в Петрограде; создание школы для тренировки немецких пилотов в Липецке; строительство авиационного завода фирмой «Юнкерс» на советской территории; учреждение советско-германского акционерного общества «Вико-Метахим-Берсоль» для производства отравляющих веществ, включая иприт (См. Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1923: Неизвестные документы / Сост. Ю.Л.Дьяков, Т.С.Бушуева. М., 1992. С. 84).

27 января 1925 г. Политбюро утвердило протокол заседания комиссии ПБ по концессионным вопросам и доклад подкомиссии по концессии «Юнкерс» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 486. Л. 6, 26—27).

² Контракт на приобретение самолетов Управлением военно-воздушных сил РККА и фирмой «Юнкерс» в Дессау был заключен в Москве 1 июля 1925 г.

³ Об осложнениях в ходе переговоров по заключению контракта о 1 июля 1925 г. см.: Фашистский меч ковался в СССР... С. 152—155.

№ 40

**Из протокола № 68
25 июня 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Г. О Франции (ПБ от 4.VI.25 г., пр. № 65, п. 1-В) (тт. Чичерин, Красин, Раковский, Крестинский, Михальский).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложение тов. Чичерина о том, чтобы для начала переговоров с Францией согласиться с предложением французов с тем, чтобы в соответствующий момент перейти к официальным переговорам¹.

б) Принять максимальную сумму долга в 300 миллионов рублей, заявив, что принципиально остаемся на почве декрета Советского правительства об аннулировании царских долгов, но принимаем обязательство о 300 миллионов рублей лишь в практических целях установления деловых отношений с Францией.

в) Обязательство это принять при условии обеспечения товарных кредитов в 300 миллионов рублей на срок от трех до пяти лет.

г) Утвердить для переговоров комиссию в составе тт. Красина (председатель), Преображенского, Рейнгольда, Мдивани и Ломова.

д) Обсуждение вопроса общей политики по отношению к Франции отложить на две недели.

е) В отношении бизертского флота подтвердить старое решение Политбюро².

ж) Патента на выход парохода «Иерусалим» из Марселя не выдавать.

з) Не препятствовать французскому посольству в вывозе из Ленинграда посольского имущества.

и) Принять предложения комиссии Политбюро по делу об имуществе Общества РОПИТ во Франции от 25.VI.25 г. (см. приложение).

к) Настоящие постановления о Франции считать секретными.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Красину — все, т. Преображенскому, Рейнгольду, Мдивани, Ломову — «г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 134—135.

Примечания:

¹ Об этих переговорах см. документ № 24. 24 апреля 1925 г. французский посол в СССР Ж. Эрбетт предложил Чичерину начать конкретное обсуждение вопроса о долгах. Положительный ответ Чичерина был дан 11 мая (ДВП. Т. VIII. С. 280, 281).

² О Бизертском флоте см. примечание 1 к документу № 24. 13 марта 1925 г. Политбюро приняло решение: «дать т. Красину полномочия заключить соглашение с французской фирмой на указанных в его телеграмме условиях, т.е. по цене два с половиной фунта за тонну со скидкой 30%, добиваясь максимального улучшения этих условий, и при условии немедленного возврата всех остальных судов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 86).

№ 41

**Из протокола № 70
6 июля 1925 г.**

Слушали:

п. 27. О студентах.

Постановили:

Принять предложение т. Калинина о выделении комиссии в состав тт. Ярославского, Калинина, Крыленко и Чичерина для решения вопроса об опубликовании ходатайств студентов-фашистов о помиловании. Созыв комиссии за т. Калининым¹.

Выписки посланы: тт. Калинину, Ярославскому, Крыленко, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 152.

Примечание:

¹ См. документы № 31, 32. Решением Политбюро от 21 мая определялся состав суда — Ярославский, Ульрих, Камерон (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 120). 25 июня Политбюро приняло решение о высылке из СССР двух свидетелей — Розе и Финк, прибывших из Германии для дачи показаний о личности фигурантов (Там же. Л. 137). Наконец, решением Политбюро от 2 июля предопределялась судьба обвиняемых: «а) Дать суду директиву определить в приговоре высшую меру наказания по отношению ко всем трем подсудимым; б) поручить т. Крыленко найти формальный повод для не приведения приговора в исполнение в сроки, предусмотренные законом, не упоминая об этом в приговоре; в) Обязать тт. Ярославского и Шубина обеспечить в соответствующей форме освещение этого процесса в иностранной печати, в частности, через интервью с председателем суда» (Там же. Л. 144). Решение от 6 июля санкционирует найденную формулу, позволявшую воздержаться от приведения приговора в исполнение, согласно которой осужденные подавали просьбу о помиловании на имя формального главы советского государства М.И. Калинина, а тот ее удовлетворял. См. также документ № 43.

№ 42

**Из протокола № 70
6 июля 1925 г.**

Слушали:

п. 28. О Германии.

Постановили:

Принять предложенный т. Чичериным проект (см. приложение).

Приложение
3 июля 1925 г.

ПРОЕКТ КОНТРПРЕДЛОЖЕНИЙ НКВД ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ

(проект письменного сов[етско]-герм[анского] соглашения)¹

Оба правительства, проникнутые сознанием того, что жизненные интересы народов, как Германии, так и СССР, требуют постоянного дружественного сотрудничества обеих стран, твердо решили дальше развивать свои взаимоотношения в духе Рапалльского договора и во всех политических и экономических вопросах, касающихся той или иной договаривающейся стороны, стремиться к постоянному дружественному контакту между собой и к взаимному соглашению, исходя из соображений о необходимости работать для поддержания всеобщего мира. Германское и Советское правительства исходя из этих соображений взаимно обязуются не совершать прямых нападений или какого бы то ни было рода других недружелюбных действий друг против друга и не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны. К такого рода комбинациям следует отнести, между прочим, всякие оформленные или неоформленные экономические соглашения, имеющие целью затруднить другой договаривающейся стороне ведение ею торговли, получение ею кредита, совершение ею финансовых операций и получение ею заграничных виз для необходимых в деловом отношении поездок сотрудников ее официальных учреждений. Германское и Советское правительства точно также обязуются в дальнейшем координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу Наций или о посылке в Лигу Наций наблюдателя, причем координация их действий предполагает предварительное соглашение между ними при принятии ими решения по этим вопросам².

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 152—153.

Примечания:

¹ 8 апреля 1925 г. Брокдорф-Ранцау довел до сведения Чичерина полученные из Берлина директивы от 22 марта, которыми по существу отвергались советские предложения от 25 декабря 1924 г. (см. документ № 22). Во время встречи 25 апреля между Штреземаном и Крестинским, германская сторона предложила компромиссное решение: вместо разработки полномасштабного политического договора ограничиться внесением преамбулы в текст разрабатывавшегося торгового соглашения, где содержалось бы взаимное обязательство соблюдать нейтралитет. При этом Штреземан сослался на аналогичный вариант, принятый в тексте временного торгового соглашения между РСФСР и Чехословакией, заключенного в июне 1922 г. (ДВП.

Т. VIII. С. 249, 254). Советское правительство меморандумом 2 июня отклонило это предложение (Там же. С. 351—352).

1 июля заместитель заведующего IV отделом МИД Германии Дирксен в беседе с Чичериным выразил готовность дать заверения о неучастии в возможных санкциях Лиги Наций против СССР, но лишь в виде обмена устными заявлениями малообязывающего характера. 2 июля вопрос об ответе немецкой стороне был рассмотрен в предварительном порядке на заседании Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 143). Принятое тогда решение гласило: «Поручить т. Чичерину, на основании директивы Политбюро от 24.XII.24 г., представить в Политбюро к понедельнику, 6-го июля, письменный текст наших предложений немцам и других связанных с этим возможных шагов». Как видно из датировки текста приложения, проект был подготовлен уже на следующий день. Из положений директивы ПБ от 24 декабря 1924 г (см. документ № 22) в нем сохранились общие положения и пункт, относящийся к Лиге Наций. Упоминание о «польском вопросе» было снято. Конкретизация понятия «недружелюбных действий» была предпринята явно под влиянием негативного опыта отношений с Англией и Францией (практиковавшиеся визовые ограничения для советских граждан были предметом ряда острых столкновений между советским полпредом Красиным и французскими официальными лицами) (ДВП. Т. VIII. С. 260, 275—279, 380).

² Одобренный документ был вручен Чичериным германскому послу Брокдорф-Ранцау 13 июля. Не вполне ясно, почему проект, подготовленный и одобренный в столь экстренном порядке (6 июля заседания Политбюро не было, публикуемое решение было принято путем опроса), был вручен немецкому послу с задержкой на неделю (ДВП. Т. VIII. С. 430—431). Возможно, руководство НКИД сочло целесообразным выждать до урегулирования конфликта по «делу студентов».

Германская сторона уклонилась от обсуждения документа. 21 ноября 1925 г. во время пребывания Чичерина в Берлине германской стороне был передан уточненный проект «политического соглашения» между СССР и Германией. Главное изменение заключалось в том, что из проекта от 3 июля была исключена последняя фраза как устаревшая в условиях уже предрешенного вступления Германии в Лигу Наций. Вместо нее был включен следующий текст:

«В случае войны одной из договаривающихся сторон с третьими государствами или группами государств Правительства обязуются соблюдать дружественный нейтралитет.

Если предусмотренное в Локарно вступление Германии в Лигу Наций состоится, то Германское правительство в качестве члена Лиги и Совета Лиги обязуется принимать все зависящие от него меры против возможности применения против СССР военных и экономических санкций» (Там же. С. 674—675).

№ 43

Из протокола № 70 8 июля 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКИД.

В. О Германии (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

Ответить Гермпра так:

1) Советский Союз еще не отказывался и не намерен отказываться от своей самостоятельности и поэтому он не находит возможным разговаривать с Гермпра на основе ультиматума, предъявленного Советскому правительству по вопросам внутренней жизни нашей страны.

НКВД выражает удовлетворение по поводу того, что это ультимативное предложение Гермпра появилось уже после известного решения пред. ЦИКа Калинина, иначе оно могло бы ухудшить участь приговоренных¹.

2) Советское правительство готово, однако, совместно обсудить возможность выхода из создавшегося положения, если Гермпра возьмет обратно свой ультиматум и вступит в переговоры с Совпра на основе нормальных отношений двух государств.

3) Обратить внимание Гермпра на то, что прекращение ведущихся переговоров по экономическим и политическим вопросам, которые уже становятся известными общественному мнению Советского Союза, может поставить Советское правительство в положение необходимости разъяснить общественному мнению действительные причины такого прекращения.

4) Намекнуть определенно Штреземану и Ранцау о документах².

5) Не препятствовать иностранным корреспондентам сообщить немедленно в свои газеты дошедшие до них слухи о том, что Советское правительство отвергло вмешательство Гермпра в его дела в связи с процессом фашистских студентов.

Ответственность по этому вопросу возложить на т. Чичерина.

6) Сообщить, что нет формальных препятствий к помещению в совпечати опровержения о Гильдере с предупреждением, что это вызовет неизбежно соответствующий ответ и полемику с нашей стороны³.

Выписки посланы: т. Чичерину — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 148.

Примечания:

¹ В связи с вынесением смертного приговора «студентам-фашистам» германское правительство выступило с официальным протестом, который советская сторона расценила как «ультиматум». Еще до получения германского протеста осужденные были помилованы (см. документ № 41).

² Не ясно, какие «документы» имеются в виду. Возможно, имелось в виду припугнуть немецкую сторону «утечкой» информации о военном сотрудничестве между рейхсвером и Красной армией.

³ В ходе развития «дела студентов» были выдвинуты обвинения в адрес советника германского посольства Хильгера (в данном случае он ошибочно

назван Гильдером), который был попутчиком «террористов» в поезде Рига—Москва. Его стали изображать в качестве чуть ли не руководителя «террористической группы». С немецкой стороны было заявлено о полной непричастности Хильгера к этому делу и выдвинуто требование об опубликовании этого заявления в советской печати. Как видно из текста решения от 8 июля, советское руководство намеревалось развернуть обмен полемическими заявлениями. Позднее был принят более примирительный курс (см. документ № 45).

№ 44

Из протокола № 70 8 июля 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 15. О концессии «Юнкерс» (ПБ от 2.VII.25 г., пр. № 69, п. 6) (тт. Рыков, Фрунзе, Троцкий, Чуцкаев).

П о с т а н о в и л и :

Принять следующее предложение комиссии обороны:

а) Дать акционерному обществу «Юнкерс» заказ на серийное производство бомбовозов, обязав концессионера в срочном порядке наладить производство моторов.

б) В случае продолжения концессии с «Юнкерсом» организовать такое наблюдение со стороны РВСР за осуществлением этой концессии, которое гарантировало бы исполнение концессии и предотвращало бы какие-либо убытки с нашей стороны¹.

Выписки посланы: тт. Фрунзе, Троцкому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 150—151.

Примечание:

¹ См. документ № 39. Фирма «Юнкерс» утверждала, что она инвестировала в предприятие к началу 1924 г. около 1,5 млн. долларов, тогда как «особая группа» рейхсвера вместо обещанных 3 млн. долларов — лишь 250 тыс. В конце апреля 1924 г. центральное правление фирмы «Юнкерс» потребовало немедленного предоставления кредита в сумме 20 млн. марок, угрожая в противном случае закрыть завод и уволить всех рабочих (около 1000 человек). Конфликт был урегулирован после того, как «Юнкерсу» была открыта гарантированная германским правительством кредитная линия в 5 млн. марок.

Представители немецких военных кругов, так же как и советские власти, обвинили фирму в преувеличении своего бедственного положения и, по существу, в вымогательстве. С советской стороны было выдвинуто предложение о преобразовании концессии в совместное предприятие, против чего, однако, решительно выступило германское посольство в Москве.

Впоследствии дело осложнилось раскрытием аферы с поставками фирмой дефектных авиамоторов, которая стала возможной вследствие широкой

системы взяток, практиковавшейся доверенным лицом «Юнкерса» Шоллем.

Проблемы с «Юнкерсом» обсуждались в ходе беседы между А.И.Рыковым и немецким послом Брокдорф-Ранцау 22 февраля 1925 г. Как следует из телеграммы последнего в МИД Германии от 24 февраля 1925 г., председатель СНК признал, что «в этом деле обе стороны наделали ошибок». (ADAP. Serie A. Bd. X. Dok. 48,50; Bd. XII. Dok. 116. S. 285; Serie B. Bd. II/2. Dok 48, 61).

№ 45

**Из протокола № 71
16 июля 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Б. О Германии (ПБ от 8.VII.25 г., пр. № 70, п. 1-В)¹ (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) В случае установления факта появления в германской печати официальных или полуофициальных сообщений относительно предъявленных нам со стороны Гермпра требований в связи с переговорами о фашистах дать в печати статьи с точным изложением нашего ответа на эти требования; наблюдение за германской печатью поручить тт. Чичерину и Бухарину.

б) Считать возможным опубликование в печати сообщение немецкого посла о Гильгере без прямой официальной полемики с нашей стороны в том случае, если будет достигнуто соглашение по всем вопросам, связанным с последними осложнениями².

в) Переговоры вести так, чтобы не дать немцам обвинить нас в формальном связывании вопроса о Гильгере с вопросом о торговых переговорах.

г) Отсутствие прямой официальной полемики с нашей стороны поставить в зависимость от того, что в сообщении посольства не будет заявлений и утверждений, противоречащих постановлениям суда.

д) Считать необходимым интервью т. Ганецкого о ходе переговоров о заключении торгового договора. Тов. Ганецкому согласовать интервью с т. Чичериным и разослать его всем членам Политбюро.

Выписки посланы: т. Чичерину — все; т. Ганецкому — «д».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 154—155.

Примечания:

¹ См. документ № 43.

² Компромиссное решение по «делу Хильгера» было достигнуто следующим образом: в советской печати было опубликовано заявление германского посольства, в котором говорилось, что встреча Хильгера с тремя студентами имела случайный характер и отсутствовали какие-либо связи и разговоры между ними и немецким дипломатом, которые компрометировали бы последнего. Вместе с этим заявлением было помещено сообщение «От НКВД СССР», где содержалась следующая формула: «НКВД, публикуя заявление германского посольства, констатирует, что в приговоре суда нет упоминания о г. Хильгере. На основании переговоров, которые за это время имели место, оба правительства считают это дело ликвидированным» (Известия. 1925. 8 августа; ДВП. Т. VIII. С. 786). Вопрос о тексте «Сообщения от НКВД» обсуждался на заседании Политбюро 30 июля 1925 г. Принятое решение гласило: «Поручить т. Чичерину принять меры к ликвидации конфликта на основании второй формулы т. Крестинского со следующей поправкой к ней т. Молотова: заменить слово «подтверждает» словом «констатирует»» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 161).

№ 46

Из протокола № 74 7 августа 1925 г.

С л у ш а л и :

1. Вопросы НКВД.

А. О Германии (ПБ от 30.VII.25 г., пр. № 73, п. 1-а) (тт. Чичерин, Ганецкий, Фрумкин).

П о с т а н о в и л и :

1) По вопросу о Хильгере принять предложение тов. Чичерина¹.

2) По вопросу о договоре с немцами дать делегации следующие инструкции:

а) отказаться от предварительных условий, касающихся таможенной конвенции, считая абсолютно необходимым применение минимальных ставок. Принять к сведению заявление т. Ганецкого, что это не распространяется на Австрию;

б) согласиться на предложение немцев по ветеринарным вопросам;

в) отказаться от кредитов;

г) комиссии в составе тт. Чичерина, Ганецкого, Фрумкина, Курского и Ягоды разработать проект закона по вопросу об экономической информации и провести его в СНК не позже вторника 11 августа. Созыв комиссии за тов. Ганецким;

д) отказаться от наших требований по изъятиям из наибольшего благоприятствования в отношении Польши и Финляндии;

е) согласиться на уплату налогов с торгпредства, начиная с 1926 года;

- ж) сделать частичную уступку по вопросу о рыбной концессии;
- з) согласиться на заключение патентной конвенции;
- и) согласиться на заключение договора только на два года.

3) Эти уступки связать со следующими пунктами:

а) по вопросу о наибольшем благоприятствовании немцы отказываются от определенных, в договоре перечисляемых льгот, предоставляемых нами Турции и всему Китаю;

б) немцы отказываются ратификацию договора ставить в зависимость от оформления концессий по транзитным обществам и рыбной ловле;

в) немцы соглашаются на нашу формулировку об акквизициях;

г) немцы соглашаются, что Гамбургское делопроизводство является неприкосновенным, а торгпредство — составной частью полпредства².

4. Поручить Секретариату наметить заместителей отсутствующих членов делегации и утвердить их опросом членов Политбюро.

Выписки посланы: тов. Чичерину — все; тов. Ганецкому — 2, 3, 4; тт. Фрумкину, Курскому, Ягоде, Мирошникову — 2 «г»; Оргбюро, тт. Молотову, Андрееву — 4.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 163—164.

Примечания:

¹ См. документ № 45.

² См. документ № 47.

№ 47

**Из протокола № 77
27 августа 1925 г.**

Слушали:

1. Вопросы НКИД.

Б. О торговых переговорах с Германией¹ (ПБ от 7.VIII.25 г., пр. № 74, п. 1-А) (тт. Ганецкий, Чичерин, Фрумкин).

Постановили:

а) Поручить тов. Ганецкому представить в кратчайший срок германской делегации в точной письменной форме, с копией в Политбюро, список принимаемых и отвергаемых² нашей делегацией германских предложений и наших контрпредложений и со своей стороны предложить германской делегации немедленно снестись со своим правительством и получить ответ, который дал бы возможность подписать договор.

б) Поручить тт. Ганецкому и Фрумкину составить, по соглашению с НКИД, список наших уступок, приняв во внимание:

1) невозможность уступок в вопросе о Турции и Китае, 2) в вопросе о Гамбургском архиве возможность уступить, 3) по вопросу о налогах с торгпредства необходимость гарантировать тайну книг и минимальный налог, только с чистого дохода торгпредства и 4) вопросы о рыбных концессиях и патентах оставить в резерве для дальнейших уступок, в случае их необходимости.

в) Предложить тов. Литвинову, одновременно с представлением списка, иметь беседу с Ранцау по этому вопросу.

г) Не возражать против помещения в «Правде» статьи хозяйственника с протестом против затягивания торговых переговоров Германией.

Выписки посланы: тт. Ганецкому, Фрумкину, Чичерину, Литвинову — все; М.И. Ульяновой — «Г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 169.

Примечания:

¹ См. документы № 21, 46, 48.

² Слова «и отвергаемых» вписаны в решение черными чернилами.

№ 48

Из протокола № 78 3 сентября 1925 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Б. О торговых переговорах с Германией (ПБ от 27.VIII.25 г., пр. № 77, п. 1-Б о. п.) (тт. Ганецкий, Фрумкин, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) В уточнение решения Политбюро от 27.VIII. с. г. (пр. № 77, п. 1-Б)¹ поручить т. Литвинову сообщить Брокдорфу-Ранцау, что ни одно из данных делегацией СССР обещаний не берется делегацией обратно (имея в виду рыболовную и патентную конвенции).

б) Подтвердить постановление Политбюро об обращении к германской делегации с просьбой дать ответ по предложениям, сделанным делегацией СССР.

в) Поручить тов. Литвинову указать в письме Брокдорфу-Ранцау на целесообразность встречи у тов. Литвинова председателей обеих делегаций для выяснения имеющихся недоразумений, имея в виду, в частности, выяснение материального содержания требования германской делегации, о распространении на Германию тех льгот по внешней торговле, которые предоставлены Турции и Китаю.

г) Указать тт. Литвинову и Ганецкому на невозможность согласиться на распространение на Германию таких льгот, предоставленных Турции, в частности, в отношении лицензионного вывоза и ввоза валюты, которые явились бы нарушением монополии внешней торговли.

д) Создать комиссию в составе тт. Каменева, Куйбышева, Литвинова, Ганецкого и Фрумкина для предварительного обсуждения результатов совещания председателей делегаций с докладом в следующем заседании Политбюро². Созыв комиссии за тов. Каменевым.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову, Ганецкому, Фрумкину — все; т. т. Каменеву, Куйбышеву — «д».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 171.

Примечания:

¹ См. документ № 47.

² Немецкое правительство объявило о согласии в принципе заключить политический договор с Советским Союзом 1 октября 1925 г., накануне переговоров в Локарно. Это решение было сообщено Чичерину, находившемуся тогда в Берлине. Торговый договор был подписан в Москве 12 октября Литвиновым и Брокдорф-Ранцау (ДВП. Т. VIII. С. 582—624).

№ 49

**Из протокола № 90
12 ноября 1925 г.**

Слушали:

п. 4. О новом проекте концессионного договора с Юнкерсом¹ (ПБ от 11.VII.25 г., пр. № 66, п. 3) (тт. Минкин, Баранов, Уншлихт, Литвинов, Ворошилов, Пятаков).

Постановили:

а) Предложить ГКК таким образом изменить предъявляемые концессионеру условия договора, чтобы обеспечить наиболее выгодное для нас прекращение переговоров.

б) Поручить тт. Дзержинскому и Ворошилову обсудить необходимые мероприятия для расширения и укрепления самостоятельного авиапроизводства в СССР, предусмотрев требуемые для этого средства, импорт сырья, привлечение специалистов из-за границы с обеспечением их оплаты сверх нормы и т.п.

Доклад представить в Политбюро в месячный срок.

Выпуски посланы: тт. Минину — «а», Ворошилову и Дзержинскому — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 194—195.

Примечание:

¹ См. документы № 39, 44.

№ 50

**Из протокола № 92
26 ноября 1925 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.
Б. О Литве (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Разрешить т. Чичерину на обратном пути остановиться на короткое время, от поезда до поезда, в Ковно и в Риге.

б) Предложить т. Чичерину, при встрече с представителями Литовского правительства, ограничиться разговором общего характера и приглашением представителя Литвы в Москву для переговоров о заключении договора, не ведя самих переговоров в Ковно¹.

Выпуска послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 199—200.

Примечание:

¹ Данный вопрос возник в связи с телеграммой полпреда СССР в Литве С.С. Александровского члену коллегии НКВД С.И.Аралову от 9 ноября 1925 г., в которой сообщалось: «Литовское правительство желает видеть Чичерина в Ковно с тем, чтобы подписать с ним протокол, состоящий из двух документов. Первый — об определении места и времени первой советско-литовской конференции для заключения широкого торгового договора. Второй — о согласии обеих сторон заключить политическое соглашение гарантийного характера или о взаимном ненападении с подтверждением литовской границы в рамках договора 1920 года». Литовская сторона, отмечал полпред, выдвинула в качестве возможного вариант секретного соглашения (ДВП. Т. VIII. С. 660). Смысл инициативы Литвы заключался в том, чтобы обеспечить себе поддержку в территориальном конфликте с Польшей, которая в 1920 г. захватила значительную часть литовской территории, включая ее столицу Вильнюс.

Реакция советской стороны на предложение Литвы носила несколько противоречивый характер. На встрече между Араловым и послом Литвы в СССР Балтрушайтисом 8 декабря 1925 г. состоялось первое обсуждение представленного литовской стороной документа. Советский представитель положительно отозвался о нем, отметив в записи беседы: «в общем, проект приемлем» (ДВП. Т. VIII. С. 700—701). С другой стороны, в телеграмме

Аралова Александровскому от 12 декабря отмечалось, что принятие документа в литовской редакции «может создать затруднения между нами и Польшей» (Там же. С. 705—706). Дело осложнялось тем, что с литовской стороны не выражалось готовности послать делегацию для переговоров в Москву (Там же. С. 751—753).

Чичерин посетил временную столицу Литвы Каунас (Ковно) 23 декабря 1925 г., возвращаясь после длительной зарубежной поездки. В речи на завтраке у министра иностранных дел Литвы Рейниса он, в частности, заявил: «В настоящее время, когда целый ряд государств придает форму своим политическим отношениям, необходимо и нам точнее определить содержание наших отношений, и мы будем горячо приветствовать представителей литовского правительства, которые приедут с этой целью в Москву» (Там же. С. 754—755).

28 сентября 1926 г. в Москве был подписан Договор о взаимном ненападении и нейтралитете между СССР и Литвой. В связи с подписанием договора стороны обменялись нотами, из которых вытекало, что они не признают аннексии Польшей Вильнюсской области (Там же. Т. IX. С. 446—451).

Внешняя и внутренняя политика государства, как правило, связаны. Однако в их истории бывают периоды, когда нельзя не только противопоставлять внешнюю политику внутренней и наоборот, но когда они органически переплетены между собой. Именно к такому периоду можно отнести 1926—1929 гг., насыщенные значительными событиями во внутренней и международной жизни Советского Союза*. Для лучшего понимания принимавшихся в то время на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) решений по вопросам европейской политики СССР следует кратко напомнить о внутреннем состоянии страны и правящей компартии.

Состоявшийся 18—31 декабря 1925 г. XIV съезд ВКП(б) выдвинул в качестве «основной задачи» партии «борьбу за победу социалистического строительства в СССР». Был взят курс «на социалистическую реконструкцию» хозяйства, создание современной индустрии. Большое капитальное строительство в промышленности требовало миллиардных вложений. Заново создать целый ряд отраслей тяжелой индустрии — машиностроительную, станкостроительную, автомобильную, химическую, оборонную, тракторную и другие, реконструировать старые и построить новые предприятия, производящие средства производства, — для всего этого найти средства в самой стране было достаточно сложно. Поэтому высшее советское руководство решило освоить дополнительный канал получения финансовой помощи — внешние займы. Публикуемые в данном разделе документы свидетельствуют о труднейших многомесячных переговорах советских представителей с зарубежными дипломатами и промышленниками, в ходе которых каждая сторона стремилась извлечь максимальную выгоду. Еще острее вопросы внешних займов и кредитов встали после XV съезда ВКП(б) (2—19 декабря 1927 г.), на котором было принято решение о развертывании коллективизации сельского хозяйства, о «переходе в земледелии к крупному социалистическому производству, основанному на новой технике», о «подготовке наступления социализма по всему фронту».

С каждым годом все ожесточеннее и непримиримее становилась в партии борьба вокруг вопроса «о победе социализма в

* Адибеков Г.М. Три крутых поворота (О взаимосвязи внешней и внутренней политики КПСС) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 30—43.

одной стране», превратившегося постепенно в лакмусовую бумагу отношения к «генеральной линии» и вытеснившего окончательно к 1929 г. вопрос «о мировой революции» на поле оппозиции — «новой», «троцкистско-зиновьевской», «правой» и прочей. В работе «К вопросам ленинизма» (январь 1926 г.) Сталин критикует неверие Зиновьева в возможность «построения социалистического общества в одной стране» без помощи «международной революции»^{*}; в заключительном слове на VII расширенном пленуме ИККИ, произнесенном 13 декабря 1926 г., Сталин клеймит формулу Троцкого и примкнувших Каменева и Зиновьева относительно невозможности «строительства социализма в национально-государственных рамках» без «прямой государственной поддержки европейского пролетариата» как «формулу полного разрыва с ленинизмом»^{**}; в своей речи «О программе Коминтерна» 5 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин, отвечая на возражения насчет «русского характера» проекта указанной программы, «трактующей о мировой пролетарской революции», утверждал, что «основным вопросом» в ней является вопрос «о характере и задачах пролетариев всех стран, об обязанностях пролетариев всех стран в отношении пролетарской диктатуры в СССР»^{***}; в политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б), с которым Сталин выступил 27 июня 1930 г., появились новые моменты: говорилось уже о «буржуазном отрицании возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемом «революционной» фразой о победе мировой революции»^{****}. Так идея, концепция мировой революции, под девизом которой был совершен переворот в октябре 1917 г. в России и прошли в последующие годы выступления революционно настроенных рабочих в разных странах, была объявлена генсекком ВКП(б) в конце 20-х годов «революционной» фразой. Именно в это время, особенно после принятия VI конгрессом Программы Коминтерна в 1928 г., подготовленной Бухариным «под контролем» Сталина, в самой международной коммунистической организации все чаще стало употребляться понятие «мировой революционный процесс», ставшее идеологическим клише в течение последующих десятилетий.

Наглядным примером постепенного оттеснения Сталиным и его единомышленниками на второй план интересов «мировой революции» в Европе (оставалась некоторая надежда на Восток, в частности, на Китай) и выдвижения на первый план интересов

* Сталин И.В. Соч. Т. 8. М., 1952. С. 60—75.

** Там же. Т. 9. М., 1952. С. 120—126.

*** Там же. Т. 11. М. 1952. С. 152—153.

**** Там же. Т. 12. М. 1952. С. 354.

СССР как центра, как материальной, моральной и идеологической базы «мировой революции», могут служить решения Политбюро 1926 г., связанные с забастовкой английских горняков и всеобщей забастовкой трудящихся Англии. Судя по документам, в Москве ожидали этих выступлений и готовились к ним (см. примечание 1 к документу № 57). 4 мая, на следующий день после начала всеобщей стачки, ПБ приняло развернутое постановление (см. документ № 57), в котором, в частности, компартии Великобритании предписывалось «начать переводить стачку на политические рельсы», выдвинув в «подходящий момент» такие лозунги, как «долой правительство консерваторов, за подлинное рабочее правительство», «национализация угольной промышленности» и т.д., а также подготовить обращение к английской армии и флоту от имени профсоюзов.

На состоявшемся 6 мая совещании делегации ВКП(б) в Президиуме ИККИ был принят текст письма в ЦК КПА, содержащего рекомендации английским коммунистам относительно их тактики в период шахтерской стачки, переросшей во всеобщую, а также предложен проект воззвания от Коминтерна и Профинтерна о едином фронте, в том числе со II и Амстердамским Интернационалами, для организованной международной помощи английским рабочим (воззвание ИККИ и Исполбюро Профинтерна «Единым фронтом на помощь борющемуся пролетариату Англии» принято 7 мая). Было принято (посредством опроса членов делегации ВКП(б) — Сталина, Мануильского и Зиновьева) предложение Пятницкого послать компартии Англии 20 тыс. золотых рублей «сверх сметы, на экстраординарные расходы в связи с забастовкой»*.

Как указывалось в закрытом письме ИККИ центральному комитету КП Англии от 8 мая, всеобщая забастовка подтвердила вывод Коминтерна о том, что «стабилизация капитализма оказалась непрочной, частичной, колеблющейся, шаткой», что забастовка «с первой же минуты приобрела политический характер», что КПА — единственная организация, способная «продумать цели движения до конца», «все больше и больше ставя в центр борьбы вопрос о власти», а «при необходимости выдвинуть лозунг создания Советов рабочих депутатов»**.

Самым непосредственным образом руководя организацией крупномасштабной международной кампании поддержки бастующих английских горняков, ПБ способствовало созданию в ряде европейских стран комитетов действия для сбора денежных средств и продовольствия стачечникам, запрещения вывоза угля

* РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 24. Л. 1—2.

** Там же. Ф. 495. Оп. 2. Д. 55а. Л. 97—102.

в английские порты, созыва митингов и собраний солидарности с английскими шахтерами. Всего с мая по ноябрь 1926 г. по решениям ПБ из СССР было послано бастующим около 10 млн. рублей, причем некоторые крупные взносы сначала изымались из государственной казны, «в счет сборов».

Сталин использовал кампанию поддержки бастующих англичан, как и другие внешнеполитические события, в борьбе против внутрипартийной оппозиции. 3 июня ПБ отвергло тезисы, представленные Зиновьевым по вопросу об уроках всеобщей стачки в Англии и приняло проект тезисов, предложенный Бухариным, Молотовым и Томским, а также отклонило просьбу Зиновьева о разрешении ему выступить с защитой своей точки зрения в Исполкоме Коминтерна*. 17 июня ПБ отклонило предложение Зиновьева об информировании руководителей компартии Англии «о разногласиях в Политбюро ЦК ВКП(б) по английскому вопросу»**.

Опросом членов ПБ от 21 августа, т.е. после разрыва переговоров между углекопами и шахтовладельцами, было принято предложение Молотова «в качестве предложения ВКП для ИККИ», в котором ставились задачи КП Англии: «а) всемерная и усиленная помощь всех рабочих Англии бастующим углекопам; б) усиление борьбы за осуществление эмбарго на уголь; в) разъяснение того, что правительство консерваторов всецело и открыто вдохновляет поход шахтовладельцев на рабочих, а потому лозунгами рабочих Англии должны быть: перевыборы парламента, свержение правительства консерваторов, за рабочее правительство, которое возьмет на себя осуществление рабочих требований»***.

Многие политические и общественные деятели Англии рассматривали советскую финансовую помощь бастующим горнякам как вмешательство во внутренние дела их страны, как стремление создать хаос в Англии с целью свержения правительства, изменения политического строя. Эта помощь, как и материальная поддержка национально-революционного движения в Китае, способствовали ухудшению советско-английских отношений по всем линиям. В июне 1926 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, выступая в палате общин во время обсуждения вопроса об англо-советских отношениях, заявил, что собранные в СССР деньги посылаются не для оказания помощи людям в беде, а для «разжигания революции». Он, как и У. Черчилль, считал, что систематические нарушения советской сторо-

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 564. Л. 2.

** Там же. Д. 568. Л. 7.

*** Там же. Оп. 162. Д. 3. Л. 109.

ной предусмотренного англо-советским соглашением обязательства об отказе от пропаганды (к примеру, в Китае), делают бесполезными переговоры о каком-либо новом соглашении. Группа радикально настроенных консерваторов требовала разорвать дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом, обвиняя правительство СССР в том, что его политику определяет Коминтерн.

12 мая 1927 г. на торгпредство СССР в Лондоне и помещение акционерного общества «Аркос лимитед» был произведен полицейский налет, совершен обыск, изъяты секретные и шифрованные материалы. 27 мая британское правительство направило НКВД ноту с сообщением, при соответствующей мотивировке, о своем решении порвать дипломатические отношения с СССР. Этот разрыв повлиял на ухудшение отношений с рядом других европейских стран, прежде всего с Францией, Польшей, Чехословакией.

Видимо, решительный шаг британского правительства побудил советское руководство быть осмотрительнее за границей в той части деятельности, которая непосредственно не была связана с чисто дипломатическими и торговыми вопросами. Уже 28 мая ПБ решило: «Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа... Привести в порядок финансовые операции Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной конспирации»^{*}; 7 июля: «Всякая связь Коминтерна с другими полпредствами безусловно в течение июля заканчивается и впредь не производится»^{**}; 26 января 1928 г. по докладам Чичерина и Пятницкого: «Поручить комиссии в составе гг. Трилиссера, Платонова, Чичерина, Пятницкого и Янсона пересмотреть индивидуально состав всех полпредств, торгпредств и других наших организаций во всех странах и в соответствии с отношением правительств различных стран к коммунистическому движению их стран и сотрудничеству членов компартий в наших организациях; произвести такого рода замену ответственных и рядовых коммунистов в первую очередь гражданами СССР, как партийными, так и беспартийными, с гарантией в том, что это сотрудничество в наших организациях не послужит поводом к международным осложнениям»^{***}; 23 апреля 1928 г. (это было время подготовки к созыву в июле VI конгресса Коминтерна) по докладу Сталина «О Коминтерне и Советской власти»: «а) Послать всем руководителям

^{*} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 24.

^{**} Там же. Л. 61—62.

^{***} Там же Д. 6. Л. 15.

наших представительств за границей директиву о строжайшем проведении принципа невмешательства во внутренние дела соответствующих стран; б) воспретить на известный период членам Политбюро (исключая т. Бухарина) [многие вопросы подготовки к VI конгрессу Коминтерна, прежде всего разработка Программы Коминтерна, замыкались на Бухарине. — Г.А.] открытые выступления в официальных учреждениях Коминтерна, предложив им проводить руководство коминтерновской работой в порядке внутреннем, через делегацию ВКП в ИККИ и т. п.; в) для того, чтобы не дать врагам лишнего повода утверждать о переплетении Советской власти с Коминтерном, снять доклад т. Рыкова об СССР на VI конгрессе, поручив его т. Варге или кому-либо другому не из числа членов Совнаркома; г) тт. Бухарину и Пятницкому разработать вопрос о выдаче денег секциям Коминтерна [для приезда в Москву делегатов VI конгресса. — Г.А.] не из Москвы и не через русских, а из Берлина (Запбюро) и Иркутска (Востбюро), обязательно через иностранных товарищей; д) поручить комиссии в составе представителей Политсекретариата ИККИ, ЦК и ЦКК проверить состав секретных сотрудников аппарата ИККИ; е) принять срочные меры к опубликованию бюджета Коминтерна и его секций*. Никогда еще за время 9-летнего существования Коминтерна высшее советское руководство не предпринимало столь серьезные беспрецедентные меры предосторожности, которые должны были свидетельствовать, хотя бы внешне, хотя бы «на известный период», о «дистанцировании» советского правительства от Коминтерна. В то же время эти меры служили демонстративным отказом от практики, имевшей место в бытность Зиновьева председателем ИККИ (до декабря 1926 г.).

На волне возникшей напряженности в отношениях между Англией и СССР британская дипломатия пыталась сколотить своего рода блок государств против Советского Союза, с привлечением в него прежде всего Польши, Германии и Франции. Однако этим планам не суждено было сбыться ввиду отказа названных стран участвовать в таком блоке. Не увенчались успехом и попытки Англии поссорить с СССР Литву, Латвию и Эстонию. В то же время все большему числу англичан становились ясными бесперспективность и прямой вред для населения их страны разрыва отношений с СССР**.

Первые проблески возможного улучшения советско-британских отношений возникли в сентябре 1928 г., когда редактор англ-

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 70.

** См.: Советская внешняя политика. 1917—1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 75.

лийского журнала «Инглиш ревью» Э.Ремнант сообщил советнику полпредства СССР во Франции о намерении группы английских финансистов, промышленников и политических деятелей, принадлежавших к консервативной партии, отправиться в СССР с целью ведения переговоров с советским правительством о финансировании отдельных отраслей промышленности и строительства в СССР и о расширении англо-советской торговли путем предоставления больших кредитов. Созданный в феврале 1929 г. в Лондоне Англо-русский комитет организовал в марте—апреле поездку группы британских промышленников в СССР, которая пришла к выводу о необходимости нормализации англо-советских отношений для развития торговли. 3 октября был подписан двусторонний протокол о порядке обсуждения спорных вопросов, который предусматривал также обмен нотами «о взаимном воздержании от пропаганды». 5 ноября 1929 г. палата общин одобрила восстановление дипломатических отношений и на основе этого 12 декабря произошел обмен послами.

После разрыва в мае 1927 г. советско-английских отношений защиту интересов СССР в Великобритании по просьбе Москвы взяла на себя Германия, с которой советское руководство пыталось закрепить установившееся ранее экономическое сотрудничество. Так, 12 марта 1926 г. вступил в силу подписанный в Москве 12 октября 1925 г. хозяйственный договор, который состоял из 7 отдельных соглашений и охватывал различные стороны народного хозяйства обеих стран. Экономические отношения между СССР и Германией начали успешно развиваться в указанный период еще и потому, что германское правительство согласилось предоставить кредиты хозяйственным организациям СССР. В апреле 1926 г. были завершены переговоры и подписано соглашение о широком кредитовании Германией ее экспорта в СССР.

В апреле 1926 г. в Берлине был подписан договор между Германией и СССР о дружбе и нейтралитете, исходной позицией которого явилось подтверждение Рапалльского договора от 16 апреля 1922 г. как основы взаимоотношений между двумя государствами, заявившими об обоюдном намерении и в дальнейшем поддерживать дружественные контакты для достижения согласования политических вопросов, касающихся обеих сторон.

Иногда, правда, всплывали некие «недоразумения», препятствовавшие нормальному ходу событий. Так произошло, например, в марте 1927 г., когда многие газеты европейских стран опубликовали заявление статс-секретаря МИД Германии Шуберта о том, что Германия взяла на себя в Локарно в «устном секретном порядке» дополнительное обязательство о пропуске французских войск в помощь Польше и Чехословакии. Правда, статс-секре-

тарь после этого счел нужным публично заявить, что приписываемая ему информация была дана не в форме интервью, а в частном разговоре с французским журналистом, который нарушил доверие, предав содержание разговора гласности и при этом еще с некоторыми искажениями. Не удовлетворившись обвинениями Шубертом французских журналистов в «болтливости и нарушении доверия», советская сторона продолжала настаивать на «официальном правительственном заявлении». Однако, поскольку германское правительство демонстрировало последовательную лояльность к СССР в то время, когда наметился и вскоре осуществился советско-английский разрыв, инцидент с заявлением Шуберта, грозивший перейти в скандал, был исчерпан.

К началу 1928 г. в Германии, особенно среди промышленников и банкиров, сильно выросли «сомнения и разочарования» по поводу германо-советских экономических взаимоотношений на основе договора от 12 октября 1925 г. В экспозе, врученном 21 января Шубертом полпреду СССР в Германии Крестинскому, в частности, говорилось: «Применение и толкование договора советской стороной обострили и углубили эти сомнения и создали убеждение в том, что торговый договор и его применение со стороны Советского Союза привели ко все труднее переносимому неодинаковому положению сторон не в пользу Германии»*. В частности, имелось в виду уменьшение импорта в СССР. 26 января ПБ на своем заседании констатировало, что его решение от 22 декабря 1927 г. о разработке крупных вопросов для переговоров с немцами не выполнено. Речь шла о поручении ПБ представителю СССР на этих переговорах Микояну и его заместителю Шейнману поставить на обсуждение совещания в Берлине вопрос о действительно долгосрочных кредитах, о нормальных коммерческих банковских кредитах и о размещении советских займов в Германии. Поскольку Микоян был против этого решения, 2 февраля ПБ заменило его Рудзутаком. Помимо требований разрешить выпуск советского займа в Германии и допустить к биржевой котировке советские займы, в февральском постановлении ПБ содержалась конкретная кредитная программа, сводившаяся к следующему: добиваться организации в Германии кредита, по образцу 300-миллионного, для советских закупок германской продукции на сумму 600 млн. марок, используя часть товарного кредита на приобретение готовых товаров при условии долгосрочного трехлетнего кредита (см. документ № 56). Возглавляемые Рудзутаком переговоры, по оценке Микояна, «кончились неудачей»**.

* ДВП. Т. XI. С. 37.

** РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 10. Л. 101.

Возобновленные в ноябре 1928 г. по инициативе германской стороны и проходившие тайно экономические переговоры завершились подписанием 21 декабря в Москве Протокола «в разъяснение и развитие постановлений Договора между СССР и Германией от 12 октября 1925 г.»*. Достигнутые результаты касались следующих соглашений: о поселении и общеправовой защите, экономического, о мореплавании, о налогах, о третейских судах в торговых и иных гражданских делах, об охране промышленной собственности, о правовой защите. Упомянутый экономический протокол формально вступил в силу 15 января 1929 г. Спустя 10 дней, 25 января, состоялось подписание советско-германской согласительной конвенции, в соответствии с которой назначенная двумя правительствами согласительная комиссия должна была предлагать справедливое и удовлетворяющее обе стороны разрешение представленных ей вопросов, в особенности предотвращать в будущем возможные разногласия между сторонами. Начавшиеся в апреле 1929 г. советско-германские переговоры по кредитам были сильно осложнены затруднениями, возникавшими для советского экспорта в Германию, в частности, значительным повышением ввозных пошлин на сельскохозяйственные продукты.

Особой заботой советского руководства в 1926—1929 гг. продолжали оставаться отношения с Польшей и государствами Прибалтики. После подписания Локарнских соглашений Англия, по оценке советских экспертов, усилила свое влияние на Польшу и мешала нормальному развитию ее взаимоотношений с СССР. Чичерин считал, что осенью 1925 г. в польском обществе назревал психологический перелом в пользу более тесного сближения с Советским Союзом, в чем были заинтересованы как промышленные круги, рассчитывавшие благодаря советскому рынку ослабить экономический кризис в своей стране, так и те политические деятели, которые видели в добрососедских отношениях с СССР залог мира в Восточной Европе. Однако это были скорее всего чрезмерно оптимистические суждения, поскольку сменявшие друг друга в эти годы польские правительства не отличались расположением к установлению доверительных отношений с СССР. В марте 1926 г. в Бухаресте между Польшей и Румынией был подписан договор, в качестве приложения к которому представители генеральных штабов армий обеих стран подписали секретную военную конвенцию, предусматривающую, в частности, взаимную военную поддержку сторон в возможной войне против СССР. После переворота Пилсудского в мае 1926 г., к которому советское руководство отнеслось отрицательно, снова

* ДВП Т. XI. С. 623—626.

ожили планы создания польско-прибалтийского блока, направленного против СССР.

Негативно сказался на состоянии советско-польских отношений подписанный в Москве 28 сентября 1926 г. договор между СССР и Литвой о взаимном ненападении и нейтралитете. Советское правительство в принадлежащей к договору особой ноте подтвердило неизменность своего отношения к виленскому вопросу, вытекающему из статьи 2-й советско-литовского мирного договора от 12 июля 1920 г. Отчасти поэтому предложение СССР польскому правительству заключить договор о ненападении и нейтралитете и начавшиеся в сентябре 1926 г. по этому вопросу переговоры не встретили сколько-нибудь серьезного понимания и поддержки в Польше. Более того, 23 октября польское правительство обратилось к правительству СССР с нотой, в которой утверждалось, что литовско-советский договор противоречит обязательствам, принятым на себя СССР по Рижскому договору от 18 марта 1921 г., который установил дипломатические и торговые отношения между двумя государствами и по которому, в частности, к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия (НКВД в ответной ноте от 19 ноября полностью отрицал несоответствие поведения СССР статьям Рижского договора).

Политбюро ЦК ВКП(б) резко отреагировало на убийство белогвардейцем Ковердой в Варшаве 7 июня 1927 г. советского полпреда П.Л.Войкова, еще более омрачившее польско-советские отношения как раз в то время, когда советская сторона пыталась найти способы нейтрализации польских радикалов, требовавших отторжения Украины от СССР, заключения с Латвией и Эстонией направленного против СССР тайного соглашения, обязательного увязывания будущего пакта с СССР о ненападении с подобными же договорами со всеми прибалтийскими государствами с целью реализации амбициозных планов превращения Польши в «гарант мира» в Восточной Европе.

Существовали и другие источники осложнения отношений между двумя соседними государствами, прежде всего агрессивно антисоветски и антирусски настроенная часть польской прессы, украинские и грузинские эмигранты, организовывавшие широкомасштабные кампании, террористические акты, в том числе налеты на консульство СССР во Львове и покушения на советских дипломатов.

С государствами Прибалтики, за исключением Литвы, советскому руководству удалось несколько развить лишь торговые и хозяйственные связи. Что касается политических отношений, в первую очередь двусторонних пактов о ненападении, то Латвия, Эстония и Финляндия, каждая в отдельности, связывали свое со-

гласие на заключение такого договора с подписанием подобных же договоров между СССР и другими прибалтийскими странами. Советское руководство считало приемлемым лишь двусторонние пакты о ненападении и нейтралитете, избегая создания разного рода блоков.

Еще один узел внешнеполитических проблем, привлекающих пристальное внимание Политбюро, — это проблемы разоружения. Будучи открыто недовольным деятельностью Лиги Наций в целом и подвергая острой, иногда оскорбительной критике эту международную организацию со стороны (СССР не был ее членом), советское руководство приняло приглашение Лиги Наций участвовать в открывшейся 30 ноября 1927 г. в Женеве IV сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению. (Предыдущее приглашение СССР участвовать в конференции по разоружению поступило из Лиги Наций 12 декабря 1925 г., однако существование советско-швейцарского конфликта, вызванного убийством в Лозанне полпреда СССР В.В.Воровского и последующим оправданием убийцы швейцарским судом, послужило отказом от участия Советского Союза в предыдущих сессиях Подготовительной комиссии. СССР настаивал на изменении места проведения конференции, на что Совет Лиги отвечал отказом.) Решение ПБ об участии представителей Советского Союза в комиссии по разоружению «с широчайшей программой разоружения вплоть до полного уничтожения постоянной армии» было принято 3 ноября. При этом состав делегации во главе с зам. наркома иностранных дел Литвиновым должен был сохраняться в «полной тайне» (см. примечание 1 к документу № 82). Разумеется, строжайшая конспирация соблюдалась и при подготовке советских предложений.

За два дня до начала IV сессии Подготовительной комиссии, 28 ноября, ПБ направило Литвинову «вдогонку» в Женеву телеграмму с конкретной директивой тактического поведения на сессии и буквальным, закавыченным «практическим предложением» по вопросу о сокращении вооружений (см. документ № 82). Придерживаясь духа и буквы директив ПБ и выступая от имени советского правительства, «первого государства рабочих и крестьян», Литвинов клеймил милитаризм как «естественное следствие капиталистической системы» и в качестве иллюстрации миролюбивой политики Советского Союза выдвинул «план всеобщего и полного разоружения», предполагавший осуществление целого ряда радикальных мероприятий для «полного упразднения всех сухопутных, морских и воздушных сил» в течение одного года. «В случае отказа капиталистических государств от немедленного фактического уничтожения постоянных армий» советское правительство готово было предложить продлить процесс

поэтапного полного разоружения до 4 лет. По мнению делегации СССР, советская программа разоружения могла показаться по своей радикальности и всеобъемлющему характеру «сложной, трудноосуществимой и даже утопичной». Однако, по ее оценке, это происходило потому, что «проблемой полного разоружения еще никогда по-настоящему не занимались, считая ее запретной областью», но если этой проблемой заняться серьезно, то она может быть «разрешена быстро и легко»*. За всем этим проглядывается явно идеологизированный, далекий от реальности, подход к проблемам разоружения, попытки противопоставить миролюбие единственного «социалистического государства» окружавшей его «капиталистической системе».

Нетрудно догадаться, что советский проект, после некоторого обсуждения, был отвергнут абсолютным большинством участников сессии как «неосуществимый», как «благое пожелание» на неблизкое будущее. Некоторое расстояние с советскими представителями прошла делегация обезоруженной Версальским договором Германии, но и она вскоре присоединилась к остальным делегациям, относившимся к советскому проекту как «моральному запрещению» войн. Учитывая сложившуюся ситуацию, НКВД по поручению ПБ подготовил еще один проект, «более сокращенный». Однако крупные державы, в первую очередь Англия, Франция и США, не могли принять советский проект конвенции по частичному разоружению, поскольку был им крайне невыгоден. Его рассмотрение сначала было отложено до VI сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению, а затем и там отклонено. Несмотря на чинимые западными державами препятствия, а также обвинения СССР в «организации вооруженных восстаний вплоть до гражданских войн в разных странах», советская дипломатия, преодолев первоначальную obstruction со стороны своих многочисленных зарубежных противников, не только присоединилась к «пакту Келлога», но и побудила подписать Московский протокол соседние с СССР государства.

Г.М.Адибеков

* ДВП. Т. X. С. 504—508.

**Из протокола № 1
7 января 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 9. Вопросы НКИД.

А. О Франции¹ (тт. Чичерин, Литвинов, Раковский).

П о с т а н о в и л и :

Поручить комиссии в составе тт. Литвинова, Раковского, Пятакова, Рудзутака, Троцкого, Рейнгольда и Шейнмана в недельный срок переработать на основе обмена мнений в Политбюро внесенный коллегией НКИД проект положений для переговоров с Францией, в частности, уточнить все расчеты проекта, с тем, чтобы установить, по возможности: 1) календарный план наших платежей и 2) календарный план использования товарных кредитов, т. е. размещения наших заказов во Франции.

Созыв комиссии за т. Литвиновым

Выпуски посланы: тт. Литвинову, Раковскому, Пятакову, Рудзутaku, Троцкому, Рейнгольду, Шейнману.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 1.

Примечание:

¹ См. документы № 24, 35. 10 декабря 1925 г. Раковский вручил верительные грамоты французскому президенту. В последующую неделю, в течение ряда бесед, имевших место между Чичериным и Раковским, с одной стороны, и Брианом и Бертелло — с другой стороны, было решено приступить к переговорам по вопросам долгов и кредитов в начале 1926 г.

Советская делегация прибыла в Париж в начале февраля 1926 г.

**Из протокола № 1
7 января 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 9. Вопросы НКИД.

Л. О конференции по разоружению (тт. Чичерин, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Принять следующее предложение НКИД:

1) На приглашение Лиги Наций¹ ответить принципиальным согласием, подчеркнув нашу особенную готовность содействовать всяческим попыткам, направленным к разоружению — полному или частичному, и выразив сожаление по поводу созыва

конференции не признаваемой целым рядом государств Лигой Наций.

2) Обусловить наше участие в предварительной комиссии перенесением ее в какую-либо другую страну, с которой у нас существуют нормальные отношения или же предварительной ликвидацией советско-швейцарского конфликта².

3) Оказать воздействие на Швейцарию при неофициальном посредничестве французского и германского правительств, добиваясь удовлетворения наших требований по делу Воровского, или же немедленного восстановления официальных сношений со Швейцарией.

4) Поручить Реввоенсовету проработать вопросы, стоящие в программе подготовительной комиссии и, по согласовании результатов работ с НКВД, внести их на утверждение Политбюро.

5) Поручить НКВД — по соглашению с Реввоенсоветом — представить в двухнедельный срок список кандидатов в делегаты комиссии.

Выписки посланы: гг. Чичерину, Литвинову, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 3.

Примечания:

¹ Приглашение правительству СССР участвовать в Подготовительной комиссии конференции по разоружению было послано на имя Чичерина 12 декабря 1925 г. председателем Совета Лиги Наций Он информировал о составе и задачах комиссии, о цели конференции.

² Столкновение с Швейцарией было разрешено 14 апреля 1927 г. посредством обмена нотами между швейцарским и советским представителями в Берлине. Швейцарское правительство осудило убийство Воровского и выразило готовность обсудить все нерешенные вопросы (ДВП. Т. IX. С. 15, 29—32, 34; Т. X. С. 161—162).

№ 53

**Из протокола № 3
14 января 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 9. Вопросы НКВД.

А. О Франции¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Принять с поправками следующее предложение комиссии Политбюро по вопросу о долгах и кредитах:

1. Увеличить ранее установленную ПБ исходную сумму долга с трехсот до четырехсот миллионов рублей, рассрочив ее выплату

не менее чем на 50 лет при средней ежегодной выплате процентов и погашения в размере 25 миллионов рублей.

2. Считать возможным согласиться, в случае настояния французского правительства, на другие сочетания (увеличения или уменьшения) как капитальной суммы долга, так и начисляемых процентов при непременном условии, что средние ежегодные платежи, предусмотренные пунктом первым, остаются неизменными, равно как и срок в 50 лет.

3. Предложить делегации добиваться облегчения платежей в первые годы, исходя из прилагаемой при сем схемы². В случае необходимости дальнейших изменений этой схемы, настаивать на платежах в первом 3-хлетии в размере: 10, 15 и 17 м[лн]. р[уб]., исходя из финансового положения страны.

4. Активы наши во Франции считать резервом делегации для маневрирования при переговорах о долгах и кредитах. Не возражать против их использования в виде компенсации за неуплаченные проценты по долгам Франции с Октябрьской революции до момента подписания договора.

5. Противопоставить наши контрпретензии военным долгам бывшего царского правительства и претензиям по возмещению убытков за национализированную частную собственность французских граждан в СССР.

6. Не настаивать на формальной правительственной гарантии получения кредита нами во Франции, но считать возможным подписать соглашение о долгах лишь с одновременным подписанием соглашения с группой промышленников или банкиров о предоставлении долгосрочных кредитов в размере 400 м[лн] р[уб]. на срок от 5 лет и более в зависимости от категории заказов, исходя в ведении кредитных переговоров и размещении заказов из отраслей тяжелого машиностроения.

7. Делегации позаботиться о том, чтобы в окончательно сформулированном соглашении не приводилась мотивировка, которая будет положена в основу сокращения французского долга, как например, обесценение валюты, курсовая стоимость ренты и т.п.

б) Обязать ВСНХ и НКТорг составить деловой план заказов и в недельный срок внести на рассмотрение Госплана. Предоставить Госплану для обсуждения указанного плана и предоставления его на утверждение Политбюро двухнедельный срок.

в) Утвердить следующее предложение НКИД:

Переговоры вести на основе нашего предложения о заключении пакта о ненападении, о нейтралитете и неучастии во враждебных комбинациях и возможных изъятиях, которые будут предложены Францией. Минимальным достижением считать установление постоянного контактирования с Францией по обще-международным вопросам, в частности, касающимся Азии, с

учетом возможности советско-французского экономического сотрудничества в азиатских странах. Особое внимание уделить укреплению, при посредстве Франции, наших мирных отношений с Польшей. Посредничество Франции в наших отношениях с Румынией принять лишь на основе нашего венского предложения о плебисците в Бессарабии³. Передать французскому правительству записку по бессарабскому вопросу, подкрепленную новыми фактами и доводами.

г) Вопросы о выдаче бизертского флота, ликвидации меньшевистского грузинского правительства, о нашем участии в дунайской комиссии и т. п. использовать в переговорах с Францией только после того, как будет достигнуто соглашение по основным вопросам о долгах и кредитах.

д) Вопрос об отдельном последующем ведении переговоров об арбитраже отложить, поручив НКИД внести в Политбюро через неделю точно сформулированное предложение.

е) **Экономические переговоры** свести, по возможности, к заключению торгового договора по образцу советско-германского⁴ с учетом специальных советско-французских коммерческих интересов.

ж) Утвердить следующий состав делегации по переговорам с Францией: тт. Раковский, Томский, Сокольников, Преображенский, Стомоняков, Долгов, Мдивани.

з) Поручить т. Кржижановскому, по соглашению с заинтересованными ведомствами, внести на утверждение Политбюро к следующему заседанию проект состава экономической делегации для непосредственных параллельных переговоров с французскими промышленниками о заказах и кредитах, которая должна выехать в Париж по первому требованию основной делегации.

и) Признать необходимым добиваться от французского правительства принятия тех или иных мер, обеспечивающих распространение декретов о национализации на все русское имущество, находящееся во Франции и в частных руках.

к) В договоре с Францией, если он будет заключен, должно быть оговорено, что мы остаемся на почве декретов об аннулировании царских долгов и национализации промышленных и иных предприятий, что договор с Францией заключается лишь в изъятии из этих декретов и в порядке практического соглашения.

л) Поручить т. Томскому написать общую статью для помещения в газетах, выясняющую смысл возможного соглашения с Францией.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову, Раковскому, Троцкому — все; Кржижановскому — «б», «з»; Дзержинскому — «б», «ж»; Томскому, Сокольникову, Преображенскому, Стомонякову,

Мдивани — «ж»; Фрумкину — «б»; Горбунову — «ж»; Енукидзе — «ж»; Кржижановскому — все, Томскому — все⁵.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 4—6.

Примечания:

¹ См. документ № 51.

² Схема в деле отсутствует.

³ 11 марта 1924 г. правительство Пуанкаре ратифицировало Парижский протокол, подписанный Великобританией, Францией, Японией и Румынией, согласно которому было признано право Румынии на владение Бессарабией. На этот шаг Франции советское правительство отреагировало нотой протеста, переданной Чичериным 21 марта 1924 г. (ДВП. Т. VII. С. 159—160). 27 марта в Вене состоялась советско-румынская встреча, во время которой советская делегация, возглавляемая Чичериным, предложила разрешить бессарабский вопрос посредством плебисцита (там же. С. 165—168).

⁴ Имеется в виду советско-германский торговый договор, заключенный 12 октября 1925 г. (см. документ № 48).

⁵ Текст, выделенный курсивом, вписан в протокол чернилами и карандашом после его оформления.

№ 54

Из протокола № 13 4 марта 1926 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Б. О Германии (тт. Чичерин, Литвинов)¹.

П о с т а н о в и л и :

1) Признать целесообразным пойти навстречу выраженному германским правительством желанию подписать договор до официального вступления Германии в Лигу Наций².

2) Признать необходимым внести в проект договора германского правительства следующие поправки:

а) в параграфе 2-ом исключить слова «без провокации» как допущение, совершенно несовместимое с мирной политикой обеих договаривающихся сторон, а само собой разумеющееся выражение той мысли, что параграф 2-ой относится именно к мирной политике, достаточно нашло свое выражение в словах «в случае ненападения третьих держав»³.

б) В параграфе 3-ем исключить слова «в мирное время».

3) Обязать т. Крестинского о ходе переговоров информировать Политбюро, сообщив, в случае отказа германского прави-

тельства принять наши предложения, контрпредложения германского правительства.

4) Поручить НКВД стремиться к тому, чтобы переговоры сосредоточились в Берлине.

5) Проект заключительного протокола к договору считать приемлемым; принять предложение т. Чичерина о превращении протокола в обмен нот; не возражать против того, чтобы 2-ой и 3-ий пункты его были включены в ноту Германии. К пункту 4-му протокола принять поправку: после слов «...приступить к переговорам...» включить: «о мирных способах разрешения возникающих между обеими договаривающимися сторонами конфликтов, в том числе как путем третейского разбирательства, так и методами согласительного характера»⁴.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 27—28.

Примечания:

¹ 21 ноября 1925 г., имея в виду заключение гарантийного пакта в отношении Рейна и вступление Германии в Лигу Наций, Крестинский предложил Штреземану подписание политического договора, предусматривающего строгий нейтралитет и обязательство германской стороны противостоять принятию санкций против Советского Союза, которые могла предложить Лига Наций (ДВП. Т. VIII. С. 674—675).

В ходе последующих бесед германская сторона подняла вопрос о формулировании обязательства о нейтралитете. Во время пребывания в Берлине (18—21 декабря 1925 г.) Чичерин предложил Штреземану заключить договор о нейтралитете по примеру договора, подписанного 17 декабря между СССР и Турцией. Штреземан, напротив, склонял советских дипломатов к подписанию протокола, от которого отказался Чичерин 12 января 1926 г. и который не предусматривал четких обязательств с германской стороны (ДВП. Т. IX. С. 21—22). Наконец, 25 февраля Шуберт передал Крестинскому проект договора, включавший также и дополнительный протокол. В нем германский нейтралитет предусматривался только в случае оборонительной войны с советской стороны (ADAP. Serie B. Bd. II. Dok. 66—67. S. 179—185).

² О желании Берлина подписать договор до вступления Германии в Лигу Наций, намеченного на 8 марта, Крестинский сообщил Литвинову 26 февраля 1926 г. (ДВП. Т. IX. С. 130—138).

³ В германском проекте договора 2-я статья звучала следующим образом: «В случае нападения третьей державы или группы третьих держав на одну из договаривающихся сторон без провокации с ее стороны, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» (Там же. С. 137).

⁴ Советские поправки к германскому проекту договора были переданы Крестинским 25 марта (ADAP Serie B. Bd. II. Dok. 91. S. 229—232). 30 марта они были приняты Германией (ДВП. Т. IX. С. 192).

№ 55

**Из протокола № 20
15 апреля 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. Вопросы НКИД.
Б. О Германии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Считать, что длительная оттяжка подписания договора нежелательна, и что подписание договора желательно не позднее, чем через две недели.

б) Поручить т. Крестинскому настаивать на исключении всякого указания на провокацию и, в крайнем случае, согласиться на добавление к нашей редакции статьи 2-ой договора следующего примечания: «Обе стороны освобождаются от обязательства соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта лишь в случае наличия фактов, устанавливающих провокацию нападения третьей державы»¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 47.

Примечание:

¹ Советское требование исключить из проекта договора слова «без провокации» (см. документ № 54) было передано Крестинским 13 апреля 1926 г. и вызвало удивление у германских представителей, считавших, что договор мог бы быть подписан в тот же день (ДВП. Т. IX. С. 224; ADAP. Serie B. Bd. II. Dok. 127. S. 322—323).

№ 56

**Из протокола № 21
22 апреля 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 25. О предложении немцев (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложенную немцами формулу второй статьи договора с заменой слов «в случае неспровоцированного нападения» словами: «несмотря на миролюбивый образ действий»¹.

б) Поручить НКИД ускорить подписание договора, опубликовав, по его подписании, ряд статей в прессе об отношениях с Германией².

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 53.

Примечания:

¹ Эта компромиссная формула второй статьи договора была выдвинута Штреземаном во время беседы с Крестинским 21 апреля (Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1925—1933. Екатеринбург; М., 1997 (далее — Дух Рапалло...) С. 37—38).

² Советско-германский договор о нейтралитете был заключен 24 апреля 1926 г. (ДВП. Т. IX. С. 250—254).

№ 57

Из протокола № 23 4 мая 1926 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Английские дела (тт. Лозовский, Пятницкий, Литвинов, Чичерин)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Признать необходимым ассигновать в распоряжение Генсовета 250000 р. от ВЦСПС, как первый взнос, с опубликованием в печати.

б) Начать от имени ВЦСПС агитацию в ответ на обращение Межрабпома за отчисление пока $\frac{1}{4}$ дневного заработка рабочих и служащих, — если борьба будет продолжаться. Тов. Пятницкому поручить организовать выступление здешнего отделения Межрабпома.

в) Поручить МК и ЛК и другим крупнейшим губкомам начать разъяснительную кампанию на заводах, начав с больших общегородских собраний.

г) Поручить комиссии в составе тт. Рудзутака, Шейнмана, Фрумкина и Догадова обсудить необходимые меры к тому, чтобы впредь до нового постановления Политбюро в английские гавани не входили наши пароходы с углем и нефтью. Предложения комиссии разослать всем членам Политбюро. Созыв за т. Рудзутак-ком.

д) В партийной и советской печати взять сейчас тон спокойно-разъяснительный, с надлежащей критикой правых. Просмотр статей в русской прессе поручить комиссии в составе тт. Чичерина (с заменой Литвиновым), Зиновьева, Молотова и Гусева. Созыв за т. Зиновьевым.

е) Воззвание от Коминтерна должно быть спокойно-разъяснительное. Просмотр воззвания поручить той же комиссии (по п. «д»).

ж) Английская компартия в соответствующей форме должна начать переводить стачку на политические рельсы, выдвинув в

подходящий момент лозунги: долой правительство консерваторов, за подлинное рабочее правительство, т.е. такое правительство, которое возьмет на себя осуществление рабочих требований: национализация угольной промышленности, работа безработным и т.д.

з) Необходимо подготовить обращение к английской армии и флоту от имени местных профсоюзов, комитетов действия, а, по возможности, и от имени Генсовета.

и) Принять самые энергичные меры к быстрейшему созданию в Европе (Франция, Германия, Бельгия, Чехословакия, Польша, Италия) комитетов действия для помощи английской стачке, организации невывоза угля и т.д. С этой целью соответствующие компартии и профсоюзы должны немедленно обратиться к реформистским организациям.

к) Профинтерн должен немедленно обратиться к Амстердамскому Интернационалу с предложением организовать совместную кампанию за отчисления в пользу английской стачки.

л) Предложить Межрабпому взять на себя, в случае возможности, инициативу организации доставки продовольствия бастующим. Поручить выяснение этого тт. Пятницкому и Лозовскому.

м) Поручить Центросоюзу вновь обратиться к Кооперативному Альянсу и реформистским кооперативам по вопросу о помощи стачечникам.

н) Комфракциям в европейских парламентах начать кампанию за запрещение вывоза угля в английские порты или через другие порты в Англию. Эту кампанию комбинировать с красными профсоюзами.

о) Немедленно организовать в Париже комиссию в составе тт. Томского, Гумбольдта, Семара, Брауна, Монмуссо и одного чеха, с широкими полномочиями от КИ и Профинтерна. Том Мэна направить в Англию.

п) Этим товарищам, в частности, поручить созыв совещания, если понадобится, компартий и Профинтерна.

Выписки посланы: тт. Томскому, Зиновьеву, Молотову — все; Догадову — «а», «б», «г»; Пятницкому — «б», «е», «ж», «з», «и», «к», «л», «н», «о», «п»; Угланову, Кирову (шифром) — «в»; Рудзутак — «г»; Чичерину, Литвинову, Гусеву — «д»; Лозовскому — «к», «л», «н»; Любимову — «м».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 57—58.

Примечание:

¹ За 2 месяца до принятия этого постановления, 4 марта 1926 г., Политбюро, обсудив представленный Зиновьевым вопрос «Об английских горня-

ках», приняло следующее решение: «Поручить т. Томскому обратить серьезное внимание на предстоящий конфликт горняков и, ознакомившись с положением, информировать английских товарищей, что в случае, если бы борьба разгорелась, они могут рассчитывать на помощь рабочих организаций СССР в размере до одного миллиона рублей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д 3. Л. 29)

Всеобщая забастовка в Англии (3—12 мая 1926 г.) была организована в поддержку стачки английских горняков, начавшейся 1 мая в знак протеста против локаута, объявленного шахтовладельцами. Во всеобщей забастовке участвовали более 5 млн. рабочих важнейших отраслей промышленности и транспорта страны.

6 мая ПБ вновь обсудило «Английские дела» (именно так — или «Об Англии» — стали обозначать обсуждавшиеся на ПБ вопросы о стачке английских горняков) и поручило Догадову послать телеграмму Генсовету БКТ «приблизительно следующую»: «Сообщите, получили ли 250.000 р., а также сообщите, в какой форме вы считаете более целесообразной дальнейшую помощь — в форме денежной или продовольственной». Этим же решением признавалось необходимым в срочном порядке созвать заседание Исполкома Коминтерна в Берлине по инициативе Э.Тельмана и П.Семара, а также было утверждено постановление комиссии ПБ по английским делам, в котором членам ПБ рекомендовалось не публиковать в прессе статьи о забастовке английских горняков за своими подписями, а находившимся в Москве представителям КП Англии, Германии, Италии, Франции и других стран срочно поместить в «Правде» ряд статей по вопросу об английских делах за своими подписями (Там же. Л. 60—61).

Опросом членов ПБ от 5 мая были утверждены предложения комиссии ПБ по английским делам об объявлении профсоюзом водников СССР частичной стачки и прекращении на время забастовки шахтеров Англии «выгрузки нашего угля и нефти в английских портах» (Там же. Л. 61, 63). В тот же день опросом членов ПБ было принято предложение Томского «для быстрого разрешения вопросов, связанных с английскими делами, создать на время забастовки в Англии» комиссию в составе Лозовского (председатель), Догадова, Сталина, Чичерина и Молотова. Секретарем комиссии был назначен Пятницкий. Комиссии поручался просмотр статей и воззваний о забастовке английских горняков (Там же. Л. 62).

№ 58

Из протокола № 24
5 мая 1926 г.

С л у ш а л и :

п. 14. Английские дела¹ (ПБ от 4.V.26 г., пр. № 23, п. 1-Г) (т. Рудзутак).

П о с т а н о в и л и :

Утвердить предложения комиссии Политбюро от 5.V. с.г. (см. приложение).

Приложение

ПРОТОКОЛ

заседания комиссии Политбюро по английским делам
5 мая 1926 г.

(утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5.V.1926 г.)

С л у ш а л и :

1. О мерах, направленных к прекращению на время забастовки выгрузки нашего угля и нефти в английских портах.

П о с т а н о в и л и :

1. Провести следующие мероприятия:

а) Союз Водников объявляет частичную стачку и заявляет, что наши грузы, отправляемые в Англию, грузиться не будут за исключением тех, на выгрузку которых будет дано согласие Английского Совета Профсоюзов.

б) В порты других государств Союз Водников не принимает в погрузку топливные грузы, на которые имеется подозрение, что они будут перегружены в Англию.

в) Союз Водников предлагает всем нашим судам, находящимся по пути в Англию, по получении сообщения о частичной забастовке Союза, присоединиться к забастовке.

г) Принять к сведению сообщение Нефтесиндиката, что в связи с возможными убытками от простоя и невыгрузки в английских портах нефтетоплива, эти грузы, находящиеся в пути, будут переадресованы в другие страны.

Выписки посланы: тт. Рудзутаку, Догадову, Ищенко (Союз Водников), Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 61, 63.

Примечание:

¹ 4 мая, на следующий день после объявления всеобщей английской забастовки, Политбюро приняло план по организации кампании солидарности со стачечниками (см. документ № 57).

№ 59

Из протокола № 24
6 мая 1926 г.

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Г. Английские дела¹ (тт. Зиновьев, Лозовский).

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить т. Догадову послать следующую приблизительно телеграмму клером Генеральному Совету английских профсоюзов:

«Сообщите, получили ли 250.000 р[ублей], а также сообщите, в какой форме вы считаете более целесообразной дальнейшую помощь — в форме денежной или продовольственной».

б) Включить т. Тельмана в комиссию т. Томского².

в) Признать необходимым в срочном порядке устроить заседание Исполкома Коминтерна в Берлине, с тем, чтобы инициатива созыва была взята на себя заместителями председателя ИККИ Тельманом и Семаром. Запросить мнение тов. Томского по этому вопросу, а также т. Тельмана и Семара.

г) Считать нецелесообразной поездку т. Зиновьева в Берлин.

д) Утвердить следующее постановление комиссии Политбюро по английским делам³:

1. Считать нецелесообразным на ближайший период печатать статьи за подписью членов Политбюро.

II. Просить членов Политбюро давать статьи в прессу без подписи.

е) Принять все меры к тому, чтобы находящиеся в Москве представители иностранных компартий (немецкой, французской, английской, итальянской и др.) срочно поместили в «Правде» ряд статей по вопросу об английских делах, за своими подписями.

Выписки посланы: тт. Догадову — «а», Томскому — «б», «в», «д»; Зиновьеву — «б», «в», «г», «д», «е»; всем членам ПБ — «д»; Пятницкому — «б», «в», «е»; Чичерину, Литвинову — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 60—61.

Примечания:

¹ См. документ № 57.

² Имеется в виду комиссия в составе Томского, Беннета, Семара, Эверта, Монмуссо, Богумила, образованная Политбюро 4 мая для созыва конференции европейских коммунистов в поддержку кампании солидарности с английскими стачечниками (см.: Коминтерн и идея мировой революции. С. 595).

³ 5 мая, по предложению Томского, была создана комиссия в составе Лозовского, Догадова, Сталина, Зиновьева, Чичерина и Молотова «для быстрого разрешения вопросов, связанных с английскими делами». Той же комиссии был поручен «просмотр статей и воззваний» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 62). 10 мая Политбюро включило в ее состав также Рыкова (Там же. Л. 66).

№ 60

Из протокола № 25

7 мая 1926 г.

Слушали:

п. 26. Английские дела.

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение тт. Сталина, Молотова и Догадова: перевести немедленно 2 милл. рублей, послав такую телеграмму на имя Генсовета: «Советские [проф]союзы переводят вам сегодня для бастующих братьев в Англии 2 милл. рублей. Это второй взнос от советских [проф]союзов из собранных сумм. Сборы продолжаются. Секретарь ВЦСПС Догадов». Телеграмму отправить на имя Предгенсовета Пью и Секретаря Ситрина с опубликованием в печати¹.

Выписки посланы: тт. Догадову, Шейнману.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 65—66.

Примечание:

¹ Телеграмма была опубликована в газете «Правда» 8 мая 1926 г.

№ 61

**Из протокола № 25
13 мая 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 25. О германских кредитах¹ (тт. Каменев, Шейнман, Квинтинг, Толоконцев).

П о с т а н о в и л и :

Одобрить в общем выработанную совещанием из представителей Наркомторга, ВСНХ и Госбанка директиву для их представителей за границей при дальнейшем ведении переговоров о германских кредитах (см. приложение).

Приложение

ТЕЗИСЫ К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЕРМАНСКИХ КРЕДИТОВ

1. Правительство Соединенных Штатов в неофициальном заседании высказалось против плана Гарримана об эмиссии займа, предназначенного (неофициально) для СССР².

Это решение, по настоянию Гарримана держится в секрете и до сих пор не оглашено.

Гарриман заявил, что он не считает это решение окончательным и надеется, благодаря личным своим связям и влиянию, добиться, что официальное решение американского правительства было бы благоприятно для займа. С этой целью он выехал в Америку и обещал дать окончательный ответ американского правительства не позже 1-го июня.

Он просил разрешения советского правительства продолжать работу по осуществлению займа.

Это разрешение должно быть ему дано.

II. Деньги по этому займу реально могут быть (в случае осуществления займа) получены примерно в июле месяце. Ввиду этого при определении нашей линии в отношении использования германских кредитов, следует на ближайший период строить наши расчеты, игнорируя план Гарримана.

III. Реализация германских кредитов в настоящее время наталкивается на значительно большие затруднения, чем это можно было предвидеть в начале наших переговоров.

Главной причиной этого является неблагоприятная оценка нашего экономического положения со стороны заграницы и стремление банков и промышленников использовать это положение для получения от нас повышенных процентов и увеличения цен в некоторых случаях от 20—50%.

С другой стороны, за это время обнаружилось, что несмотря на наши первоначальные уверения, мы не разместили в других странах сколько-нибудь значительных заказов на условиях долгосрочного кредита, что ослабило нажим германского правительства на промышленников и банки, и уже обещанное финансирование со стороны Госбанков отдельных германских государств отклонено.

IV. При этих условиях объективно возможны 2 пути:

а) Принять условия немецкого банковского консорциума, уже раз отвергнутые нами официально, т.е. капитулировать перед банками, т.к. банки не склонны существенно изменить в нашу пользу первоначальные свои условия и даже, напротив, при нынешнем положении можно ожидать ухудшения условий в некоторых пунктах.

б) Энергично приступить к переговорам о размещении заказов вне Германии, прекратив в то же время переговоры о заключении генерального договора финансирования заказов по 300-миллионному кредиту. Одновременно продолжать уже начатую линию заключения договоров с отдельными фирмами на условиях, коммерчески для нас выгодных (в таком порядке размещено заказов на 10 мил. марок).

V. В случае, если банковский консорциум станет на путь компромисса и предложит нам новые условия финансирования (9,875%) то такое предложение может быть рассматриваемо нами как база для возобновления переговоров с консорциумом (с тем, чтобы при заключении договоров был предусмотрен вопрос эвентуального использования займа Гарримана).

VI. Ежели бы консорциум банков не обнаружил желания вступить на путь компромисса и никакого конкретного предложения в вышеуказанном направлении не сделает, — то нашим представителям за границей при сношении с германским прави-

тельством следует указать на то, что этот план дополнительного импорта на основе кредитов, гарантированных германским правительством, предусматривается нами сверх нашего основного импортного плана и может быть нами принят только на условиях, коммерчески для нас выгодных и поэтому до тех пор, пока мы не получим подобных указаний, мы будем считать сделку не осуществившейся.

Вследствие этого необходимо довести до сведения германского правительства, что предпринятая в результате переговоров между германским и советским правительствами кредитная операция находится в серьезной опасности вследствие саботажа германских чиновников и чрезмерных требований банков и промышленников.

VII. Заказы с 4-х летним или 2-х летним кредитом могут, как правило, выдаваться только в рамках специальных импортных планов, установленных для этих кредитов.

Торгпредству предоставляется право заказы на отдельные мелкие предметы, которые по коммерческим соображениям невыгодно, неудобно или невозможно выдавать на тех же условиях, что и крупные заказы, выдавать на нормальных условиях; а с другой стороны, крупные заказы (нормального типа), могущие быть размещенными по этим кредитам — перенести из нормального импортного плана в специальный план.

Во всяком случае это обстоятельство не должно увеличить расхода валюты по нормальному импортному плану.

VIII. Ввиду требования Германского Междуведомственного комитета, ведающего выдачей гарантий по нашим заказам, установить в размере 100 000 долларов минимальную сумму заказа отдельной фирме, по которому должна быть выдана гарантия, — признать возможным определить этот минимум в 25 000 долларов с тем, чтобы в случае надобности пойти на уступки (50 000 долларов).

IX. Так как германская пресса неоднократно мотивировала свои сообщения о предстоящей нашей уступке германским банкам тем, что наши закупочные комиссии, находящиеся в Берлине, торопят с выдачей заказов, необходимо подкрепить наше сообщение германскому правительству распоряжением комиссиям сократить до необходимого минимума свои аппараты в Берлине и разъехаться по другим странам.

X. Ввиду того, что принятие во внимание при выдаче заказов только политических соображений на практике приводит к чрезмерному повышению цен, дать директиву торгпредствам, при решениях о закупках, принимать во внимание всю совокупность условий, характеризующих заказ (качество, сроки доставки, цены, срок и стоимость кредита и т.д.).

XI. Во всяком случае создавшаяся обстановка не благоприятствует размещению на нормальных условиях такого большого заказа и, очевидно, его выполнение должно будет растянуться на более длительный срок, чем это предполагали раньше.

Выписки посланы: тт. Каменеву, Шейнману, Рыкову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 65, 67—70.

Примечания:

¹ 1 октября 1925 г. помимо решения принять торговый договор, предложенный советской стороной (см. документ № 48), германское правительство утвердило выделение кредита в 100 млн. марок советскому правительству через германские банки. Условия кредита были сообщены Сокольниковым несколько дней спустя после заключения торгового договора. После обмена ратифицированными грамотами по поводу торгового договора, подписанного в Берлине 11 февраля 1926 г., начались переговоры по вопросам увеличения размера и продолжительности кредитов. 24 февраля германское правительство высказало готовность обеспечить долгосрочный кредит на 300 млн. марок и таким образом покрыть 60% стоимости экспорта в СССР. Однако предстояло согласовать условия кредита с германскими банками, которые требовали выплату 11 ³/₄% годовых. Советское правительство предлагало ограничиться 8,5% (Дух Рапалло... С. 18—23). См. также документ № 65.

² Американский банкир Гарриман приехал в Берлин в феврале 1926 г. в дни советско-германских переговоров об условиях кредитов. В беседе со Стомоняковым, главой советской делегации, он поддержал стремление советского правительства получить кредиты на благоприятных условиях от американских банков (Там же. С. 40).

№ 62

**Из протокола № 26
14 мая 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Английские дела (тт. Зиновьев, Чичерин, Пятницкий, Лозовский)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Проект резолюции, предложенный т. Зиновьевым, отклонить (см. приложение).

б) Послать комиссии следующую телеграмму, предложенную т. Сталиным:

«С телеграммой комиссии от 12 мая с.г. за подписью Томского и Гумбольдта² Политбюро не может согласиться. Мы считаем, что не было компромисса, а было предательство. Подчиниться Генсовету нельзя, когда рабочие бастуют и хотят бастовать. Генсовет и его вождей надо критиковать и беспощадно разоблачать,

надо на ошибках вождей Генсовета учить массы. Предлагаем комиссии немедленно отменить свою директиву и заменить ее директивой в духе нашей телеграммы. Работу комиссии после исполнения настоящего постановления считать оконченной».

в) Вопрос о вызове т. Семара отложить.

Приложение

**ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ
т. ЗИНОВЬЕВЫМ И ОТКЛОНЕННЫЙ ПОЛИТБЮРО**

Директива, данная тт. Томским и Гумбольдтом английской компартии (подчиниться решению Генсовета о прекращении забастовки и довести об этом до сведения Генсовета), глубоко неправильна и принципиально неверна.

Капитуляция Генсовета без всяких условий, и даже без гарантирования рабочим, что они смогут поступить назад на работу, есть акт небывалой еще в истории международного рабочего движения **измены**. Если бы английская компартия добровольно подчинилась этому позорному решению и поспешила выразить лояльность Генсовету, она сама стала бы соучастницей этой **измены**.

Первейшая и элементарнейшая задача английской компартии заключается в том, чтобы открыть глаза английскому пролетариату, раскрыть ему глаза на роль официальных вождей Генсовета, которые фактически пошли за Томасом, Макдональдом и другими предателями рабочего дела. Английская компартия поступила абсолютно правильно, выступивши против предательства Генсовета.

Точно так же неправильно предложение тт. Томского и Гумбольдта «признать», что конец забастовки означает провал консерваторов и частичную моральную победу пролетариата. Признать это значило бы признать **неправду**, значило бы повторить лицемернейшие фразы обанкротившихся вождей Генсовета.

Пункт 3 предложений Томского и Гумбольдта «компромисс достигнут в момент наиболее благоприятный для успешной борьбы пролетариата» столь же неправилен. Нет «компромисса», есть капитуляция и измена.

Ввиду всего этого Политбюро считает нужным:

- 1) отменить директиву тт. Томского и Гумбольдта;
- 2) поручить делегации ВКП в КИ предложить Президиуму Коминтерна немедленно телеграфно отменить директиву тт. Томского и Гумбольдта и сообщить вышеуказанные мотивы этой отмены английской компартии.

Г. Зиновьев.
13.V—26 г.

Выписки посланы: телеграмма т. Томскому послана 14.V. (через т. Пятницкого); Томскому, Зиновьеву — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 71—73.

Примечания:

¹ Всеобщая забастовка была прекращена 12 мая без достижения какого-либо соглашения с шахтерами. В статье, опубликованной в «Правде» 13 мая, Зиновьев обвинил руководителей Генсовета в измене английским рабочим.

² Текст этой телеграммы не обнаружен.

№ 63

**Из протокола № 27
15 мая 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 26. Английские дела.

П о с т а н о в и л и :

В ответ на телеграмму ЦК КП Англии от 14 мая с.г. послать следующую телеграмму:

«Председателю федерации горнорабочих Англии Смиту. Генсеку федерации Куку.

В распоряжение Центрального Комитета горнорабочих Советского Союза поступило сегодня от ВЦСПС 2 600 000 рублей, собранных рабочими Советского Союза на помощь английским рабочим. Происходящий ныне в Москве очередной съезд горнорабочих Советского Союза постановил перевести эту сумму в распоряжение углекопов Англии. Ждем Ваших указаний. Братский привет. По поручению V съезда горнорабочих СССР (две подписи)¹».

Текст телеграммы дан на руки т. Шварцу 15.V.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 75—76.

Примечание:

¹ Это решение было принято после отказа руководства Генсовета БКТ получить финансовую помощь от имени советских профсоюзов.

№ 64

**Из протокола № 29
31 мая 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Об Англии (ПБ от 27.V.26 г., пр. № 28, п. 1-А) (тт. Зиновьев, Лозовский, Пятницкий).

П о с т а н о в и л и :

а) Обсуждение общего вопроса о положении в Англии отложить до следующего заседания в четверг, 3 июня с.г.

б) Признать необходимым продолжать со стороны компартий и профсоюзов всех стран оказывать самую энергичную поддержку и материальную помощь стачке английских углекопов¹.

в) До решения общего вопроса в Политбюро считать обязательным при выступлениях по вопросу об Англии придерживаться ранее принятых директив английской комиссии и Политбюро, в частности, об одобрении линии английской компартии.

г) Принять к сведению заявление т. Томского о том, что к четвергу, 3 июня с. г., им будет разослан к сведению всем членам Политбюро письменный доклад о работе комиссии Политбюро.

д) Принять предложение т. Зиновьева о стенографировании прений по английскому вопросу на следующем заседании Политбюро².

е) Предложить НКВД составить, на основе обмена мнений в Политбюро, проект ответа на ноту английского правительства, по поводу прекращения погрузки на двух английских судах в Батуме, с указанием на невозможность, в силу самого существа Советской власти, вмешательства советского правительства в стачечную борьбу рабочих, организуемую профсоюзами³.

ж) Поручить т. Томскому обеспечить появление в печати с завтрашнего дня статьи о фактическом исполнении директив ВЦСПС о содействии английской стачке.

Выписки посланы: тт. Зиновьеву — «а», «б», «д»; Томскому — «б», «г», «е», «ж»; Догадову — «б», «е», «ж»; Чичерину — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 83.

Примечания:

¹ См. документ № 63.

² 3 июня Политбюро отвергло тезисы, представленные Зиновьевым по вопросу об уроках английской всеобщей стачки и приняло в основе проект тезисов, предложенный Бухариным, Молотовым и Томским, а также отклонило просьбу Зиновьева о разрешении ему выступить с защитой своей точки зрения в Исполкоме Коминтерна (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 564 Л. 2).

Опросом членов Политбюро от 5 июня было принято предложение Лозовского и Томского о посылке телеграмм профсоюзом советских горняков Федерации горняков Англии с предложением организовать совещание «для совместного обсуждения форм и способов дальнейшей помощи в вашей борьбе» (Там же. Оп. 162. Д. 3. Л. 87). 14 июня Политбюро приняло предложенный Томским, Лозовским и Шварцем проект директивы делегации профсоюза горнорабочих СССР на конференции шахтеров Англии и Советского Союза, состоявшейся 6 июля в Берлине. В директиве, в частности, предлагалось: продолжать помощь борющимся английским шахтерам, за-

ключить между профсоюзами обеих стран «договор братства и дружбы» с целью «укрепления связей», активизировать деятельность Англо-русского комитета, совместно бороться за единый Интернационал горняков путем созыва международного конгресса единства горняков, создать «Англо-советский комитет горнорабочих, который проводил бы в жизнь совместно принятые решения» (Там же. Л. 89—91).

Стенограмму заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июня 1926 г. «Об уроках английской всеобщей стачки» см.: Там же. Оп. 163. Д. 684—687.

³ Дипломатическая миссия Великобритании в СССР в ноте от 26 мая потребовала расследовать причины задержек погрузки бензина на суда «Валлетта» и «Люминус» в Батумском порту. Советское правительство в ответе на нее от 4 июня разъяснило, что профсоюзы СССР в начале мая объявили частичную забастовку солидарности с всеобщей стачкой в Англии и действовали в соответствии с этим решением. Оно информировало английскую миссию, что оба судна после загрузки 29 и 30 мая покинули Батуми (ДВП. Т. IX. С. 297—298).

№ 65

**Из протокола № 34
17 июня 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. О долгосрочных кредитах в Германии¹ (ПБ от 15.V.26 г., пр. № 25, п. 25) (тт. Квиринг, Шлейфер, Брюханов, Шейнман, Стомоняков, Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) Считать необходимым максимальное форсирование переговоров по размещению заказов в других странах, согласно утвержденному списку в размере 30 милл. р[ублей].

б) Считать возможным, по истечении недельного срока, начать переговоры с консорциумом немецких банков на основе размера процента в 9,5 % и ограничения в использовании кредитов в первую очередь 105 м[лн.] р[уб].

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 92.

Примечание:

¹ Договор был заключен 26 июня на основе компромисса — выделения кредита под 9,4 % годовых (ДВП. Т. IX. С. 324—325; Дух Рапалло... С. 50—51).

№ 66

**Из протокола № 37
1 июля 1926 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Вопросы НКВД.

Г. О «Юнкерсе» (ПБ от 24.VI.26 г., пр. № 35, п. 1-Г) (тт. Троцкий, Ворошилов).

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение комиссии по вопросу о новых предложениях фирмы «Юнкерс» (см. приложение).

Приложение

С. секретно.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИССИИ ПО ВОПРОСУ О НОВЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ФИРМЫ «ЮНКЕРС»

от 28 июня 1926 г.

1. Считать необходимым сохранить в силе постановление Политбюро от 4 марта 1926 года о ликвидации концессионного договора с «Юнкерсом»². Ввиду заинтересованности фирмы в том, чтобы ликвидация договора не сопровождалась разоблачением компрометирующих фирму обстоятельств политического и финансового характера, считать возможным пойти навстречу фирме в этом отношении при условии, если фирма снимет свои материальные претензии.

2. При этом условии считать также возможным согласиться на приемку от фирмы двенадцати бомбовозов, на соответственных условиях в отношении цены и необходимого переоборудования.

3. Ввиду заинтересованности фирмы в том, чтобы ликвидация старого договора не имела характера полного разрыва, считать при соблюдении указанных выше условий — возможным вступить с фирмой «Юнкерс» в переговоры о заключении с нею концессионного договора технической помощи.

4. Главный Концессионный Комитет немедленно предъявляет представителю фирмы изложенные в этом постановлении предложения в их совокупности. В случае принципиального согласия фирмы, Главный Концессионный Комитет продолжает и заканчивает в возможно короткий срок переговоры о ликвидации старого концессионного договора.

5. Одновременно с этим концессионная комиссия Реввоенсовета и ВСНХ вступает с фирмой в переговоры о технической помощи, возможных кредитах и пр.

Военное ведомство вырабатывает условия приемки двенадцати бомбовозов.

Выписки посланы: тт. Троцкому, Дзержинскому, Ворошилову, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 94, 95.

Примечания:

¹ См. документы № 39, 44, 49.

29 апреля 1926 г. в заключении, направленном председателю ВСНХ СССР Ф.Э.Дзержинскому заместитель председателя Главметалла В.И.Междулаук и член правления Главметалла Д.Ф.Будняк отмечали, в частности, что между фирмой «Юнкерс» и ответственными лицами в УВВС имелась связь, построенная на взяточничестве. Поэтому вполне допустимо, что эти лица влияли не только на закупку, быть может, не вполне соответствующих своему назначению типов самолетов и моторов у фирм, в которых они являлись заинтересованными, но могли влиять и на самую приемку, принимая неисправную, точнее плохого качества продукцию зарубежных фирм (Фашистский меч ковался в СССР... С. 144—147).

15 июня 1926 г. во время встречи с начальником ВВС РККА Барановым представитель германского правительства фон Шлибен сообщил об отзыве скомпрометированных сотрудников фирмы «Юнкерс», назначении нового представителя фирмы в Москве Гейнемана и предложил «возобновление работ завода в Филях под руководством советской стороны, но с финансовой и технической помощью фирмы «Юнкерс» (Там же. С. 148—150). На совместном совещании Главметалла, УВВС и Авиатреста 25 июня было решено принять предложение фон Шлибена. Прежний концессионный договор предлагалось ликвидировать, а проблему взаиморасчетов решить в смешанной комиссии.

² 4 марта 1926 г. Политбюро постановило: «Договор с «Юнкерсом» расторгнуть». Вопрос о методах и сроках расторжения этого договора передать на окончательное разрешение Главконцесскома. В этом же решении поставлен вопрос о необходимости развития советской авиационной промышленности (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 549. Л. 5—6).

№ 67

Из протокола № 37 1 июля 1926 г.

С л у ш а л и :

п. 4. О «Берсоли»¹ (тт. Уншлихт, Аванесов, Брюханов).

П о с т а н о в и л и :

Признавая в принципе необходимость разрыва с немцами и коренного изменения всей работы, передать этот вопрос на окончательное разрешение Комиссии Оборона, поручив ей определить все, связанные с этим делом материальные затраты.

Выписки посланы: тт. Уншлихту, Рыкову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 94.

Примечание:

¹ Смешанное общество «Берсоль» было учреждено с целью выполнения соглашения, подписанного 14 мая 1923 г. и предусматривавшего строительство завода по производству отравляющих газов (ОВ) в СССР. Новые переговоры по вопросам увеличения их производства имели место 23 марта между фон Сектом и Уншлихтом (Дух Рапалло... С. 29—36). 12 мая комис-

сия Политбюро по спецзаказам в составе Уншлихта, Чичерина, Ягоды, Аванесова, Шкловского, Мрачковского, Гальперина и Гайлиса констатировала факт невыполнения германской стороной своих обязательств по учредительному договору и постановила: решение комиссии от 2 января 1926 г. провести в жизнь (Фашистский меч ковался в СССР... С. 206—207). Та же комиссия на заседании 30 июня приняла следующее решение: «После трехлетней работы с немцами по оборудованию химзавода по ОВ в Иващенко-во... считать необходимым взять окончательную линию на разрыв с ними по делу Берсоли» (Там же. С. 207—208).

№ 68

**Из протокола № 78
13 января 1927 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. Вопросы НКВД.

А. О Франции. (ПБ от 6.1.27 г., пр. № 77, п. 4(А)) (тт. Литвинов, Микоян, Шейнман)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить с поправками следующее предложение комиссии Политбюро²:

1. По вопросу о соглашении по долгам и кредитам подтвердить следующие директивы, одобренные комиссией т. Рудзутака:

1) Одобрить сделанную делегацией французской стороне заявку, предусматривающую получение 225 000 000 долларов товарными и денежными кредитами, реализуемых в течение 3 лет со следующим календарным распределением:

в первый год	50 000 000 долл.
во второй год	75 000 000 долл.
в третий год	100 000 000 долл.

В том числе валютными кредитами соответственно 15, 20 и 35 милл. долларов (постановление Политбюро об общем кредите в 450 миллионов рублей, из которых 150 000 000 рубл. денежных кредитов и 300 милл. товарных кредитов).

2) Цены предоставляемых нам товаров не должны превышать конкурентных цен.

В случае невозможности использования кредитов в течение трех календарных лет советское правительство сохраняет за собой право продления срока использования кредитов, или использования кредитов в одну четверть вне Франции, или увеличение, по соглашению с французским правительством, валютной части кредитов за счет товарных.

3) Срок платежей процентов и погашений по всем кредитам поручить установить делегации, добиваясь всемерного облегче-

ния платежей в первые годы. В частности, платежи по погашению кредитов не должны начинаться раньше трех лет.

Предложить делегации в переговорах о процентах по кредитам исходить из минимальной ставки, уплачиваемой нами по долгосрочным кредитам в настоящее время.

Окончательная ставка и сроки платежей должны быть санкционированы Политбюро.

4) Советское правительство должно иметь полную гарантию о том, что кредиты будут действительно во Франции реализованы. Обязательства по реализации этих кредитов должны лежать на французской стороне.

Признать нежелательным организацию смешанного советско-французского института. Ввиду этого делегации по своей инициативе данный вопрос ни в коем случае не выдвигать и соответственным образом рассматривать предложения французской стороны об организационных формах размещения кредитов и займов.

II. По вопросу о признании старых долгов делегация не должна выходить за пределы сделанных ею до перерыва переговоров формальных предложений, исходя из схемы ежегодных платежей в 60 милл. золотых франков в течение 52—62 лет.

III. Отклонить французское предложение о каком бы то ни было последующем пересмотре схемы платежей.

IV. Отклонить французское предложение о предоставлении Франции наибольшего благоприятствования в вопросе о старых долгах.

V. Настаивать на обмене старых облигаций на советские боны.

VI. Требовать передачи полученной Францией части брест-литовского золота в полное распоряжение советского правительства.

VII. Настаивать на ротационном возобновлении кредитов по мере их погашения в течение, по крайней мере, 15 лет.

VIII. Получение валютной части кредитов не должно быть связано ни с какими ограничениями в отношении страны использования.

IX. Предупредить французскую делегацию, что в случае затяжного характера переговоров советская делегация не будет считать себя связанной предложениями в части, касающейся товарных кредитов.

X. Настаивать на одновременном с подписанием соглашения по старым займам аннулировании всех остальных взаимных претензий (по военным кредитам, национализациям и конфискациям французского имущества, интервенций и др.).

XI. Порядок и постепенность предъявления вышеперечисленных требований установить самой делегации.

XII. Настаивать на подписании одновременно с настоящим соглашением, пакта о ненападении и неучастии во враждебных комбинациях³.

б) Признать нежелательным в данный момент дальнейшее изменение состава делегации после исключения из него гг. Рейнгольда и Пятакова.

в) Предложить т. Раковскому сообщить французскому правительству, что переговоры возобновятся немедленно по его возвращении в Париж из поездки на сессию ЦИКа.

Выписки посланы: гг. Литвинову, Раковскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 42—44

Примечания:

¹ См. документы № 51, 53. Переговоры были приостановлены в апреле 1926 г. из-за вопроса о долгах, которые советское правительство намеревалось признать только при условии получения кредитов от Франции. 7 июня 1926 г. советская делегация представила список долгосрочных кредитов, которые советское правительство надеялось получить от Франции в течение 1927—1929 гг., и перечень заказов для французской промышленности (ДВП. Т. IX. С. 301—303). Через неделю стороны решили формально отсрочить конференцию до ноября 1926 г., договорившись о том, что неофициальные переговоры продолжатся.

Однако заключение франко-румынского договора от 10 июня 1926 г. вызвало новые протесты со стороны Москвы, которая истолковала его как французские гарантии Румынии по бессарабскому вопросу.

При сформированном в июне 1926 г. новом правительстве, возглавляемом Пуанкаре, франко-советские отношения стали ухудшаться. Во время встречи Пуанкаре и Раковского, имевшей место 25 августа 1926 г., состоялся общий обмен мнениями по ряду вопросов, включая вопросы о взаимных имущественных и финансовых претензиях, франко-румынском договоре (Там же. Т. X. С. 624—625).

² За неделю до принятия данного решения, 6 января 1927 г. ПБ поручило комиссии в составе Литвинова, Микояна и Шейнмана выработать конкретные директивы на основе обмена мнениями в ПБ и, в случае необходимости возобновления переговоров, определить состав делегации и в недельный срок внести в ПБ свои предложения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 610. Л. 2). Эти предложения, базировавшиеся на составленной в Москве в июне 1926 г. «Схеме предоставления Францией долгосрочных кредитов СССР», легли в основу публикуемого решения ПБ от 13 января.

³ Об этом предложении см. документ № 53.

№ 69

Из протокола № 78 13 января 1927 г.

С л у ш а л и :

п. 8. О «Берсоли»¹ (ПБ от 6.1.27 г., пр. № 77, п. 5) (т. Уншлихт).

П о с т а н о в и л и :

а) На основании письма немцев от 11.I.27 г.² считать договор по «Берсоли» расторгнутым.

Поручить т. Мрачковскому составить справку и, по согласовании с НКВД, представить в Политбюро.

б) В связи с переходом завода «Берсоли» в наше исключительное владение, передать его ВСНХ СССР. Условия передачи согласовать РВСР с ВСНХ.

в) Признать, что опыт совместной работы с РВМ по организации военной промышленности оказался абсолютно неудачным, т.к. ни одно из взятых на себя обязательств немцами исполнено не было.

г) Дальнейшие отношения с РВМ должны носить вполне корректный, добрососедский характер.

д) Решительно отказаться как от организации совместных с РВМ военно-промышленных предприятий, так и от дальнейшей совместной организации военных школ. Существующие совместные опытные работы (по авиации и аэрохимическим испытаниям) необходимо строго изолировать от армейской жизни и при первой возможности ликвидировать.

Незаконченные переговоры по линии организации военных школ и опытных испытаний — прервать.

Выписки посланы: т. Уншлихту — все; т. Куйбышеву — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 45.

Примечания:

¹ См. документ № 66. В письме, направленном в Политбюро 22 ноября 1926 г., Уншлихт сообщил о том, что Крестинский «изменил свою прежнюю точку зрения и предлагает не торопиться с разрывом. Это противоречит принятой постановлением Политбюро и проводимой мною линии, ведущей на разрыв с немцами». Уншлихт считал, что «проводимая нами линия, ведущая на разрыв с немцами, является единственно правильной» (Фашистский меч ковался в СССР... С. 209). 25 ноября Политбюро поручило Уншлихту передать Крестинскому указание разорвать с немцами. 12 января 1927 г. комиссия Политбюро по спецзаказам приняла решение о расторжении договора с «Берсолью» и передаче завода под согласованное управление ВСНХ и РВС (Там же. С. 211). В тот же день в письме на имя Сталина Уншлихт предложил «на завтрашнем заседании Политбюро не ограничиваться рассмотрением дела «Берсоли», а «рассмотреть полностью вопрос» об отношениях между Красной армией и рейхсвером. В определенной мере эти акции были ответом на кампанию о «советских гранатах», которую открыл лидер социал-демократов Шейдеман, выступив в рейхстаге 16 декабря 1926 г. и потребовав провести парламентское расследование о деятельности Рейхсвера в СССР (Там же. С. 210).

² Текст письма в деле отсутствует.

Из протокола № 81
27 января 1927 г.

Слушали:

п. 17. Вопросы НКВД.

Е. О регистрации торгпредства во Франции (т. Микоян, Литвинов).

Постановили:

Утвердить директиву т. Микояна, посланную им 21 января с.г. в Париж, Внешторг Ломовскому, копия Раковскому (см. приложение).

Приложение

ТЕЛЕГРАММА

Копия.
Сов. секретно.

21 января 1927 г.

Париж

Внешторг Ломовскому, копия Раковскому

Необходимо во что бы то ни стало отстаивать позицию особого режима торгпредства, никоим образом не соглашаясь приравнивать его [к] обычным торговым фирмам. Придирки французов отвести, заявив [что] вопрос [о] режиме торгпредства связан с общими переговорами [с] Францией, до разрешения которых вопрос [о] торгпредстве стоит открытым. Поскольку переговоры должны продолжаться, нет оснований разрешать вопрос [о] торгпредстве до разрешения общих вопросов. Если не удастся путем давления на Министерство прекратить придирки [к] торгпредству, считаем возможным идти на установление до окончания общих переговоров¹ временного статуса. От уплаты штрафа откажитесь. Если дипломатическое воздействие не повлияет и будет опасность скандала со стороны властей по поводу конфликта, [в] крайнем случае апеллируйте решение суда, послав одновременно протест Министерству. При переговорах и в протесте исходите, что принципиально уплаты налога не отвергаем, но настаиваем [на] особом режиме и порядке уплаты. [С] Литвиновым согласовано. Микоян.

Выписки посланы: тт. Микояну, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 53, 54.

Примечание:

¹ Об этих переговорах см. документ № 68.

**Из протокола № 84
5 февраля 1927 г.**

С л у ш а л и :

п. 17. О «Юнкерсе»¹ (ПБ от 3.II.27 г., пр. № 83, п. 17) (тт. Ворошилов, Рейхель, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Ускорить ликвидацию концессии «Юнкерса» в порядке любовной сделки. Принять предложение ГКК об уплате концессионеру в указанном порядке не более 3 1/2 миллионов рублей.

б) Вопрос об изыскании необходимых для уплаты «Юнкерсу» средств передать на разработку в советском порядке.

в) Поручить ВСНХ СССР рассмотреть вопрос о приеме б[ывшего] Русско-Балтийского завода в Филях.

Выписки посланы: тт. Троцкому, Ворошилову, Куйбышеву, Горбунову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 57.

Примечания:

¹ См. примечание 1 к документу № 66.

13 августа 1926 г. ГКК подал фирме «Юнкерс» следующие предложения аннулирования концессии: взаимный отказ от возмещения убытков; немедленная передача бывшего Русско-Балтийского завода в Филях под управление УВВС; начало переговоров между двумя сторонами для достижения соглашения о снижении цен на бомбардировщики, заказанные советскими представителями (Фашистский меч ковался в СССР... С. 158). Переговоры между ГКК и «Юнкерсом» продолжались до начала 1927 г. без достижения какого-либо результата. Об этом говорилось в докладе в Политбюро, направленном Сталину 26 января 1927 г. Ворошилов предлагал, чтобы Политбюро приняло следующие меры: потребовать от «Юнкерса» окончательный ответ на предложения ГКК от 13 августа 1926 г. до 15 февраля 1927 г.; в случае же отказа, немедленно занять завод в Филях и «перенести разрешение спорных денежных претензий в третейский суд, чтобы разрешить претензии двух сторон. ГКК должен был бы выдвинуть эти требования до 1 февраля в форме ультиматума» (Там же. С. 159).

1 февраля 1927 г. Уншлихт сообщил Крестинскому о том, что «инстанция» решила ликвидировать военное сотрудничество с рейхсвером из-за изменения политической ориентации Германии в западном направлении и из-за кампании о «советских гранатах», организованной СДПГ. Однако Политбюро посчитало необходимым пойти на столь резкий шаг, не нарушая «хороших добрососедских отношений с рейхсвером, сохранение коих признано инстанцией желательным» (Дух Рапалло... С. 69). В письме в Политбюро от 3 февраля Троцкий высказался против обращения к третейскому суду и одностороннего занятия завода, предложенных Ворошиловым, и в пользу принятия суммы, предложенной фирмой «Юнкерс» (3,5 миллиона рублей) для уплаты по концессии и по бомбовозам (см.: Фашистский меч ковался в СССР... С. 160—161).

№ 72

**Из протокола № 84
5 февраля 1927 г.**

Слушали:

п. 18. О «Берсоли»¹ (т. Уншлихт).

Постановили:

а) Принять условия ликвидации дела «Берсоль», выдвинутые немецкой стороной, на основании которых все материальные ценности, в виде заводского оборудования и построек, оставляются нам без всякого встречного счета.

б) Русская сторона не предъявляет немецкой дополнительных материальных претензий.

в) Поручить т. Куйбышеву в кратчайший срок урегулировать вопрос о приеме завода.

Выписки посланы: тт. Уншлихту, Куйбышеву.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 57.

Примечание:

¹ См. документ № 70.

В письме Крестинскому от 26 января 1926 г. Литвинов информировал его о том, что решение ликвидировать «Берсоль» было принято под давлением руководителей советского военного ведомства, убежденных в том, что немцы намеревались в деле «Берсоли» осуществить «сознательный саботаж для ослабления нашей обороноспособности» и что это делалось чуть ли не по заданию Англии. Если считать ликвидацию «Берсоли» необходимой, продолжал Литвинов, «то более удобного момента для нее трудно будет выбрать. Немецкий отказ в деле «Берсоли», в связи с разоблачениями социал-демократов, мог бы послужить полным оправданием нашего решения прекратить сотрудничество в полном объеме» (Дух Рапалло... С. 68—69).

№ 73

**Из протокола № 88
24 февраля 1927 г.**

Слушали:

п. 7. О Германии (тт. Крестинский, Уншлихт, Литвинов).

Постановили:

а) Признать необходимым в отношении военного сотрудничества с немцами строго ограничиться тем, что допустимо в легальных формах¹.

б) Рекомендовать немецкой компартии сосредоточить центр внимания всей кампании по вопросу о гранатах на политической стороне дела, что же касается фактической стороны, то доказы-

вать ложность утверждений, что правительство СССР направляло гранаты в Германию².

в) Поручить т. Крестинскому на основе обмена мнений в Политбюро сделать соответствующее заявление немецкому правительству.

г) По вопросу о С. остаться при старом решении Политбюро от 27 января с. г. (пр. ПБ № 81, п. 17-и)³.

Выписки посланы: тт. Уншлихту — «а», Крестинскому — все, Бухарину — «б», Литвинову — «в», «г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 67.

Примечания:

¹ См. документы № 71, 72.

² О кампании о «советских гранатах» см. примечание 1 к документу № 69. Тактика Москвы состояла в отрицании поставки военного оборудования Советским Союзом Германии и в признании использования немецких технологий с целью укрепления собственной обороноспособности (см. «Правду» от 31 декабря 1926 г. и от 5 января 1927 г.). 23 февраля 1927 г. министр обороны Германии Гесслер в своей речи на заседании комиссии иностранных дел рейхстага допустил возможность советско-германского военного сотрудничества, но в рамках 1922—1923 годов — в период предельной враждебности Франции в отношении Германии (ADAP. Serie B. Bd. IV. S. 403—406).

³ Речь идет о нежелательности приезда С. Литвинова в СССР в связи с кампанией немецких с.-д. против СССР.

№ 74

Из протокола № 87 17 февраля 1927 г.

Слушали:

п. 6. О Франции (тт. Раковский, Литвинов).

Постановили:

Внести следующие изменения в директиву Политбюро от 13.I.27 г. (пр. № 78, п. 5-4)¹.

а) Исключить § V об обмене старых облигаций на советские боны.

б) § VI заменить следующим:

»Требовать полностью возвращения Францией брест-литовского золота или соответствующей компенсации»².

в) § VII заменить следующим:

«Настаивать на долгосрочных кредитах, сроком не менее, чем на 10 лет».

г) Исключить § X об аннулировании взаимных претензий.

Выписки посланы: тт. Раковскому, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 62.

Примечания:

¹ См. документ № 68.

² О золоте Брест-Литовска см. примечание 4 к документу № 24.

№ 75

Из протокола № 91 17 марта 1927 г.

С л у ш а л и :

п. 21. О Латвии и Эстонии (тт. Стомоняков, Аралов, Литвинов, Карахан).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить парафированные т. Араловым тексты гарантийного договора с Латвией¹.

б) Попытаться улучшить текст ст. 2, согласно наметившегося в Ревеле компромиссного текста, однако, без затягивания переговоров из-за этого улучшения².

в) Считать необходимым улучшить текст ноты о Лиге Наций, не торопясь с подписанием договора. В качестве последней уступки считать возможным принять латвийский текст от 3-го марта, заменив конец последнего абзаца словами: «основываясь на мирном договоре от 11 августа 1920 г., все постановления которого сохраняют полную силу и неприкосновенность и принимая во внимание военное и географическое положение Латвии».

г) Признать необходимым ускорить начало хозяйственных переговоров с Латвией³. Поручить Госплану и другим хозяйственным органам в 5-ти дневный срок дать свое заключение по всем оставшимся спорным вопросам.

д) Все изложенные уступки сделать Латвии и Эстонии лишь после выяснения, что за ними последует немедленное подписание договоров.

Выписки посланы: тт. Литвинову — все; Кржижановскому, Максиму, Куйбышеву, Брюханову, Рудзутaku — «г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 80—81.

Примечания:

¹ 27 января 1927 г. ПБ признало нецелесообразным разрывать переговоры с Латвией и поручило НКВД продолжать их обычным дипломатическим путем, связывая предоставление Латвии экономических льгот с заключением выгодного для СССР политического договора. 17 февраля Политбюро решило немедленно приступить к переговорам о заключении экономического соглашения с Латвией, одоблив предложенные комиссией ПБ два варианта программы этого соглашения: первый — об установлении дружеских отношений с Латвией, второй — о широком экономическом сотрудни-

честве двух государств. Советская сторона предпочитала второй вариант. ПБ приняло предложение НКИД о заключении гарантийного пакта о ненападении (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 52, 63).

Текст договора был парафирован министром иностранных дел Латвии Ф. Циеленсоном и членом коллегии НКИД С. Араловым в Риге 9 марта 1927 г. Согласно 1-й статьи договора обе стороны взаимно обязывались «воздерживаться от всякого акта нападения на другую сторону», а в случае нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон «другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта».

² Во 2-й статье говорилось: «Если в связи с конфликтом упоминаемого в ст. 1 характера, или же когда ни одна из договаривающихся сторон не будет замешана в вооруженных столкновениях, между третьими державами будет образовано политическое соглашение, направленное против политической независимости или территориальной неприкосновенности одной из договаривающихся сторон, или будет образована коалиция с целью подвергнуть экономическому и финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, то другая договаривающаяся сторона к такому соглашению или к такой коалиции примыкать не будет». Обе стороны, указывалось в 3-й статье, «обязуются разрешать мирным путем все возникающие между ними спорные вопросы, которые не удалось бы разрешить в разумный срок обычным дипломатическим путем». Процедура и методы мирного разрешения спорных вопросов были оговорены в особой конвенции, вступившей в силу одновременно с договором. 4-я статья была посвящена вопросам ратификации договора, обмена ратификационными грамотами, условий и срока действия договора (ДВП. Т. X. С. 76—78).

³ 24 марта Политбюро разрешило НКИД сообщить полпреду в Латвии о готовности СССР увеличить импорт латвийских изделий в Советский Союз, а также принять другие меры к расширению торговли с Латвией. 28 мая ПБ постановило «отложить подписание договоров до выяснения вопроса о прочности нынешнего правительства», а 31 мая предложило делегации по переговорам с Латвией «немедленно подписать торговый договор», что и было совершено 2 июня 1927 г. К торговому договору была приложена таможенная конвенция между СССР и Латвией (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 84—85; Д. 5. Л. 25, 30; ДВП. Т. X. С. 267—279).

№ 76

Из протокола № 99 30 апреля 1927 г.

С л у ш а л и :

п. 6. О Франции¹ (ПБ от 28.IV.27 г., пр. № 98, п. 9) (тт. Микоян, Гуревич, Стомоняков, Рухимович, Шлейфер).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить с поправками представленный комиссией проект директив делегации по переговорам с Францией (см. приложение).

б) Считать допустимым подписание протокола о долгах, поручив комиссии представить в Политбюро его точную редакцию.

в) Протокол о долгах должен содержать в себе: 1) категорическое указание на то, что закон об аннулировании долгов сохраняет полностью свою силу, 2) подписание протокола ни в коем случае не может быть истолковано, как самостоятельный акт, но что он может возыметь силу лишь в том случае, если будет обеспечено получение нами соответствующих товарных и денежных кредитов (займа) на 10—15 лет и лишь после подписания всего договора в целом, включая и договор о займе, 3) в случае, если переговоры в дальнейшем будут прерваны, факт подписания этого протокола ни в коем случае не может связывать правительство СССР, т. е. оно не будет ни морально, ни фактически считать себя обязанным исходить из этого протокола.

г) Поручить делегации на основе настоящей директивы переотредактировать протокол о долгах и представить его на рассмотрение Политбюро, и до решения Политбюро проект протокола французам не сообщать.

д) Предложить т. Гуревичу немедленно выехать в Париж.

е) Настоящее решение считать секретным.

Приложение

ДИРЕКТИВЫ ДЕЛЕГАЦИИ ПО ПЕРЕГОВОРАМ С ФРАНЦИЕЙ

1. Одним из условий общего соглашения с французским правительством должна быть отмена всех существующих ограничений в обращении советских векселей во Франции, в частности, необходимо добиться согласия французского банка (Банк де Франс) на учет и переучет наших обычных краткосрочных обязательств.

2. Условием соглашения считать предоставление долгосрочного займа в сумме 450 миллионов золотых рублей в форме выпуска облигаций сроком от 10 до 15 лет с тем, чтобы 40% займа были предоставлены в форме чисто денежного кредита, а 60% были обращены на оплату заказов СССР во Франции.

3. Считать наиболее приемлемой формой займа выпуск облигаций советским правительством с гарантией французского правительства. В случае, если проведение операций в такой форме окажется невозможным, считать возможной организацию выпуска облигаций Смешанным Советско-Французским Финансовым Институтом с тем, чтобы облигации этого Института были гарантированы советским и французским правительством.

4. Реализация облигационного займа распределяется на 4 года более или менее равномерными частями по годам, причем товарные и денежные кредиты реализуются пропорционально. Этот срок может быть по желанию советского правительства, в зави-

симости от хода строительства в СССР, удлинён или сокращён в пределах одного года.

5. Считать обязательным условием соглашения, чтобы выпущенный заем был твердо расписан между французскими банками.

6. Обе договаривающиеся стороны устанавливают непосредственную органическую связь между производством платежей по довоенным займам и реальным предоставлением СССР обусловленных новых кредитов, с тем, чтобы внесение платежей по старым долговым обязательствам было поставлено в зависимость от фактической реализации в 450 мил. кредита в установленные сроки.

7. Необходимо получить от французского правительства заверение в том, что оно благожелательно отнесется к попытке советского правительства прибегнуть до истечения срока облигаций к размещению во Франции исключительно денежного конверсионного займа.

8. По вопросу о гарантиях своевременного взноса советским правительством платежей по займу:

а) предложение обязательного инкассирования экспортных поступлений во Франции через французский банк — отвергнуть;

б) в случае требования французской делегации в качестве уступки считать возможным гарантировать наши платежи по новому облигационному займу и процентам поступлениями от продажи нашей нефти по долгосрочным контрактам во Франции;

в) в качестве второй гарантии считать возможным гарантировать платежи по займу доходами от предприятий, вновь строящихся за счет французских кредитов и имеющих устойчивый тарифицированный доход;

г) в качестве третьей гарантии обеспечения своевременности платежей может служить залог вновь строящихся за счет французских кредитов предприятий. Из факта залога не должно вытекать никаких контролирующих функций для Франции до момента констатирования неисправности в платежах и после предупреждения об этом в установленный срок;

д) в случае, если французской делегацией будет выдвинут проект обращения части платежей советского правительства по довоенным займам для усиления средств указанного в п. 3 Финансового Института и для гарантирования наших платежей, не протестовать против этого предложения, оставляя его, однако, полностью на ответственности французской стороны.

9. Товарная часть кредитов предназначается для приобретения оборудования промышленности, транспорта и коммунального хозяйства. Однако, имея в виду состояние французской промышленности и возможные внутренние затруднения при использовании такого количества французского оборудования, выставить требование, чтобы советское правительство имело право

использовать часть товарных кредитов для закупки сырья, полуфабрикатов и готовых товаров во Франции, причем эта часть товарных кредитов может быть ограничена по требованию французской делегации 15% от суммы всего займа или 25% товарной части кредита.

10. Имея в виду:

а) необходимость заинтересовать определенные деловые круги Франции в предоставлении кредитов СССР;

б) облегчение решения вопроса о дополнительных гарантиях исправности платежей;

в) необходимость реального использования получаемого кредита с наибольшим эффектом для нашего хозяйства;

г) современное состояние французской техники, — считать необходимым в качестве объектов кредитования выдвинуть конкретные объекты капитального строительства, твердо предусмотренные пятилетней программой развития народного хозяйства СССР.

11. Считать возможным заключение длительного договора с французским правительством на поставку для французской монополии нефтепродуктов на срок займа.

А. Микоян.

Выписки посланы: тт. Микояну, Литвинову, Гуревичу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 112, 115—117.

Примечание:

¹ См. документ № 68. На заседании франко-советской конференции 25 марта 1927 г. советская делегация представила измененную схему выплат по сравнению с предыдущим предложением от 17 июля 1926 г. (ДВП. Т. X. С. 122—124). В письме, направленном 1 апреля Раковским главе французской делегации де Монзи, ставилась под вопрос целесообразность концессии, но советский представитель дал понять, что советское правительство сделало бы дальнейшие шаги вперед, если Франция предоставила бы ему более щедрые кредиты (Там же. С. 132—133). 21 апреля на закрытом заседании Политбюро была создана комиссия под председательством Микояна для рассмотрения предложений, выдвинутых делегацией по переговорам с Францией. В комиссию вошли Гуревич, Серебровский, Рухимович, Шлейфер, Фрумкин, Юровский, Стомоняков, Рудой, Теодорович, Пятаков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 629. Л. 4).

№ 77

Из протокола № 99

30 апреля 1927 г.

С л у ш а л и :

п. 7. О директивах делегации СССР на международную экономическую конференцию, созываемую Лигой Наций (тт. Осинский, Литвинов)¹.

П о с т а н о в и л и :

Утвердить представленный комиссией проект директив делегации на международную экономическую конференцию (см. приложение) со следующими поправками и дополнениями:

1) Исходным пунктом выступлений сделать противопоставление двух противоположных систем построения: а) **хозяйства** (социалистического и капиталистического), б) **отношений между странами** (политика мира и политика насилий), в) **отношений между нациями внутри государств** (братское сотрудничество и эксплуатация слабых сильными).

Сказать далее, что противоположность этих двух систем не исключает практических соглашений между СССР и буржуазными странами, а наоборот, делает его вполне возможным (примеры: Германия, Франция).

3) О Лиге Наций сказать более конкретно в том смысле, что это соглашение между СССР и буржуазными государствами невозможно через Лигу Наций, а должно проводиться вне Лиги Наций, так как, как показывают факты, Лига Наций является не лигой сотрудничества народов, а лигой угнетения слабых народов сильными.

4) Удар сделать на том, что капиталистическая система ведет к насилиям и к организации новой мировой войны (примеры: Китай, угроза разрывом СССР и т. д.).

5) Следующий пункт (2): «Центр тяжести открытых выступлений лежит в агитационно-пропагандистской плоскости; пункты «с» и «д» лежат, главным образом, в работе за кулисами», — исключить из всех печатных текстов под личной ответственностью т. Осинского, считая этот пункт несомненным и остающимся в силе, как директива делегации.

6) В пункте 6-е после слов «военных долгов» добавить: «и платежей, связанных с войной».

7) Пункт 6-ж дополнить следующим: «и обеспечить еще большее сокращение рабочего дня в подземных работах угольной промышленности и других трудных и вредных работах».

8) Предоставить т. Осинскому право привлекать к работе делегации работников заграничных полпредств и торгпредств.

Приложение

**ДИРЕКТИВЫ ДЕЛЕГАЦИИ СССР НА МЕЖДУНАРОДНУЮ
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ,
СОЗЫВАЕМУЮ ЛИГОЙ НАЦИЙ**

1. Задачами делегации являются:

а) критика империализма и всей его системы, критика империалистических войн;

б) демонстративное противопоставление империализму и защита принципов хозяйственного **социалистического** строительства в СССР;

с) завязывание связей с некоторыми группами «деловых кругов» и представителей правительств;

д) хозяйственно-политический зондаж и разведка.

2.*

3. Открытые выступления должны быть непосредственно связаны с переживаемым острым моментом, и вопрос о **мире** (с подчеркиванием мирной политики СССР и военно-наступательной политики империалистических государств) должен занимать главенствующее место в декларативных речах. Темы о мире, как основе хозяйственной жизни; о постоянной угрозе войн; об интервенции в Китае; об антиколониальных войнах; о перманентных угрозах СССР и т. д. — все они должны быть основной канвой выступлений. Сюда же относятся темы: о вооружениях (предложение с нашей стороны **еще** раз всеобщего разоружения), о непроизводительных тратах на милитаризм в связи с обнищанием масс и вопросами внутреннего рынка, обалканизации Европы, о выпадении их из товарооборота СССР и Китая и т.д. и т.п.

4. Необходима критика буржуазных проектов (Лига Наций, пан-европейское движение и т.д.) и с.-д. предложений, идущих по линии воспроизводства конфликтов в еще более резкой форме. Защита СССР, колониальных народов, их равноправия и т. д., с точки зрения элементарных основ мирного **хозяйствования** в противоположность империалистической системе — является одной из важнейших задач.

5. Анализ действительных причин глубокого кризиса капитализма, громадной хронической безработицы, понижения жизненного уровня масс и других так называемых «затруднений» — должен быть поставлен в связь с корнями капитализма и основами империалистической политики.

6. Из предложений, стоящих в связи с вышеприведенными темами, необходимо выдвинуть:

а) разоружение,

в) осуществление права наций на самоопределение,

с) прекращение войны в Китае,

д) уничтожение системы протекторатов, мандатов и проч., вывод войск из колоний,

е) аннулирование всех военных долгов и платежей, связанных с войной, прекращение всех видов экономического и политического бойкота СССР,

* Так в документе.

ж) восстановление восьмичасового рабочего дня и повышение зарплаты в связи с необходимостью расширения внутреннего рынка и обеспечить еще большее сокращение рабочего дня в подземных работах угольной промышленности и других трудных и вредных работах,

н) решительное сокращение всех видов непроизводительного потребления (милитаризм, производство предметов роскоши и т.д.), обложение имущих классов с доведением до минимума их чистой прибыли; обращение соответствующих сумм на поддержку безработных, организацию общественных работ и т. д.

7. Организации капиталистического порядка необходимо противопоставить принципы социалистического хозяйственного строительства и дать большой иллюстративный материал из области нашей практики. Необходимо выдвинуть здесь в качестве основных моментов:

а) **плановость** хозяйственного руководства на основе социализации крупного производства, торговли и внешней торговли, а равно и национализации земли;

в) **сокращение непроизводительного потребления;**

с) другое соотношение между **городом и деревней;**

д) другие принципы сожительства между **нациями** и уничтожение национального и колониального угнетения.

Необходимо развернуть здесь аргументацию, что именно эти особенности нашего хозяйственного строя (особенности, предполагающие переход власти к пролетариату) позволили СССР подниматься из послевоенного кризиса **быстрее**, чем какая-либо другая страна.

8. Защищая эти новые принципы, необходимо развернуть **максимальную** программу организации мирового хозяйства на социалистических началах, через промежуточные этапы, вроде Соединенных Соц. Штатов Европы, на базе социализации крупного производства, банков, ж. д. и т. д., рационального разделения труда в мировом хозяйстве и проч.

9. Необходимо подчеркнуть, что советская делегация не считает реальным выходом: а) образование международных картелей, которые обостряют противоречия между империалистическими группами, с одной стороны, между промышленными и аграрными странами — с другой, и поведут к новой волне повышения цен; б) международных соглашений торговых организаций и фирм, которые ведут к тем же результатам. СССР должен оставить за собой право в отдельных случаях, в целях возможного парализования вредных последствий таких объединений, принимать в них участие в той или иной степени и форме. Но в этих новообразованиях советская делегация видит вообще лишь

новую форму монополистического капитализма со всеми свойственными таковым социальными и политическими чертами.

Советская делегация пользуется случаем подчеркнуть, что и участие ее в данной конференции не должно служить признаком ни согласия СССР на сотрудничество с Лигой Наций, ни участия СССР в каких-либо постоянных учреждениях, могущих возникнуть в результате конференции.

10. Очевидным планом руководителей конференции является:

а) устранение на конференции внутренних противоречий между командующими империалистическими государствами (Америка, Англия, Франция), для чего с порядка дня сняты: 1) вопрос об иммиграции и эмиграции, 2) вопрос о долгах, 3) вопрос о сырье;

б) сосредоточение внимания на «ограничениях торговли», выдвигаемых СССР в виде монополии внешней торговли и т.п. и возможного образования «единого фронта» в этом направлении;

в) облегчение сговора между капиталистами отдельных отраслей в целях развития европейских и европейско-американских промышленных и торговых соглашений, направленных либо против США (первые), либо против аграрных стран (в целях задержки их индустриализации) — вторые.

11. Дабы разбить этот план, необходимо предпринять следующие шаги:

а) добиваться постановки в порядок дня конференции всех исключенных вопросов, стараясь, в случае успеха, заострить соответствующие противоречия и во всяком случае вскрыть истинные мотивы отказа;

б) добиваться тесной блокировки с делегациями угнетенных стран в целях отражения натиска сторонников картельной монополии и противников советской монополии;

в) поддерживать контакт с делегациями стран, не заинтересованных в англо-франко-американском плане для максимальной разбивки голосов в отдельных случаях;

г) тесный и по внешности особо дружественный контакт поддерживать с германской делегацией, принципиальные позиции и интересы которой, конечно, радикально расходятся с нашими (именно по вопросу о картелях и соглашениях), что исключает возможность далеко идущего сотрудничества и соглашения, но также во многом и сходятся.

12. Особенно опасной формой **конкретного** выступления против советской монополии может явиться предложение (со стороны англичан и французов) применять по отношению к странам, имеющим монополию внешней торговли, ограничение импорта или допущение импорта лишь в обмен за эквивалентный экспорт. В борьбе против такого предложения особенно существенно сгруппировать возможно больше возражающих голосов, опираясь

в особенности на поддержку немцев, не только не заинтересованных в этом предложении, но заинтересованных в обратном.

13. Помимо выступлений по порядку дня конференции делегации необходимо организовать также и работу вне и рядом с конференцией для достижения целей, указанных в п. 1-м. Целесообразно прочтение специального доклада о хозяйственной системе и хозяйственном положении СССР, в целях конкретной канцляризации форм и достижений социалистического строительства в Союзе, с другой стороны, надо широко поставить информацию отдельных буржуазных участников конференции о возможном использовании иностранного кредита и приложения иностранного капитала в СССР. Параллельно должны быть также выполнены задания зондажа и разведки.

14. Необходимо своевременно озаботиться о немедленном издании за границей всех речей и выступлений нашей делегации.

Выписки посланы: тт. Осинскому, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 112, 113, 118—122.

Примечание:

¹ В апреле 1926 г. Лига Наций пригласила советское правительство участвовать в подготовительных работах мировой экономической конференции. Чичерин ответил положительно, но гарантировал такое участие Москвы только в том случае, если подготовительные работы не будут проведены в Швейцарии, отношения с которой обострились в связи с убийством Воровского (по этому поводу см. примечание 1 к документу № 17; ДВП. Т. IX. С. 33).

№ 78

Из протокола № 100
5 мая 1927 г.

С л у ш а л и :

п. 6. Об экономической конференции Лиги Наций (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Послать Осинскому следующую директиву: «Ввиду унижительных ограничений и неслыханных притеснений, которые чинятся делегации СССР в Женеве, предъявить секретарю Лиги Наций следующие элементарные условия: 1) полная договоренность секретаря Лиги Наций относительно методов охраны делегации СССР, 2) обеспечение полного равенства условий делегации СССР с другими делегациями в отношении работы, сношений и т. п. и 3) обеспечение представителям делегации слова во время прений. Вместе с предъявлением этих элементарных условий делегация должна заявить, что неудовлетворение их будет яв-

ляться доказательством того, что приглашение Лигой Наций делегации СССР было неискренним, что Лига Наций на самом деле не хотела допустить делегацию СССР к участию в работе конференции и теперь принимает она все меры к тому, чтобы создать обстановку, которая сделает невозможной работу делегации. В случае неудовлетворения этих условий и отъезда делегации, последняя должна обосновать свой отъезд соответствующей открытой мотивированной декларацией»¹.

б) Обязать НКВД обеспечить опубликование в печати завтра, 6 мая, сообщения ТАССа о том положении, в каком оказалась наша делегация, на основании документов, полученных от т. Осинского и телеграмм ТАССа, опубликовав также как запрос т. Осинского правительству, так и директивы правительства делегации (за исключением последней фразы). Ответственность за исполнение возложить на тт. Литвинова и Долецкого.

в) Поручить тт. Сталину и Бухарину рассмотреть текст подлежащих опубликованию сообщений.

г) Поручить НКВД и ТАССу обеспечить в дальнейшем освещение этого вопроса в нашей и заграничной печати.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 123, 124.

Примечание:

¹ Данная директива Политбюро была ответом на телеграмму из Женевы председателя советской делегации на созванной Лигой Наций Международной экономической конференции В. Осинского о «полицейских условиях», лишающих делегацию СССР «элементарной свободы и возможности работать» (ДВП. Т. X. С. 186—187).

№ 79

**Из протокола № 102
13 мая 1927 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Об Англии (тт. Литвинов, Карахан).

П о с т а н о в и л и :

1. В связи с налетом на Аркос в Лондоне¹ Политбюро постановляет на первое время принять следующие меры:

1) Напечатать в газетах сообщение о налете, ноту Розенгольца и открыть в связи с этим кампанию в печати о том, что английские консерваторы пошли по стопам Чжан-Цзо-Лина, готовят разрыв с СССР и нарушение мира².

2) Считать желательным вынесение резолюции протеста и отдельные демонстрации, в том числе перед английским посольством и консульствами. В газетах напечатать требования отдель-

ных хозяйственников, профессионалистов и советских работников о прекращении выдачи заказов в Англию. Организацию этого возложить на т. Микояна.

3) Т. Осинскому дать директиву использовать экономическую конференцию для протеста по поводу налета. Поручить ему для этого же использовать кулуары конференции и связи нашей делегации на экономической конференции с иностранной печатью.

4) ВЦСПС послать письмо Генсовету с обоснованием необходимости протеста со стороны английских рабочих против налета.

5) Тов. Микояну выяснить точно, какие меры экономического давления могли бы быть предприняты по отношению к Англии.

6) Посылку ноты протеста из Москвы отложить до получения дополнительных данных³.

7) Поручить т. Бухарину выяснить со съехавшимися в Москву представителями компартий о возможности специальных кампаний со стороны компартий за границей в связи с налетом.

8) Обязать полпредов немедленно уничтожить все секретные материалы, не являющиеся абсолютно необходимыми для текущей работы как самого полпредства, так и представителей всех без исключений советских и партийных органов, включая сюда ОГПУ, Разведупр и Коминтерн. То же обязательство возложить на торгпредов в отношении материалов, находящихся в торгпредствах. Об исполнении обязать их сообщить в Москву в 4-х дневный срок. Кроме того, во всех полпредствах и торгпредствах обязать ликвидировать ту часть конспиративно-технического аппарата, которая не является совершенно необходимой для текущей работы. Оставшееся держать на совершенно точном учете и непосредственную ответственность за их деятельность, а равно и за всю конспиративность работы, возложить персонально на торгпредов и полпредов по принадлежности.

9) Создать комиссию в составе тт. Сталина, Бухарина, Рыкова, Томского и Молотова для принятия (при обязательном участии тт. Литвинова и Карахана) от имени Политбюро всех тех мер, которые явятся необходимыми в связи с лондонским налетом.

Выписки посланы: тт. Литвинову — все; Микояну — 2, 5; Томскому — 2, 4; Бухарину — 7; Ягоде, Берзину, Пятницкому — 8; Котову — 2; М. Ульяновой, Гронскому — 1.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 7—8.

Примечания:

¹ 12 мая английская вооруженная полиция заняла помещения акционерного общества Аркос и торговой делегации СССР, произвела обыск и изъяла многие документы, в частности, шифры и коды.

² См.: Известия. 1927. 14 мая.

³ Нота протеста правительству Великобритании за подписью Литвинова была отправлена 17 мая (ДВП Т. X. С. 213—218). 19 мая, после обсуждения в начале заседания вопроса «Об Англии», Политбюро приняло к сведению информацию Литвинова, а в конце заседания по предложению Сталина послало Розенгольцу следующую самокритичную телеграмму: «Посылку ноты без предварительного согласования с Вами признаем упущением. После выступления Хикса и ответной ноты англичан просим Вас прислать Ваши предложения» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 10, 12).

№ 80

Из протокола № 105 26 мая 1927 г.

С л у ш а л и :

п. 5. Об Англии (т. Литвинов)¹.

П о с т а н о в и л и :

- а) Дипломатической миссии выехать немедленно.
- б) Торгпредство ликвидировать одновременно с ликвидацией дипломатической миссии, эвакуировав сотрудников. Разрешить Наркомторгу распределить сотрудников торгпредства по другим заграничным торговым организациям. Группу сотрудников, необходимую для ликвидации дел, связанных с Лондоном, эвакуировать в Берлин. Дальнейшее руководство работой в Англии производить через аппарат Берлинского торгпредства.
- в) Кооперативные организации и Моснарбанк оставить в Лондоне в прежнем составе. Вопрос относительно Руссобрита и РОППа передать на решение Наркомторга.
- г) Для остальных хозорганов создать ликвидационные правления.
- д) Настаивать перед англопра на оставлении во главе этих правлений советских работников, руководивших ранее соответственными организациями, пригрозив немедленным свертыванием организаций с возложением на Англию всех вытекающих отсюда убытков. Ни в коем случае не соглашаться на замен руководящего персонала английскими гражданами.
- е) Признать нецелесообразным перевод торговой делегации в Германию, но тт. Хинчуку или Боеву разрешить остаться в Берлине в составе торгпредства для общего руководства ликвидационными и текущими операциями в Лондоне.
- ж) Считать необходимым оставить в Лондоне только те средства, которые необходимы для покрытия текущих обязательств, все остальные средства перевести в Москву. Для установления размера этих средств и рассмотрения вопроса о том, куда они

должны быть переведены, создать комиссию в составе гг. Цюрупы, Микояна и Спунде.

Созыв комиссии за т. Цюрупа.

з) Передать защиту советских граждан и охрану помещения полпредства германскому послу². Указать т. Розенгольцу на формальную неправильность его обращения к Штамеру без директивы Москвы.

и) Предложить Берлину, в случае, если документы, разоблачающие «письмо Зиновьева»³ еще не пущены в ход для опубликования в английской печати, собрать эти документы и переслать в Москву с тем, что вопрос о сроке и методе опубликования должен быть решен по согласованию с Москвой.

Выписки посланы: гг. Литвинову — все; Микояну — «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж»; Цюрупа — «ж»; Спунде — «ж».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 16—17.

Примечания:

¹ 24 мая 1927 г. в выступлении в палате общин в ходе дискуссии по вопросу об англо-советских отношениях премьер-министр Великобритании С. Болдуин заявил, что английское правительство решило «расторгнуть торговое соглашение, потребовать отозвания торговой делегации и советской миссии из Лондона и отозвать английскую миссию из Москвы» Болдуин аргументировал это тем, что захваченные полицией при налете на помещения Аркоса и советского торгового представительства в Лондоне документы свидетельствовали о том, что эти организации осуществляли «военный шпионаж и подрывную деятельность по всей Британской империи» и замешаны «в антибританском шпионаже и пропаганде» (ДВП. Т. X. С. 636).

На заседании Политбюро 25 мая было принято решение из семи пунктов: Литвинову поручалось «составить проект интервью к трем часам» того же дня, а для рассмотрения текста интервью (опубликовано в советской прессе 26 мая в качестве заявления Литвинова представителям советской печати) и «принятия всех других, не терпящих отлагательств, мер», была создана комиссия в составе Рыкова, Сталина и Бухарина; Наркомторгу было предложено «исходить из неизбежности, ввиду предпринятых английским правительством шагов, в результате которых развитие торговых операций Аркоса станет невозможным, — ликвидировать Аркос»; указанной выше «тройке» было предложено обдумать состав комиссии «для принятия новых мер по соблюдению конспирации, сведения до минимума шифров, замены сношений шифротелеграммами всюду, где это возможно, письмами и посылкой людей, а также по пересмотру всего аппарата торгпредств и полпредств и разгрузке их от функций и людей, не связанных непосредственно с деятельностью полпредств и торгпредств»; той же комиссии поручено было выработать директивы «для внутреннего положения СССР» и меры, необходимые «для усиления обороноспособности страны» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 13). Как показывают архивные данные, среди сотрудников советского торгпредства в Лондоне и Аркоса были английские коммунисты (Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 379. Л. 63).

² Эта директива Политбюро была послана телеграммой за подписью Литвинова 26 мая советскому полпреду в Германии Крестинскому (Дух Рапалло... С. 72).

³ См. документ № 12

№ 81

**Из протокола № 133
3 ноября 1927 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. О конференции по разоружению¹ (ПБ от 27.X.27 г., пр. № 132, п. 2) (тт. Чичерин, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать необходимым принять участие в комиссии по разоружению с широчайшей программой разоружения вплоть до полного уничтожения постоянной армии.

б) Разработку указанной программы разоружения поручить делегации с участием представителя РВСР.

в) Утвердить следующий состав делегации: председатель — т. Литвинов, члены — тт. Луначарский, Пугачев и Угаров.

г) Признать нежелательным назначение т. Раковского одним из членов делегации, отклонив предложение НКВД.

д) Принять все меры к сохранению полной тайны в вопросе о составе делегации до момента ее отъезда.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 123

Примечание:

¹ См. документ № 52. 20 октября 1927 г. Чичерин телеграфировал генеральному секретарю Лиги Наций о том, что после разрешения противоречия между Швейцарией и Советским Союзом устранены препятствия на пути участия СССР в работах Подготовительной комиссии. 10 дней спустя Чичерин был информирован о том, что комиссия соберется 30 ноября 1927 г.

№ 82

**Из протокола № 136
17 ноября 1927 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. О конференции по разоружению (ПБ от 13.XI.27 г., пр. № 135, п. 3) (тт. Литвинов, Чичерин, Луначарский, Угаров).

П о с т а н о в и л и :

а) Во изменение постановления Политбюро от 13 ноября с. г. (пр. Политбюро № 135, п. 3) признать нецелесообразным опубликование в настоящий момент интервью т. Литвинова с изложением программы наших предложений о разоружении и ограничиться лишь коротким интервью общего характера¹.

б) Предложить комиссии развернуть внесенный ею проект предложений в меморандум с более подробной характеристикой империалистической войны, ее лозунгов, ее последствий, возможных последствий предстоящих войн, критикой пацифизма, Версальского мира и т.п.

в) В пункте о морских вооружениях исходить из необходимости всеобщего разоружения морских сил, подчеркнув, что мы стоим за немедленное сокращение существующих морских вооружений, и что это сокращение должно исходить из необходимости наибольшего сокращения вооружений у наиболее могущественных морских держав, причем оно должно распространяться на все типы военных судов. Поручить комиссии разработать на этой основе более конкретную программу морских разоружений в смысле размера их сокращения на протяжении ближайших лет. Внести в этот же пункт о морских разоружениях указание на существование неразрывной связи между морскими и всякими другими вооруженными силами.

г) Поручить комиссии обсудить возможность вставить в меморандум особый пункт относительно вооружения рабочих, в частности, в соответствии с нашими предложениями польскому правительству во время войны с Польшей в 1920 году.

д) В пункте о присоединении к конвенции о запрещении применения в военных целях химических и бактериологических средств заменить «общественный контроль» «рабочим контролем».

е) Предложить делегации закончить переработку проекта предложений в меморандум на основе принятых решений и обмена мнений в Политбюро не позднее субботы, 19.XI. с.г., и разослать всем членам Политбюро.

ж) Признать необходимым внесение в интервью т. Литвинова, которое будет издано перед открытием комиссии по разоружению, специального абзаца о нашем желании и готовности установить максимально дружественные отношения со всеми без исключения пограничными с СССР государствами и заключить с ними пакты о ненападении.

з) В случае, если во время работ конференции будет выдвинуто предложение о заключении с Румынией пакта о ненападении, ответить полной готовностью заключить с нею подобный пакт при условии одновременного урегулирования основных спорных вопросов, заявив при этом, что наша готовность вести перегово-

ры с Румынией ни в коем случае не должна рассматриваться, как какое-либо признание нами оккупации Бессарабии Румынией.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 125, 126.

Примечание:

¹ 13 ноября 1927 г. ПБ обязало Литвинова разослать проект интервью по вопросу об участии в конференции по разоружению всем членам ПБ не позднее 14 ноября и, в случае отсутствия возражений, решить опросом по телефону. В проекте интервью следовало исходить из необходимости «предъявления программы максимум, т. е. полного разоружения (и морских, и сухопутных сил), с допущением постепенности в ее осуществлении, при условии действительного народного контроля над разоружением» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 124—125).

28 ноября опросом членов Политбюро была утверждена следующая телеграмма: «Предлагаем Вам отстаивать всячески полное разоружение. В случае отказа других держав от полного разоружения внести следующее практическое предложение уже по линии сокращения вооружений: «Мы согласны принять такой план частичного разоружения, который бы означал сокращение наличного состава армии и флота наполовину в продолжение двух лет для стран, имеющих не менее 100 тысяч сухопутных войск и не менее (цифру пусть вставит делегация) боевых единиц флота, а для стран, имеющих менее 100 тысяч сухопутных войск и менее (та же цифра) боевых единиц флота сокращение на $\frac{1}{3}$ также в продолжении двух лет. Советское правительство оставляет за собой право в случае принятия этого предложения выдвинуть через два года предложение о дальнейшем сокращении вооружений».

Вашу минимальную программу, исключенную из декларации, тем самым считаем неприемлемой.

При ваших голосованиях против практических проектов, выдвигаемых другими державами, необходимо мотивировать их не только с точки зрения несовместимости этих проектов с полным разоружением, но и выставлять деловые аргументы, доказывающие, что эти проекты не представляют даже частичной практической ценности в деле сокращения вооружений и сохранения мира» (Там же. Л. 130, 131). Рекомендации Политбюро нашли отражение в декларации, которую огласил Литвинов 30 ноября на первом заседании IV сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению в Женеве и которая была предложена для обсуждения сессии, а также в меморандуме советской делегации (ДВП. Т. X. С. 504—518).

№ 83

**Из протокола № 4
5 января 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. О Франции¹ (тт. Литвинов, Довгалецкий).

П о с т а н о в и л и :

Принять проект директив т. Довгалецкому с поправками²:

а) к п. 2-му: «В отношении гарантий по кредитам на данной стадии ограничиться заявлением о нашем согласии изучить этот вопрос, не давая без специального решения Политбюро никаких более конкретных формулировок».

б) п. 4-й принять в следующей формулировке: «1) Провести полное размежевание в полпредстве, торгпредстве и других советских органах, работающих на территории Франции, с французской компартией, в отношении работников; 2) в кратчайший срок заменить французских коммунистов, находящихся на службе в указанных советских организациях, лицами, не входящими в французскую компартию; 3) с коммунистической фракцией в парламенте держаться отношений на общих основаниях; 4) поручить т. Бухарину разъяснить мотивы данного решения ЦК французской компартии»³.

в) Немедленно дать поручение НКИД и т. Довгалевскому принять все меры к освобождению средств торгпредства, на которые, по решению французского суда, наложен арест⁴.

г) Поручить т. Довгалевскому указать французскому правительству на наше согласие вновь рассмотреть вопрос о концессии, при условии установления нормальных отношений, если будут даны заявления или гарантии о том, что средства наши не будут впредь подвергаться арестам.

д) Обязать Наркомторг и Наркоминдел к следующему заседанию Политбюро представить точный текст и собрать все необходимые справки о персидской нефтяной концессии.

Выписки посланы: т. Чичерину — все; т. Микояну — все; т. Бухарину — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 6.

Примечания:

¹ Требование об отзыве Раковского, официально заявленное Эрбетт 1 и 7 октября 1927 г., привело к перерыву в переговорах по вопросу о долгах и кредитах (об этих переговорах см. документы № 68, 70, 76). Довгалевский, выполнявший дипломатические функции в Швеции и Японии, занял место Раковского в Париже в начале января 1928 г.

² Текст проекта директив Довгалевскому в деле отсутствует.

³ 28 мая 1927 г. Политбюро приняло постановление, в котором говорилось: «Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа... Проверить состав представительств ИНОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа... Привести в порядок финансовые операции Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной конспирации» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 24). В постановлении Политбюро от 7 июля 1927 г. говорилось: «Всякая связь Коминтерна с другими полпредствами безусловно в течение июля заканчивается и впредь не производится» (Там же. Л. 61—62). 26 января

1928 г. по докладам Чичерина и Пятницкого Политбюро решило: «Поручить комиссии в составе тт. Трилиссера, Платонова, Чичерина, Пятницкого и Янсона пересмотреть индивидуально состав всех полпредств, торгпредств и других наших организаций во всех странах и в соответствии с отношением правительств различных стран к коммунистическому движению их стран и сотрудничеству членов компартий в наших организациях; произвести такого рода замену ответственных и рядовых коммунистов в первую очередь гражданами СССР, как партийными, так и беспартийными, с гарантией в том, что это сотрудничество в наших организациях не послужит поводом к международным осложнениям» (Там же. Д. 6. Л. 15). Наконец, 23 апреля 1928 г. в постановлении «О Коминтерне и Советской власти», принятом по докладу Сталина, говорилось: «а) Послать всем руководителям наших представительств за границей директиву о строжайшем проведении принципа невмешательства во внутренние дела соответствующих стран; б) воспретить на известный период членам Политбюро (исключая т. Бухарина) открытые выступления в официальных учреждениях Коминтерна, предложив им проводить руководство коминтерновской работой в порядке внутреннем, через делегацию ВКП и т.п.; в) для того, чтобы не дать врагам лишнего повода утверждать о переплетении Советской власти с Коминтерном, снять доклад т. Рыкова об СССР на VI конгрессе, поручив его т. Варге или кому-либо другому не из числа членов Совнаркома; г) тт. Бухарину и Пятницкому разработать вопрос о выдаче денег секциям Коминтерна не из Москвы и не через русских, а из Берлина (Запбюро) и Иркутска (Востбюро), обязательно через иностранных товарищей; д) поручить комиссии в составе представителей Политсекретариата ИККИ, ЦК и ЦКК проверить состав секретных сотрудников аппарата ИККИ; е) принять срочные меры к опубликованию бюджета Коминтерна и его секций» (Там же. Л. 70; Адибеков Г., Шахназарова Э., Шириня К. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997. С. 133—134).

⁴ Предварительный арест на фонды торгпредства СССР и отделения Нефтесиндиката во Франции был наложен 31 декабря 1927 г. решением председателя коммерческого суда департамента Сена за неисполнение Нефтесиндикатом договора с испанским банком «Amus» (ДВП. Т. XI. С. 692—693).

№ 84

**Из протокола № 7
26 января 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 6. Об участии в Комитете безопасности (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать нецелесообразным выступление с декларацией об арбитраже и пактах о ненападении на Комитете безопасности¹.

б) Наблюдателем в Комитете безопасности назначить т. Б. Е. Штейна.

в) Одобрить план подготовительных работ делегации в комиссии по разоружению, состоящий в выработке 2-х проектов конвенции: 1) всеобщего и полного разоружения, рассчитанного на срок не более четырех лет, и 2) частичного разоружения в соответствии с постановлением Политбюро от 28 ноября 1927 г.², а также в разработке замечаний и поправок к проекту конвенции, изготовленному комиссией³.

г) Для рассмотрения и утверждения вышеозначенных проектов конвенции и других документов, относящихся к комиссии по разоружению, назначить комиссию в составе тт. Литвинова, Ворошилова и Томского. Созыв за т. Литвиновым.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ворошилову, Томскому, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 15—16.

Примечания:

¹ Комитет арбитража и безопасности был создан в декабре 1927 г. IV сессией Подготовительной комиссии по разоружению во исполнение решения, принятого 8-й ассамблеей Лиги Наций в сентябре 1927 г. Советская делегация участвовала в ее работе в качестве наблюдателя (ДВП. Т. X. С. 620, 651).

² См. примечание 1 к документу № 82.

³ 9 февраля 1928 г. ПБ приняло предложение комиссии по составлению документов по разоружению о разработке двух проектов конвенции: одного — полного разоружения с 4-летним планом осуществления, и другого — сокращенного, на случай отклонения первого. Первый проект было решено принять с поправкой и разослать членам ПБ, второй — Литвинову представить на рассмотрение комиссии по составлению документов по разоружению (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 21). Литвинов, как председатель советской делегации в подготовительной комиссии конференции по разоружению в Женеве, направил 15 февраля генсеку Лиги Наций Друммонду проект конвенции о немедленном полном и всеобщем разоружении, содержащем пять глав: «Личный состав вооруженных сил», «Материалы», «Организация охраны», «Контроль», «Дополнительные соглашения, нарушения конвенции, ратификация», а также «Объяснительную записку» к проекту конвенции (ДВП. Т. XI. С. 90—111).

№ 85

**Из протокола № 7
26 января 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 7. Об экономических переговорах с Германией¹ (тт. Чичерин, Шейнман).

П о с т а н о в и л и :

а) Констатировать, что до настоящего времени ни в какой мере и ни в какой степени не выполнено постановление Полит-

бюро о разработке крупных вопросов для переговоров с Германией².

б) Создать для разработки указанных вопросов специальную комиссию в составе тт. Микояна, Шейнмана, Литвинова, Фрумкина и Рудзутака. Созыв за т. Рудзутаком. Срок работы — к следующему четвергу.

в) Этой же комиссии поручить представить проект состава всей комиссии для ведения переговоров в Берлине.

Выписки посланы: тт. Микояну, Чичерину, Рудзутаку, Шейнману, Литвинову, Фрумкину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 16.

Примечания:

¹ 21 января 1928 г. после ряда консультаций с немецкими промышленниками, Шуберт передал Крестинскому перечень вопросов, которые ставила Германия в связи с пересмотром договоров 1925 г. (см. примечание 2 к документу № 49), и выразил надежду, что официальный представитель Москвы прибудет в Берлин в следующем месяце для начала переговоров. Во главе немецкой делегации предполагался Вальрот, руководитель восточного отдела Министерства иностранных дел (ADAP Serie B. Bd. VIII. Dok. 39. S. 75—77; ДВП. Т. XI. С. 35—38).

² См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 1.

№ 86

Из протокола № 8 2 февраля 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 4. Об экономических переговорах с Германией (ПБ от 26.I.28 г., пр. № 7, п. 7) (тт. Рудзук, Микоян, Чичерин, Шейнман)¹.

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение комиссии Политбюро с поправками:

а) Добиваться разрешения германского правительства на выпуск в Германии советского займа (от имени советского правительства, или от имени Госбанка, или от имени специальной хозорганизации), на сумму, примерно, в 50 миллионов долларов.

б) Требовать от германского правительства и от соответствующих финансовых и биржевых кругов допущения к котировке советских невыигрышных займов, снабженных на основании действующих законов, сертификатами Госбанка.

в) Добиваться организации в Германии кредита, по образцу трехсотмиллионного, для наших закупок продукции германского народного хозяйства на сумму в 600 миллионов марок. Считать

возможным, чтобы комиссия по экономическим переговорам с Германией могла взять на себя обязательства использования части товарного кредита на приобретение готовых товаров, при условии долгосрочного трехлетнего кредита. Вопрос о том, какая часть кредита может быть использована на покупку готовых изделий, должен быть обсужден дополнительно и внесен в Политбюро.

г) Разрешить комиссии вести переговоры в том направлении, чтобы часть кредитов была использована для постройки целых (и частично) промышленных предприятий германскими фирмами.

д) Поручить Наркомторгу и НКИД согласовать прочие вопросы, связанные с советско-германским договором от 12.X.25 г.

е) Поручить НКТоргу в согласии с НКИД составить для ТАССа информацию о предстоящих переговорах.

ж) Комиссию возглавить официально т. Шлейферу. Одновременно откомандировать в Берлин т. Шейнмана. Поручить т. Рудзутаку задержаться в Берлине для участия в начале переговоров и обсуждения крупнейших вопросов с ответственными представителями германского правительства. Во время пребывания тт. Рудзутака и Шейнмана в Берлине ведение переговоров подчинить их руководству.

з) Считать необходимым отъезд делегации и товарищей, которые имеют специальные поручения по переговорам, не позднее 6.II.28 года.

Выписки посланы: тт. Микояну, Шейнману, Чичерину — все; Брюханову — «а, б, в, г»; Горбунову — «з».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 18—19.

Примечание:

¹ См. документ № 85.

№ 87

Из протокола № 9 8 февраля 1928 г.

Слушали:

п. 31. Об экономических переговорах с Германией (ПБ от 2.II.28 г., пр. № 8, п. 4-ж) (т. Микоян).

Постановили:

а) В постановлении Политбюро от 2 февраля с.г. (пр. № 8, п. 4-ж)¹ вместо:

«Во время пребывания тт. Рудзутака и Шейнмана в Берлине ведение переговоров подчинить их руководству» — сказать:

«Во время пребывания в Германии гг. Рудзутака и Шейнмана подчинить руководство переговорами гг. Рудзутаку, Шейнману, Крестинскому и Шлейферу».

б) Комиссию по переговорам утвердить в составе гг. Шлейфера (председатель), Кауфмана, Бродовского, Ленгиеля и Сванидзе.

Выписки посланы: гг. Микояну, Чичерину; Горбунову — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 23.

Примечание:

¹ См. документ № 86.

Во время предварительной встречи советской и немецкой делегаций, состоявшейся в Берлине 6 февраля, Рудзутак просил удвоения кредитов (600 миллионов марок) и недвусмысленно поставил вопрос: имеет ли Москва возможность получить финансовую помощь Германии или она должна искать кредиты в других странах (ДВП. Т. XI. С. 59—66; ADAP. Serie B. Bd. VIII. Dok. 67. S. 140—145).

№ 88

Из протокола № 12 1 марта 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 7. Об экономических переговорах с Германией¹ (ПБ от 25.II.28 г., пр. № 12, п. 20) (гг. Микоян, Молотов, Шейнман, Литвинов, Сокольников, Фрумкин, Аралов).

П о с т а н о в и л и :

А. Утвердить в основном предложение комиссии Политбюро по вопросу об экономических переговорах с Германией (см. приложение), со следующими поправками:

1) Вставить в начале пункта 1-го: «прервать переговоры по крупным вопросам (гг. Шейнман-Рудзутак), продолжая...»

2) Добавить к пункту 1-му: «В связи с данным решением считать нецелесообразной новую поездку т. Шейнмана в Берлин.

В мотивировке перерыва переговоров перед немецким правительством исходить из пунктов 2-го и 3-го».

3) В пункте 6-м после слова «скорейшее» вставить: «в 1—1 1/2 недели». Добавить к п. 6-му:

«По окончании переговоров в установленный срок т. Шлейфер со всеми, командированными из Москвы на переговоры лицами, возвращаются в Москву».

4) В пункте 11-м исключить из состава комиссии т. Рыкова, назначив председателем комиссии т. Микояна.

5) Добавить пункт 14-й:

«Считать необходимым помещению статей по вопросу о переговорах с Германией на основе обмена мнений в «Правде», «Известиях» и «Экономической жизни» под личной ответственностью т. Литвинова».

Б. Удовлетворить просьбу немецкого правительства об открытии в Москве одной школы для детей немцев, служащих в германском представительстве и германских подданных, живущих в Москве.

Приложение

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ПО ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ С ГЕРМАНИЕЙ

Утверждено в **основном** Политбюро ЦК 1.III.28 г.

1. Прервать переговоры по крупным вопросам (тт. Шейнман-Рудзутак), продолжая подготовку реализации большой программы наших предложений (получение товарных кредитов и размещение в Германии советских займов) с тем, чтобы обеспечить их благоприятное разрешение после образования нового правительства в Германии.

В связи с данным решением считать нецелесообразной новую поездку т. Шейнмана в Берлин.

В мотивировке перерыва переговоров перед немецким правительством исходить из пунктов 2-го и 3-го.

2. Считая переговоры деловыми экономическими, мы не можем допустить сплетения обсуждаемых вопросов с вопросами политическими, как-то: с вопросом о довоенных долгах, с истолкованием соответствующих статей Рапальского договора. Выражаем наше недовольство по поводу перенесения обсуждения предметов наших переговоров на страницы печати, особенно тем освещением этих вопросов в печати, которое создает обстановку, не обеспечивающую благополучного завершения переговоров.

3. Заявить протест против того, что немецкая пресса, в связи с переговорами о предоставлении Советскому Союзу кредитов, подняла вопрос о возмещении довоенных долгов. Заявить, что этот вопрос урегулирован Рапальским договором и нет никаких оснований к пересмотру или новому толкованию Рапальского договора.

4. Отвергнуть всякую декларацию как в редакции т. Шейнмана, так и в редакции т. Крестинского с подтверждением Рапальского договора.

5. Считать совершенно для нас неприемлемым учреждение в Германии специального банка для финансирования операций с СССР. Заявить, что, если такой банк будет создан, мы будем его игнорировать.

6. Считать необходимым скорее, в 1—1,5 недели, окончание переговоров по вопросам, обсуждаемым в комиссии Шлейфер—Вальрот, с тем, чтобы несколько более серьезных претензий германской стороны, ввиду их сложности, по окончании переговоров представить на разрешение советского и германского правительств.

По окончании переговоров в установленный срок т. Шлейфер со всеми, командированными из Москвы на переговоры лицами, возвращаются в Москву.

7. По вопросу о заключении конвенции добиться во время переговоров установления определенного срока начала переговоров по заключению конвенций таможенной, ветеринарной, посылочной, литературной и о выдаче преступников.

8. Разрешение вопросов, переданных на разрешение правительств, связать с ходом переговоров по проведению большой программы.

9. К группе вопросов, подлежащих передаче на разрешение правительств относятся: 1) вопросы расширения товарооборота, 2) о почтовых посылках транзитом, 3) о ввозе образцов, офорт и реклам не печатного характера, 4) о регистрации германских фирм.

10. Требование немцев о свободе сношений торгового отдела германского посольства в Москве отвергнуть, заявив принципиальную неприемлемость для нас пересмотра существующего порядка.

11. По вопросу правил въезда (ст. 1-я договора о поселении) заявить немцам, что мы предполагаем провести значительное облегчение порядка въезда.

Поручить комиссии в составе: тт. Микояна (председатель), Шейнмана, Менжинского и Стомонякова рассмотреть и представить на утверждение ПБ по опросу.

12. По вопросу об экономическом шпионаже (ст. 210 соглашения о поселении) считать возможным частичное удовлетворение требований немцев путем пересмотра в сторону сокращения списка сведений, распространение которых считается шпионажем.

13. По остальным, более мелким претензиям поручить дать указания делегации Наркоминделу и Наркомторгу.

14. Считать необходимым помещение статей по вопросу о переговорах с Германией на основе обмена мнений в «Правде», «Известиях» и «Экономической жизни» — под личной ответственностью т. Литвинова.

Выписки посланы: тт. Микояну, Чичерину — все; Литвинову — А-5 (14).

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 31—35.

Примечание:

¹ См. документ № 87. 9 марта 1928 г. опросом членов ПБ было принято предложение Сталина и Микояна отклонить предложение Шлейфера и Крестинского «о новых уступках, подтвердить прежнее решение инстанции» и предложить «московской части делегации» выехать в Москву не позже 17 марта (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 40, 41).

В тот же день, 9 марта, Чичерин принял германского посла Ранцау и сообщил ему об аресте 6 немецких инженеров из АЭГ, обвинявшихся в «контрреволюционной деятельности» по шахтинскому делу. 14 марта Штреземан сообщил Крестинскому, что после отрицательной реакции немецких экономических кругов на арест инженеров АЭГ не возможно было избежать перерыва в экономических переговорах (ADAP. Serie B. Bd. VIII. Dok. 163. S. 340—341; ДВП. Т. XI. С. 161—162).

Судебный процесс по шахтинскому делу, открывшийся 18 мая, закончился 9 июля 1928 г. оправданием двух немецких инженеров и формальным приговором в отношении третьего. В ноябре 1928 г. советско-германские экономические переговоры возобновились.

№ 89

Из протокола № 14 8 марта 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 23. О комитете по разоружению (т. Сталин)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Обязать т. Литвинова в своей речи при внесении нашего проекта сокращения вооружений заявить, что в случае принятия комитетом разоружения нашего проекта мы оставляем за собой право войти через два года с новым проектом **дальнейшего** сокращения вооружений.

б) Обязать НКИД своевременно сдать в печать весь наш проект.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 38.

Примечание:

¹ Имеется в виду рассмотрение предложений, внесенных делегацией СССР 30 ноября 1927 г. на V сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению, открывшейся в Женеве 15 марта 1928 г.

7 марта завершила работу вторая сессия Комитета арбитража и безопасности, обсудившая и одоббившая типовые проекты трех двусторонних конвенций: о мирном разрешении международных споров; о судебном, третейском и согласительном разрешении споров; о согласительной процедуре. Этот комитет разработал также типовые проекты двух коллективных договоров — о взаимной помощи и о ненападении и проект двустороннего до-

говора о ненападении. Эти документы были одобрены V сессией Подготовительной комиссии конференции по разоружению (ДВП. Т. XI. С. 708). Постановлением ПБ от 16 марта в подкомиссию по разоружению были делегированы Литвинов и Пугачев (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 50).

Содержавшиеся в решении ПБ от 8 марта рекомендации Литвинову были учтены последним в его выступлениях на заседаниях V сессии Подготовительной комиссии 16, 19, 22, 23, 24 марта. В развернувшейся на V сессии Подготовительной комиссии дискуссии о советском проекте Конвенции о немедленном полном и всеобщем разоружении приняли участие представители около 20 стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Все они, за исключением представителей Германии и Турции, высказали резко отрицательное отношение к советскому предложению. Они полагали, что хотя советский проект «полностью отвечает идеалам человечества», однако «в современных условиях неосуществим и может быть реализован лишь тогда, когда международная организация будет укреплена как в отношении мирных процедур, так и системы санкций», а потому «этот проект не может быть принят комиссией за основу ее работы» (ДВП. Т. XI. С. 165, 166, 168—175, 193—229, 233—240, 476—479, 710—714). После отклонения на V сессии Подготовительной комиссии советских предложений о полном и всеобщем разоружении делегация СССР внесла проект Конвенции по частичному разоружению, рассмотрение которого было отложено до VI сессии Подготовительной комиссии.

№ 90

Из протокола № 16 16 марта 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 23. Об отношении к американскому проекту запрещения войны.

П о с т а н о в и л и :

Заявить, что мы, конечно, стоим за запрещение войны, но при обязательном условии одновременного всеобщего разоружения, ибо запрещение войны не только делает бессмысленным сохранение вооруженных сил, но прямо неосуществимо без разоружения¹.

Выписки посланы: т. т. Чичерину, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 50.

Примечание:

¹ Выступая 19 марта 1928 г. на третьем заседании V сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению, председатель советской делегации Литвинов отметил тесную связь французского предложения о запрещении войн с советским проектом Конвенции о всеобщем и полном разоружении, преследовавшим цель «не только морального запрещения, но и уничтожения возможности войн», поскольку «вооруженные силы существу-

ют не для чего иного, как для ведения войны, и, с другой стороны, являлись бы совершенно излишними при запрещении войн» (ДВП. Т. XI. С. 175). Однако большинство делегаций отвергли советский проект, потому что, по их мнению, для обеспечения безопасности отдельных государств, для устранения существовавшей в то время международной несправедливости «войны могут оказаться еще неизбежными и необходимыми» (Там же. С. 667—668). На V сессии Подготовительной комиссии стало известно, что правительство США, отвергнувшее в декабре 1927 г. предложение Франции о заключении двустороннего соглашения об отказе от войны в отношениях между ними, выдвинуло устами госсекретаря Ф. Келлога идею заключения многостороннего пакта, по которому державы «отказались бы от войны в качестве орудия национальной политики». Среди государств, к которым первоначально обратилось правительство США с предложением заключить соответствующий договор, известный под названием пакта Келлога—Бриана, СССР не значился (Там же. С. 709).

№ 91

**Из протокола № 17
29 марта 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. О пакте между СССР, Турцией, Италией и Грецией (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

Отвергнуть предложение о заключении четверного пакта между СССР, Турцией, Италией и Грецией.

б) Поручить НКИД дать директиву нашим представителям за границей вести переговоры в том духе, что СССР готов заключить как одновременно, так и в различное время, пакты о ненападении с каждым государством в отдельности¹.

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 54.

Примечание:

¹ Ссылаясь на данное решение ПБ, Чичерин в телеграмме полпреду СССР в Турции Сурицу сообщил 30 марта 1928 г.: «Принятое решение подтверждает, что мы готовы заключить пакты о ненападении и нейтралитете с каждым государством в отдельности как одновременно, так и в различное время. Прибавлю, что исключение составляет Румыния... Подписание четверного договора было бы созданием группировки, что для нас неприемлемо. В связи с этим инстанция постановила отвергнуть предложение о заключении известного Вам четверного пакта» (ДВП. Т. XI. С. 249). Та же проблема была затронута Чичериным в письме полпреду СССР в Италии Курскому от 2 апреля: «Вы уже знаете, что по вопросу о вхождении в четверную комбинацию Италия—Греция—Турция—СССР инстанция постановила, что допустимо подписание двусторонних договоров, или одновремен-

но, или в разное время, с отдельными государствами, но недопустимо присутствие нашей подписи под единым четверным договором, означающим зафиксированную группировку». Далее Чичерин напомнил, что турецкое предложение привлечь к пакту СССР явилось ответом на предложение Италии включить в этот пакт Грецию, что советское правительство предпочитает не создавать группировку, а «заключить двусторонние пакты между всеми участниками» (Там же. С. 252—253).

№ 92

Из протокола № 19 6 апреля 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 5. О ноте Франции¹ (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложение т. Чичерина о посылке т. Довгалеvским письменного запроса французскому правительству с последующим опубликованием телеграммы т. Довгалеvского об этом запросе.

б) Поручить т. Чичерину представить телеграмму т. Довгалеvского, до ее опубликования, на рассмотрение Политбюро.

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 58.

Примечание:

¹ В феврале 1928 г. в два банка Нью-Йорка было отправлено некоторое количество советского золота общей стоимостью 5 млн. долларов. 6 марта 1928 г. французский посол в Вашингтоне направил ноту государственному департаменту, напоминая, что золото было затребовано Банком де Франс, который до 1917 г. имел банковские депозиты в Петрограде в размере 52 млн. франков. Из-за возникновения этого спора американское правительство запретило осуществление операции. 15 марта Политбюро приняло предложение комиссии ПБ по делу об иске Банк де Франс: разрешить Госбанку СССР вывоз золота в размере 20 млн. рублей в Германию, а 16 марта отменило решение упомянутой комиссии о посылке ноты французскому министру иностранных дел Бриану «по поводу золота, задержанного в Америке» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 50). 29 марта Политбюро передало вопрос на окончательное разрешение комиссии в составе Косиора, Менжинского, Микояна и Чичерина (Там же. Л. 54).

В ответе французского правительства от 10 апреля 1928 г. на ноту полпреда СССР от 23 марта говорилось, что Банк де Франс предпринял судебный иск, чтобы защитить свои права на золото, и что в ноте от 6 марта содержалась просьба предоставить сведения о позиции Государственного департамента США (ДВП. Т. XI. С. 231). Дело дошло до суда, длившегося почти год и отклонившего французское требование (Известия. 1929. 24 марта).

Из протокола № 20
7 апреля 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 4. О ноте Франции (ПБ от 6.IV.28 г., пр. № 19, п. 5)¹ (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

Утвердить следующий текст публикации:

«Полпред Довгалецкий передал сегодня министерству ино[странных]дел Франции ноту с напоминанием о том, что еще 24 марта² полпредство обратилось к МИД с запросом в виде ноты по делу о ввезенной в САСШ партии золота Госбанка, на которую заявил претензию Банк де Франс. В ноте 24 марта полпредство сообщало, что французский посол в Москве отрицал как факт передачи французским послом в САСШ Клоделем Госдепартаменту ноты, поддерживающей претензию Банка де Франс на золото Госбанка, так и факт подачи Банком де Франс по этому делу искового прошения американскому суду; французский посол говорил Чичерину, что речь шла только о выяснении, остается ли в силе постановление 1920 г. о недопущении в САСШ советского золота; между тем корреспондентам газет в Вашингтоне Госдепартамент подтвердил получение 6 марта ноты французского посла в САСШ Клоделя с уведомлением об особых правах Франции на золото Госбанка и с указанием на предъявление Банком де Франс иска на это золото.

Нота 24 марта имела в виду между прочим сообщение Вашингтонского корреспондента агентства Гаваса о том, что «Госуд. департамент заявил, что им во вторник, 6 марта получена от французского посла в САСШ нота с уведомлением, что Франция владела в русском Госбанке в Петрограде депозитом в 52 м. фр., которые не могла получить, поэтому Франция имеет особые права на золото, которое находится во власти Советов. Посол в своей ноте далее указывает, что французский Банк возбудит судебное дело. Ввиду этого посол обращается к Американскому правительству с вопросом, сохраняет ли оно в силе запрещение пробирным палатам принимать русское золото».

Полпредство, ввиду этого, просило в ноте 24 марта МИД сообщить, верно ли известие о вручении ноты Клоделя правительству САСШ и искового прошения Банка де Франс и, если оно верно, осведомить полпредство о точном содержании этой ноты. Хотя МИД обещало через несколько дней ответить на ноту полпредства от 24 марта, оно этого не сделало. Об этом полпредство

напомнило МИД и просило ускорить ответ во второй ноте, поданной сегодня.

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 59, 60.

Примечания:

¹ См. примечание 1 к документу № 92.

² В XI томе «Документов внешней политики СССР» (с. 230) нота полпреда СССР во Франции Довгалева французскому МИД датирована 23 марта 1928 г.

№ 94

**Из протокола № 21
19 апреля 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. О Франции (т. Чичерин, Литвинов, Карахан).

П о с т а н о в и л и :

Отклонить предложение коллегии НКВД о разговоре по записи т. Довгалева с Брианом по поводу заявлений Эрбетта.

б) Считать необходимым выступление т. Литвинова на сессии ЦИК СССР с отчетом о работах комиссии по разоружению, с использованием этого выступления частично для разоблачения провокационных заявлений французов по поводу наших военных приготовлений с принятием сессией ЦИК резолюции, одобряющей поведение нашей делегации в Женеве, демонстрировавшей мирную политику правительства СССР. Предложить т. Литвинову включить в свою речь короткое упоминание об иске французского банка на советское золото и ответствующей акции францпра¹.

Выписки посланы: тт. Чичерину и Литвинову — все; Калинин — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 61.

Примечание:

¹ Выполняя решение Политбюро, Литвинов выделил соответствующие вопросы 21 апреля на III сессии ЦИК СССР 4-го созыва в отчетном докладе о работе советской делегации на V сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению. Указания Политбюро нашли отражение и в постановлении ЦИК по отчету советской делегации (ДВП. Т. XI. С. 275, 276, 651—672).

Из протокола № 24
10 мая 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 59. Об Англии (ПБ от 10.V.28 г., пр. № 24, п. 2) (т. Моло-
тов).

П о с т а н о в и л и :

Принять предложения комиссии Политбюро:

а) «Об инциденте с Московским Народным Банком»¹.

1) Признать необходимым заявление Московского Народ-
ного Банка в Лондоне с указанием на следующее:

а) никаких нарушений обычной банковской практики до-
пущено не было, никакого ни прямого, ни косвенного фи-
нансирования банком политических организаций не имело
места и поэтому расследованием подобных фактов не уста-
новлено;

б) в соответствии с этим дать объяснение по поводу тех
счетов отдельных лиц, которые вызвали внимание англий-
ских властей;

в) отметить, что правлением дано указание усилить наблю-
дение за тем, чтобы банк открывал текущие счета только при
условии их коммерческого или личного характера.

Это заявление МНБ должно последовать в том случае, если
будут соответствующие официальные выступления о резуль-
татах английского расследования в МНБ.

Настоящие указания являются лишь общей основой для
ответа правления банка.

2) Констатировать, что факт открытия двух счетов (Дунка-
на, а также Прислея и Квелча) является серьезным упущени-
ем правления МНБ.

3) Констатировать, что со стороны представителей ЦК
Английской компартии было допущено непозволительное ис-
пользование сотрудников советских учреждений, которое не
могло не подрывать положения советских учреждений в гла-
зах английских властей.

В связи с этим возложить ответственность на руководите-
лей советских учреждений за обеспечение в дальнейшем не-
допущения подобного использования советских органов в
Англии, а также возложить на тт. Бухарина и Пятницкого
принятие мер к не повторению подобного использования со-
ветских учреждений и их сотрудников со стороны предстали-
телей Английской компартии.

В связи с этим признать необходимым распространение постановлений Комиссии т. Янсона в отношении полпредств и торгпредств также и на все советские учреждения в Англии, причем признать необходимым немедленное увольнение некоторых английских коммунистов на основе настоящего постановления, возложив осуществление этого решения на гг. Земблюхтера и Абрамова.

4) Поручить т. Пятницкому выяснить вопрос о целесообразности привлечения к партийной ответственности тов И.

б) «Об АРКОСе»

В случае каких-либо официальных выступлений против АРКОСа, в связи с последним обследованием советских организаций в Лондоне, представители АРКОСа должны объяснить, что АРКОС выполнял обычные функции по исполнению поручений своих заграничных корреспондентов и что в части дальнейшего передвижения пересланных им банкнот он сведений не имел, не имеет и иметь не мог и что факт отсылки указанных банкнот АРКОСом за границу установлен агентом, производившим обследование счетов.

в) «О советских органах в Англии»

1) Как правило в каждом совучреждении (большом и среднем по объему) должно быть не менее 2-х партийцев на руководящей работе.

Управделами, секретари правления (дирекции) и личные секретари должны быть обязательно членами ВКП (см приложение)².

2) Постепенно пересмотреть состав ответственных работников беспартийных с целью устранения тех, кто себя не зарекомендовал лояльно по отношению к СССР.

Эту работу поручить по решению Секретариата ЦК персонально двум-трем товарищам под их личной ответственностью провести не больше как в течение ближайших трех месяцев.

3) Подтвердить, что сотрудники — английские подданные, как не состоящие членами профсоюза советских служащих, не могут принимать ни активного, ни пассивного участия в работах учреждений: «Медпома» (страхкасса), месткома и др.

4) Под личной ответственностью руководителей учреждений воспретить хранение какой бы то ни было переписки, носящей секретный характер.

5) В делах учреждения может храниться конфиденциальная переписка исключительно коммерческого характера и то за исключением той части, которая не требуется для текущей работы и может быть отсылаема в Москву.

6) Воспретить учреждениям пользоваться кодами и шифрами для неторговых целей.

7) В случае необходимости передачи срочных секретных сведений в Москву, поручать организовать это дело под личной ответственностью тов. Абрамова и секретаря ячейки.

8) Под личной ответственностью руководителей банков воспретить всякого рода трансакции некоммерческого характера.

9) Категорически воспретить руководителям советских учреждений оказывать прямую или косвенную материальную помощь Английской компартии.

10) Воспретить советским учреждениям печатать канцелярские принадлежности в типографии, где печатается орган Английской компартии. Соответственно дать указания и ЦК Английской компартии.

г) «О мероприятиях по линии тт. Шейнмана и Пятницкого».

1) Поручить т. Пятницкому определить, какими иностранными валютами, кроме английских фунтов, он может пользоваться и предложить т. Шейнману обеспечить снабжение т. Пятницкого этими валютами.

2) Поручить т. Шейнману организовать счетоводство таким образом, чтобы партии валюты числились отправленными в Москву оказиями.

3) Поручить т. Шейнману к 15-му августа организовать передачи в Вене и в Стокгольме.

4) Разрешить т. Пятницкому до 15-го августа (до осуществления параграфа 3) пользоваться диппочтой для отправок в Вену и в Стокгольм.

5) Поручить т. Шейнману в двухнедельный срок представить свои соображения о возможности организации снабжения в Харбине или в Шанхае.

6) Поручить тт. Литвинову, Пятницкому и Шейнману в 2-х месячный срок изучить и определить возможность организации передач вне пределов полпредств и торгпредств.

7) Поручить т. Шейнману изучить возможность такой организации записи (согласно параграфа 2), при которой получателями числились бы другие кредитные или иные учреждения, помимо Государственного банка.

8) Подтвердить всем организациям, что английские фунты могут ими использоваться исключительно для абсолютно легальных целей (возложить уведомление об этом соответствующих организаций на тт. Шейнмана и Пятницкого).

Предложить Госбанку и прочим учреждениям организовать регистрацию проходящих у них английских фунтов.

9) Предложить тт. Пятницкому и Шейнману принять меры к немедленной концентрации счетов всех подобных организаций в Государственном банке, а тов. Шейнману выделить для ведения

этого счетоводства в Государственном банке особую группу (из членов ВКП).

10) Предложить Наркомфину суммы для этих организаций ставить на счета (открываемые согласно параграфа 9) поквартально и на весь квартал вперед.

11) Поручить т. Косиору с участием т. Шейнмана рассмотреть сделанные им предложения о персональных изменениях в составе заграничных банков.

12) Поручить т. Литвинову и т. Шейнману изучить и доложить вопрос о возможности организации за границей нового кредитного учреждения с условием сохранения в тайне принадлежности этого кредитного учреждения не иностранцам.

13) Поручить тт. Молотову и Косиору наметить лицо, которое, проживая за границей, являлось бы хранителем резервных фондов.

Особые постановления

1) Поручить НКВД произвести расследование возможности передачи в порядке товарищеской услуги английских фунтов теми или иными сотрудниками НКВД в другие руки.

2) Поручить Розенгольцу выяснить возможность связи «ведомства» с данным делом.

3) Предложить «ведомству» в двухнедельный срок дать сведения о том, мог ли быть с ноября месяца случай передачи его средств в руки ирландцев.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Микояну — все (с приложением); Бухарину — «а-3, 4»; Пятницкому — «а-3, 4»; «в-3, 8, 9, 10», «г»- все; Янсону — «а-3»; Москвину — «в-1» (с приложением), 2(1 часть); Косиору С. — «в-2», «г-11, 13»; Шейнману — «г» (все); Литвинову — «г-6, 12»; Молотову — «г-13»; Розенгольцу — ос. пост. 1; Берзину — ос. пост. 3; Брюханову — «г-9, 10».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 81—85.

Примечания:

¹ В ответ на обвинения МВД Великобритании двух советских банков — Московского народного банка и Банка для русской торговли — в расходовании денежных сумм на ведение «революционной пропаганды» в Англии, правления МНБ и БРТ обратились к министру внутренних дел Джойнсон-Хиксу с письмами, в которых заявили, что их банки занимаются «исключительно обычными банковскими и коммерческими операциями» и изъявили готовность облегчить расследование обстоятельств, при которых были произведены «все платежи за любой период» (ДВП. Т. XI. С. 727). 26 апреля ПБ решило создать комиссию в составе Косиора, Пятницкого, Чичерина и Розенгольца «для расследования всего дела, связанного с Московским народным банком в Лондоне и для проверки положения, в связи с этим вопросом, как в Англии, так и в Германии, поручив комиссии наметить, с учетом обмена мнений на заседании Политбюро, необходимые меры как по

дипломатической линии, так и по линии хозорганов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 68).

² К решению Политбюро от 10 мая была приложена «Номенклатура должностей, на которую необходимо в самый кратчайший срок командировать ряд работников-партийцев». Среди этих организаций и учреждений были Аркос, Моснарбанк, Аркосбанк. Особенно срочно предлагалось командировать именно в эти учреждения (Там же. Л. 86).

№ 96

**Из протокола № 25
14 мая 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 39. Об Англии (т. Чичерин).

П о с т а н о в и л и :

Утвердить предложения Комиссии ПБ:

а) В Лондоне не делать никаких официальных заявлений и не давать никаких разъяснений в части, касающейся полпредства и торгпредства.

б) В случае новых вопросов относительно текущих счетов в советских банках в Лондоне ссылаться на то, что денежные суммы были переданы клиентам, дальнейшее же не касается банков¹.

в) Наркоминдел и НКТорг должны по поводу счета Шанина подготовить разъяснения с реальными материалами о выдачах из кассы валюты на вполне легальные цели.

г) Возложить на тт. Хинчука и Ягоду ответственность за то, что т. Аврамов выедет в Лондон не позднее среды, 16.V.

Выписки посланы: тт. Чичерину и Микояну — все; Шейнману — «б», «в»; Хинчуку и Ягода — «г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 89.

Примечание:

¹ См. документ № 64. Английские газеты 31 мая 1928 г. опубликовали заявление министра внутренних дел Великобритании Джойнсон-Хикса представителям печати по вопросу о деятельности Московского народного банка и Банка для русской торговли, в котором обвинялись в незаконной деятельности и английские коммунисты. На заседании Политбюро 31 мая 1928 г. по заявлению Сталина было принято решение, в котором Лозовскому вменялось в обязанность просить разрешения Политбюро при каждой посылке денег за границу (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 99). Лидер английских коммунистов Г. Поллит 1 июня направил в Москву письмо, выражая крайнее недовольство ситуацией, в которой оказалась КПА из-за поведения советских чиновников. 2 июня опросом членов ПБ было принято предложение Сталина и Бухарина: «Решительно отмести недопустимый тон

и совершенно непозволительные обвинения, выставленные в записке т. Поллита относительно ВКП и СССР» и в то же время «ликвидировать те крайности в области размежевания советской и коминтерновской работы, которые допущены отдельными работниками в Лондоне»

11 июня Джойнсон-Хикс выступил в палате общин с сообщением по вопросу о деятельности в Англии упомянутых советских банков. 14 июня Политбюро, обсудив вопрос «о речи Хикса», решило опубликовать речь в печати, поручив это Наркоминделу; при этом в «Правде» дать статью, а в «Известиях» ограничиться комментариями телеграммы из Лондона. Комиссии Янсона было предложено «ускорить работу в отношении наших хозяйственных и банковских органов во Франции и Германии» (Там же. Л. 103). 18 июня Политбюро признало «ненужным» интервью М. В. Земблехтера, председателя правления Московского народного банка (Там же. Л. 108).

№ 97

**Из протокола № 30
21 июня 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. О Германии (тт. Сталин, Карахан).

П о с т а н о в и л и :

Разъяснить т. Чичерину, что Политбюро не поручало НКИД и НКТ составить «план обращения к германскому правительству», а было принято постановление о выработке предложений по государственной линии о тех шагах, которые должны быть предприняты в связи с образованием нового кабинета в Германии, если представится к этому случай¹.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Микояну.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 106.

Примечание:

¹ В связи с приходом социал-демократов к власти в Германии НКИД разрабатывал новую тактику поведения. В телеграмме полпреду СССР Крестинскому от 14 июня 1928 г. Чичерин писал: «Некоторые полагают, что, несмотря на враждебность эсдеков, их связь с рабочими создает для нас при новом правительстве до некоторой степени новое положение. Спрашивают, нельзя ли заключить дополнительный пакт, расширяющий прежний [видимо, имеется в виду договор о ненападении и нейтралитете 1926 г. — Г.А.], или вообще какое-либо политическое соглашение, закрепляющее наши отношения или же экономическое соглашение, облегчающее дальнейшее сотрудничество». В ответной телеграмме Чичерину от 15 июня Крестинский писал: «Пока предварительно сообщу, что отношусь крайне скептически к возможности сейчас с успехом выступить с одним из упоминаемых Вами предложений. Через некоторое время, при наличии некоторых предпосылок, такая возможность будет не исключена» (ДВП. Т. XI. С. 386, 730).

Из протокола № 35
26 июля 1928 г.

Слушали:

п. 2. Об участии СССР в пакте Келлога¹ (т. Карахан).

Постановили:

1) Наркоминделу при переговорах по поводу пакта Келлога исходить из желательности СССР, как одной из великих держав, принять участие в переговорах держав по поводу этого пакта.

2) На зондаж американцев через германского посла ответить, что СССР желал бы принять участие в переговорах, что для него не исключена возможность подписания самого пакта, но, не имея в настоящее время ни текста пакта, ни предложений и оговорок, внесенных к американскому пакту другими державами, и не имея никакого официального предложения по поводу этого пакта, правительство СССР не может дать окончательного ответа.

3) Считать желательным, чтобы в переговорах с посредниками американского правительства было подчеркнуто, что наличие критики в советской печати по поводу пакта Келлога вовсе не означает отказа со стороны СССР.

4) Председателю американского комитета по объявлению войны вне закона, Брауну, дать визу на въезд в СССР².

Выписка послана: т. Чичерину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 116.

Примечания:

¹ См. примечание 1 к документу № 90.

² Фрагмент данного решения Политбюро цитируется в телеграмме Чичерина полпреду СССР в Германии Крестинскому от 27 июля 1928 г.: «Германское правительство через Ранцау официально запрашивало нас, согласимся ли, если нас пригласят, присоединиться к пакту Келлога. Надо, чтобы вы сообщили Шуберту наш ответ. Инстанция постановила ответить: «СССР желал бы принять участие в переговорах...». Цитата заканчивалась фразой: «Правительство СССР не может дать окончательного ответа». Далее в телеграмме Чичерина излагались тезисы, содержащиеся в пунктах 1 и 3 данного решения Политбюро (ДВП. Т. XI. С. 436).

Из протокола № 36
2 августа 1928 г.

Слушали:

п. 3. Об участии СССР в пакте Келлога (ПБ от 26.VII.28 г., пр. № 35, п. 2) (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Дать за подписью т. Чичерина интервью, предложенное НКВД, с поправками.

б) В интервью, кроме принятых раньше (26 июля) директив по этому вопросу, исходить из следующих дополнительных соображений: а) совпра не имеет решительно никаких принципиальных возражений против международного пакта, воспрещающего войну в качестве средства национальной или империалистической политики; б) оно критиковало пакт Келлога, как недостаточный и нуждающийся в значительных изменениях, которые были бы предложены советским правительством, если бы оно было привлечено к участию в переговорах или переписке; в) пакт Келлога даже в том виде, в каком он сейчас предлагается для подписания, еще больше обесценен оговорками, сделанными Англией и Францией, предоставляющими право каждому партнеру интерпретировать пакт в духе его собственной национальной или империалистической политики.

в) В конце интервью изложить прежнее решение Политбюро о том, что для СССР не исключена возможность присоединения к обсуждению пакта, более точно сослаться на наше предложение о разоружении и на то, что международная пресса, в частности американская, отнеслась отрицательно к участию СССР¹.

Выписки посланы: тт. Чичерину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 118—119.

Примечание:

¹ Интервью Чичерина было опубликовано в советской прессе 5 августа 1928 г. В нем отмечалось, что «устранение советского правительства из числа участников переговоров» по выработке пакта Келлога наводит «прежде всего на мысль, что в действительные цели инициаторов этого пакта, очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР», что «пакт Келлога есть составная часть подготовки войны против СССР» и «орудие мировой контрреволюции». Далее Чичерин указал на участвовавшие публикации в германских, английских, французских и американских газетах, ставивших вопрос о приглашении СССР участвовать в пакте Келлога, и в связи с этим подчеркнул, что «возможность участия нашего правительства в подписании пакта Келлога не исключена», несмотря на то, что этот пакт «обесценивается больше всего тем обстоятельством, что он не сопровождается обязательством по вопросу о разоружении».

№ 100

**Из протокола № 39
25 августа 1928 г.**

С л у ш а л и :

п. 15. О пакте Келлога¹ (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

- а) Дачу интервью считать нецелесообразной.
- б) Никаких письменных документов на ближайшее время по этому вопросу не допускать. Подготовка решения этого вопроса должна быть максимально конспиративна.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 123.

Примечание:

¹ См. документ № 99. 27 августа посол Франции в СССР Эрбетт по поручению своего правительства довел до сведения НКВД, что в тот же день правительства Германии, США, Бельгии, Франции, Великобритании и ее доминионов, Италии, Японии, Польши и Чехословакии, подписали в Париже многосторонний пакт, по которому они обязались не прибегать во взаимных отношениях к войне в качестве орудия национальной политики. 31 августа за подписью Литвинова была направлена нота НКВД Эрбетту (опубликована 1 сентября в советской прессе), в которой повторялась известная позиция советской стороны: высказано «глубочайшее сожаление по поводу отсутствия в Парижском пакте каких бы то ни было обязательств в области разоружения», указывалось на «недостаточную определенность и ясность в первой статье самой формулировки о воспрещении войны, допускающей различные и произвольные толкования», подчеркивалось, что «идея устранения в международной политике войн и вооруженных конфликтов есть основная руководящая идея советской внешней политики». В заключение в ноте было сказано, что «советское правительство изъявляет свое согласие на подписание Парижского пакта».

6 сентября 1928 г. в Москве временно исполняющий обязанности наркома иностранных дел СССР Литвинов (Чичерин был болен) подписал Декларацию о присоединении СССР к Договору об отказе от войны, заключенному в Париже 27 августа 1928 г (ДВП. Т. XI. С. 503—508). Постановление Президиума ЦИК СССР о присоединении СССР к договору последовало 29 августа 1928 г.

№ 101

Из протокола № 39 25 августа 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 12. О Германии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Поручить Наркоминделу дать германскому правительству следующий ответ:

- а) Советское правительство приветствует предложение о возобновлении переговоров и согласно приступить к этим переговорам¹.

б) Советское правительство считало бы желательным перенесение переговоров в Москву.

в) Вопрос о корреспондентах не связывать с переговорами².

Выписки посланы: тт. Литвинову, Микояну.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 123.

Примечания:

¹ 22 августа правительство СССР отказало во въездной визе в Советский Союз трем немецким корреспондентам, которые возвратились временно в Германию. В тот же день Крестинский сообщил в Москву, что по мнению Штреземана этот акт мог помешать возобновлению торговых переговоров, прерванных в марте из-за шахтинского дела (ДВП. Т. XI. С. 738).

² Это постановление Политбюро было сообщено Литвиновым Крестинскому в телеграмме от 25 августа (Там же. С. 483).

№ 102

Из протокола № 48 25 октября 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 2. Заявление т. Антонова-Овсеенко (т. Антонов-Овсеенко).

П о с т а н о в и л и :

Утвердить предложенный НКИД следующий проект инструкции т. Антонову-Овсеенко, которая должна быть прочитана г. Бенешу текстуально, без оставления копии г. Бенешу:

1) Во время бесед 3 и 24-го августа с.г. Министр Бенеш говорил с Вами по поручению правительств стран Малой Антанты об их стремлении к установлению нормальных отношений с СССР, о том значении, которое такой новый политический фактор имел бы для положения дел на юго-востоке Европы, причем г. Бенешем была высказана мысль, что препятствием к установлению нормальных отношений между Югославией, Чехословакией и СССР является неразрешенный бессарабский вопрос. Г. Бенеш просил Вас, поэтому, выяснить отношение советского правительства к высказанным им мыслям.

2) Ознакомившись подробно с содержанием означенных бесед, советское правительство поручает Вам заявить г. Бенешу нижеследующее:

Советское правительство разделяет соображения Малой Антанты о том благотворном значении, которое имел бы факт установления нормальных отношений между странами Малой Антанты и СССР. Оно полагает, что этот факт был бы в политическом и экономическом отношении чрезвычайно выгоден для всех заинтересованных стран. Установление нормальных отношений между СССР, Чехословакией и Югославией несомненно имело

бы умиротворяющее значение для всего востока и юго-востока Европы, даже и теперь, до разрешения бессарабского вопроса. С другой стороны, взаимным признанием и установлением дипломатических отношений бессарабский вопрос не мог бы считаться устраненным, но, если Румыния, как одна из стран Малой Антанты, от имени которой с Вами беседовал г. Бенеш, действительно имеет желание вновь вступить в переговоры с советским правительством для улажения всех существующих между ними спорных вопросов, то советское правительство со своей стороны готово пойти на встречу этому желанию, вступить в непосредственные переговоры с представителем румынского правительства и, выслушав его предложения, обсудить возможную базу последующих формальных переговоров.

3) Вам предлагается по существу бессарабского и других спорных вопросов с Румынией никаких разговоров с г. Бенешем не вести (последний абзац не подлежит сообщению г. Бенешу)¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 141, 142.

Примечание:

¹ Помимо утвержденного на заседании Политбюро от 25 октября 1928 г. текста инструкции В. Антонову-Овсеенко, в инструкции, посланной представителю СССР в Праге 31 октября за подписью Литвинова, имелись еще два пункта: «4. В случае вопросов со стороны Бенеша о том, как мы представляем себе порядок вступления в переговоры с Румынией, Вам следует ответить, что мы считали бы нежелательным созыв конференции для официальных переговоров раньше, чем не договоримся о возможной базе соглашения путем полуофициальных переговоров. Такие разговоры удобнее всего начать при какой-либо полуслучайной встрече ответственных представителей обеих сторон где-либо в Европе, как, например, во время какой-либо международной конференции. Такой момент, правда, сейчас не представится, но, когда он наступит, мы его не пропустим. 5. Вы можете по-прежнему вновь объяснить отсутствие торопливости с нашей стороны в этом вопросе повторяющимися и учащающимися сведениями о дальнейшем сближении между Румынией и Польшей на почве военных соглашений» (ДВП. Т. XI. С. 559, 560). Данные рекомендации Литвинова были использованы Антоновым-Овсеенко во время беседы с Бенешем 26 ноября 1928 г. (Там же. С. 585—587).

№ 103

Из протокола № 53
6 декабря 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 6. О советско-германских экономических переговорах (т. Стомоняков, Ксандров, Пятаков)¹.

П о с т а н о в и л и :

Принять в основном предложенный т. Стомоняковым² проект постановления, поручив ему внести в редакцию проекта следующие изменения:

В пункте 2-м (о кредите) изменить первую фразу заявления следующим образом: «Правительство СССР не имеет принципиальных возражений против кредитования в советских банках германских фирм, допущенных к деятельности в СССР (концессионеров)» и подчеркнуть автономность отдельных банков, которые при рассмотрении вопросов кредитования руководствуются исключительно коммерческими соображениями.

Пункт 4-й заменить следующим:

Принять к сведению, что вопрос о членстве в профсоюзах служащих концессионных предприятий будет разрешен в форме оглашения т. Стомоняковым на конференции того ответа, который получит от ВЦСПС на его запрос по этому поводу. Ответ ВЦСПС должен состоять в том, что у них в порядке дня стоит вопрос о некотором уточнении той инструкции, которая была дана ранее ВЦСПС по вопросу о приеме в профсоюзы служащих концессионных предприятий, разумеется, при точном соблюдении устава профсоюзов. При оглашении этого ответа т. Стомоняков заявляет, что этот вопрос не может быть, разумеется, предметом суждений при переговорах и решений правительства. По вопросу о зарплате т. Стомоняков заявляет, что это есть дело профсоюзов и рабочих и для его разрешения следует обратиться к существующим законам по вопросу об установлении зарплаты.

Выписка послана: т. Стомонякову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 7.

Примечания:

¹ См документ № 101. Положительный ответ Москвы на предложение германского правительства возобновить переговоры был передан Крестинским 12 сентября 1928 г. (Дух Рапалло... С. 110—111) 16 октября Литвинов уведомил Крестинского о том, что консорциум немецких банкиров решил принять участие в учреждаемом Международном комитете защиты кредиторов России, который должен был собраться в Лондоне 23 октября (ДВП Т. XI. С. 542—543). Несмотря на то, что немецкое правительство разделилось по вопросу о решении банкиров, это вызвало взрыв возмущения в Москве, поскольку откладывало достижение соглашения между двумя сторонами о возобновлении экономических переговоров (Там же. С. 567—570)

12 ноября Литвинов поручил Крестинскому сообщить немецкому министерству иностранных дел о согласии советского правительства возобновить переговоры. Они открылись в Москве 26 ноября (Там же. С. 572—573).

² 30 октября 1928 г. Стомоняков был назначен главой советской делегации на переговорах с немцами — вместо Шлейфера (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 4).

Из протокола № 55
20 декабря 1928 г.

С л у ш а л и :

п. 5. О переговорах с немцами (тт. Рыков, Стомоняков, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Считать неприемлемой данную немцами последнюю формулировку по вопросу о вступлении группы германских банкиров в Международный комитет защиты кредиторов России¹.

б) Признать возможным окончание переговоров только на основе такой формулировки, которая обязывала бы немецкое правительство принимать в будущем все возможные для него меры по отношению к бывшим частным собственникам, вытекающие из существующих советско-германских договоров².

Выписка послана: т. Стомонякову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 14—15.

Примечания:

¹ См. примечание 1 к документу № 103. На завершающем этапе советско-германских экономических переговоров советская сторона поставила на обсуждение вопрос о вступлении группы немецких банкиров в Международный комитет защиты кредиторов России. Германская делегация заявила, что германское правительство выступает против подобного действия немецких банкиров, поскольку оно «несовместимо с существующими между обоими государствами и основанными на заключенных договорах отношениями». При этом было особо подчеркнуто, что «вопрос о довоенных долгах может быть поставлен только в полном соответствии с совершенно ясными постановлениями Рапалльского договора и что действия германских банкиров не имеют ничего общего с позицией германского правительства в этом вопросе» (ДВП. Т. XI. С. 616). В телеграмме НКВД полпреду СССР в Германии от 19 декабря 1928 г. сообщалось, что в ходе двусторонних экономических переговоров советская делегация пошла на уступки германской стороне в целях «углубления существующих отношений, в особенности для внесения успокоения в германский деловой мир в отношении работы с СССР» (Там же. С. 751)

² 21 декабря был заключен протокол, состоявший из 8 статей, который разъяснял и развивал положения договора от 12 октября 1925 г. (ДВП. Т. XI. С. 623—626). Один из параграфов документа содержал заявление немецкой стороны, по которой акт немецких банков «не имеет решительно ничего общего с установкой Германского Правительства в отношении Рапалльского договора» (Там же. С. 625).

**Из протокола № 70
25 марта 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 37. Вопрос комиссии т. Микояна (ПБ от 14.III.29 г., пр. № 68, п. 44) (тт. Бухарин, Ворошилов, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Микоян, Чубарь, Ярославский, Смирнов, Кубяк, Шкирятов, Бауман, Яковлев, Литвинов, Рухимович, Брюханов, Кржижановский, Сокольников, Пятаков, Каменев, Трилиссер).

П о с т а н о в и л и :

а) Советская сторона должна добиться, прежде чем выдвинуть свои предложения, получения конкретных предложений от английской делегации¹.

б) Советская сторона должна выдвинуть программу заказов и покупок продуктов английской промышленности для нужд СССР.

Программа должна быть в достаточной степени реальной и одновременно возбудить серьезный интерес англичан.

в) При этом указать, что такое широкое экономическое сотрудничество между Англией и развивающимся хозяйством СССР возможно только при возобновлении нормальных дипломатических отношений и дополнительном экономическом соглашении между обоими правительствами на базе англо-советского соглашения 1924 года с надлежащим расширением его, соответственно выросшим возможностям англо-советского экономического сотрудничества.

г) Образовать комиссию в составе тт. Пятакова (председатель), Хинчука, Рухимовича, Сокольникова и Кржижановского для выслушивания предложений английской делегации, как правительственную комиссию².

Обязать комиссию представить к ближайшему заседанию Политбюро проект декларации, содержащей ответы на вопросы наших отношений с Англией и вопросы, могущие быть поставленными английской делегацией. Деловые разговоры о возможных заказах при условии возобновления дипломатических отношений и соответствующей финансовой базы комиссия должна вести независимо от результатов политических разговоров.

д) При разрешении вопросов о возможных заказах при этих условиях комиссия должна исходить из цифры примерно 1,5 миллиарда рублей на пятилетие, не считая возможности привлечения английского капитала также в порядке подрядных работ и концессий.

е) Комиссии в своей работе исходить из желательности пребывания англоделегации в СССР в 2 недели.

ж) Ответственность за информацию печати возложить на тт. Литвинова и Пятакова.

з) Вопрос о хозяйственно-техническом обслуживании делегации передать на разрешение в советском порядке.

Выписки посланы: тт. Микояну и Пятакову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 55.

Примечания:

¹ Имеется в виду делегация английских промышленников, возглавляемая редактором журнала «Инглиш ревью» Э. Ремнантом и председателем Англо-русского комитета Дж. Ишервудом. Этот комитет, созданный в феврале 1929 г. и выступавший за развитие экономических связей с СССР, стал инициатором поездки в Советский Союз 88 деловых людей, представлявших 230 английских фирм, которая началась 25 марта 1929 г.

10 января 1929 г. Политбюро поручило комиссии ПБ по Англии, руководимой Микояном, «окончить разработку проекта и представить новый вариант с учетом возможных предложений другой стороны, а также разработать целый ряд других, связанных с приездом делегации, вопросов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 25). 14 января в упомянутую комиссию был введен Брюханов (Там же. Л. 28). 21 февраля ПБ поручило комиссии Микояна подготовить к следующему заседанию ПБ предложения по вопросу об обслуживании членов английской делегации (Там же. Л. 35). 25 февраля ПБ приняло два предложения Микояна: 1) поручить полпреду СССР во Франции Довгалевскому, представлявшему советскую сторону, сообщить инициаторам английской делегации промышленников, что с точки зрения занятости членов правительства СССР наиболее удобным сроком для приезда делегации является время от 5 до 20 марта; 2) поручить Довгалевскому запросить инициаторов английской делегации, «в целях своевременного создания необходимых технических удобств», о количестве делегатов, их списочном составе и намеченном сроке пребывания их в СССР (Там же. Л. 41).

9 марта 1929 г. Микоян направил Сталину докладную записку, подготовленную и подписанную членами комиссии ПБ по Англии, а 11 марта эта записка была по поручению Сталина послана всем членам ПБ и ЦКК «для ознакомления... ввиду особой конспиративности... **только лично**». В препроводительном письме Микояна Сталину говорилось, что докладная записка намечает план использования кредитов, «увязав организацию займа с возможным разрешением претензий англичан» и определением границ уступок с советской стороны. Комиссия предлагала иметь к началу переговоров с англичанами несколько предложений, однако не выдвигать их до выяснения позиции самих англичан и их предложений. В докладной записке содержались: заявленные Англией претензии к СССР от 28 апреля 1924 г. и советские исчисления размеров этих претензий; различные варианты размеров займа и способов их погашения; претензии стран, с которыми у СССР имеются договорные отношения (Франция, Германия, Италия, Скандинавские страны); вопрос о гарантиях; соображения о характере использования привлекаемых английских средств, прежде всего в таких от-

раслях народного хозяйства, которые могли бы обеспечить развитие советского экспорта; формы получения средств и сроки кредита; тактика переговоров и порядок их ведения. По мнению комиссии ПБ, ведение переговоров от имени правительства СССР следовало возложить на существующий состав этой комиссии, но под председательством Литвинова (сам же Литвинов был не согласен с этим пунктом). Для подготовки приема английской делегации комиссия выделила подкомиссию в составе Стомонякова (председатель), Аралова, Шлейфера и Аркуса. Ей предстояло организовать прием и обслуживание делегации, поездки на новые крупные предприятия, встречи с хозяйственниками, а также руководить информацией для прессы (Там же. Ф. 84. Оп. 2. Д. 10. Л. 51—65).

Судя по протоколам ПБ, решение по указанной выше докладной записке комиссии Микояна было принято ПБ 25 марта, т. е. в день выезда делегации из Англии в СССР (Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 51). Делегация находилась в СССР до конца апреля.

² 28 марта, во изменение постановления Политбюро от 25 марта (п. 37-г), была образована «комиссия для выслушивания предложений английской делегации» в следующем составе: Пятаков, Хинчук, Аралов и Рабинович (Там же. Л. 55).

№ 106

Из протокола № 70 28 марта 1929 г.

С л у ш а л и :

п. 8. О директивах делегации подготовительной комиссии по разоружению (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Принять с поправкой предложения т. Литвинова.

а) Предложить советской делегации добиваться постановки в порядок дня ранее внесенного ею проекта конвенции частичного сокращения вооружений и, добившись этого, отстаивать проект конвенции статью за статьей.

б) В случае отклонения советского проекта и перехода комиссии ко второму чтению ее собственного проекта конвенции, советская делегация активно участвует в обсуждении этого проекта, критикуя его и внося поправки с целью максимального приближения проекта к советскому, но настаивая на внесении в проект определенных численных коэффициентов размеров вооружения¹.

в) В случае внесения турецкой делегацией предложения об уравнивании армии, советской делегации голосовать за турецкое предложение лишь при условии его распространения на морской и воздушный флот и др. технические средства и запасы вооружений, уничтожения военных договоров и одновременном заклю-

чении всеми государствами между собой пактов о ненападении и безусловном нейтралитете, а также при том условии, что это сокращение будет признано первым этапом к полному разоружению².

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 54.

Примечания:

¹ 17 января 1929 г. Политбюро приняло предложение Ворошилова о введении в состав делегации для участия в работе подкомиссии по разоружению А. Лангового вместо Пугачева, который наряду с Литвиновым, был включен решением ПБ от 16 марта 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 29). На заседании ПБ 28 февраля было отклонено предложение Литвинова «об освобождении его от поездки на заседание подготовительной комиссии по разоружению» и решено «состав делегации оставить прежним, обязав ее подготовительную работу начать немедленно» (Там же. Л. 40).

VI сессия Подготовительной комиссии конференции по разоружению Лиги Наций состоялась в Женеве с 15 апреля по 6 мая 1929 г. Официально эта сессия именуется первой половиной VI сессии, т. к. она не была завершена в 1929 г. Вторая половина сессии проходила в Женеве с 6 ноября по 9 декабря 1930 г.

В начале первой половины VI сессии обсуждался советский проект Конвенции о частичном сокращении вооружений, внесенный в Подготовительную комиссию делегацией СССР еще на V сессии в марте 1928 г. (См. примечание 1 к документу № 59). После его отклонения комиссия провела второе чтение своего проекта Конвенции о разоружении, в основу которого были положены английский и французский предварительные проекты, озаглавленные «Текст проекта Конвенции, составленный в первом чтении». Директивы ПБ от 28 марта нашли отражение в выступлениях Литвинова и Лангового на VI сессии Подготовительной комиссии (ДВП. Т. XII. С. 206—215, 222—226).

² Основное содержание предложений турецкой делегации было сформулировано следующим образом: «Взять за максимум личного состава вооруженные силы, нужные большому государству для законной самозащиты против внезапного нападения. Как только это будет установлено, государства, содержащие большие силы, должны были бы сократить их до установленного предела, а государствам с вооруженными силами ниже установленного предела не будет разрешено увеличивать свой личный состав (войск), исходя из того, что основной принцип — сокращение вооружений, а не их хотя бы частичное увеличение» (ДВП. Т. XII. С. 746). После отклонения советского проекта турецкая делегация на утреннем заседании 24 апреля отозвала свое предложение с правом внесения его на предстоящую конференцию по разоружению.

№ 107

**Из протокола № 72
11 апреля 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. Сообщение т. Пятакова (т. Пятаков).

П о с т а н о в и л и :

а) Ответить делегации заявлением от имени т. Пятакова, опубликовав этот ответ.

б) В ответе сказать, что: 1) восстановление дипломатических отношений должно предшествовать всем остальным переговорам по основным экономическим вопросам¹; 2) при наличии восстановления нормальных дипломатических отношений, правительство СССР согласно вести переговоры по всем вопросам на базе договора 1924 г. с тем комитетом или с теми лицами, которых уполномочит английское правительство; 3) что касается вопроса о частных претензиях, то база для переговоров по этому вопросу была предусмотрена в договоре с английским правительством в 1924 г. и на этой базе могут быть возобновлены переговоры и достигнуто практическое соглашение; 4) теперь слово должно быть за правительством Англии; 5) что касается отдельных промышленников, то отдельным английским промышленникам никто не будет препятствовать вести переговоры с отдельными хозяйственниками для выяснения перспектив о возможных заказах.

в) Поручить т. Пятакову на этой основе составить проект ответа. Окончательное утверждение текста ответа т. Пятакова поручить комиссии в составе тт. Пятакова, Сталина и Бухарина.

Выписка послана: т. Пятакову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 65.

Примечание:

¹ Делегация английских промышленников, находившаяся в Москве, 11 апреля 1929 г. приняла резолюцию о том, что нормальные экономические отношения являются невозможными без нормальных дипломатических отношений. Ответное заявление от имени советской стороны по данному и смежным вопросам поручалось сделать председателю Госбанка СССР Пятакову, ответственному за прием английской делегации.

В решении Политбюро от 16 апреля содержалось следующее добавление к заявлению Пятакова в части, касающейся договора 1924 г.: «Что касается вопроса о частных претензиях английских подданных, также как и о претензиях наших граждан, обсуждение которого совместно с британской стороной советское правительство согласилось в 1924 г. считать одним из условий успешного развития англо-советской торговли, то договор 1924 г. (раздел III, ст. 6-11), на базе которого остается советское правительство, предусматривает разрешение и этого вопроса». ПБ посчитало целесообразным вручение англичанам «меморандума, заключающего некоторую детализацию возможных заказов», а также опубликование в печати сообщения о переговорах Пятакова с английскими промышленниками. Комиссии Микояна поручалось «рассмотреть конкретные вопросы, поставленные отдельными английскими промышленниками перед правительственной комиссией, и дать им дальнейшее направление» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 69).

19 апреля ПБ решило опубликовать заявление Пятакова со следующим добавлением: «Давая настоящее заверение, мы признаем, что организовав данную важную делегацию, Англо-Русский комитет сделал дружественный жест по отношению к нашей стране, который, мы надеемся, быстро даст результаты. Вы можете полагаться на наше содействие вашим усилиям». Было принято также решение об опубликовании резолюции английской делегации, известив об этом ее руководителей (Там же. Л. 70). 21 апреля ПБ решило опубликовать предложенные Пятаковым «проект его ответа Ишервуду и все другие документы, предварительно известив об этом англичан» (Там же. Л. 72).

Об англо-советском договоре августа 1924 г. см. документы № 11—12.

№ 108

**Из протокола № 75
19 апреля 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. О Германии (ПБ от 16.IV.29 г., пр. № 74, п. 2) (т. Микоян).

П о с т а н о в и л и :

Создать совершенно секретную комиссию в составе тт. Микояна, Стомонякова, Рухимовича, Аралова, Пятакова, Шлейфера, Розенгольца, Ройзенмана, Сулимова и Фрумкина для предварительного рассмотрения внесенных в Политбюро предложений Наркомторга о германских кредитах¹.

Выписка послана: т. Микояну.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 70.

Примечание:

¹ Имеется в виду записка Микояна «О кредитных переговорах с немцами», представленная к заседанию ПБ 16 апреля 1929 г., на котором, однако, вопрос не рассматривался. В записке получили освещение проблемы истории германского кредита, уроки 300-миллионного германского кредита 1926 г., а также содержались предварительные предложения об условиях нового кредитного соглашения, касавшегося объема кредитов, сроков их использования и погашения, формы их организации и т.д. Микоян предлагал ведение переговоров возложить на Стомонякова под руководством Наркомторга (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 10. Л. 101—109).

В служебной записке на имя Сталина, датированной 9 марта 1929 г. и посвященной главным образом англо-советским отношениям, Микоян (председатель) и другие члены комиссии ПБ — Литвинов, Сокольников, Каменев, Фрумкин, Рухимович и Пятаков — предложили «сообщить немцам, что мы в середине апреля готовы иметь встречу в Москве с их представителями для переговоров по кредитам» (Там же. Л. 65). 22 марта Поссе в письме Стомонякову отметил, что целесообразно начать переговоры непосредственно с германским послом Дирксеном. Беседа Микояна и Стомонякова с Дирксеном «в частном и доверительном порядке» состоялась

11 апреля на приеме в германском посольстве. Дирксен предложил использовать пребывание в те дни в Москве советника по экономическим вопросам IV отдела МИД Германии Шлезингера, чтобы «выявить позиции обеих сторон и наметить возможную линию соглашения». Дирксен заявил: нельзя допустить, чтобы в будущем кто-нибудь изобразил дело так, что Германия предложила СССР свои кредиты. Советскую сторону вполне удовлетворяло неразглашение самого факта ведения советско-германских переговоров (ДВП. Т. XII. С. 140—147).

16 апреля ПБ решило вопрос отложить и поручить «предварительный зондаж на данной стадии» Стомонякову, «без выставления своих предложений». Тогда же было решено «обсудить вопрос в целом, в частности, вопрос о займе» после первой встречи Стомонякова со Шлезингером, «созвав для этого, в случае необходимости, внеочередное заседание Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 69). Беседа Стомонякова со Шлезингером состоялась 17 апреля. В ходе детального обсуждения вопросов позиция Шлезингера свелась к следующему: единственным средством удовлетворения пожеланий обеих сторон является замена промышленного кредита финансовым на сумму примерно 500 млн марок; поскольку германское правительство не может гарантировать кредитов больше, чем на 60%, правительство СССР должно было бы взять на себя обеспечение 25% с тем, чтобы остающиеся 15%, представляющие прибыль промышленников, покрывались советскими векселями; в этом случае пришлось бы вести переговоры не с промышленниками, а лишь с банками; Германия не боится притока в СССР не германского, в частности, американского, кредита (ДВП. Т. XII. С. 191—200).

№ 109

Из протокола № 77 25 апреля 1929 г.

С л у ш а л и :

п. 1. О кредитных переговорах с Германией (т.т. Микоян, Пятаков, Ройзенман, Фрумкин, Стомоняков).

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить т. Стомонякову заявить Шлезингеру: 1) что советская сторона считает наиболее целесообразной формой финансирования экспорта из Германии в СССР организацию финансового кредита нам; 2) мы считали бы наиболее целесообразной формой предоставление кредита в 500—600 млн марок, сроком на 10 лет, из которых 200 млн марок в виде займа и 300—400 млн марок в виде финансового кредита; 3) мы при этом согласны принять участие в обеспечении кредита в размере 10% с тем, чтобы германское правительство гарантировало 75%¹.

б) Предложить т. Стомонякову добиваться того, чтобы после этого сообщения переговоры были переведены на рельсы официальных переговоров².

Выписки посланы: тт. Микояну, Стомонякову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 73.

Примечания:

¹ Созданная на заседании Политбюро 19 апреля 1929 г. комиссия (см. документ № 108) обсудила на своем заседании 21 апреля предложение Микояна в ПБ о германских кредитах и сообщение Стомонякова о его беседе от 17 апреля. Насколько сложной была дискуссия, можно судить по протоколу заседания комиссии, решившей внести на рассмотрение ПБ «три формулы предложений советского правительства к кредитным переговорам с Германией», к которым были приложены замечания Стомонякова, Фрумкина, Ройзенмана и Розенгольца. ПБ на заседании 25 апреля остановило свой выбор в основном на «первой формуле» с некоторыми дополнениями из двух других. Как указывал Микоян в своей записке от 25 апреля в ПБ на имя Сталина, комиссия решила «пока ограничиться лишь только этими общими предложениями с тем, чтобы все вопросы, связанные с германскими кредитами, более конкретно обсудить во второй стадии, т.е. когда приедут Шефер и Шлезингер для окончательного решения вопроса о кредитах». Микоян просил поставить вопрос на срочное рассмотрение, поскольку немцам нельзя дать ответа, «пока ПБ не рассмотрит этого вопроса. Других никаких задержек не имеется. Чем мы раньше ответим, тем лучше для нас» (РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 10. Л. 117—121).

² Решение ПБ от 25 апреля было почти буквально изложено Стомоняковым в письме Крестинскому от 27 апреля: «После длительного промежутка вопрос о кредитных переговорах был, наконец, рассмотрен инстанцией», — писал Стомоняков. Во второй части письма Стомоняков сообщил о содержании беседы с Шлезингером от 27 апреля. Германский представитель заявил: заем является невозможным; другие трудности состоят в повышении гарантий германского правительства до 75% при понижении доли гарантии советского правительства с 25% до 10%; советская сторона вместо обеспечения наличными или товарами изъявляет желание депонировать облигации железнодорожного займа (ДВП. Т. XII. С. 245—246).

№ 110

**Из протокола № 78
27 апреля 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 39. Вопрос делегации Подготовительной комиссии по разоружению. (т. Карахан).

П о с т а н о в и л и :

Послать следующий ответ т. Литвинову на его запрос от 23.IV.:

«Мы не можем поддержать отмену воинской повинности изолированно от всей системы разоружения при сохранении всех других основных факторов милитаризма. Это значило бы высказаться за англо-американскую форму милитаризма. Поэтому вы можете поддержать отмену воинской повинности, лишь как одно из мероприятий в общей связи с системой разоружения или сокращения вооружений»¹.

Выписка послана: т. Карахану.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 76.

Примечание:

¹ Данный текст 27 апреля был послан телеграфом Литвинову за подписью заместителя наркома иностранных дел Карахана. Литвинов выполнил указание ПБ при произнесении своей речи на 15-м заседании VI сессии Подготовительной комиссии (ДВП. Т. XII. С. 247—248).

№ 111

**Из протокола № 83
6 июня 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. Об Англии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Не вступать ни в какие переговоры с Англией о долгах, кредитах и пропаганде до фактического восстановления нормальных дипломатических отношений¹.

б) Дать директиву т. Довгалеvскому, а не Аренсу, что в случае обращения к нему неофициальных посредников, он должен уклониться от обсуждения каких бы то ни было конкретных вопросов, заявив, что у него нет инструкций, но что он готов передать их предложения, если таковые у них имеются, в Москву, что в Москве, он уверен, ожидают, ввиду устранения неакономерностей и несправедливостей, совершенных консервативным правительством при разрыве отношений — немедленного восстановления нормальных отношений полностью, путем обмена послами, без всяких предварительных условий.

в) Предложить т. Аврамову не вступать ни в какие переговоры о восстановлении отношений и вообще на политические темы, ссылаясь на исключительно коммерческий характер своих функций.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 87.

Примечание:

¹ 5 июня, после победы лейбористов на выборах в мае 1929 г., Болдуин подал в отставку. Во время избирательной кампании лейбористская и либеральная партии высказались за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом.

№ 112

**Из протокола № 87
4 июля 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. Об Англии (т. Карахан).

П о с т а н о в и л и :

а) Так называемые предварительные переговоры с агентами английского правительства и зондаж по этой линии отвергнуть¹.

б) Считать целесообразным завтра (5.VII) в «Известиях» и в «Правде» выявить наше отношение к тронной речи английского короля.

в) Рассмотрение статьи для «Известий» поручить тт. Сталину, Молотову и Стомонякову. Статью написать Ротштейну².

Выписки посланы: тт. Стомонякову, Карахану.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 94.

Примечания:

¹ После формирования второго правительства Макдональда 7 июня 1929 г. начался зондаж по поводу дипломатических отношений.

² Статья без подписи под заглавием «Правительство Макдональда и СССР» была опубликована в «Известиях» 5 июля 1929 г.

№ 113

**Из протокола № 90
23 июля 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 35. Об инструкции Довгалеvскому¹.

П о с т а н о в и л и :

Принять проект инструкции т. Довгалеvскому, предложенный НКВД, с внесенными поправками².

Выписка послана: т. Карахану.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 123.

Примечания:

¹ В инструкции говорилось о том, что Довгалеvский назначен представителем правительства СССР для ведения в Лондоне переговоров по вопро-

сам восстановления англо-советских дипломатических отношений. 17 июля Гендерсон послал в Москву через поверенного в делах Норвегии в СССР ноту, в которой предлагал провести встречу в Лондоне с советским представителем для обсуждения приемлемой процедуры переговоров о возобновлении дипломатических отношений (ДВП. Т. XII. С. 408; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 3. P. 7). Ответ советской стороны последовал 23 июля (ДВП. Т. XII. С. 407—408; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 5. P. 7—8).

Москва считала необходимым немедленный обмен послами, а затем уже обсуждение всех спорных вопросов в Лондоне между новым советским послом и Гендерсоном при помощи экспертов или путем переговоров делегаций обеих сторон. Довгалеvский должен был отклонить любые попытки Гендерсона обсуждать существующие между Англией и СССР спорные вопросы. О директивах НКВД Довгалеvскому см.: ДВП. Т. XII. С. 409—411.

В ходе состоявшейся 29 июля первой беседы Довгалеvского и Гендерсона выявились серьезные расхождения в позициях сторон. Ссылаясь на начавшиеся трехмесячные каникулы парламента, без согласия которого британское правительство не могло решить вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР, Гендерсон предложил немедленно приступить к переговорам по существу всех спорных вопросов (о долгах, претензиях, пропаганде) и постараться завершить их в 20-х числах октября, при этом заверив, что советская делегация «будет считаться официальной делегацией советского правительства и пользоваться всеми преимуществами и привилегиями дипломатической миссии». Довгалеvский срочно направил в Москву шифротелеграмму с изложением позиции Лондона (Там же. С. 416—419; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 10. P. 14—15).

31 июля ПБ приняло за основу предложение Сталина и Ворошилова, поручив окончательную редакцию ответа НКВД Молотову, Рудзутаку, Карахану и Стомонякову, а также решило опубликовать этот ответ 1 августа в советских газетах, предпослав ему от имени ТАСС краткое изложение сути переговоров Довгалеvского и Гендерсона, и начать широкую кампанию в печати в связи с ответом британскому правительству. Довгалеvскому предлагалось по вручении ответа Гендерсону, «ввиду исчерпания его миссии, выехать на место службы», в Париж (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 126). В тот же день Довгалеvский, получив присланный из Москвы по телеграфу Караханом текст ответа Гендерсону, вручил его адресату тогда же, 31 июля. В заключительной части этого послания сообщалось о намерении НКВД обратиться в ЦИК СССР по вопросу о восстановлении отношений с Великобританией (ДВП. Т. XII. С. 421—424; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 11. P. 15—16).

2 августа в советской прессе было опубликовано сообщение ТАСС под заголовком «Лжерабочее правительство сорвало переговоры с СССР. Гендерсон — ученик Чемберлена» о ходе переговоров о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией (ДВП. Т. XII. С. 429—430). В нем вкратце, но не совсем точно излагалась суть беседы Довгалеvского и Гендерсона от 29 июля. Гендерсоновский аргумент об обязательной необходимости согласия на это ушедшего 29 июля на трехмесячные каникулы британского парламента не был даже упомянут. Зато содержался тезис о том, что «новое обстоятельство, не предусмотренное в ноте Великобританского правительства от 17 июля с.г., требует нового особого рассмотрения вопроса, поэтому НКВД вынужден обратиться к Президиуму ЦИК СССР, очередной пленум которого рассмотрит новые предложения Великобританского правительства». В конце «сообщения ТАСС» говори-

лось, что Довгалевский после передачи указанного выше текста, «ввиду исчерпания его миссии» вернулся в Париж.

² О директивах НКИД Довгалевскому см.: ДВП. Т. XII. С. 409—410.

№ 114

**Из протокола № 94
22 августа 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. Об Англии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Дать ответ Уайзу¹ в виде неофициального документа, без подписи, как личное мнение т. Литвинова и коллегии НКИД. В ответе указать: 1) что мы готовы в любой момент на совещание для обсуждения вопроса о процедуре в точном соответствии с нашей нотой от 23.VII.29 г.²; 2) что касается позиции советского правительства по существу, то она изложена в заявлении Пятакова делегации английских промышленников от 5.IV.29 г.³ и 3) обсуждение материальных вопросов (о долгах и пр.) по существу возможно лишь после восстановления нормальных отношений.

б) Поручить т. Литвинову на этой основе составить проект ответа и представить в Политбюро для голосования путем опроса членов Политбюро по телефону⁴.

в) Предрешить, что ответ советского правительства, о котором было сообщено в заявлении т. Довгалевского Гендерсону⁵, будет дан на очередной сессии ЦИК СССР.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 136.

Примечания:

¹ Имеется в виду встреча, состоявшаяся 12 июля в Берлине, между Литвиновым и Уайзом (ДВП. Т. XII. С. 761—762).

² Об этой ноте см. документ № 113.

³ См. примечание 1 к документу № 107.

⁴ Молотову, Бухарину и Литвинову было поручено составить текст заявления Литвинова Уайзу (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 138).

⁵ Имеется в виду заявление Довгалевского Гендерсону от 31 июля (см. примечание 2 к документу № 113).

№ 115

**Из протокола № 96
5 сентября 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 5. Об Англии (ПБ от 29.VIII.29 г., пр. № 95, п. 1) (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать необходимым опубликование интервью т. Литвинова в ответ на интервью Гендерсона¹.

б) Проект текста интервью поручить составить т. Литвинову.

в) Окончательное редактирование интервью т. Литвинова поручить комиссии, созданной Политбюро для редактирования интервью по китайскому вопросу².

г) В случае принятия наших предложений английским правительством, уполномоченным на ведение переговоров о процедуре назначить т. Довгалеvского.

д) Поручить НКИД немедленно разработать проект директив т. Довгалеvскому по ведению переговоров о процедуре.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 143.

Примечания:

¹ В упоминаемом интервью Гендерсона, данном 4 сентября 1929 г в Женеве представителю агентства Рейтер, в частности, говорилось: «Действительное возобновление отношений не может иметь место до тех пор, пока доклад не будет сделан парламенту. Тем временем предстоит проделать большую работу и промежуток времени между настоящим моментом и открытием парламента мог бы быть с пользой употреблен для разрешения вопроса о процедуре и о программе последующих переговоров, которые, я надеюсь, поведут к разрешению всех спорных вопросов между обеими странами». Гендерсон подтвердил не только желание британского правительства восстановить дипломатические отношения, но и оставил в силе его прежнее предложение прислать в Лондон ответственного представителя правительства СССР «для обсуждения наиболее быстрой процедуры» (ДВП. Т. XII. С. 488). В опубликованном 6 сентября в советских газетах по решению ПБ заявлении Литвинова представителю ТАСС содержались ссылки на заявление председателя Госбанка СССР Пятакова от 5 апреля 1929 г. и советскую ноту от 23 июля, в которых была изложена позиция правительства СССР: переговорам по спорным вопросам должно предшествовать восстановление дипломатических отношений. Литвинов заявил о готовности советской стороны приступить к «переговорам о процедуре» (Там же. С. 487, 488).

В ноте британского правительства от 10 сентября предлагалось начать переговоры с советским представителем 24 сентября в Лондоне. В ответной ноте, текст которой был утвержден опросом членов ПБ 12 сентября, акцент был сделан на готовности союзного правительства к обсуждению в настоящее время «исключительно вопросов процедуры последующих переговоров, а не спорных вопросов по существу». В тот же день опросом членов ПБ был утвержден текст интервью Литвинова, опубликованного в советской прессе 14 сентября. В нем говорилось: поскольку в данное время речь идет «только об обсуждении процедуры», то НКИД считает возможным вновь послать в Лондон для этой цели уполномоченного, т. к. «разрешение этого вопроса не требует дополнительных инструкций от Президиума ЦИК СССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 149—150, 154—155).

² Об интервью Литвинова от 6 сентября см.: ДВП. Т. XII С. 487—488, 505—506; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 16. P. 19; Известия. 1929. 14 сентября.

№ 116

**Из протокола № 99
23 сентября 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 7. Об Англии.

П о с т а н о в и л и :

Утвердить следующий проект ответа т. Довгалеvскому¹: «Если Гендерсон официально подтвердит изложенное в Вашем № 153, то Вам предлагается:

1) Выразить свое крайнее изумление по поводу приглашения Вас в Лондон за два дня до заранее решенного отъезда Гендерсона, когда проще было приурочить переговоры к моменту более удобному для обеих сторон.

2) Заявить Гендерсону, что по Вашему мнению предстоящее обсуждение чисто формальных вопросов в процедуре не должно потребовать больше 4—5 дней, но что если Гендерсон сейчас не располагает этим временем и не может обещать Вам непрерывного ведения переговоров, то Вы должны вернуться в Париж с тем, чтобы начать переговоры по возвращении Гендерсона из Брайтона, когда можно будет закончить их без перерыва.

3) Предложение Гендерсона о начатии переговоров и перерыв их на неделю — отклонить и ни в коем случае в Лондоне не оставаться.

4) О причинах перерыва, согласованного с Гендерсоном, сообщения в печать не давать, а дать от себя интервью, отметив в нем, что Вы приехали в Лондон к назначенному самим Гендерсоном сроку и что Вы лишь в Лондоне узнали о предстоящем отъезде Гендерсона через 2 дня после начала переговоров, что Вы, в целях избежания недоразумений в широком общественном мнении обеих стран, не сочли целесообразным вести переговоры с перерывами и оставаться продолжительное время без дела в Лондоне вследствие чего начало переговоров переносится на другой срок. О первой беседе Гендерсона немедленно телеграфируйте.

В случае переговоров настаивайте на вручении Вам проекта процедуры, предлагаемого Гендерсоном, от которого исходит инициатива предварительного обсуждения процедуры. Выработанного здесь списка вопросов не давайте до получения Гендерсоновского проекта и ответа Москвы».

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 158, 159.

Примечание:

¹ 19 сентября 1929 г. Литвинов сообщил британскому правительству о том, что Довгалецкий в сопровождении секретаря и переводчика прибудет в г. Фолкстон 23 сентября.

Еще в Париже советский полпред получил информацию о предполагавшемся 26 сентября отъезде Гендерсона в Брайтон на ежегодную конференцию лейбористской партии. В связи с этим переговоры, которые он вел с Довгалецким, могли оказаться прерванными на неделю. Довгалецкий сообщил об этом в Москву. ПБ сразу же отреагировало публикуемым решением от 23 сентября. На следующий день, 24 сентября, в Лондоне состоялась первая беседа Довгалецкого с Гендерсоном. Излагая в телеграмме в Москву суть беседы, Довгалецкий отметил, что «ни о каких длительных перерывах Гендерсон не говорил, я же, разумеется, не считал возможным намекнуть на полученную в Париже информацию». По мнению советского дипломата, в случае длительного отсутствия Гендерсона следовало выразить протест, но в то же время предложить «организовать встречу в любом месте» (ДВП. Т. XII. С. 516). 25 сентября Довгалецкий получил следующую телеграмму ПБ: «Инстанция констатирует, что Вами нарушена директива от 23 сентября пункт 2: после заявления Гендерсона о его отъезде, Вы не выяснили продолжительности перерыва и не сделали контрзаявления о своем немедленном отъезде в Париж» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 159).

25 сентября за подписью Литвинова была направлена телеграмма Довгалецкому, в которой предлагалось вручить Гендерсону список, состоящий из шести пунктов: 1) отношение обоих правительств к договору 1924 г.; 2) торговый договор и связанные с ним вопросы; 3) претензии и контрпретензии как между правительствами, так и частные, и связанные с ними финансовые вопросы; 4) рыболовство; 5) взаимные обязательства о пропаганде; 6) применение прежних договоров. Вновь ультимативно ставился вопрос о необходимости прежде всего восстановления дипломатических отношений (ДВП. Т. XII. С. 522). Английская сторона отдавала предпочтение обсуждению первых трех проблем в следующем порядке: 1) пропаганда; 2) соглашение о дипломатических и консульских миссиях и их персонале; 3) долги межправительственные, в том числе военные, претензии держателей ценных бумаг по национализированной собственности. По остальным трем пунктам расхождений особых не было.

25 сентября Гендерсон вручил Довгалецкому официальный документ под названием «Меморандум о процедуре урегулирования спорных вопросов, имеющей вступить в действие немедленно по возобновлении между обоими правительствами полных дипломатических сношений, включая обмен послами». Во вступлении к этому документу отмечалось, что британское правительство намерено представить открывающемуся 29 октября парламенту доклад о результатах переговоров о процедуре и по принятии этого доклада парламентом правительство будет готово приступить к возобновлению дипломатических отношений. Далее следовала «расшифровка» упомянутых выше 6 пунктов. Предложенное меморандумом распределение вопросов между разными органами лишало реального значения (сохраняя,

однако, внешнее значение для общественного мнения) проблему последовательности обсуждаемых вопросов списка. Довгалеvский намеревался дать ответ на меморандум и другие вопросы 27 сентября (Там же. С. 523—525).

№ 117

**Из протокола № 99
26 сентября 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 4. Об Англии.

П о с т а н о в и л и :

а) Предложить т. Довгалеvскому вручить Гендерсону в письменном виде следующий меморандум (см. приложение № 1)¹.

б) Утвердить следующие директивы т. Довгалеvскому (см. приложение № 2)².

Приложение № 1

МЕМОРАНДУМ т. ДОВГАЛЕVСКОГО

В ноте от 17 июля с.г. великобританское правительство, выразивши готовность восстановить дипломатические отношения между Великобританией и СССР, пригласило правительство СССР послать ответственного представителя в Лондон для обсуждения процедуры будущих переговоров по спорным между обеими странами вопросам. Несмотря на то, что в отличие от 1924 г., великобританское правительство предложило правительству СССР до восстановления нормальных дипломатических отношений предварительные переговоры о процедуре, советское правительство пошло навстречу этому предложению. Правительство СССР в согласии с нотой великобританского правительства от 17 июля с.г. указывало в своем ответе на то, что эти переговоры должны иметь своей целью исключительно обсуждение формальных вопросов процедуры, а отнюдь не обсуждение между обеими странами вопросов по их существу. Однако в переговорах с представителем СССР 31 июля господин Гендерсон выдвинул в качестве предварительного условия для восстановления нормальных отношений между обеими странами разрешение по существу сложных и спорных вопросов о взаимных претензиях и контр-претензиях.

Ввиду этих предложений господина Гендерсона, непредусмотренных в ноте великобританского правительства от 17 июля с.г., НКВД вынужден был обратиться в Президиум ЦИКа СССР за новыми указаниями. Получившийся в переговорах перерыв явился результатом указанной позиции, занятой великобританским правительством при переговорах с представителем СССР 31 июля.

В ноте британского правительства, переданной через норвежского поверенного в делах в Москве 10 сентября, Союзное правительство вновь приглашалось послать в Лондон уполномоченного для переговоров, причем нота ссылалась на ранее сделанное господином Литвиновым заявление в печати 6 сентября, где говорилось, что Союзное правительство было бы готово возобновить переговоры лишь для обсуждения процедуры. Сама вышеуказанная нота британского правительства также предлагала встречу для обсуждения только вопроса о процедуре. Посылая вновь в Лондон своего представителя, Союзное правительство имело таким образом все основания полагать, что на этот раз переговоры действительно будут идти исключительно по формальным вопросам процедуры. Необходимо, к сожалению, констатировать, что во врученном мне 25 сентября меморандуме г-н Гендерсон вновь предлагает при обсуждении процедуры не только обсудить, но даже разрешить целый ряд вопросов по существу. В целях наиболее быстрого завершения переговоров о процедуре я предлагаю принять следующее:

I. По пункту о списке вопросов, подлежащих обсуждению по существу после восстановления дипломатических отношений я готов, идя навстречу представленному мне меморандуму, установить следующий список (перечислить шесть пунктов, изложенных во вчерашней директиве).

II. По вопросу о месте переговоров — мы предлагаем Москву или Лондон.

III. Что касается порядка ведения переговоров, то мы предлагаем их вести дипломатическим путем, т.е. возложив ведение переговоров на соответственного посла одной из сторон и на иностранное ведомство другой стороны с созданием соответствующих комиссий.

Но, поскольку г-н Гендерсон вновь предлагает, вместо обсуждения исключительно формальных вопросов процедуры, обсуждение имеющихся между обоими государствами спорных вопросов по их существу до восстановления нормальных дипломатических отношений, я должен сделать следующее заявление: полагая вполне достижимым немедленное соглашение по формальным вопросам процедуры и тем самым скорейшее восстановление нормальных дипломатических отношений между обоими государствами, предлагаю снять все выдвинутые в меморандуме вопросы, касающиеся существа будущих переговоров и, во избежание дальнейших недоразумений, запротоколировать письменно согласие обеих стран вести дальнейшие переговоры исключительно в порядке установления процедуры. Советское правительство считает, что без осуществления этого условия дальнейшие переговоры невозможны и ввиду этого, согласно прежнего заяв-

ления НКВД, вопрос будет перенесен на разрешение Президиума ЦИКа.

Приложение № 2

ДИРЕКТИВА тов. ДОВГАЛЕВСКОМУ

1. По вопросу о пропаганде — Вы должны внести следующий проект протокола:

Обе стороны готовы на основе взаимности подтвердить формулировку договора 1924 г. по вопросу о пропаганде непосредственно после обмена послами.

2. В случае, если Гендерсон целиком примет наш список вопросов, или в том случае, если он снимет из своего меморандума все предложения по существу и обязуется новых предложений по существу не делать, то в этом случае мы согласны снять наше ультимативное требование в той части, где идет заявление о совместном протоколе и продолжить обсуждение **формальных** вопросов процедуры. Надо оговориться, что это не значит, что мы согласны со всеми формулированными Гендерсоном пунктами или даже с отдельными их формулировками.

3. Ввиду выяснившегося из Вашей телеграммы смысла, вкладываемого Гендерсоном во второй пункт, вчерашняя директива об этом пункте отменяется и предлагается Вам в крайнем случае согласиться на включение дополнительного пункта под заголовком: «О количестве консульств».

4. Формулировка Гендерсона о готовности приступить к возобновлению дипломатических отношений неприемлема; настаивайте на формулировке, изложенной в 1-ом пункте нашей инструкции, сохранив при этом предлагаемое Гендерсоном заглавие меморандума.

5. В Брайтон не ездить.

6. Устно разъяснить Гендерсону, в каких пунктах имеются попытки вовлечь в переговоры по существу, которые в основном указаны в Вашей шифровке.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 158, 160—163.

Примечания:

¹ Довгалецкий вручил меморандум Гендерсону 1 октября 1929 г. (ДВП. Т. XII. С. 525—528).

² Первое упоминание о «немедленной разработке проекта директив т. Довгалевскому по ведению переговоров о процедуре» содержится в решении ПБ от 5 сентября 1929 г. Неделю спустя, 12 сентября, ПБ постановило обсуждение проекта директив Довгалевскому отложить до 19 сентября. В тот же день ПБ решило передать указанный проект директив на рассмотрение комиссии в составе Рыкова (председатель), Бухарина, Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Литвинова, Довгалевского и закончить работу над

этим документом 20 сентября. 25 сентября ПБ поручило комиссии в составе Литвинова, Бухарина, Мануильского, Кагановича и Молотова отредактировать текст директивы Довгалеvскому на основе состоявшегося обмена мнениями (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 143, 149, 153, 159).

На утреннем и дневном заседаниях 26 сентября в Англии Довгалеvский не давал окончательных ответов на некоторые предложения Гендерсона, ожидая указаний из Москвы. Лишь 27 сентября, получив решение ПБ от 26 сентября (меморандум и директивы), Довгалеvский имел полную ясность о позиции ПБ по дискутируемым вопросам. Следующая встреча была назначена в г. Льюисе, между Лондоном и Брайтоном, на 1 октября (ДВП. Т. XII. С. 525—528).

№ 118

**Из протокола № 102
10 октября 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 29. Об англо-советском протоколе.

П о с т а н о в и л и :

Утвердить протокол Довгалеvского — Гендерсона от имени Совнаркома¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Горбунову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 178.

Примечание:

¹ 30 сентября 1929 г. ПБ приняло решение по поводу очередной телеграммы Довгалеvского, касающейся проекта протокола. В начале этого решения говорилось о том, что официальное заявление Лондона об арестованных в Москве двух бывших технических работников английской миссии в СССР — советских гражданах следует рассматривать как вмешательство во внутренние дела СССР и что со временем советское правительство «отнесется благожелательно к частному ходатайству англопосла». Далее в решении ПБ содержались: замечания к ряду пунктов проекта протокола; указания настойчиво добиваться принятия Гендерсоном советского проекта и завершить переговоры не позже 2 октября, «иначе придется их разорвать с мотивировкой в виде указанного меморандума» (от 26 сентября 1929 г.) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 168).

1 октября Довгалеvский, получив накануне решение ПБ от 30 сентября, телеграфировал в НКВД о завершении в г. Льюисе, работы по составлению проекта протокола: «Заседание началось передачей мною проекта протокола. Прения были очень тяжелые. Не раз было произнесено слово «разрыв». Гендерсон раздраженно жаловался на то, что его многочисленные уступки не встретили взаимности с моей стороны и что, вынудив его снять свой меморандум, я теперь привожу его к принятию целиком моего проекта». В конце концов после взаимных уступок стороны пришли к согласию. 2 октября текст протокола был подписан в Брайтоне Гендерсоном, а на следующий день переслан для подписи Довгалеvскому. Последний просил в упо-

мянутой выше телеграмме: «Срочно сообщите о согласии на подписание протокола, после чего выеду в Париж» (ДВП. Т. XII. С. 534—536). В тот же день в качестве решения ПБ была оформлена телеграмма Довгалеvскому следующего содержания: «После подписания протокола заявите Гендерсону, что ввиду опубликования Рейтером и англогазетами основного содержания протокола, притом с некоторыми неточностями, вызывающими кривотолки, а также ввиду понятного интереса нашей общественности к результатам переговоров, мы, к сожалению, не находим возможным задерживать опубликование протокола. Протелеграфируйте завтра же клером полный текст протокола» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 169). Опросом членов ПБ 2 октября «согласованный» Довгалеvским и Гендерсоном протокол был одобрен, в то же время советскому представителю было предложено настаивать (не ультимативно) на следующей заключительной фразе в конце протокола: «Настоящим вопросы, связанные с процедурой восстановления нормальных дипломатических отношений между Англией и СССР, считаются исчерпанными» (Там же. Л. 170). Гендерсон, уже подписавший документ, не согласился на новые дополнения.

Еще одно, третье по счету, решение ПБ опросом членов ПБ было принято 2 октября: принять предложение Довгалеvского о замене в п. 9 слов «обсужден в парламенте» словами «одобрен парламентом», использовав эту уступку для включения в протокол заключительной фразы (см. решение ПБ от 2 октября); оставить в силе решение о немедленном опубликовании документа; предложить Литвинову представить 2 октября проект интервью о результатах переговоров в Лондоне и ему же поручить составить совместно с Довгалеvским текст краткого заявления последнего для печати перед его отъездом в Париж (Там же. Л. 171).

Подписанный 3 октября Довгалеvским и Гендерсоном протокол относительно процедуры урегулирования спорных вопросов констатировал готовность правительств СССР и Англии, немедленно после возобновления дипломатических отношений в полном объеме, включая обмен послами, урегулировать путем переговоров все спорные вопросы. В протоколе был прописан механизм достижения указанных целей (ДВП. Т. XII. С. 537—538). 4 октября в советской прессе было опубликовано интервью Литвинова (текст интервью утвержден ПБ 3 октября) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 171), а 5 октября — заявление Довгалеvского корреспонденту ТАСС.

10 октября официальный Лондон сообщил в Москву, что британское правительство одобрило англо-советский протокол, и просил информировать его, одобрило ли его правительство СССР. 12 октября Литвинов уведомил британское правительство, что Совнарком утвердил упомянутый протокол 11 октября (ДВП. Т. XII. С. 557).

№ 119

Из протокола № 107
10 ноября 1929 г.

С л у ш а л и :

п. 47. Об Англии.

П о с т а н о в и л и :

Ответить сегодня же англичанам, что а) со стороны Совпра нет возражений против Ови, б) Совпра хотело бы знать — нет ли возражений со стороны Велпра против кандидатуры Каменева.

В случае возражений против кандидатуры т. Каменева выдвинуть кандидатуру т. Сокольников¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 6.

Примечание:

¹ Кандидатура Л.Б. Каменева в качестве полпреда СССР в Англии была намечена ПБ 20 октября 1929 г. Тем же решением Политбюро ЦК ВКП(б) поручалось наметить кандидатуру торгпреда в Англию (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 183).

11 ноября «корреспондент ТАСС» передал из Лондона следующее сообщение, озаглавленное «К слухам о назначении Каменева»: «Слухи о том, что возможно Каменев будет назначен советским послом в Лондоне, вызвали много комментариев в политических кругах. Политические деятели всех партий удивлены, многие сомневаются в достоверности этих слухов. Корреспондент ТАСС беседовал с многими членами либеральной фракции и фракции рабочей партии в палате общин. По общему мнению, кандидатура Каменева будет расценена, как провокационный и недружественный жест. Все, с кем только ни беседовал корреспондент ТАСС, напомнили, что в 1920 году Ллойд Джордж предложил Каменеву покинуть Англию, так как он лично был больше неприемлем в качестве представителя советского правительства. Хотя все эти заявления и были сделаны корреспонденту ТАСС, главным образом, рядовыми членами фракций, все же есть основание полагать, что правительство, зная общее настроение, будет вынуждено отклонить предложение кандидатуры Каменева, если таковое последует из Москвы».

Эта «корреспонденция», возможно, сочиненная в недрах НКВД СССР и изначально не предназначенная для опубликования в печати, была приложена к решению ПБ от 12 ноября, постановляющая часть которого гласила: «Ввиду вероятного отказа в агремане т. Каменеву (см. сообщение ТАСС), предложить теперь же кандидатуру т. Сокольников, не дожидаясь отказа» (Там же. Д. 8. Л. 6, 11).

№ 120

**Из протокола № 107
25 ноября 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 7. Об Англии (ПБ от 21.XI.29 г., пр. № 107, п. 42) (тт. Микоян, Литвинов, Сокольников, Сталин, Брюханов, Томский).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить предложенный комиссией проект директивы НКВД о переговорах с Англией (см. приложение)¹.

б) Предложить т. Сокольникову выехать в Лондон не позже 1-го декабря; секретарь полпредства и часть сотрудников должны выехать не позже 27 ноября.

в) Советником полпредства в Лондоне назначить т. Богомолова.

Первым секретарем полпредства назначить т. Олдфильда, вторым — т. Соколова.

Вопрос об остальных сотрудниках полпредства передать на рассмотрение Оргбюро.

г) Обязать т. Микояна временно предоставить помещение для полпредства в доме «Аркоса» в Лондоне с тем, чтобы к приезду т. Сокольникова оно было готово.

д) Вопрос о назначении торгпреда в Англии отложить, поручив т. Микояну наметить кандидата к следующему заседанию Политбюро.

е) Обязать комиссию по выработке правил конспирации в сношениях с полпредством в Англии в 24-часовой срок закончить свою работу².

Приложение

ДИРЕКТИВЫ НКВД О ПЕРЕГОВОРАХ С АНГЛИЕЙ

I. Отношение совпра к договорам, заключенным с английским правительством в 1924 г.

1) Заявить, что хотя договоры 1924 г., ввиду значительных экономических изменений, происшедших за истекший период, не удовлетворяют в данное время полностью совпра, тем не менее, стремясь к скорейшему разрешению спорных между обеими странами вопросов, совпра готово было бы теперь же признать оба договора 1924 г.

2) В случае заявления Гендерсона о неприемлемости для английского правительства означенных договоров без поправок и изменений, дело вести к тому, чтобы возлагая ответственность за отказ от принятия договоров 1924 г. в целом на англопра, оставить за собой право вносить существенные изменения и поправки в эти договора.

3) Предложить в первую очередь утвердить без поправок и изменений торговый договор, заключенный в 1924 г. При этом условию согласиться утвердить без изменений главу вторую «о рыбной ловле» «Общего договора», заключенного в 1924 г.

В случае, если английское правительство пожелает изменить торговый договор частично или полностью, заявить, во-первых, о наличии поправок с нашей стороны к этому договору и, во-вторых, снять уступки, сделанные нами в соглашении о рыбной ловле, в частности, по вопросу о 12-мильной полосе.

4) Согласиться утвердить первую главу «Общего договора», за исключением п. 4 ст. 3-й о сохранении в силе подписанного в Лондоне и С.-Петербурге 17/29 октября 1904 г. соглашения о денежных почтовых переводах.

II. О претензиях и контрпретензиях.

5) В случае внесения изменений английским правительством в договор 1924 г., например, в части, касающейся гарантий займа и пр., с нашей стороны внести следующие изменения:

а) К разряду претензий или контрпретензий, откладываемых рассмотрением (см. ст. 7-ую договора), кроме тех вопросов, которые включены в договор, отнести также претензии английских граждан к советскому государству о национализированной собственности, т.е. претензии, упомянутые в ст. 10-ой договора, в связи с чем ст. 10-ую исключить из договора 1924 г.

б) Что касается претензий по довоенным государственным долгам (см. ст. 6-ую договора) и претензий личного характера, предусмотренных ст. 8-ой договора, — оставить в основном в силе позицию договора 1924 г., при условии, что общая сумма погашения не превысит 120—130 млн. рублей и при условии реального получения нами займа в сумме 500 млн. руб. (частью на покупку товаров в Англии и частью валютой), или предоставление долгосрочного кредита в размере 1 миллиарда рублей сроком не менее чем на 10 лет.

б) Вопрос о том, выдвигаем ли мы сами схему получения кредитов и погашения претензий и в какой именно момент, или передаем инициативу в этом вопросе английской стороне, решить в зависимости от хода переговоров.

А. Микоян.

Выписки посланы: тт. Сокольникову и Москвину — «б», «в», «г», «д»; Литвинову — «б», «в», «г», «д», «е»; Ягоде — «е», Микояну — «г», «д», Кагановичу — «б», «в», «г», «д».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 4, 8—9.

Примечания:

¹ 21 ноября 1929 г. Политбюро поручило комиссии в составе Сталина, Томского, Литвинова, Сокольникова, Микояна и Брюханова разработать на основе обмена мнениями проект директив НКВД о переговорах с Англией и представить к заседанию ПБ 25 ноября. Упомянутой комиссии надлежало учесть предложения, выработанные комиссией Микояна. ПБ также поручило Ягоде и Литвинову «выработать правила сношений с нашим послом в Англии, которые гарантировали бы максимальную их конспиративность» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 6).

² 28 ноября 1929 г. ПБ приняло в окончательной редакции инструкцию о порядке сношений с полпредом в Англии (см. документ № 121).

Из протокола № 108
28 ноября 1929 г.

С л у ш а л и :

п. 40. О порядке сношений с полпредом в Англии (тт. Сталин, Ягода).

П о с т а н о в и л и :

Принять проект инструкции, предложенный т. Литвиновым, с добавлением пункта 12 из проекта т. Ягоды (см. приложение)¹.

Приложение

ИНСТРУКЦИЯ

Лондонскому полпредству по обеспечению секретности
документов и сношений
(Окончательная редакция)

1. Передача сообщений по телеграфу шифром или кодом не должна считаться достаточной гарантией сохранения передаваемого содержания в секрете. Предлагается поэтому ни в коем случае не передавать по телеграфу шифром таких сообщений или сведений, расшифрование которых могло бы компрометировать совпра или полпредство, хотя бы даже с буржуазной точки зрения, или же могло бы приносить государству вред. Строгое соблюдение этого правила остается на личной ответственности полпреда и руководителей НКИД.

2. Соответственно п. 1-му рекомендуется сноситься по секретным делам преимущественно при помощи дипкурьерской связи, прибегая по таким вопросам к телеграфной переписке лишь в самых исключительных случаях срочности. Особо секретные сообщения необходимо зашифровывать даже при пересылке диппочтой.

3. В некоторых случаях срочности сообщений рекомендуется, вместо прямой отсылки телеграмм из Лондона, передавать сообщения с курьерами в Берлинское полпредство для телеграфирования оттуда в Москву.

4. Обеспечить постоянную бдительную охрану секретных документов в полпредстве, возложив эту охрану на шифровальщиков.

5. Хранить в полпредстве лишь самое незначительное количество секретных документов, необходимых для текущей работы. Все остальное необходимо уничтожать или отсылать в архив НКИД.

6. За личной ответственностью полпреда и руководителей НКИД не должно быть допускаемо использование шифроаппарата НКИД и торгпредства, а также дипкурьерской связи для нужд ИККИ, Профинтерна, МОПРа и т. п. организаций.

7. Запретить прием каких бы то ни было сотрудников на месте (не исключая должностей курьеров, дворников, швейцаров, уборщиц и личной прислуги). Исключение допускается лишь с предварительного разрешения Москвы.

8. У всех несгораемых шкафов, бывших ранее в употреблении в Лондоне, должны быть переделаны замки и ключи, по возможности в Москве. Все помещения полпредства должны быть периодически обследуемы на предмет выявления микрофонов.

9. Запретить вынесение на собрание ячейки или бюро ячейки дел, относящихся к оперативным и вообще секретной работе полпредства.

10. Считать недопустимым хранение секретных бумаг на личных квартирах полпреда и сотрудников, даже в том случае, если эти квартиры находятся внутри экстерриториальных помещений.

11. Чаще практиковать вызов в Москву полпреда или секретаря посольства для дачи им личных директив.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 16, 20—21.

Примечание:

¹ Пункт 12 в документе отсутствует.

№ 122

**Из протокола № 108
3 декабря 1929 г.**

С л у ш а л и :

п. 72. О тов. Чичерине¹.

П о с т а н о в и л и :

Ввиду сообщения т. Чичерина и пользующих его врачей, что состояние здоровья позволяет ему выехать в Москву лишь после четырехнедельной подготовки к переезду, максимально ускорить приезд т. Чичерина в Москву. Принять необходимые меры по врачебной линии как к подготовке т. Чичерина к переезду, так и организации самого переезда. Поручить тт. Енукидзе и Карахану принять меры к устройству пребывания и лечения т. Чичерина в СССР.

Выписки посланы: тт. Енукидзе, Карахану.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 16.

Примечание:

¹ В 1928 г., серьезно заболев, нарком иностранных дел Чичерин выехал в Германию для лечения. В июле 1930 г. он подал в отставку. Внешнеполитическое ведомство СССР возглавил его заместитель М.М.Литвинов.

Из протокола № 108
5 декабря 1929 г.

Слушали:

п. 7. Об Англии (т. Литвинов).

Постановили:

Принять предложение НКИД об инструктировании т. Сокольникова в том смысле, что он ведет переговоры с Гендерсоном в плоскости формального признания со стороны доминионов факта существования официальных отношений между ними и СССР и допущения к ним наших торгпредств¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 13.

Примечание:

¹ 28 ноября 1929 г. британское правительство направило в НКИД меморандум, в котором содержались три приложения «А» — проект ноты, предназначенной для вручения английским послом в Москве НКИД; «В» — проект ноты для передачи советскому полпреду в Лондоне министром иностранных дел Англии; «С» — проект ноты английского посла в Москве для вручения наркому иностранных дел СССР. Правительство Великобритании извещало в приложении «С» советское правительство о согласии правительств Канады, Австралийского Союза, Новой Зеландии, Южно-Африканского союза, Ирландского Свободного государства и Ньюфаундленда распространить на взаимоотношение между этими доминионами и СССР обязательства, изложенные в ст. 16 общего договора, подписанного 8 августа 1924 г между СССР и Великобританией. Эта статья гласила: «Договаривающиеся стороны торжественно заявляют о своем желании и намерении жить друг с другом в мире и дружбе, тщательно уважать неоспоримое право Государства в пределах своей собственной юрисдикции ... свою жизнь по своему усмотрению, воздерживаться и удерживать все лица и организации, находящиеся под их прямым и косвенным контролем, включая организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от какого-либо акта, явного или скрытого, могущего каким-либо образом создать опасность для спокойствия или благополучия какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Британской Империи или имеющего цель обострить отношения Союза или Британской Империи с их соседями или с какими-либо иными странами» (ДВП. Т. VII. С. 623).

Однако соответствующая нота (приложение «С») не была вручена НКИД. В своем меморандуме от 1 декабря советское правительство предложило обменяться подобными нотами с каждым доминионом в отдельности по установлению с ним дипломатических отношений. В ноте от 7 декабря официальный Лондон подтвердил свою позицию: после того как английский посол приступит к исполнению своих обязанностей, отношения между правительствами доминионов и советским правительством будут осуществляться в соответствии с обычной практикой, применяемой в слу-

чаях, когда какой-либо доминион не имеет своего представительства в столице, т. е. через посредство посла» (Там же. Т. XII. С. 598—601, 768, 769).

13 декабря советнику полпредства СССР Богомолу был передан проект британской ноты о распространении действия ст. 16 на каждый из доминионов в отдельности (Там же. С. 651—652). В телеграмме в Лондон от 15 декабря Литвинов разъяснял позицию советского руководства: не может быть обмена обязательствами со странами, не установившими с СССР отношений; поскольку решение Лондона о восстановлении отношений не связывает доминионы и последние оставляют за собой свободу действий в этом вопросе, за Москвой также должна быть оставлена свобода решения — с кем из них и на каких условиях возобновить отношения; другие страны представлены в доминионах консулами, СССР пока требует лишь торгпредств и то не везде; СССР готов «обменяться обязательствами с доминионами немедленно по восстановлении отношений с ними» (Там же. Л. 657). Телеграмма Литвинова была получена в Лондоне уже после встречи Сокольников с Гендерсоном и, таким образом, полпреду не удалось полностью выполнить директиву Москвы.

20 декабря ПБ решило: «Поставить на вид т. Сокольникову нарушение данной Политбюро совершенно категорической директивы по поводу предложения Гендерсона о нашем заявлении по вопросу о пропаганде в доминионах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 26). В тот же день Сокольников в ноте Гендерсону сообщил, что как только правительство какого-либо из доминионов урегулирует свои отношения с СССР, советское правительство «будет готово повторить обязательство», изложенное в ст. 16 договора от 8 августа 1924 г. в особом обмене нотами с этими доминионами. В ответной ноте от 20 декабря Гендерсон информировал, что позиция правительства СССР сообщена «правительствам Его Величества» в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканском Союзе, Ирландском Свободном Государстве и Ньюфаундленде и по поручению этих правительств министр иностранных дел Великобритании заявил, что каждый из них будет рассматривать содержащееся в ст. 16 договора 1924 г. обязательство «как имеющее полную силу и действие между ними и правительством СССР» (ДВП. Т. XII. С. 667; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 46. P. 62). Вопрос об обмене обязательствами с британскими доминионами фактически был исчерпан в результате обмена согласованными текстами нот при вручении верительных грамот 20 декабря в Лондоне и 21 декабря в Москве. Как отмечал Литвинов в телеграмме Сокольникову 21 декабря относительно заявления премьер-министра Австралии Скалина о готовности принять советского дипломатического представителя: «Мы предпочитаем вести переговоры с каждым доминионом в отдельности, хотя бы через Гендерсона, но не со всеми вместе» (Там же. С. 671).

Новые тенденции в европейской политике советского руководства обозначились на рубеже 20—30-х годов. Во многом это было вызвано мировым экономическим кризисом и кардинальными изменениями в советской внутренней политике. Развернутая в 1929—1930 гг. насильственная коллективизация фактически привела к гражданской войне. Крестьяне ответили на нее восстаниями, убийствами местных руководителей. Всего в 1930 г. ОГПУ зафиксировало 13754 массовых крестьянских выступлений, в которых принимали участие 2,5 млн. человек*. Удерживать ситуацию под контролем правительство смогло только применяя массовый террор. Сотни тысяч крестьян были отправлены в лагеря и трудовые поселения в Сибири и на Севере, тысячи расстреляны. Под удар коллективизации попали иностранные подданные, а также представители этнических меньшинств (прежде всего, немцы), которые хотя и являлись советскими гражданами, имели определенные связи со своей исторической родиной. Это обстоятельство вызвало сильную антисоветскую кампанию в Германии. Многие страны резко отреагировали на известия о массовом закрытии церквей и преследовании священников и верующих различных конфессий, которыми сопровождалась коллективизация.

Обострение внешнеполитической ситуации советское руководство старалось погасить при помощи развития экономических отношений с Западом. Массовые закупки оборудования за рубежом составляли основу концепции советской индустриализации. Мировой кризис советские руководители рассматривали как фактор, способствующий осуществлению этих планов. Действительно, стремление СССР резко активизировать внешнеэкономические связи находило отклик в Западной Европе.

Переговоры о расширении торговли и заключении торгового соглашения были самым успешным направлением во взаимоотношениях СССР и Великобритании после восстановления в 1929 г. дипломатических отношений. Британская сторона в условиях кризиса была готова закрыть глаза на медленный прогресс переговоров о долгах, советской пропаганде и т.п. Советское руководство старалось усилить интерес Великобритании к расши-

* Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2 / Под ред. В.П. Данилова и др. М., 2000. С. 787—789.

рению экономических контактов, заявляя о намерении разместить заказы на значительную сумму.

Экономические расчеты были также одной из важных причин энергичных попыток преодолеть политические трения с Германией. Советское руководство было серьезно обеспокоено возможностью отхода от курса Рапалло на волне обострения внутриполитической борьбы в Германии и нарастанием двусторонних проблем, связанных с насилием по отношению к советским немцам и германским подданным, проживающим в СССР. Советские лидеры требовали от Германии четких заявлений о стабильности отношений. Добиваясь от германского правительства специального заявления, Политбюро в своем решении специально выделило пункт о необходимости упоминания в таком заявлении о Рапалло (см. документ № 101). Как показывают публикуемые документы, в 1930 г. Политбюро старалось принимать достаточно взвешенные решения по советско-германским отношениям, было склонно к компромиссам. Об этом свидетельствовала и сессия советско-германской согласительной комиссии, работе которой Политбюро уделяло особое внимание. Оценивая советские предложения по итогам сессии комиссии, утвержденные Политбюро (см. документ № 133), Литвинов писал временному поверенному в делах СССР в Германии: «В общем немцы получают по некоторым своим требованиям гораздо больше, чем мы сами предвидели»*. Политическое урегулирование было предпосылкой для расширения импорта из Германии и получения для этого значительных германских кредитов.

Расширение экономических связей в этот период было также основой улучшения советско-итальянских отношений. 2 августа 1930 г. было подписано соглашение между СССР и Италией о закупках продуктов итальянской промышленности на условиях благоприятствования**. Советское руководство рассматривало эту договоренность в качестве важного прецедента, на основе которого можно будет добиваться соглашений с другими государствами. В одном из писем Молотову Сталин оценил этот факт так: «Договор с Италией — плюс. За ней потянется Германия»***. Политической предпосылкой сближения с Италией было обострение отношений как со стороны Италии, так и со стороны СССР с Францией.

Многочисленными конфликтами с Францией Политбюро занималось на протяжении всего 1930 г. Французские суды в этот период принимали решения об удовлетворении исков отдельных

* ДВП. Т. XIII. С. 389.

** Там же. С. 439—441.

*** Письма Сталина Молотову. 1926—1935. М., 1995. С. 194.

граждан (необоснованных с точки зрения советской стороны) к советскому торгпредству во Франции, что создавало нежелательные для СССР прецеденты. Острый конфликт возник в связи с похищением агентами ОГПУ руководителя РОВС генерала Кутепова. В СССР (и в ряде других стран) вызывал подозрение выдвинутый Францией план пан-Европы. Руководство Франции достаточно холодно относилось к идее расширения экономических связей с СССР до достижения каких-либо соглашений по дореволюционным долгам. Эта проблема была особенно актуальной для Франции, многие граждане которой потеряли деньги в русских бумагах. В довершение ко всему на волне кампании против советского демпинга и применения в СССР принудительного труда для производства дешевых экспортных товаров Франция ввела 3 октября 1930 г. ограничения на советский экспорт. Ответ СССР был резким. ПБ приняло ряд решений аналогичного характера (см. документы № 137, 138). А вскоре на процессе по делу так называемой «промпартии» советские власти фактически официально обвинили французские правящие круги в подготовке интервенции против СССР. По решению Политбюро в секретном порядке до французской стороны были доведены обвинения в шпионаже против нескольких работников французского посольства в Москве*. Все это вызывало резкие протесты французского правительства и еще больше ухудшило отношения между СССР и Францией.

Однако эти события знаменовали собой определенный переломный рубеж, после которого наметилось некоторое позитивное продвижение в контактах СССР и Франции. После достигнутой в конце апреля — начале мая 1931 г. договоренности, начались одновременные переговоры о пакте о ненападении, временном торговом соглашении и заказах и кредитах. Хотя переговоры проходили трудно и временами буксовали, они принесли определенные плоды. Был парафирован, а затем подписан советско-французский пакт о ненападении, переговоры о торговом соглашении привели к взаимной отмене дискриминационных декретов 1930 г. (см. документы № 157—159). Тем самым был сделан важный шаг к советско-французскому сближению. Как показывают публикуемые документы, советско-французские отношения занимали значительное место во внешнеполитической деятельности Политбюро.

Переговоры с Францией активизировали вяло текущие польско-советские контакты. Под определенным давлением со стороны Франции, с которой Польша имела особые отношения, польские представители начали зондаж по поводу возможности во-

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д 9. Л. 93, 96, 97; ДВП. Т. XIII. С. 734—735.

зобновления советско-польских переговоров о заключении пакта о ненападении.

За советско-французско-польскими контактами с настороженностью следили в Германии. Немецкие газеты, во многом отражая позицию правительства, обвиняли СССР в готовности пойти на уступки Франции и Польше за счет Германии. Особое беспокойство у германского руководства вызывала возможная перспектива появления в советско-польском договоре статьи о гарантии неприкосновенности границ. Руководство НКВД считало заключение договора с Польшей нецелесообразным, прежде всего потому, что это могло поставить под удар советско-германские отношения при неясных перспективах переговоров с Францией. Свою позицию Литвинов объяснял Кагановичу (а тот написал об этом Сталину) так: «Мы [...] сейчас танцуем на германской ноге, поскольку с французами ничего пока нет»*. Исходя из этого, в ответ на сообщения информационных агентств о начавшихся советско-польских переговорах НКВД дал самые категорические опровержения.

Такая линия поведения НКВД была продолжением политики, которой придерживалось советское руководство в предыдущие годы. Сближение с Германией традиционно оставалось приоритетным направлением в советской европейской политике. Советско-французские отношения до некоторого момента складывались не лучшим образом, не говоря уже о Польше, с которой в силу многочисленных, в том числе исторических, причин СССР периодически вступал в конфронтацию по разным поводам.

Однако в августе 1931 г. Сталин решил совершить определенную переориентацию советской европейской политики, сигналом чего стали споры по поводу заключения договора с Польшей. 30 августа 1931 г. Политбюро сделало руководству НКВД выговор по поводу самовольного опровержения сообщений о переговорах с поляками (см. документ № 164). В тот же день Сталин, находившийся в отпуске на юге, отправил в Москву Кагановичу письмо, из которого следовало, что решение Политбюро не было случайной акцией, призванной пресечь нарушение субординации, а имело более глубокие мотивы. «Почему не сообщаете ничего о польском проекте пакта (о ненападении), переданном Патеком Литвинову? — запрашивал Сталин. — Дело это очень важное, почти решающее (на ближайшие 2—3 года) вопрос о мире, и я боюсь, что Литвинов, поддавшись давлению т[ак] наз[ываемого] «общественного мнения», сведет его к пустышке

* РГАСПИ. Личный архив Кагановича (письмо Кагановича Сталину от 16 сентября 1931 г.); Ф. 558. Оп. 11. Д. 739. Л. 122.

Обратите на это дело серьезное внимание, пусть ПБ возьмет его под специальное наблюдение и постарается довести его до конца всеми допустимыми мерами. Было бы смешно, если бы мы поддались в этом деле общемещанскому поветрию «антиполонизма», забыв хотя бы на минуту о коренных интересах революции и социалистического строительства»*. Получив проект Патека, Сталин дал категорическое указание начать переговоры с Польшей. В письме Кагановичу от 7 сентября он обвинил Карахана и Литвинова в том, что, уклоняясь от переговоров, они «допустили грубую ошибку, для ликвидации которой необходимо более или менее продолжительное время»**. После недолгого сопротивления Литвинова, который продолжал настаивать на нецелесообразности заключения пакта с Польшей, 20 сентября было принято окончательное решение — форсировать переговоры (см. документ № 167).

Улавливая настроения Сталина, Каганович в письмах к нему начал регулярно обвинять руководство НКВД в «германофильстве». «Они [руководители НКВД — О.Х.] не учитывают, что у нас сейчас нет такой обстановки, которая вынуждала бы нас забежать перед Германией, скорее она в нас сейчас больше всего нуждается, что Германия нуждается сейчас больше, чем в другое время, в мирных отношениях с нами как с точки зрения экономической, так и политической. Не надо этим злоупотреблять, но и забежать нам бы не следовало», — писал Каганович Сталину 11 сентября 1931 г.***

Значительное влияние на советскую внешнюю политику оказывал кризис внешнеторгового баланса. Если в 1930 г. импорт лишь незначительно превосходил экспорт, то в первые шесть месяцев 1931 г. импорт приближался к 517 млн. золотых рублей, а экспорт составлял менее 366 млн.**** 20 июля 1931 г. Политбюро создало комиссию для рассмотрения этой проблемы и поиска путей сокращения внешнего долга*****. Баланс внешней торговли демонстрировал значительный дефицит в каждом квартале вплоть до июля—октября 1932 г. В этих условиях советское руководство, с одной стороны, старалось сократить импорт, а с другой — увеличить экспорт. Важнейшей задачей советской внешней политики было улучшение условий как для импорта, так и для экспорта в западных странах.

* РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 12.

** Там же. Л. 21—22.

*** Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 739. Л. 97.

**** См.: Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933. Basingstoke. 1996. P. 22—24, 536.

***** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 122.

Напряженные переговоры по этому поводу, как видно из публикуемых документов, велись с Германией, Италией, Францией. Советское руководство под напором внутреннего кризиса занимало жесткие позиции, не останавливаясь перед угрозой сокращения торговли, как это, например, предлагал Сталин в отношении Италии (см. документ № 163). Преодолевая барьеры на пути межправительственных торговых переговоров, советское руководство в этот период широко использовало обходную тактику прямой апелляции к западным предпринимателям, обещая им выгодные заказы в случае прогресса общих переговоров.

Вместе с тем советское правительство сталкивалось с все более решительными встречными требованиями о сбалансировании экспорта и импорта. В 1932 г. Политбюро много занималось торговыми отношениями с Италией, пытаясь противостоять требованиям итальянского правительства об изменении условий кредитов и выплат. Несмотря на большую активность советской стороны, поездки делегаций и т.п., соглашения достичь не удалось.

Решительно требовало уступок для сбалансирования торгового оборота также английское правительство. Политбюро неоднократно занималось этим вопросом, выдвигало новые предложения о расширении советских закупок. Однако переговоры также закончились провалом и денонсацией временного торгового соглашения от 16 апреля 1930 г.

Кризис советской внешней торговли был составной частью более широкого и невероятно тяжелого социально-экономического кризиса, пик которого пришелся на конец 1932 — первую половину 1933 г. Голод, унесший несколько миллионов жизней, деградация сельского хозяйства и падение промышленного производства, нарастание социальной напряженности существенно подрывали обороноспособность и внешнеполитические позиции СССР. Нарастание внутреннего кризиса было особенно ощутимым в связи с усилением реальной военной угрозы на Дальнем Востоке, нарастанием фашизации Германии.

Все это заставляло сталинское руководство вести более активную европейскую политику, использовать все возможности для укрепления безопасности на западных границах. Несмотря на некорректную форму приглашения, СССР принял участие в работе комиссии по изучению вопроса о европейском союзе (см. документы № 140, 149, 154). Серьезное внимание, как видно из протоколов, ПБ уделяло участию в конференции по сокращению и ограничению вооружений.

Выход Германии из Лиги Наций и конференции по разоружению, вызвавшие усиление настроений в пользу сближения с СССР во Франции и Польше, прогресс в переговорах об уста-

новлении дипломатических отношений с США, которому в определенной мере способствовала общая позиция советского и американского правительств в отношении агрессивных планов Японии, создавали предпосылки для изменения внешнеполитического курса советского руководства. Тем более, что 1933 г. был отмечен резким нарастанием конфликтов с новым нацистским правительством Германии, которыми регулярно занималось Политбюро. Однако, прежде чем эти изменения стали реальным фактом, в течение нескольких месяцев продолжались дипломатические игры и прояснение позиций.

Для этого, как видно из публикуемых документов, советское руководство использовало серию визитов Литвинова в европейские столицы, связанных с его поездкой в США. Как следует из директив, данных Политбюро Литвинову, в Москве еще присматривались к новой ситуации и предпочитали балансировать между различными силами. Следуя указанию ограничиться в Берлине «беседой в тоне, дающем им понять, что мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений» (см. документ № 203), Литвинов 28 октября 1933 г. заявил министру иностранных дел Германии Нейрату, что советское «расположение к Франции и Польше будет повышаться по мере роста любви Германии к ним»*. Однако вскоре советское руководство приняло кардинальное решение о вступлении в Лигу Наций и сближении с Францией, открывшее новый этап в истории советской внешней политики.

О.В. Хлевнюк

* ДВП. Т. XVI. С. 591.

**Из протокола № 113
15 января 1930 г.**

Слушали:

п. 14. Об Англии (т. Литвинов)¹.

Постановили:

Утвердить с поправками предложенный т. Литвиновым проект постановления (см. приложение).

Приложение

ОБ АНГЛИИ

1. В ответ на меморандум Гендерсона² отметить неправильность формальных ссылок на отдельные статьи общего договора, устранение которых не представляло бы затруднений и не меняло бы ни в какой мере существа общего договора 1924 г. Указать на то, что несмотря на сомнительность, с нашей точки зрения, некоторых пунктов договора 1924 г., мы могли бы, однако, возобновить этот договор (достижение скорейшего соглашения). Возложить ответственность на английское правительство за отклонение договора 1924 г., подчеркнув, что в виду связи, существовавшей между отдельными частями общего договора, союзное правительство не может считать себя связанным какими бы то ни было статьями этого договора при разрозненном обсуждении их.

2. Выразить сожаление по поводу отказа Гендерсона от заключения торгового договора и от создания необходимых условий для развития экономических отношений между обеими странами. Идя навстречу английскому правительству, согласиться на заключение временного соглашения и вручить проект такого соглашения, основанного на сокращении без ущерба для наших интересов посланного т. Сокольникову проекта торгового договора.

3. Отклонить отдельное обсуждение и соглашение по ст. 15 общего договора³.

4. Согласиться на параллельное обсуждение пункта 5 протокола⁴ (о дореволюционных договорах и соглашениях).

5. Не приступать к вызову экспертов и комиссионному обсуждению пункта 3 протокола (о претензиях и контрпретензиях) до выяснения непосредственными переговорами т. Сокольникова с Гендерсоном объема и пределов данного вопроса.

6. Иметь в виду, что мы не должны дать англичанам втянуть нас в обсуждение принципиальных вопросов (долги, претензии и

т.п.) договора 1924 г. при рассмотрении временного торгового соглашения⁵.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 40, 47.

Примечания:

¹ О начале англо-советских переговоров после восстановления дипломатических отношений см. документ № 117.

² Имеется в виду британский меморандум от 6 января 1930 г. (ДВП. Т. XIII. С. 46—48; DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 53. P. 78—81).

³ Статья 15-я общего договора между СССР и Великобританией от 8 августа 1924 г. предусматривала, что «документы и бумаги всякого рода», которые к 1 ноября 1917 г. принадлежали гражданам каждой из сторон, были изъяты и находились под контролем правительства или общественных учреждений другой стороны, «будут возвращены собственникам или назначенным ими представителям в течение двух месяцев со дня, когда об этом будет заявлена просьба» (ДВП. Т. VII. С. 623).

⁴ Имеется в виду протокол от 3 октября 1929 г. о порядке урегулирования спорных вопросов (см. документы № 117, 118).

⁵ На основе этого постановления Политбюро был составлен ответный меморандум, направленный в Форин Оффис 25 января (DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 58. P. 86—88).

№ 125

Из протокола № 117 15 февраля 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 12. Об Англии (ПБ от 10.II.30 г., пр. № 117, п. 40) (тт. Литвинов, Куйбышев, Хинчук).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить предложенный комиссией¹ проект постановления:

Предложить тов. Сокольникову, в связи с постановлением Палаты Общин об англо-советской торговле², заявить Гендерсону о наличии в руках советских организаций портфеля заказов к немедленному размещению на английских заводах на сумму около 15 млн. фунт. стерл. с поставкой в течение года, из них: черных металлов, примерно, на 2,5 м. ф. ст.; оборудования для разных отраслей промышленности, в частности, химической, электротехнической, электростроительства, металлургической и машиностроительной промышленности, а также станков на сумму около 7,5 млн. фунт. ст.; траллеров на сумму около

1 млн. ф. ст. и судов морских и речных на сумму около 3 млн. фунт. стерлингов.

Кроме того сельдей на сумму около 300—600 тыс. ф. ст., а также усиление покупки в Англии реэкспортных товаров (шерсть, джут, цветные металлы, чай и пр.) на сумму около 4 млн. ф. ст.

Минимальные условия кредита

По черным металлам	средний кредит	—	18 мес.
"	промышленному оборудованию	→	30 "
"	траллерам	—	36 "
"	судам	—	5 лет
"	сельдям	—	2 года
"	биржевым товарам	—	6 мес.

Сроки кредита исчисляются с момента фактической поставки.

Хозяйственные органы Союза теперь уже заняты распределением своих заказов по странам, и им поэтому необходимо теперь же знать, в какой мере они могут рассчитывать на соответствующие условия для размещения заказов в Англии.

Тов. Сокольников от себя должен добавить, что советские хозорганы указывают на значительное ухудшение в Англии условий кредита и цен за последнее время, даже по сравнению с периодом до восстановления отношений, и он опасается, что если не будет изменено отношение английских фирм и банков к англо-советской торговле, то многие заказы, которые могли бы быть размещены в Англии, могут оказаться размещенными в других странах.

Тов. Сокольников, озабоченный подведением прочной экономической базы под восстановленные англо-советские отношения, обращается к Гендерсону за советом, каким образом могут быть обеспечены соответственные условия для размещения в Англии имеющихся заказов, тем более, что решение Палаты Общин он — Сокольников понял в том смысле, что английское правительство интересуется усилением советских заказов в Англии.

Тт. Сокольникову и Брону иметь в виду, что мы не возражаем, чтобы цифры возможных заказов, названные ими при переговорах с Гендерсоном, стали достоянием заинтересованных деловых и парламентских кругов Англии³.

б) По вопросу о рыболовном соглашении предложить НКВД принять формулу о заключении временного *modus vivendi*⁴.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Микояну.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 76, 77.

Примечания:

¹ 10 февраля 1930 г. по предложению Сталина комиссии в составе Микояна, Куйбышева и Литвинова было поручено представить к 15 февраля

проект предложений по вопросу о торговле с Англией (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 78).

² 5 февраля 1930 г. палата общин приняла резолюцию, в которой английскому правительству рекомендовалось развивать торговлю с СССР. На следующий день об этом сообщили советские газеты.

³ 17 февраля 1930 г. этот пункт постановления ПБ было сообщен Литвиновым в письме Сокольникову (ДВП. Т. XIII. С. 91—92). 26 марта Сокольников при личной встрече проинформировал Гендерсона о возможных заказах (Там же. С. 168).

⁴ Временное соглашение о рыболовстве между СССР и Великобританией было заключено 22 мая 1930 г. (текст соглашения см.: Там же. С. 285—287; DBFP. Second Series. Vol. VII. Appendix I. P. 746).

№ 126

Из протокола № 120 15 марта 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 5. Об Англии (тт. Литвинов, Микоян).

П о с т а н о в и л и :

а) Передать вопрос об участии в смешанной комиссии по претензиям и контрпретензиям в комиссию в составе тт. Молотова, Рыкова и Литвинова, предложив НКВД представить в комиссию свои конкретные предложения (в устной форме). Срок работы комиссии — 20.III. с.г.¹

Созыв комиссии за т. Рыковым.

б) Считать нецелесообразным предъявление формального протеста в связи с разрешением английским правительством антисоветских богослужений и проповедей.

в) Предрешить организацию демонстраций в Москве, Ленинграде, Харькове и других городах после совершения антисоветских богослужений в Англии (16.III. с. г.), а также коллективные и индивидуальные выступления научных работников и др. слоев интеллигенции в СССР — с протестами против антисоветской кампании в Англии².

Выписки посланы: тт. Литвинову — все; Молотову, Рыкову — «а»; Бауману, Кирову, Косиору, Каминскому — «в».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 111.

Примечания:

¹ См. документ № 127.

² Речь идет о кампании в защиту верующих, преследуемых в СССР, организованной в начале 1930 г. по призыву папы Пия XI. Активными сторонниками этой кампании были высшие церковные иерархи Англии. В

СССР была организована контркампания — митинги и демонстрации в крупных городах, сбор средств на постройку самолетов «Наш ответ папе Римскому» и т. п.

№ 127

**Из протокола № 121
20 марта 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 36. Об Англии (ПБ от 15.III.30 г., пр. № 120, п. 5-а)
(тт. Рыков, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять с поправками предложенный комиссией¹ текст телеграммы т. Сокольникову (см. приложение).

б) Вопрос о составе экспертов отложить до 25.III. с.г., поручив тт. Москвину и Литвинову представить кандидатуры².

Приложение

Телеграмма тов. Сокольникову

1. Тов. Сокольникову заявить Гендерсону в ответном меморандуме, что согласно Октябрьского Протокола, переговоры должны вестись непосредственно между английским министром иностранных дел и советским полпредом³ и что лишь в случае необходимости могут быть созданы им в помощь комиссии экспертов. Сосредоточение переговоров в комиссиях отнюдь не имелось в виду при подписании Протокола и этому Протоколу противоречит. В общем договоре 1924 года решено было создать смешанную комиссию лишь после того, как путем многомесячных переговоров между представителями правительств была выработана некоторая база соглашения, которая должна была служить основой для работ комиссии⁴. Эта база в настоящее время отклонена английским правительством, вследствие чего работа в комиссии будет крайне затруднена. Тем не менее, идя навстречу выраженному г. Гендерсоном желанию о немедленном назначении Комиссии, Союзное правительство готово согласиться на создание одной комиссии и теперь же назвать своих экспертов, в количестве 5 человек. Ввиду, однако, отсутствия какой-либо предварительно выработанной базы соглашения, Союзное правительство не может согласиться на отдельное рассмотрение частных и межправительственных претензий и может согласиться лишь на передачу Комиссии на изучение всех видов взаимных претензий. Сокольников должен подчеркнуть, что Октябрьский Протокол предусматривает переговоры по всем претензиям и контрпретензиям, не делая никакого различия между ними, ввиду чего Совпра

считает, что предложение Гендерсона о выделении частных претензий не соответствует Октябрьскому Протоколу.

2. В случае указания Гендерсона на техническую трудность одновременного рассмотрения всех претензий в одной комиссии, Сокольников может согласиться на образование нескольких подкомиссий.

3. Как при переговорах с Гендерсоном, так и в ходе работ комиссии, т. Сокольников и советские члены комиссии ни в коем случае не должны соглашаться на принципиальное признание каких бы то ни было претензий, причем они должны сводить работу комиссии и подкомиссий к проверке, подсчету и цифровой оценке всех претензий и контрпретензий обеих сторон, обязательно включая изучение советских контрпретензий по интервенции⁵.

Выписки посланы: т. Литвинову — все, т. Москвину — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 120, 127, 128.

Примечания:

¹ См. примечание 1 к документу № 125.

² 25 марта 1930 г. ПБ утвердило состав группы экспертов во главе с Е.А.Преображенским для участия в смешанной комиссии по претензиям и контрпретензиям. ПБ поручило Литвинову организовать совещание делегации экспертов с членами ПБ после того, как этот состав экспертов будет принят английской стороной (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 118).

³ См. примечание 4 к документу № 124.

⁴ Об англо-советском договоре от 8 августа 1924 г. см. документы № 11, 12, 14.

⁵ См. документ № 126. Публикуемое решение ПБ было сообщено Литвиновым Сокольникову в телеграмме от 20 марта 1930 г. (ДВП. Т. XIII. С. 159—160). Соответствующий меморандум правительства СССР правительству Великобритании был направлен советским полпредством министру иностранных дел Великобритании 31 марта 1930 г. (Текст меморандума см.: Там же. С. 181—182). Смысл этого решения Литвинов объяснял в письме Сокольникову от 22 марта 1930 г.: «Полагаю, что наши последние предложения [...] в случае полного принятия их Гендерсоном, выведут на некоторое время нас и Гендерсона из затруднительного положения. Поскольку Гендерсон не соглашается на противопоставление наших государственных контрпретензий по интервенции английским претензиям по национализированной собственности, не остается ничего другого, как бросить все претензии без всякого исключения в один котел... Центр тяжести наших новых предложений состоит, однако, в том, что мы предлагаем комиссии заниматься не отысканием базы соглашения, а лишь коммерческой бухгалтерской проверкой претензий по существу, подсчетом и оценкой каждой отдельной претензии и всех их в совокупности по отдельным категориям» (Там же. С. 163—164). 16 апреля 1930 г. Сокольников и Гендерсон подписали временный торговый договор (DBFP. Second Series. Vol. VII. Appendix I. P. 751—752). 20 июня 1930 г. ПБ утвердило директивы для советских экс-

пертов в Англии, которые включали список советских претензий и контр-претензий и их размещение по комиссиям (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 168, 174).

№ 128

**Из протокола № 124
25 апреля 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 4. О Германии (тт. Литвинов, Менжинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Считать нецелесообразным ведение с немцами каких-либо переговоров по мелким вопросам до тех пор, пока они не поставят на рассмотрение основные вопросы¹.

б) Дать директиву ОГПУ не применять особых строгостей к немцам в тех случаях, которые указываются НКВД в его сообщении.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Менжинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 136.

Примечание:

¹ В марте—апреле 1930 г. состоялась серия встреч полпреда СССР в Германии с министром иностранных дел Германии Курциусом, на которых обсуждалось обострение советско-германских отношений. Германская сторона выдвигала претензии по поводу активизации коммунистического движения в Германии и требовала, чтобы советское руководство повлияло в этом отношении на германскую компартию, а также высказывала обеспокоенность в связи с репрессиями против советских немцев (крестьян и священников) в ходе коллективизации. Поскольку вокруг этих проблем в Германии велась активная антисоветская кампания, советское правительство требовало, чтобы германское правительство выступило с заявлением в духе продолжения рапалльской политики. Советское руководство делало также особый акцент на проблемах, препятствующих расширению экономических связей между двумя странами. Курциус считал нужным путем переговоров урегулировать вопрос о германских претензиях, а затем, на этом благоприятном фоне, сделать требуемое заявление о советско-германских отношениях (ДВП. Т. XIII. С. 182—183, 202—207; Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1925—1933. Екатеринбург; М., 1997. С. 171—181, 188—192).

№ 129

**Из протокола № 124
25 апреля 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 7. Об. Англии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Дать директиву т. Сокольникову о том, чтобы он настаивал на переименовании 2-ой подкомиссии в подкомиссию по рассмотрению послевоенных претензий, со включением в эту подкомиссию и претензий по национализированной собственности и наших частных претензий по интервенции¹.

б) Не возражать против приезда в СССР английских лейбористов и либералов в качестве туристов.

Выписки посланы: т. Литвинову, Менжинскому — б².

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 136.

Примечания:

¹ См. примечание 5 к документу № 127.

² Фамилия Менжинского вписана в протокол простым карандашом.

№ 130

**Из протокола № 126
15 мая 1930 г.**

С л у ш а л и :

8. О Германии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение т. Литвинова:

а) Вновь изложить Дирксену нашу концепцию о состоянии советско-германских отношений: мы отвергаем официальное обсуждение вопросов, касающихся нашей внутренней политики, хотя бы даже в порядке объяснения ухудшившихся советско-германских отношений; мы также не допускаем, чтобы ухудшение могло быть результатом неудовлетворения предъявленных нам мелких претензий касательно правового положения германских граждан; ухудшение может наступить, если к этому германское правительство стремится сознательно в результате изменения своей общей ориентации; при нынешнем состоянии отношений рассмотрение мелких взаимных претензий согласительной комиссией не может дать желательных результатов; улучшению отношений может содействовать оживление экономических связей и устранение существующих к этому препятствий. В соответствии с этим мы предлагаем германскому правительству не настаивать на требовании созыва согласительной комиссии, а начать совместное изучение причин, влияющих на уменьшение советского ввоза в Германию и германского ввоза в СССР, и изыскание способов для устранения этих причин.

б) Согласие на совместное коммюнике мы дадим в зависимости от содержания проекта, который должен быть представлен Дирксеном, и от принятия нашего проекта и наших возможных поправок.

В случае отказа Дирксена взять обратно требование относительно комиссии, признать неизбежным принятие предложения, назначив соответственных представителей и настаивая на рассмотрении в первую очередь хозяйственных вопросов¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 151.

Примечание:

¹ После отказа советского руководства вести переговоры по германским претензиям (см. документ № 99) министр иностранных дел Германии Курциус вызвал в Берлин германского посла в СССР Дирксена для обсуждения создавшегося положения. Вернувшись в Москву, Дирксен привез новые предложения: начать политические переговоры по германским претензиям (в том числе о правовом положении германских граждан в СССР, расширении права вывоза валюты лицами, эмигрирующими из СССР), созвать согласительную комиссию в Москве для рассмотрения взаимных требований, включая хозяйственные вопросы, издать совместное коммюнике от имени советского и германского послов, которое фиксировало бы нынешнее состояние советско-германских отношений и обосновывало бы мотивы созыва согласительной комиссии. Независимо от этого коммюнике, как сообщил Дирксен, Курциус должен был выступить по вопросу о советско-германских отношениях в начале июня в рейхстаге. 13 мая Литвинов направил в ПБ письмо, в котором изложил эти предложения Дирксена и свои контрпредложения (Дух Рапалло... С. 192—196), которые и были в основном приняты ПБ. В дальнейшем советское руководство приняло предложение о созыве согласительной комиссии.

№ 131

Из протокола № 128
30 мая 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 26. О Германии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Назначить нашими представителями в согласительной комиссии гг. Стомонякова и Дволайцкого¹.

б) Согласиться на принятие проекта коммюнике, предложенного Дирксеном, предложив ему внести в проект упоминание о Рапальском договоре².

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 161.

Примечания:

¹ См. документ № 130.

² Советско-германское коммюнике о созыве 16 июня 1930 г. в Москве советско-германской согласительной комиссии, в котором говорилось, в частности, о желании обоих правительств «преодолеть возникшие затруднения в духе Рапалльского договора» было опубликовано в советских газетах 14 июня.

№ 132

**Из протокола № 128
15 июня 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 6. О Германии (т. Стомоняков).

П о с т а н о в и л и :

Предложить немцам прежние условия кредита, не настаивая на займе¹.

Поручить комиссии в составе тт. Рудзутака, Микояна, Куйбышева, Литвинова и Стомонякова руководство переговорами во время съезда².

Выписки посланы: тт. Стомонякову, Рудзутаку, Микояну, Куйбышеву, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 160.

Примечания:

¹ В ходе работы советско-германской согласительной комиссии под председательством Стомонякова, сессия которой открылась в Москве 16 июня 1930 г., поднимался вопрос о кредитовании советского импорта из Германии (ДВП. Т. XIII. С. 362).

² Имеется в виду руководство переговорами в рамках сессии советско-германской согласительной комиссии, заседания которой совпадали с заседаниями XVI съезда ВКП(б), работавшего с 26 июня по 13 июля 1930 г.

№ 133

**Из протокола № 129
7 июля 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 31. О Германии (тт. Стомоняков, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Утвердить с поправками предложения комиссии¹ по вопросу о советско-германских переговорах (см. приложение).

Приложение

О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

Поручить советской делегации и согласительной комиссии занять следующую позицию.

1. По вопросу о коллективизации

Разрешить делегации в письменной форме сообщить немцам в виде нашего одностороннего заявления, что в районах, где большинство крестьян решило перейти на коллективное хозяйство, а меньшинство желает сохранить единоличное хозяйство при переделе земли, предоставленной на основании конституции СССР в пользование германским гражданам, не вошедшим в колхоз, будут выделяться по возможности, равноценные участки в той же общине, а если это невозможно по местным условиям, — в других районах. При существующей в СССР национализации земли государство предоставляет крестьянам пользование землей на началах безвозмездности. При переходе права пользования данным участком земли от германских граждан, не желающих войти в колхоз, колхоз в согласии с существующими законами и правительственными распоряжениями, будет выплачивать ему стоимость недвижимого имущества (дома, разные строения и т.д.) и стоимость садов и огородов, а также компенсацию за обработку и вложенные в данном году средства (посев озимых, минеральные удобрения и т.д.).

Оценка имущества, подлежащего компенсации, будет производиться местными земельными и финансовыми органами. Эта оценка может быть обжалована в вышестоящие земельные и финансовые органы. При установлении оценки, подлежащие органы будут исходить из необходимости предоставить переселяемому германскому гражданину справедливую компенсацию.

Что касается местностей вне районов сплошной коллективизации, то, на основании существующих законов и правительственных распоряжений, германским гражданам предоставляется полная возможность ведения индивидуального хозяйства, причем ему не будет чиниться препятствий при использовании мельниц.

2. По вопросу о налогах

Разрешить делегации в письменной форме сообщить немцам в виде нашего одностороннего заявления постановления соответственных законов и инструкций, касающиеся письменных извещений о размере налога, права налогоплательщика получать справки об основаниях обложения, ареста у налогоплательщика имущества лишь на сумму налога и недопустимости ареста по налоговым требованиям, срок платежа по которым еще не наступил. Разрешить делегации сообщить немцам, что финансовые органы, в согласии с законами и распоряжениями правительства,

будут назначать срок платежа налога через 4 недели после доставки письменного извещения, а продажу арестованных предметов — через 4 недели после наложения ареста. В развитие прежнего решения комиссии, предоставить делегации право сообщить в письменной форме в виде одностороннего заявления, что:

По вопросу о налоговом обложении германских граждан в СССР советская сторона в согласительной комиссии подтверждает, в соответствии с заявлением, сделанным НКИД германскому посольству, что во всех случаях, когда обложение германских граждан представляется им неправильным, они должны использовать все установленные законом способы обжалования. Соответствующим органам даны указания о внимательном рассмотрении всех подобных жалоб и о благожелательном к ним отношении, поскольку таковые жалобы являются обоснованными с точки зрения существующих законов. По полученным информации, НКИД, в случае обращения к нему посольства по подобным делам, когда по этим делам уже исчерпан предусмотренный законом способ обжалования, или в случаях чрезвычайной срочности дела, будет оказывать возможное содействие к ускорению и благожелательному рассмотрению таких жалоб.

3. По вопросу о продовольственных посылках

Разрешить делегации предложить немцам взять обратно свое предложение, ввиду того, что советской стороной заявлено, что этот вопрос будет урегулирован во внутреннем порядке. В устной форме можно немцам заявить, что право получения продовольственных посылок будет распространено также на представителей германских фирм, приезжающих по нашему приглашению для переговоров с хозяйственными организациями СССР.

4. По вопросу о транзите почтовых посылок

Разрешить делегации, в случае принципиального заявления германской стороны о том, что вопрос о таможенной конвенции признается согласительной комиссией одним из важнейших хозяйственных вопросов, связанных с развитием германо-советских экономических отношений, в силу чего согласительная комиссия рекомендует правительствам приступить к переговорам этой конвенции, заявить с нашей стороны, что мы готовы приступить к переговорам о почтово-посылочном соглашении, во время которых мы готовы будем благожелательно рассмотреть вопрос о некотором сокращении списка товаров, запрещенных к транзиту, в интересах германского экспорта в Персию².

5. По морским вопросам

Разрешить делегации, в случае крайней необходимости, принять немецкое предложение, изложенное в п. 5, а именно:

«Согласительная комиссия рекомендует гемпра и правительству СССР затребовать у заинтересованных пароходных обществ своих стран к 1.IX.с. г. сообщение о том, обеспечено ли и в какой степени регулярное сообщение между германскими и советскими портами».

6. По вопросу о продовольственном режиме германских граждан в СССР

Отклонить требование немцев со ссылкой на существующие в стране законы и распоряжения.

7. По вопросу о патентных сборах

Разрешить делегации в виде варианта к п. 18 последнего протокола комиссии, сделать следующее предложение:

Во изменение предыдущего постановления комиссии, германские изобретатели в СССР будут пользоваться теми же правами, что и соответственные категории советских изобретателей, вне зависимости от того, имеют ли они местопребывания на территории СССР или на территории Германии³.

Выписка послана: т. Стомонякову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 171, 175, 176.

Примечания:

¹ См. документ № 132.

² Переговоры о посылочном соглашении, которые велись до этого времени между СССР и Германией, упирались в проблемы запрещения транзита ряда товаров через СССР в Восточные страны, что распространялось и на посылки — требования следования посылок в открытых мешках; отсутствия фиксированных тарифов и т.д. (ДВП. Т. XIII. С. 223—224, 796).

³ См. документы № 130 и 131. Данное решение ПБ было принято в связи с завершением 8 июля 1930 г. работы сессии советско-германской согласительной комиссии и необходимостью принятия отчета по итогам переговоров. В результате переговоров, как видно из публикуемого документа, были удовлетворены некоторые претензии германской стороны (о нарушении прав германских граждан, переобложении их налогами, получении ими продовольственных посылок), а также заявлено о готовности продолжать переговоры по ряду вопросов. Однако ряд проблем остался неразрешенным. Например, согласившись на компенсацию за имущество, конфискованное у германских граждан, советская сторона отказалась разрешить обмен на валюту и вывоз средств, полученных в качестве компенсации или от продажи имущества эмигрантами, покидающими СССР.

№ 134

**Из протокола № 1
15 июля 1930 г.**

Слушали:

п. 24. Об Англии (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Ответить Гендерсону письменно, что Союзное правительство остается на своей прежней точке зрения о распространении компетенции пленума комиссии на вынесение предложений и решений по вопросам, обсуждаемым во всех подкомиссиях без всякого исключения¹. Мотивировать тем, что переговоры, согласно ноябрьского протокола, ведутся с английским правительством по всем претензиям, а не только по межправительственным².

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 1.

Примечания:

¹ Речь идет о советско-британских переговорах по спорным вопросам (см. документы № 124—129) и, прежде всего, по вопросу о межгосударственных долгах, претензиях и контрпретензиях, вытекающих из интервенции, и т.д. Для рассмотрения всех вопросов, составлявших предмет переговоров, была создана комиссия экспертов, а для проработки отдельных проблем — ряд подкомиссий. Британская сторона, стремясь добиться отдельного решения вопроса о правительственных и частных претензиях, выдвинула предложения о придании подкомиссии «Д», занимавшейся межгосударственными долгами, особого, во многом независимого статуса. Советская сторона, желавшая решать вопросы о правительственных и частных претензиях единым блоком, настаивала на подчиненном положении всех подкомиссий по отношению к комиссии экспертов (ДВП. Т. XIII. С. 258—259, 391—392). На основе публикуемого решения ПБ советский полпред сообщил министру иностранных дел Великобритании о невозможности принять предложения британского правительства по вопросу о подкомиссии «Д» и об отсрочке до урегулирования разногласий начала работы комиссии экспертов (Там же. С. 408). Заседания комиссии экспертов начались в Лондоне в октябре 1930 г., а подкомиссий — в начале 1931 г. Однако прогресса в преодолении противоречий, связанных с долгами и претензиями, эти заседания не принесли (Там же. Т. XIV. С. 775—776).

² Речь идет, вполне очевидно, об англо-советском протоколе, утвержденном СНК СССР 12 октября 1929 г. (см. документ № 118). 25 июля 1930 г. ПБ решило ответить Гендерсону, высказавшись за созыв комиссии экспертов 2 октября (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 2).

№ 135

**Из протокола № 3
31 июля 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 53/49. Об Италии¹.

П о с т а н о в и л и :

Разрешить т. Любимову подписать договор с Италией, на основе ранее данных ПБ директив, при условии: а) включения в

договор пункта об обязательстве Италпра содействовать росту советского экспорта в Италию. Если Италпра не согласится на это, пойти на то, чтобы Италпра дало отдельное письмо с выражением согласия обсудить с нами вопрос о мерах обеспечения развития советского экспорта в Италию.

б) Добиваться включения в договор пункта о гарантиях банками кредитов².

Выписка послана: т. Микояну.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 9.

Примечания:

¹ Во время беседы с итальянским министром иностранных дел Гранди 5 июня 1930 г. Курский предложил организовать встречу Муссолини и заместителя наркома внутренней и внешней торговли СССР Любимова с целью начать переговоры о возможности заключения торгового соглашения (Documenti Diplomatici Italiani (далее — DDI). Serie VII (1922—1935). Vol. IX. Doc. 83. P. 110).

² 2 августа 1930 г. было подписано советско-итальянское соглашение о закупках продуктов итальянской промышленности на условиях благоприятствования, которое предусматривало размещение в Италии значительных советских заказов под гарантию итальянского правительства по кредитам (ДВП. Т. XIII. С. 439—441).

№ 136

Из протокола № 3 3 августа 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 29/53. О Франции (тт. Микоян, Стомоняков).

П о с т а н о в и л и :

а) Остаться при старом решении, отклонив предложение о вынесении депозита и об окончании дела с Герцфельдом мирным соглашением¹.

б) Если дойдет дело до описи имущества торгпредства, последнее не закрывать и торговлю не прекращать, проводя частичное сокращение торговых операций с переносом их в другие страны.

в) В случае описи имущества поручить НКИД энергично протестовать перед французским правительством.

г) Проект декларации торгпреда поручить переработать тт. Рыкову, Стомонякову и Микояну, на основе состоявшегося обмена мнений.

д) Организовать в печати выступление против действий французского суда в связи с делом Герцфельда.

е) Поручить т. Стомонякову дать справку по иску Шаляпина² к 5 августа.

Выписки посланы: т. Рыкову — г; Микояну, Стомонякову — все.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 9.

Примечания:

¹ 5 мая 1930 г. один из кредиторов русского правительства Герцфельд обратился во французский суд, который вынес решение о реквизиции советского имущества во Франции. Советское правительство предприняло ответные шаги, подав апелляцию. 24 июля апелляционный суд прекратил дело, но одновременно подтвердил секвестр (ДВП. Т. XIII. С. 444—452). Через два дня Литвинов уведомил Эрбетта о том, что советская торговая миссия получила инструкции, согласно которым она не должна была давать удовлетворение кредиторам, в отношении которых СССР не нес прямой ответственности. 30 июля НКВД узнал о том, что Герцфельд начал процедуру реквизиции имущества, принадлежащего разным советским организациям во Франции. В беседе с Эрбеттом в тот же день Стомоняков заявил, что действия Герцфельда подвергают опасности советские торговые операции во Франции (Там же. С. 434—437).

² На заседании ПБ 5 августа 1930 г. рассмотрение вопроса было отложено. Вопрос возник в связи с получившим скандальную известность «иском советскому правительству» Ф.И.Шаляпина в связи с продажей во Франции первой части книги певца «Страницы из моей жизни», изданной без его ведома ленинградским издательством «Прибой» в 1926—1927 гг. В июне 1930 г. адвокат Шаляпина предъявил в парижском суде этот иск, обвинив советское издательство в самовольном печатании первой книги воспоминаний певца и незаконном ввозе и продаже книги во Франции (Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М., 1989. С. 353—356).

№ 137

**Из протокола № 12
10 октября 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 3/5. О Франции (ПБ от 5.X.30 г., пр. № 11, п. 7) (тт. Литвинов, Микоян).

П о с т а н о в и л и :

а) Считать необходимым заявить устный протест против закона, делающего попытку поставить СССР в отношении экспорта в исключительное положение перед другими странами¹.

б) Вопрос о практических мероприятиях, отвечающих на этот закон, отложить до 15 октября, предложив тов. Микояну представить свои конкретные предложения по этому вопросу.

Выписки посланы: т. Литвинову — «а» и «б», т. Микояну — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 48.

Примечание:

¹ 3 октября 1930 г. французское правительство приняло декрет о введении режима специальных разрешений в отношении некоторых товаров, импортируемых из СССР. 11 октября Литвинов, исходя из публикуемого решения ПБ, телеграфировал Довгалеvскому, чтобы он заявил устный протест французскому правительству (ДВП. Т. XIII. С. 821). 14 октября Довгалеvский вручил генеральному секретарю министерства иностранных дел Франции соответствующий меморандум (Там же. С. 566—569).

№ 138

Протокол № 13 20 октября 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 3/14. О Франции (ПБ от 15.X.30 г., пр. № 12, п. 3) (тт. Литвинов, Сталин, Розенгольц).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить предложения комиссии Политбюро о Франции¹ (см. приложение).

б) Декрет Совнаркома «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый режим для торговли СССР», опубликовать завтра же (21 октября)².

в) Поручить той же комиссии окончательно отредактировать интервью и послезавтра (22 октября) опубликовать от имени Наркомторга³.

Приложение

ПРОТОКОЛ

заседания комиссии Политбюро от 18 октября 1930 г.

Присутствуют: тт. Сталин, Литвинов, Розенгольц.

П о с т а н о в и л и :

А. Провести через Совнарком следующее постановление: «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый режим для торговли Союза ССР.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Предложить Наркомторгу СССР:

1) Принять меры к совершенному прекращению или максимальному сокращению заказов и закупок в тех странах, которые установили особый, не распространяющийся на другие страны режим для торговли Союза ССР, или применяют мероприятия законодательного или административного порядка, препятствующие нормальному ввозу советских товаров в эти страны.

2) Принять меры к прекращению использования тоннажа этих стран.

3) Установить совместно с НКПС особые ограничительные правила для транзита товаров, происходящих или идущих из таких стран.

4) Совместно с НКПС принять меры к совершенному прекращению или максимальному сокращению использования портов, транзитных путей и баз этих стран для транзитных или реэкспортных операций СССР».

Б. Поручить т. Литвинову составить проект интервью.

В. Одобрить нижеследующее предложение Наркомторга:

«1) Торгпредству никаких ходатайств перед французским правительством о выдаче лицензий не возбуждать, предоставив получение лицензий заинтересованным фирмам. Наряду с этим предложить НКТоргу всемерно форсировать наши продажи на Францию, хотя бы ценою известных материальных потерь.

В этих целях: а) развить продажу лицензионных товаров на Францию в портах других стран на условиях расчета в этих портах;

б) допустить организацию сбыта лицензионных товаров на Францию при посредничестве иностранных фирм.

2) Значительно сократить заказы и покупки во Франции, ограничив их на 31-й год примерно пятнадцатью миллионами рублей, в этих целях:

а) прекратить покупку во Франции шерстей, тряпья, кожевенного сырья, фосфатов и др. удобрений, пробковой коры, дубителей, химикалиев, эфирных масел и красителей;

б) ограничить заказы на 1931 г. по преимуществу электрооборудованием и сокращенным по сравнению с 1930 г. количеством цветных металлов.

3) В особом квартале ограничить закупки во Франции пределами существующих договоров, новых заказов не размещать, задержать размещение заказа 2-й очереди для Зуевки, НКТоргу и ВСНХ принять меры к перенесению заказа для Зуевки в другую страну. Отступления допускать лишь в крайнем случае с особого каждый раз разрешения наркома или его заместителя.

4) Поручить торгпредству во Франции, путем личных переговоров с заинтересованными фирмами (в частности, с алюминиевой компанией в лице Марлио) вызвать противодействие лицензионной системе.

5) Предложить ВСНХ прекратить заключение договоров о технической помощи с французскими фирмами».

Г. Предложить Наркомторгу внести на рассмотрение Политбюро вопрос об усилении наших экономических позиций в Англии, Италии и Германии.

Выписки посланы: тт. Литвинову и Розенгольцу — все, т. Рыкову — «б», т. Лобову — «а», из прил. В-2, 3, 5.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 54, 56.

Примечания:

¹ См. документ № 137.

² Официальная публикация постановления СНК: СЗ. 1930. № 53. Ст. 262. 21 октября.

³ 22 октября в советских газетах было опубликовано распространенное по каналам ТАСС заявление заместителя наркома торговли Розенгольца под заголовком: «Кампания против советского экспорта — подготовка к интервенции. Мы не можем мириться с созданием исключительных законов в отношении СССР».

№ 139

Протокол № 13 25 октября 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 9. О Германии (тт. Крестинский, Розенгольц, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Принять следующее предложение НКИД:

НКИД принимает к сведению сообщение, сделанное по поручению гемпра, 14 октября германским поверенным в делах Твардовским зам. наркома по иностранным делам т. Крестинскому, и сообщает содержание этого заявления Наркомторгу и Берлинскому торгпредству.

Вместе с тем НКИД обращает внимание германского правительства на то, что сообщенное г. Твардовским постановление гемпра резко отличается от той кредитной акции, о которой говорили с г. Стомоняковым министр-директор Поссе и генеральный консул Шлезингер и с Микояном г. фон-Раумер. Кредитная акция, о которой говорили названные представители германской стороны, предполагала соглашение между немецкой и советской сторонами относительно общего размера и срока предоставляемых германской стороной советским органам кредитов, а также относительно того, в каком проценте эти кредиты будут гарантированы германским правительством и правительствами отдельных германских стран. Кредитное соглашение такого типа могло бы иметь серьезное влияние на увеличение советских заказов в Германии. Постановление же, сообщенное г. Твардовским, в котором говорится лишь об увеличении находящегося в распоряжении германского правительства фонда для гарантирования германского экспорта в различные страны и в котором не содержится никаких постановлений о размерах и сроках кредитов для СССР, может оказать лишь незначительное влияние на увеличение размещения советских заказов в Германии¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Крестинскому, Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 51.

Примечание:

¹ 20 октября 1930 г. заместитель наркома иностранных дел Крестинский прислал в ПБ письмо, в котором сообщил об устном заявлении, которое сделал ему советник германского посольства Твардовский, заменяющий находящегося в отпуске Дирксена. По поручению германского правительства Твардовский сообщил, что 26 июля 1930 г. президент Германской республики особым постановлением утвердил бюджет на 1930 г. В постановлении имелся пункт об увеличении правительственного фонда для гарантирования экспортных кредитов со 175 до 350 млн. марок. Учитывая же гарантии правительств отдельных германских земель, могли быть гарантированы экспортные кредиты до 700 млн. марок. В связи с этим, заявил Твардовский, германское правительство рассчитывает, что советское торгпредство в Германии и хозорганы приступят к размещению в Германии заказов. По мнению Твардовского, это решение германского правительства делало ненужными дополнительные переговоры по поводу размеров предоставляемых СССР кредитов, о сроках кредитов, процентных ставках и т.п.

По мнению Крестинского, которое он изложил в том же письме в ПБ, такая ситуация имела как положительные, так и отрицательные стороны. Крестинский предложил все же не вступать с германским правительством в переговоры, принять сделанное сообщение к сведению и поручить берлинскому торгпредству приступить к выдаче на новых условиях имеющихся у него в портфеле заказов (Дух Рапалло... С. 200—202). Как видно из принятого постановления ПБ, советское руководство не согласилось с этим и продолжало добиваться двусторонних кредитных соглашений, которые были достигнуты в 1931 г. 28 октября 1930 г. утвержденный ПБ ответ на заявление Твардовского был передан Крестинским германскому послу в Москве Дирксену (ДВП. Т. XIII. С. 822).

№ 140

**Из протокола № 13
25 октября 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 10. О комиссии Лиги Наций по проблеме пан-Европы (ПБ от 25.1X.30 г., пр. № 10, п. 7)¹ (тт. Литвинов, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

Предоставить НКИД право сделать немцам сообщение о нашем отношении к участию в пан-европейской комиссии Лиги Наций в тот срок, когда НКИД найдет это целесообразным².

Выписки посланы: тт. Литвинову, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 51.

Примечания:

¹ Постановлением от 25 сентября 1930 г. ПБ определило ответы, которые Литвинов должен был дать на вопросы министра иностранных дел Турции Рушди-бея, находившегося с визитом в Москве, в частности, заявить, что СССР отказывается «от участия в работах пан — европейского комитета в случае такого предложения» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 35).

² В мае 1930 г. французский министр иностранных дел Бриан обратился к правительствам европейских стран — членов Лиги Наций с предложением о создании Европейской федерации (пан-Европы). СССР и Турция, не входившие в Лигу Наций, предложения принять участие в обсуждении этого вопроса не получили. Правительства Германии и Италии по дипломатическим каналам начали готовить вопрос о приглашении на заседания комиссии, созывавшейся для обсуждения идеи Европейского союза, всех европейских стран, включая СССР и Турцию. Советское руководство получило от правительств Италии и Германии запрос об отношении к их инициативе. 25 октября 1930 г. Литвинов дал по этому поводу директиву советскому полпреду в Италии: «[...]В случае запросов мы должны отвечать по-прежнему, что до получения приглашения наше правительство не имело и не будет иметь повода обсуждать этот вопрос и выносить решение. Так как я считаю желательным внесение в комиссию предложения о приглашении, то я предлагаю воздерживаться от каких-либо замечаний, которые бы ослабили стремление Италии или Германии к внесению в комиссию предложения. Можно говорить, что наше участие отнюдь не исключено и что, во всяком случае, мы вполне оценим дружественные мотивы, которые диктуют Италии или Германии предложение о нашем приглашении, и что при формальном обсуждении вопроса нами будет учтена вся обстановка, в которой будет сделано приглашение» (ДВП. Т. XIII. С. 592).

№ 141

Из протокола № 14 5 ноября 1930 г.

С л у ш а л и :

п. 9. О наших экономических позициях в Англии, Италии и Германии (ПБ от 20.X.30 г., пр. № 13, п. 3/14) (тт. Розенгольц, Карахан, Сталин, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Представленный НКТоргом проект резолюции принять (см. приложение).

б) Считать необходимым, в связи с увеличением наших заказов за границей, усиление размещения наших товаров за границей.

в) Предложить НКТоргу соответственно проинструктировать своих представителей за границей и через два месяца доложить Политбюро о результатах.

Приложение

ПО ВОПРОСУ О НАШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ В АНГЛИИ, ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ

1. Обеспечить размещение из контингента оборудования, предназначенного на Европу, на 1931 год в Англии 25%, что должно составить, примерно, 100 млн. руб., в Италии 10%, что должно составить, примерно, 40 млн. рублей.

2. Определить размер покупки черных металлов в Англии в 1931 г. ориентировочно в 25—30 млн. рублей, не останавливаясь перед более высокими (примерно, 10—15%) по сравнению с континентальными ценами на английском рынке, и возможностью получения в Англии кредита лишь в среднем не более 15 месяцев.

Предложить Наркомторгу при закупке черных металлов в 1931 г. принять мероприятия по увеличению экспорта в Англию наших руд.

3. Считать необходимым развернуть закупку в Англии в 1931 г. сырья и полуфабрикатов, а также и цветных металлов, поставив себе задачей реализовать на английском рынке не менее 40% импортного плана по сырью и полуфабрикатам, стремясь даже превзойти этот процент в случае, если представится возможность добиться в Англии цен и условий кредита, аналогичных континентальным.

4. Предложить Наркомторгу проработать все необходимые мероприятия по закреплению за нами, для хлебной кампании будущего года, английского хлебного рынка.

5. Использовать заключенный с итальянским правительством договор¹ для расширения работы, помимо оборудования, также и по линии покупки химикалий, химических полупродуктов, удобрителей и цветных металлов.

6. Расширить работу с Италией по линии алюминия, в связи с необходимостью сужения работы по алюминию с французской алюминиевой компанией.

7. В целях обеспечения нормальной работы с английскими и итальянскими фирмами — предложить Наркомторгу немедленно же приступить к заключению генеральных договоров с наиболее крупными и влиятельными фирмами в Англии и Италии.

Считать желательным, в частности, расширить работу с нижеследующими фирмами в Англии — Ассоциация Станочников, Бабкок, Железнодорожная Ассоциация и др.

Принять все меры к расширению оборотов с итальянской фирмой Морелли, ввиду большого веса в Италии главы этой фирмы.

8. Обязать НКВД представить в ЦК ВКП(б) в двухдекадный срок проект представления английскому правительству по во-

просу о затруднениях, встречающихся на пути расширения наших закупок в Англии, в частности, заострив вопрос на политике английского экспортного комитета, тормозящего развитие английского экспорта в СССР.

Указать т. Сокольникову и Брону на необходимость мобилизации соответствующих английских общественных и парламентских кругов по вопросу о наших закупках в Англии и, в частности, вовлечь в кампанию по расширению наших деловых отношений с Англией Ллойд Джорджа².

Поручить т. Сокольникову попытаться проверить возможность и целесообразность возобновления переговоров с Маккэна по финансированию английского экспорта в СССР.

9. Обязать Наркомторг принять меры к закреплению за СССР решающей доли экспорта в Италию хлеба, угля и нефти на 1931 год, обеспечив усиление нашего экспорта упомянутых товаров соответствующей политикой цен, качеством экспортируемого товара и заключением длительных договоров с наиболее крупными и солидными итальянскими импортерами, в частности:

а) увеличить в 1931 г. экспорт леса в Италию до суммы 8.550 т. р (вместо 4.500 т. р. 29/30 г.);

б) довести экспорт угля в Италию в 1931 г. до 1 млн. тонн, вместо запроектированных 225 тыс. тонн, предложив объединению «Уголь» предусмотреть соответствующую поставку необходимого количества угля на экспорт, в дополнение к ранее запроектированным количествам;

в) поручить Наркомторгу осуществить ряд мероприятий по расширению торговли советскими нефтепродуктами в Италии, для чего в числе других мероприятий предусмотреть расширение собственных инсталляций с тем, чтобы общий план продажи нефтепродуктов был доведен в 1931 г. до 20 млн. рублей³.

10. Ввиду слабой квалификации аппаратов Аркоса, итальянского Торгпредства для проведения больших закупочных операций по импорту, поручить Орграспреду ЦК в двухнедельный срок наметить группу хозяйственников и специалистов для немедленного командирования их в упомянутые страны для усиления аппаратов Аркоса и итальянского Торгпредства.

11. Поручить Орграспреду ЦК совместно с тт. Розенгольцем и Лобовым выделить из командированных за последние месяцы за границу специалистов группу лиц, проявивших себя во время командировки в положительном смысле в деловом и политическом отношении, для оставления их на постоянной работе в аппаратах Аркоса и итальянского Торгпредства.

Ввиду крайней важности кампании по заключению генеральных договоров в Англии и Италии и крайне слабой осведомленности наших хозяйственных организаций в технике и промыш-

ленности этих стран, организовать две комиссии, возглавляемых ответственными хозяйственниками для немедленного выезда в Англию и Италию, с целью организации и проведения кампании по генеральным договорам с наиболее крупными фирмами.

12. Предложить Наркомторгу обеспечить возможность крупнейшим фирмам Англии и Италии открытия своих технических консультационных бюро в СССР, обязав местные партийные и советские организации оказать содействие этим представителям в получении помещения, предоставлении им продовольствия и других необходимых услуг.

13. Предложить Орграспреду ЦК выделить в двухдекадный срок не менее 50 высококвалифицированных рабочих для отправки таковых в Англию и Италию в качестве наблюдателей и приемщиков оборудования.

14. Обязать гг. Любимова и Хинчука в двухдекадный срок разработать мероприятия для расширения нашего экспорта в Германию (программу расширенного экспорта с перечислением конкретных мероприятий, обеспечивающих расширение экспорта каждого отдельного вида товаров) и гарантирование кредитов по нашим закупкам в Германии, в частности, проект предложений по этим вопросам германскому правительству.

Выписки посланы: гг. Микояну и Крестинскому — все, т. Москвину — п. «а» и п.п. 10, 11, 13 из приложения.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 57, 62—64.

Примечания:

¹ См. документ № 135.

² Руководствуясь этой директивой, советский полпред в Великобритании Сокольников и торгпред Брон провели встречи с английскими политическими деятелями, на которых ставили вопрос о неблагоприятных условиях советских закупок. В частности, 19 февраля 1931 г. эти вопросы обсуждались на завтраке в советском полпредстве с Ллойд Джорджем, который высказался за улучшение кредитных условий для советских заказов (ДВП. Т. XIV. С. 93).

³ 19 ноября 1930 г. ПБ утвердило постановление о мерах к усилению экспорта в Италию, в котором давалось поручение о начале соответствующих переговоров и определялись условия советской стороны (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 74).

№ 142

**Из протокола № 16
20 ноября 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 19/32. О делегации СССР в Женеве (т. Крестинский)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Разрешить т. Литвинову уехать из Женевы в Москву.

б) Если по ходу дел перед делегацией встанет вопрос о необходимости демонстративного отъезда из Женевы, то разрешить ей сделать это лишь по согласованию с Москвой.

в) Вопрос о голосовании против конвенции или о воздержании решить вопрос по приезде т. Литвинова².

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 80.

Примечания:

¹ Имеется в виду работа второй части VI сессии Подготовительной комиссии конференции по разоружению, состоявшейся в Женеве с 6 ноября по 9 декабря 1930 г. Об участии советской делегации в первой части этой сессии см. документ № 106.

² 21 ноября 1930 г. на заседании комиссии Литвинов заявил, что «пройденная часть проекта конвенции ни в коей мере не удовлетворяет советскую делегацию», однако оставил вопрос об отношении СССР к конвенции открытым: «Позиция Советского правительства [...] будет в конечном итоге зависеть от меры сокращения вооружений, которая будет установлена не комиссией, а конференцией» (ДВП. Т. XIII. С. 671—672). Вскоре Литвинов уехал из Женевы. 28 ноября ТАСС распространил заявление Литвинова, из которого следовало, что его отъезд носил демонстративный характер и был вызван несогласием с деятельностью комиссии (Там же. С. 687—688).

№ 143

**Из протокола № 17
30 ноября 1930 г.**

С л у ш а л и :

п. 6/14. О телеграмме т. Довгалева (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить т. Литвинову представить в ЦК проект телеграммы т. Довгалева по поводу протеста Бертелло, учтя обмен мнений.

б) Предложить печати вести кампанию против интервенции на основе фактов, не допуская ругани по адресу Франции¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову — все; Стецкому, Савельеву, Крумину, Долецкому — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 85.

Примечание:

¹ В связи с проведением в Москве в ноябре—декабре 1930 г. открытого судебного процесса по делу так называемой «промпартии» («вредительской

организации» в советской промышленности) в советской печати была организована активная кампания по поводу связи «вредителей» в СССР с западными странами, прежде всего Францией. Советские власти утверждали, что под руководством Франции готовилась интервенция в СССР силами остатков белых армий и воинских подразделений союзников Франции — Польши, Румынии, Прибалтийских государств. В СССР интервентов должны были поддержать «контрреволюционные организации», которые создавались с помощью той же Франции и контактировали с сотрудниками французского посольства. 29 ноября 1930 г. Бертелло от имени французского правительства вручил Довгалевскому протест по поводу этой кампании в печати и предупредил «об опасности, грозящей самому существованию франко-советских отношений, в случае если кампания в прессе не прекратится» (ДВП. Т. XIII. С. 832). 1 декабря 1930 г. Литвинов телеграммой отправил Довгалевскому текст ответа Бертелло, в котором перечислялись претензии советского руководства к Франции (Там же. С. 691—692). 15 декабря 1930 г. ПБ утвердило проект заявления в ответ на протест французского правительства (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 93, 96—97), который Довгалевский передал Бриану 24 декабря (ДВП. Т. XIII. С. 758—760).

№ 144

**Из протокола № 17
30 ноября 1930 г.**

Слушали:

п. 7/15. О конференции в Женеве (т. Литвинов).

Постановили:

Поручить нашей делегации на Женевской конференции:

а) заявить, что, так как провокационный пункт о лимитрофах остался в проекте и так как поправки по сокращению вооружений отклонены, то мы голосуем против проекта конвенции;

б) выразить надежду, что конференция заслушает советскую делегацию и позволит ей изложить точку зрения СССР¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 85.

Примечание:

¹ См. документ № 142. 9 декабря 1930 г. Подготовительная комиссия конференции по разоружению завершила свою работу, одобрив проект конвенции по разоружению для передачи его на рассмотрение конференции по разоружению. Советская делегация заявила, что не принимает проект конвенции, но будет защищать свои предложения по разоружению перед будущей конференцией. В обоснование этой точки зрения советская делегация на последнем заседании комиссии 9 декабря распространила декларацию. В ней излагались те поправки по сокращению вооружений, которые выдвигались советской стороной, но не были приняты (о включении вопроса об обученных резервах, сокращении военных материалов сухопут-

ной армии, морских вооружений и т.д.). В декларации также заявлялся протест советской делегации «против отказа комиссии вынести окончательное суждение по статье, предоставляющей западным соседям СССР изъятия в случае неприсоединения СССР к конвенции» (ДВП. Т. XIII. С. 711—717).

№ 145

**Из протокола № 23
15 января 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 6. О телеграмме Хинчука (т. Сталин)

П о с т а н о в и л и :

Послать Хинчуку следующую телеграмму (от НКВД): «Ваши телеграммы №№... показывают, что Вы не совсем поняли директиву от 8 января¹.

Срочный приезд в Москву германских промышленников вызывается необходимостью для ВСНХ выяснить возможность разместить в Германии заказы на очень крупную сумму и при этом не на один только год, а на несколько лет.

Составление плана не может быть отсрочено на месяцы.

Поэтому неприезд немцев в самом близком будущем может привести к размещению значительной части заказов в других странах Европы и в Америке.

Сообщите вышеизложенное соответствующим германским правительственным органам и руководителям промышленности, требуя определенного ответа. Отнеситесь к этому делу как к наиболее срочному, не терпящему отлагательства, и примите все меры к осуществлению директивы».

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 117; ДВП. Т. XIV. С. 30—31.

Примечание:

¹ 8 января 1931 г. заместитель наркома иностранных дел Крестинский сообщил Хинчуку о решении предпослать правительственным переговорам о заказах и кредитах «обмен мнениями между ВСНХ, как главным заказчиком, и главными представителями немецких фирм». Хинчуку поручалось выяснить возможность организации поездки в Москву «влиятельной группы промышленников» не позже чем через одну—две недели (ДВП. Т. XIV. С. 15—17). Выполняя это поручение, 13 января Хинчук сообщил о предложении из Москвы министру иностранных дел Германии Курциусу. Курциус выразил сомнения по поводу возможности организации такой поездки, но обещал навести «необходимые справки». В тот же день Хинчук сообщил об этой беседе в письме Крестинскому (Там же. С. 20—22).

Получив 15 января телеграмму Крестинского, в которой было изложено публикуемое постановление ПБ (там же. С. 30—31), Хинчук приступил к более активным действиям. См. документы № 146 и 148.

№ 146

**Из протокола № 24
20 января 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 20/36. О переговорах с немцами по промышленной линии (т. Сталин).

П о с т а н о в и л и :

а) Ввести в комиссию Политбюро по переговорам с немцами (пост. ПБ от 30.XII) т Пятакова¹.

б) Поручить этой комиссии организацию переговоров с представителями немецких фирм, выработав в двухдневный срок схему переговоров².

Выписки посланы: тт. Пятакову, Молотову — все, Сталину, Орджоникидзе, Розенгольцу, Литвинову — п. «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 123.

Примечания:

¹ 30 декабря 1930 г. ПБ решило начинать переговоры с немцами по промышленной линии и поручило комиссии в составе: Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Розенгольц и Литвинов «установить форму проведения этого решения» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 111).

² Делегация германских промышленников прибыла в Москву 28 января 1931 г. и в тот же день встретила с председателем ВСНХ СССР Орджоникидзе. Орджоникидзе предложил долгосрочные контракты на крупную сумму, но взамен потребовал увеличения сроков кредитов. В последний день переговоров, 9 марта, ПБ приняло решение: «Предложить комиссии в составе тт. Молотова, Сталина, Орджоникидзе и Пятакова окончательно разрешить вопрос с немцами» (Там же. Л. 166). Результатом этого этапа переговоров было предварительное соглашение о дополнительных советских заказах и их финансировании (ДВП. Т. XIV. С. 116—119, 175—177, 749).

№ 147

**Из протокола № 30
20 марта 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 11/17. О подготовке к конференции по разоружению (тт. Литвинов, Ворошилов).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложение НКИД о содержании ответа НКИД секретариату Лиги Наций, поручив т. Литвинову представить в Политбюро проект ответа¹.

б) Поручить НКВоенмору в месячный срок наметить делегатов и экспертов от НКВоенмора на конференцию по разоружению.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 173.

Примечание:

¹ В ноте, отправленной 12 января 1931 г. правительствам, представленным в Совете Лиги Наций, с которыми СССР установил дипломатические отношения, Москва высказалась против назначения голландца М. Лоудона председателем конференции по разоружению и предложила собрать конференцию не в Швейцарии, а в другой стране (ДВП. Т. XIV. С. 28—30). 22 мая председателем конференции был назначен британский министр иностранных дел Гендерсон, но местом проведения конференции оставлена Женева.

№ 148

**Из протокола № 31
30 марта 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 8/9. О переговорах с немецкими промышленниками и о новых заказах (тт. Сталин, Орджоникидзе, Пятаков, Розенгольц)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Окончание общих переговоров поручить комиссии в составе тт. Пятакова, Любимова и Биткера.

б) Для размещения заказов командировать тт. Жукова, Будняка, Никулина, Рогачевского, Винтера, Альперовича; кроме того — одного товарища от НКПС.

в) В число заказов на 300 милл. марок включить абсолютно необходимые заказы для НКПС (трубы, рельсы, погрузочно-разгрузочные средства), проводя их от имени ВСНХ.

г) Поручить определить точный размер заказов для НКПС комиссии в составе тт. Рухимовича, Павлуновского, Курицина и Озерского.

д) Комиссии т. Пятакова дать директиву: ввиду предстоящей борьбы по вопросу о ценах предложить комиссии исходить из недопустимости повышения цен против нынешнего уровня цен.

е) Обязать т. Пятакова выехать не позже 3-го апреля. Разрешить выехать также т. Аркусу. О сроке выезда остальных товарищей решить особо².

Выписки посланы: тт. Орджоникидзе, Пятакову, Розенгольцу — все; Мессингу — «а», «б», «е»; Рухимовичу — «б», «в», «г»; Павлуновскому, Курицину, Озерскому — «в», «г»; Аркусу — «е».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 2.

Примечания:

¹ См. документ № 146.

² После возвращения германской делегации в Берлин, там состоялись ее переговоры с Пятаковым. В результате 14 апреля 1931 г. в Берлине было подписано соглашение о выдаче ВСНХ СССР немецким фирмам сверх «нормального объема сделок» дополнительных заказов на сумму 300 млн. марок в срок между 15 и 31 августа 1931 г. При этом предусматривалось удлинение сроков кредита по дополнительным заказам (ДВП. Т. XIV. 246—248, 749).

№ 149

**Из протокола № 33
10 апреля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 34/39. Об участии СССР в комиссии пан-Европы (т. Литвинов)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Принять участие в комиссии пан-Европы.

б) Поручить т. Литвинову представить в Политбюро проект ответа (для опубликования).

в) Командировать для участия в комиссии пан-Европы т. Литвинова и (его заместителем) т. Хинчука.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Хинчуку.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 8.

Примечание:

¹ См. документ № 140.

№ 150

**Из протокола № 35
20 апреля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 18/23. Ответ секретарю Лиги Наций о пан-Европе (т. Литвинов)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) В основе предложения НКИД принять, поручив окончательную редакцию ответа гг. Молотову и Литвинову.

б) По вопросу о вариантах — принять первый вариант:

«Делегация СССР готова будет приехать в Женеву между 15 и 25 мая и будет ожидать точного сообщения времени, к какому она приглашается в Женеву, причем прошу иметь в виду, что она не сможет прибыть туда из Москвы раньше чем на 4-й день после получения извещения»².

Выписки посланы: гг. Литвинову, Молотову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 14.

Примечания:

¹ См. документ № 149.

² Письмо генерального секретаря Лиги Наций от 1 апреля 1931 г. о подготовке сессии Комиссии по изучению европейского союза, открывавшейся 15 мая 1931 г., было составлено таким образом, что СССР приглашался принять участие в обсуждении только третьего пункта повестки дня, причем точное время начала дискуссии по этому пункту не сообщалось. 23 апреля 1931 г. Литвинов отправил ответное письмо, в котором осуждалась подобная дискриминация СССР и сообщалась формула о возможных сроках прибытия советской делегации, утвержденная ПБ (ДВП. Т. XIV. С. 269—271). 27 апреля это письмо было опубликовано в советской печати. После этого и других дипломатических демаршей, предпринятых советским руководством, 29 апреля 1931 г. генеральный секретарь Лиги Наций прислал новое письмо, в котором советская делегация приглашалась в Женеву на 15 мая (Там же. С. 271).

№ 151

**Из протокола № 35
20 апреля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 20/25. Об ответе Секретариату Лиги Наций относительно вооружений (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Представленный НКИД проект ответа в основе принять.

б) Поручить окончательную редакцию ответа комиссии в составе гг. Ворошилова, Молотова, Калинина и Литвинова.

Созыв комиссии за т. Ворошиловым¹.

Выписки посланы: гг. Ворошилову, Молотову. Калинину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 14.

Примечание:

¹ См. документ № 147. 17 февраля 1931 г. генеральный секретарь Лиги Наций в письме на имя наркома иностранных дел СССР сообщил резолюцию Совета Лиги Наций, приглашающую различные правительства представить сведения о состоянии вооруженных сил их стран для информирования предстоящей конференции по разоружению. 25 апреля Литвинов послал ответное письмо, содержащее сведения о штатной численности вооруженных сил, количестве самолетов, кораблей и бюджете РККА (ДВП. Т. XIV. С. 278—282).

№ 152

**Из протокола № 35
22 апреля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 67/68. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Дать тов. Довгалеvскому от имени НКВД следующую директиву:

Париж. Довгалеvскому. Ваш 90. Заявите Бертело, что совпра принимает переданное им предложение францпра о немедленном вступлении в переговоры о заключении пакта о ненападении с согласительной процедурой и временного торгового соглашения и что в течение ближайшего времени готовы будем вручить как проект пакта о ненападении, так и торгового соглашения¹. Добавьте, советское правительство считало бы желательным для создания необходимой для переговоров атмосферы отменить сейчас же после начатия переговоров как французский декрет об экспорте, так и советские контрмеры². Проект договора о ненападении пришлем на днях телеграфно, а торгового соглашения диппочтой. Что касается согласительной процедуры, то можно будет взять образцом советско-германское соглашение. Сообщите, имеется ли у Вас текст этого соглашения, а также англо-советского торгового соглашения. Ввиду ходатайства Бертело, можете дать визу Роже³. Срочите, позволяет ли Вам состояние здоровья взять на себя переговоры и довести их до конца⁴.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 17, 26; ДВП. Т. XIV. С. 266.

Примечания:

¹ 20 апреля 1931 г. Бертело посетил полпреда СССР во Франции Довгалеvского и от имени французского правительства сделал предложение о начале переговоров о заключении пакта о ненападении с согласительной процедурой и временного торгового соглашения с последующим началом переговоров о заключении торгового договора и ряда конвенций (Там же. С. 252—254). Публикуемая директива была послана Довгалеvскому как те-

леграмма от имени Литвинова 22 апреля (Там же. С. 266). 24 апреля 1931 г. Довгалеvский сделал соответствующее заявление Бертело (Там же. С. 282) 1 мая 1931 г. Довгалеvский вручил Бертело проект пакта о ненападении и памятную записку советского правительства правительству Франции, в которой фиксировались договоренности о порядке ведения переговоров, достигнутые в предыдущие дни. Одобренная советской и французской стороной процедура предусматривала одновременное вступление в переговоры относительно пакта о ненападении вместе с согласительной конвенцией и временного торгового соглашения. Параллельно с переговорами о временном торговом соглашении должны были начаться (после аннулирования советского и французского декретов от октября 1930 г. об ограничениях торговли) переговоры относительно заказов и кредитов с представителями французской промышленности и правительства (Там же. С. 298—301, 325, 730—731). См. также документ № 157.

² См. документы № 137, 138, 158.

³ Речь идет о французском журналисте Ш. Руайе (ДВП. Т. XIV. С. 254, 284).

⁴ Переговоры вел Довгалеvский. Только 10 августа 1931 г. ПБ предоставило ему отпуск на 5 недель (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 151).

№ 153

**Из протокола № 39
19 мая 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 42/4. Телеграмма т. Литвинова.

П о с т а н о в и л и :

Не возражать против участия т. Литвинова в подкомиссии Пан-Европейской комиссии¹.

Разрешить т. Литвинову встретиться с гг. Сокольниковым и Довгалеvским, представив ему самому определить место встречи.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 47.

Примечание:

¹ См. документ № 154.

№ 154

**Из протокола № 40
24 мая 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 61/8. Проект телеграммы т. Литвинову.

П о с т а н о в и л и :

Послать т. Литвинову от имени Политбюро ЦК следующую телеграмму:

«Ваши выступления в Женеве Политбюро ЦК считает правильными по существу и безупречными по форме и тону.

Не возражаем против участия во всех названных вами Женевских комиссиях и подкомиссиях в форме, в какой вы найдете целесообразной¹.

Можете начать свой отпуск теперь же без предварительного заезда в Москву.

Сообщите содержание беседы с Брианом²».

Выписка послана: т. Литвинову — шифром.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 62.

Примечания:

¹ Данное решение ПБ состоялось в ответ на телеграмму Литвинова в Москву от 23 мая 1931 г. В ней он сообщал о благоприятных последствиях своего выступления на заседании Комиссии по изучению вопроса о европейском союзе: «Почва для изменения отношений к нам была готова, но нужен был внешний толчок, каковым решили считать мою речь, толкуя ее как предложение о перемирии, якобы впервые нами сделанное». Литвинов фактически просил об утверждении Москвой его линии поведения: «Высказываются здесь сомнения в одобрении моего выступления Москвой». Литвинов сообщал также, что советская делегация получила приглашение принять участие в работе подкомиссий (зерновой, экономических экспертов, по координации) и предупредил, что «отказ от участия в этих собраниях будет истолкован как дезавуирование меня и новый поворот». В письме упоминалось о состоявшихся беседах Литвинова с различными государственными деятелями, в том числе с министром иностранных дел Франции Брианом (ДВП. Т. XIV. С. 346—348).

10 июня 1931 г. ПБ утвердило делегатов и экспертов в подкомиссии пан-европейской комиссии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 76). 23 июня ПБ делегировало Сокольникову на заседания подкомиссии по координации экономических вопросов, созданной для рассмотрения докладов, составленных другими подкомиссиями, и проекта договора об экономическом ненападении, представленного правительством СССР (Там же. Л. 97; ДВП. Т. XIV. С. 796). 25 июня ПБ утвердило директивы представителям СССР в ряде подкомиссий Европейской комиссии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 95, 99).

² 26 мая 1931 г. Литвинов направил в Москву сообщение о своей беседе с Брианом (ДВП. Т. XIV. С. 350—352).

№ 155

**Из протокола № 43
12 июня 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 57/2. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Организовать комиссию по переговорам с Францией в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Розенгольца, Крестинского¹.

Выписки посланы: тт. Сталину, Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, Розенгольцу, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 89.

Примечание:

¹ См. документ № 152.

№ 156

**Из протокола № 46
30 июня 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 3/19. О делегации итальянских промышленников¹.

П о с т а н о в и л и :

Поручить комиссии в составе тт. Молотова, Орджоникидзе, Ворошилова и Розенгольца выяснить, какие заказы и договора могут быть заключены с итальянцами, и доложить на следующем заседании Политбюро.

Созыв комиссии за т. Молотовым.

Выписки посланы: тт. Молотову, Орджоникидзе, Ворошилову, Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 100

Примечание:

¹ Во время встречи с Литвиновым 12 марта 1931 г. Аттолико известил его о том, что делегация итальянских промышленников готова отправиться с визитом в СССР (DDI. Serie VII. Vol. X. Doc. 126. P. 193—196). Делегация приехала в Москву 18 июня 1931 г.

№ 157

**Из протокола № 48
10 июля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 8/20. О телеграмме т. Довгалевского (т. ~~Крестинский~~).

П о с т а н о в и л и :

Одобрить предложенный т. Довгалевским проект его ответа на письмо Бриана и предложить ему самому назначить по согла-

шению с Бертело день одновременного опубликования об отмене декретов 3.X. и 20.X. исходя из того, что мы готовы сделать это в любой день¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 109.

Примечание:

¹ См. документ № 155. 10 июля 1931 г. министр иностранных дел Франции Бриан направил советскому полпреду во Франции Довгалеvскому ноту. Напоминая о предыдущих договоренностях, Бриан запрашивал, готово ли советское правительство к одновременной отмене французского декрета от 3 октября 1930 г., ограничивающего советский экспорт, и советского декрета от 20 октября 1930 г. в части, касающейся ограничений французского экспорта в СССР. Ссылаясь на договоренность начать сейчас же после отмены этих декретов переговоры о размещении заказов во Франции, Бриан просил также сообщить «о прибытии в Париж советских делегатов, уполномоченных для размещения заказов во Франции» (ДВП. Т. XIV. С. 428).

Получив одобрение своей ответной ноты, Довгалеvский 13 июля 1931 г. сообщил Бриану о согласии правительства на одновременную отмену дискриминационных декретов с одновременным сообщением в официальной печати. Довгалеvский также проинформировал Бриана о том, что ведение переговоров относительно заказов и кредитов во Франции поручено заместителю председателя ВСНХ СССР Межлауку и просил дать инструкции французскому посольству в Москве о выдаче виз Межлауку и сопровождавшим его лицам (Там же. С. 427—428). Приказ наркома внешней торговли СССР об отмене мер, ограничивающих экспорт во Францию, и декрета президента Франции об отмене декрета от 3 октября были опубликованы в официальных правительственных изданиях обеих стран 16 июля 1931 г. (Там же. С. 432).

№ 158

**Из протокола № 48
10 июля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 14/35. О Франции (т. Розенгольц, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

Принять предложенный т. Розенгольцем проект ответа т. Дволайцкому:

Париж. Дволайцкому. Копия: Довгалеvскому.

На ваши от 3 и 4 июля по последнему контрпроекту французов статьи второй¹.

Пункт первый — абзац первый — настаивать на перечислении функций Торгпредства и на экстерриториальности помещений Торгпредства.

Абзац третий — повторяем необходимость заменить выражение «сделок, в которых участвует Торгпредство» выражением «сделок, которые Торгпредство совершило или гарантировало».

Абзац четвертый приемлем при условии исключения упоминания о мерах предварительного обеспечения, так как этим упоминанием французы желают ограничить наше общее требование о неприменении мер предварительного обеспечения лишь официальным имуществом Торгпредства.

По абзацу пятому в первой позиции держаться нашей первой директивы об отсутствии надобности фиксировать в договоре право францпра иметь в Москве торгового атташе и заместителей, во второй позиции согласиться указанием соответствующего права договора, но особой статьей, а не в статье о Торгпредстве, чтобы не создавать аналогии между Торгпредством и атташе.

Абзац шестой приемлем.

По пункту второму, абзац первый — добивайтесь исключения слов «в качестве доверенного», укажите практическую ненужность можете при этом дать заверение, что Торгпредство не будет выступать в качестве доверенного, крайнем случае согласитесь.

Абзац второй приемлем в случае оговорки о двух подписях.

Абзац третий — остаемся при формуле благожелательного рассмотрения ходатайств о гарантии.

Пункт третий приемлем при добавлении указанием о не ответственности хозорганов за государство.

Пункт четвертый приемлем без слов «или исполняться во Франции». По пункту четвертому согласны Вашим предложением, чтоб требуемое нами ограничение подсудности Торгпредства французским судам вытекало из признания за Торгпредством иммунитета и дипломатических привилегий, кроме случаев судебных исков, вытекающих из торговых операций и сделок, совершенных во Франции, в которых Торгпредство являлось стороной или гарантом.

С пунктом пятым согласны, но по вопросу о мерах предварительного обеспечения исков остаемся прежней позиции недопустимости применения мер предварительного обеспечения по искам, обращенным к Торгпредству.

По пункту шестому случае прекращения полномочий настаиваем немедленном вхождении в силу после нашего объявления.

Выписка послана: т. Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 109, 114.

Примечание:

¹ См. документы № 155, 157.

**Из протокола № 53
28 июля 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. О торговых переговорах с Францией (т. Сталин).

П о с т а н о в и л и :

Утвердить предложения комиссии о торговых переговорах с Францией¹.

1. В случае заключения торгового соглашения с Францией, считать возможным разместить во Франции заказы на 50 млн. руб.

2. При ведении переговоров о размещении заказов возможный объем заказов поставить в зависимость от получения нами соответствующих таможенных скидок и снятия прочих ограничений для нашего экспорта во Франции с тем, чтобы размеры нашего экспорта во Франции значительно превышали размеры нашего импорта из Франции. Не допускать, однако, формальной увязки в общем соглашении размеров нашего экспорта с размерами нашего импорта.

3. Впредь до удовлетворения наших требований по экспорту крупные заказы во Франции не размещать. В порядке изъятия допустить размещение отдельных заказов на сумму до миллиона — полутора миллионов рублей.

Переговоры по закупке отдельных товаров во Франции связать с одновременной запродажей наших экспортных товаров (например, закупку черных металлов осуществить при обязательном условии продажи с нашей стороны марганцевой руды).

4. Добиваться заключения соглашения по кредитованию советских заказов в форме и на условиях соглашения, заключенного СССР с Италией 27 апреля 1931 г., в крайнем случае считать возможным пойти на соглашение, аналогичное с заключенным СССР с Германией 14 апреля 1931 г.²

5. Добиваться письменного заявления министра финансов либо Банка де Франс о том, что финансирование наших заказов в обусловленном размере обеспечено, в частности, настаивать на приеме этим банком к учету векселей советских организаций.

6. При размещении заказов обеспечить в первую очередь закупку оборудования по тем отраслям, по которым французская промышленность специализировалась (электрометаллургия, вискоза, алюминий).

Заказы цветных металлов должны быть не свыше 6 млн. руб.

7. Ведение переговоров по размещению заказов возложить на т. Межлаука, которому выехать 28 июля. Одновременно с ним для помощи и контроля выехать т. Озерскому, коему принять участие в переговорах.

Тов. Бреславу также принять участие в переговорах³.

8. Возложить на т. Межлаука руководство размещением заказов со стороны ВСНХ СССР в Англии.

9. Тов. Гуревича оставить в Лондоне в качестве уполномоченного ВСНХ в Англии до приезда т. Межлаука в Лондон.

10. ВСНХ представить НКВТ в недельный срок номенклатуру заказов, подлежащих размещению во Франции.

11. Наркомвнешторгу в 7-дневный срок, по представлении номенклатуры, установить валютные лимиты.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Орджоникидзе.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 131, 134

Примечания:

¹ См. документ № 155.

² Соглашение между ВСНХ и представителями германских промышленников от 14 апреля 1931 г. о кредитовании заказов в Германии см.: ДВП. Т. XIV. С. 246—248 (см. также документ № 148). Соглашение о предоставлении государственных гарантий по кредитованию итальянского экспорта в СССР см.: ДВП. Т. XIV. С. 286—288.

³ 4 августа 1931 г. Межлаук, получивший ранг уполномоченного правительства СССР на переговорах с Францией о заказах и кредитах, Довгалевский и Озерский встретились с министром торговли Франции (Там же С. 444—447).

№ 160

Из протокола № 54 5 августа 1931 г.

С л у ш а л и :

п. 5. Об освещении в печати экономического положения в Германии (т. Сталин).

П о с т а н о в и л и :

Предложить редакциям «Известий» и «Правды» давать сообщения об экономическом положении и кризисе в Германии в более умеренном тоне¹.

Выписки посланы: тт. Попову («Правда»), Гронскому («Известия»).

~~ИЗДАНО~~ Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 138.

Примечание:

¹ Эти указания, скорее всего, были даны в связи с попытками советского руководства добиться начала переговоров с Германией по вопросу обеспечения более благоприятных условий для советского экспорта в Германию (ДВП. Т. XIV. С. 481).

№ 161

**Из протокола № 55
6 августа 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 25/2. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Принять следующие предложения НКИД¹:

а) Настаивать ультимативно на вынесении упоминания об обязательствах в отношении Лиги Наций в одностороннее французское заявление.

б) Настаивать на утвержденном Политбюро определении нападения по ст. 2².

в) В случае договоренности по этим двум пунктам согласиться на немедленное парафирование пакта с измененной 5-й статьей о согласительной процедуре и с обменом письмами об одновременности ратификации пакта и соглашения о согласительной процедуре. Бертело должен при этом письменно сообщить об отсутствии существенных возражений против представленного нами проекта соглашения о согласительной процедуре.

г) Только в крайнем случае принять по 2-й статье новое французское определение нападения.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 152.

Примечания:

¹ Речь идет о переговорах о заключении договора о ненападении между СССР и Францией (см. документ № 152). Договор был парафирован 10 августа 1931 г. К договору прилагались письма: об эвентуальном применении французской стороной 2-й статьи договора (метод определения нападающей стороны) и об одновременной ратификации пакта и соглашения о согласительной процедуре (ДВП. Т. XIV. С. 452—454).

² 5 августа 1931 г. ПБ приняло предложенную Литвиновым формулировку пункта договора, разъясняющую понятие «нападение» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 139).

**Из протокола № 58
25 августа 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 23. О директивах т. Левенсону (т. Розенгольц).

П о с т а н о в и л и :

Согласиться с предложенным т. Розенгольцем проектом директивы т. Левенсону:

Левенсону. Милан.

Копия Берлин Любимову

10217. Беседе Муссолини подчеркните: 1) мы успешно развиваем наши закупки Италии и являемся единственной страной куда Италия текущем году увеличила свой экспорт сравнению прошлым годом, хотя ее экспорт в другие страны значительно сократился. Намекните на возможность дальнейшего расширения закупок в Италии при установлении благоприятного отношения к нашему экспорту. 2) Вопреки заявлениям Италпра благожелательном отношении нашему экспорту итальянский рынок фактически закрыт для нашей пшеницы, договор Аджипом не утвержден, повышены пошлины на мясопродукты, поднимается кампания против нашего леса хотя мы не конкурируем местной промышленностью. 3) Необходимо для дальнейшего выгодного обеим странам расширения торговых отношений предоставить нам генеральное наибольшее благоприятствование, создать условия, обеспечивающие сбыт Италии нашей пшеницы, частности либо более равномерное распределение процента примеси иностранной течение года либо финансирование складированного портах СССР предназначенного для Италии хлеба размере 20—25 миллионов рублей, ликвидировать препятствия на пути развития нашего нефтяного экспорта, частности утвердить договор Аджипом учетом поправок, сообщенных Нефтеэкспортом Альберту, прекратить кампанию против нашего леса¹.

Розенгольц.

Выписка послана: т. Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 170, 174.

Примечание:

¹ В результате итало-советских переговоров 27 апреля 1931 г. были заключены финансовый договор и новое торговое соглашение (ДВП. Т. XIV. С. 286—288). На встрече с Литвиновым 22 мая 1931 г. Гранди выразил недовольство этим соглашением, подчеркивая, что оно оказалось менее выгодным, чем советско-германский договор (DDI. Serie VII. Vol. X. Doc. 283. P. 439—441; ДВП. Т. XIV. С. 354—356).

№ 163

Из протокола № 59
27 августа 1931 г.

С л у ш а л и :

п. 31/5. О директивах Левенсону.

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение т. Сталина о добавлении к директиве пункта о том, что в случае неудовлетворения наших требований прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии¹.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 179.

Примечание:

¹ См. документ № 162.

№ 164

Из протокола № 59
30 августа 1931 г.

С л у ш а л и :

п. 19/28. О Польше (т. Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать неправильным выступление НКИД с опровержением по вопросу о переговорах с Польшей без предварительной постановки вопроса в Политбюро¹.

б) Предложить НКИД представить на ближайшем заседании Политбюро сообщение о дальнейшем ходе этого дела, до этого полемики и обсуждения на страницах печати не вести.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 177.

Примечание:

¹ 23 августа 1931 г. польский посланник в СССР Патек передал заместителю наркома иностранных дел СССР Карахану проект пакта о ненападении между Польшей и СССР (ДВП. Т. XIV. С. 484—489). Вскоре об этом сообщило Польское телеграфное агентство, заявив, что проект был вручен «в результате происходящего с 1926 г. обмена взглядов между польским и советским правительствами по вопросу о договоре о ненападении». 27 августа 1931 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором заявлялось, что никакие польско-советские переговоры о заключении договора о ненападении не ведутся, а документ, врученный Патеком, представляет собой лишь подведение итогов переговоров 1926—1927 гг. Аналогичное опровержение по поводу советско-польских переговоров было опубликовано ТАСС

28 августа в связи с заявлением агентства Гавас. 28 августа Литвинов, находившийся в Берлине, также заявил представителям печати, что никаких переговоров с Польшей «не велось и не ведется» (Там же. С. 498—501).

№ 165

**Из протокола № 61
8 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 38/3. Об экспорте в Италию (телеграмма т. Курского).

П о с т а н о в и л и :

Предложить тт. Крестинскому и Розенгольцу послать тт. Курскому и Левенсону телеграмму о том, чтобы они придерживались точно данной им директивы¹ и добились постановки всех вопросов перед итальянским правительством, связанных с экспортом, не дожидаясь приема Муссолини.

Выписки посланы: тт. Крестинскому, Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 3 .

Примечание:

¹ См. документ № 162.

№ 166

**Из протокола № 61
8 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 39/4. О Франции (тт. Каганович, Крестинский, Розенгольц).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложение тт. Сталина и Молотова (см. приложение)¹.

б) Дать тт. Озерскому и Межлауку следующую директиву: «Заявите промышленникам о том, что мы ни на какие схемы и условия Ванжера, связанные с залогом нашей экспортной выручки, в том числе и по нефти — не пойдем. Настаивайте на итальянских или германских условиях кредита»².

Одновременно вести разговоры с отдельными промышленниками по конкретным заказам, не подписывая договоров до заключения торгового соглашения.

в) Поручить тт. Пятакову, Розенгольцу и Крестинскому выработать проект текста заявления французским промышленникам и представить на утверждение Политбюро.

Приложение

Нужно отвергнуть начисто принцип Ванжера и вообще всякую мысль о залоговой гарантии с нашей стороны. Старое соглашение Пятакова с французами лишается всякого смысла для нынешней обстановки, когда мы имеем лучшие условия кредита в Германии, Италии, Англии. Либо французы принимают итало-германские условия кредита, либо могут убираться к черту. Если францпра не решается гарантировать кредиты, можно предложить им, как последнюю уступку, английские условия, где кредиты для нас проходят удовлетворительно, но без прямой гарантии Англопра.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу — все; Пятакову, Крестинскому — «В».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 4, 6.

Примечания:

¹ Свои предложения Сталин и Молотов прислали телеграммой с юга, где они в это время находились в отпуске.

² В августе 1931 г., в ходе переговоров Межлаука и Озерского с французскими промышленниками директор нефтяной компании «Петрофин» Ванжер выдвинул схему гарантирования советских платежей поступлениями от экспорта советской нефти во Францию (ДВП. Т. XIV. С. 817. См. также документ № 159).

№ 167

**Из протокола № 63
20 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. О Польше (ПБ от 10.IX.31 г., пр. № 61, п. 3/15).
(тт. Литвинов, Крестинский, Карахан).

П о с т а н о в и л и :

а) Отвергнуть установку т. Литвинова, изложенную им в записке от 15.IX с.г. в Политбюро ЦК по поводу Польши.

б) Исходя из прежних решений Политбюро о необходимости добиваться заключения пакта о ненападении с Польшей, предложить НКВД в 2-декадный срок представить в Политбюро свои соображения о мероприятиях, необходимых в связи с этим в данное время¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Карахану — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 9.

Примечание:

¹ См. документ № 173.

№ 168

**Из протокола № 63
20 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 4. Об Италии (тт. Литвинов, Крестинский, Розенгольц).

П о с т а н о в и л и :

Констатируя, что тт. Курский и Левенсон не осуществляют директивы ЦК от 25 и 27.VIII с. г.¹, обязать НКИД и НКВТ принять меры к точному выполнению решения ЦК².

Выписки посланы: тт. Литвинову, Розенгольцу, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 9.

Примечания:

¹ См. документы № 162, 163.

² 1 октября 1931 г. Левенсон направил министру корпораций Италии Боттаи письмо, в котором обратил внимание на введение таможенных сверхпошлин на экспортируемые в Италию товары и вновь поставил вопрос о необходимости срочного принятия «в таможенных отношениях между СССР и Италией принципа генерального наибольшего благоприятствования, который единственно способен устранить имеющую место фактическую дискриминацию советского экспорта» (ДВП. Т. XIV. С. 557—558). 13 октября 1931 г. Курский и Левенсон были приняты Муссолини и поставили перед ним вопросы, предписанные директивами ПБ, об экспорте хлеба, нефти и о генеральном наибольшем благоприятствовании. «Беседа, — как сообщали Курский и Левенсон в Москву, — закончилась заверением Муссолини доброжелательно рассмотреть все три поставленных вопроса». Курский и Левенсон вручили Муссолини памятную записку, в которой излагались поставленные ими вопросы и содержался, в соответствии с решением Политбюро от 27 августа (см документ № 163), ультиматум о сокращении вывоза из Италии в случае неудовлетворения советских требований (ДВП. Т. XIV. С. 567—570).

№ 169

**Из протокола № 64
25 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. Об Англии и Германии.

П о с т а н о в и л и :

Для рассмотрения всех вопросов, связанных с Англией и Германией создать комиссию в составе тт. Молотова (председа-

тель), Кагановича Л., Литвинова, Пятакова, Калмановича и Розенгольца.

Выписки посланы: тт. Молотову, Кагановичу Л., Литвинову, Пятакову, Калмановичу, Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 12.

№ 170

**Из протокола № 64
25 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 3. О «пан-Европе».

П о с т а н о в и л и :

Ответить «Лиге Наций», что на предстоящей сессии пан-европейской комиссии (26.IX), на которой поставлены только формальные вопросы, СССР представлен не будет¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 12.

Примечание:

¹ Речь идет о 5-й сессии Комиссии по изучению вопроса о европейском союзе. 25 сентября 1931 г. Литвинов отправил генеральному секретарю Лиги Наций соответствующую телеграмму об отказе от участия в очередной сессии (ДВП. Т. XIV. С. 543).

№ 171

**Из протокола № 66
30 сентября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 9. О Франции (ПБ от 8.IX.31 г., пр. № 61, п. 40/4-в) (тт. Литвинов, Розенголец, Крестинский)¹.

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить НКИД выяснить дополнительно положение с пактом и внести к следующему заседанию Политбюро свои предложения по вопросу о дальнейших шагах.

б) Поручить НКВТ и ВСНХ подготовить в 5-ти дневный срок проект конкретной директивы тт. Межлауку и Озерскому по вопросу о том, какие заказы они могли бы предъявить французским промышленникам.

в) Поручить комиссии в составе гг. Литвинова, Пятакова и Розенгольца выработать на основе обмена мнений проект мероприятий об активизации наших торговых переговоров с Францией².

Выписки посланы: гг. Литвинову — все; Крестинскому — «а», Розенгольцу — «б» и «в»; Орджоникидзе — «б»; Пятакову — «в».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 17.

Примечания:

¹ См. документ № 166.

² Данное решение ПБ было реакцией на фактическое прекращение советско-французских переговоров по основным направлениям двусторонних отношений, намеченным в апреле—мае 1931 г. (см. документ № 152). Переговоры о заключении временного торгового соглашения также прекратились. Зашли в тупик из-за разногласий по вопросу обеспечения кредитов (см. документ № 166) переговоры о заказах и кредитах. Советское руководство болезненно отреагировало на публикацию 21 сентября 1931 г. в газете «Тан» коммюнике Конфедерации французской промышленности, в котором вновь ставился вопрос об гарантировании оплаты поставок французских промышленников выручками от советского импорта во Францию (ДВП. Т. XVI. С. 815).

На следующий день после принятия публикуемого решения ПБ, 1 октября, Литвинов отправил Довгалевскому телеграмму с поручением срочно встретиться с Бертело и поставить перед ним вопросы о подписании пакта и о гарантиях кредитов (Там же. С. 552). Такая встреча состоялась 5 октября, и ее основные итоги были изложены Довгалевским в телеграмме Литвинову от 6 октября. Довгалевский сообщал о договоренности с Бертело «еще на этой неделе» приступить к обсуждению соглашения о функционировании согласительной комиссии, которое должно было прилагаться к тексту договора при его ратификации. Он сообщил также о твердой приверженности французской стороны схеме Ванжера и предлагал дать в иностранную печать сообщения, опровергающие французские заявления по поводу переговоров о кредитах.

Все эти вопросы были рассмотрены ПБ 10 октября 1931 г. По докладу Литвинова и Крестинского ПБ приняло решение не ускорять переговоры о согласительной комиссии и не опровергать заметки во французских газетах о кредитах. По докладу Литвинова, Розенгольца и Крестинского ПБ утвердило постановление о торговых переговорах с Францией, в котором Межлауку и Озерскому предлагалось, независимо от общих переговоров о кредитах, вступить немедленно в непосредственные переговоры с французскими промышленниками об условиях размещения крупных заказов, однако без права заключения сделок до получения указаний из Москвы. При этом Межлаук и Озерский должны были сообщать промышленникам, что заказы не будут размещаться до заключения торгового договора между СССР и Францией, а также подчеркивать неприемлемость схемы Ванжера (см. документ № 166) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 23).

№ 172

**Из протокола № 66
30 сентября 1931 г.**

Слушали:

п. 10. О Германии (тт. Розенгольц, Литвинов, Крестинский).

Постановили:

а) Предрешить командирование т. Вейцера в Германию для принятия мер по усилению экспорта¹.

б) Вызвать тт. Хинчука и Бессонова, заслушав их сообщения на заседании Политбюро 5.Х.с.г.

в) Признавая необходимым сокращение импорта в 1931 г., предложить комиссии по валюте под этим углом зрения пересмотреть импортный план и представить к 5.Х.с.г. свои предложения в Политбюро.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Рудзутаку.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 18.

Примечание:

¹ См. документ № 174.

№ 173

**Из протокола № 68
10 октября 1931 г.**

Слушали:

п. 5. О Польше (ПБ от 20.IX.31 г., пр. № 63, п. 3) (тт. Карахан, Литвинов, Крестинский).

Постановили:

а) Признать целесообразным одновременное обращение НКВД как к Бертело, в ответ на его запрос¹, так и к полякам.

б) Поручить т. Литвинову составить проект заявления и согласовать его с тт. Молотовым и Сталиным².

Выписки посланы: тт. Литвинову, Карахану, Молотову, Сталину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 23.

Примечания:

¹ См. документ № 167. На встречах с полпредом СССР во Франции Довгалеvским Бертело ставил вопрос о связи заключения франко-советского пакта о ненападении с заключением аналогичного пакта между СССР и Польшей и информировал о готовности польского правительства принять формулу советско-французского пакта (ДВП. Т. XIV. С. 562—563, 566).

² 14 октября 1931 г. Литвинов вручил временному поверенному в делах Польши в СССР запрос о готовности польского правительства подписать с советским правительством такой же пакт о ненападении, который парафирован советско-французскими уполномоченными. Одновременно полпреду СССР во Франции было дано поручение просить Бертелло сделать аналогичный запрос польскому правительству со своей стороны и сообщить о результатах этого запроса советскому полпреду (Там же. С. 570—572). См. также документ № 176.

№ 174

**Из протокола № 68
10 октября 1931 г.**

С л у ш а л и :

п. 13. О Германии (ПБ от 30.IX.31 г., пр. № 66, п. 10-б)¹ (тт. Литвинов, Хинчук, Крестинский, Розенгольц).

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить комиссии в составе тт. Розенгольца, Пятакова, Вейцера, Аркуса, Литвинова и Хинчука выработать проект конкретных предложений как по линии переговоров с промышленниками, так и с правительством, учтя обмен мнений в Политбюро.

Созыв комиссии за т. Розенгольцем. Срок работы — двухдневный.

б) Предрешить поездку в Германию тт. Пятакова и Вейцера.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Пятакову, Вейцеру — все; Аркусу, Литвинову, Хинчуку — «а»; Орджоникидзе — «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 24.

Примечание:

¹ См. документ № 172. В связи с нарастанием валютных трудностей и дисбаланса в советско-германской торговле советское правительство потребовало у немецкого правительства начать переговоры о мерах для стимулирования советского экспорта (ДВП. Т. XIV. С. 464—468; 481). Переговоры начались в августе 1931 г. 15 октября ПБ утвердило директивы к переговорам с Германией о расширении советского экспорта и установило, что Пятаков должен выехать в Германию не позднее 28 октября (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 27—29). Переговоры завершились подписанием 22 декабря итогового протокола, в котором советская сторона заявляла о необходимости доведения советского экспорта в 1932 г. до 750 млн. марок (в 1931 г. — 305,5 млн. марок), а германская сторона — «о своей готовности и в дальнейшем оказывать советской стороне поддержку в этом направлении» (ДВП. Т. XIV. С. 728—730, 750).

№ 175

**Из протокола № 70
20 октября 1931 г.**

Слушали:

п. 6. Об ответах Лиге Наций: а) о сводках вооружений, б) о «перемирии в вооружениях» (тт. Литвинов, Крестинский).

Постановили:

а) Ответ НКИД Лиге Наций по вопросу о сводках вооружений утвердить¹.

б) Ответ НКИД Лиге Наций по вопросу о «перемирии в вооружениях» с принятыми поправками утвердить².

в) Оба ответа опубликовать в печати.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 30.

Примечания:

¹ Телеграмма Литвинова на имя генерального секретаря Лиги Наций относительно сведений о вооружениях была отправлено 21 октября. В ней подтверждалась готовность «содействовать успеху конференции по разоружению» и сообщалось, что СССР уже произвел обмен таблицами сведений о вооружениях с Италией, Польшей и Финляндией и готов к такому же обмену со всяким другим государством (ДВП. Т. XIV. С. 586—587).

² 21 октября в телеграмме генеральному секретарю Лиги Наций Литвинов сообщил о готовности СССР присоединиться к предложению о перемирии в вооружениях с 1 ноября 1931 г. сроком на один год (Там же. С. 585—586).

№ 176

**Из протокола № 76
20 ноября 1931 г.**

Слушали:

п. 6. О Польше (тт. Литвинов, Крестинский, Карахан).

Постановили:

а) Предложить т. Литвинову сегодня же, или в крайнем случае завтра, начать формальные переговоры с Патеком о заключении пакта о ненападении, исходя, согласно предложения Патека, из старого советского проекта пакта.

б) Предложить т. Литвинову завтра же составить проект интервью или сообщения в печати о советско-польских переговорах.

в) Предрешить вручение т. Довгалевским меморандума Бертелло или Бриану с изложением всего хода переговоров о пакте, включая «недоразумения» в заявлениях Бертелло и Залесского; запросить об этом Довгалевского¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 64.

Примечание:

¹ См. документ № 173. 22 ноября было опубликовано сообщение ТАСС о том, что 21 ноября Литвинов принял Патека и предложил ему возобновить переговоры о пакте о ненападении на основе старого проекта пакта 1926 г. Сообщение было составлено в виде меморандума, в котором коротко излагался ход переговоров: говорилось о советском согласии принять за базу редакцию советско-французского пакта, о несогласии с этим польского правительства и возвращении по его настоянию к проекту 1926 г.

№ 177

**Из протокола № 77
22 ноября 1931 г.**

Слушали:

п. 23/1. Вопросы НКВД.

Постановили:

Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова и Кагановича наметить ряд необходимых мероприятий, вытекающих из нынешней международной обстановки¹.

Выписки посланы: тт. Сталину, Молотову, Кагановичу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 68.

Примечание:

¹¹ 28 декабря 1931 г. ПБ постановило включить в комиссию по международным делам Орджоникидзе (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 111.).

№ 178

**Из протокола № 80
9 декабря 1931 г.**

Слушали:

п. 38/3. Об Англии.

Постановили:

Принять предложение т. Литвинова о даче т. Сокольникову следующей директивы: «Меморандума не вручать. В случае обращения к нему Саймона заявить, что при последней его беседе с

Гендерсоном вполне ясно обозначилась позиция обеих сторон и что никакого ответа от нас не требовалось»¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 97.

Примечание:

¹ 10 июля 1931 г. ПБ поручило комиссии в составе Сталина и Молотова представить проект предложений о советской политике по отношению к переговорам с Великобританией (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 108). Советское правительство увязывало урегулирование долгов с соглашениями об английском займе или кредитах и отказывалось выдвигать конкретные предложения до тех пор, пока британская сторона не примет этот принцип. 24 июля 1931 г. полпред СССР в Великобритании Сокольников заявил об этом министру иностранных дел Великобритании Гендерсону. Переговоры фактически прервались. В декабре 1931 г. новый британский министр иностранных дел Дж. Саймон вновь вернулся к этому вопросу и на встрече с Сокольниковым заявил, что советская сторона в течение пяти месяцев уклонялась от ответа на запрос Гендерсона о советской схеме урегулирования претензий. Сокольников ответил, что, поскольку Гендерсон отверг принципиальный подход увязывания долгов и кредитов, советское правительство отказалось выдвигать какую-либо конкретную схему урегулирования. Саймон, как следовало из телеграммы Сокольникова в Москву, заявил, что, «очевидно, имело место недоразумение, что следовало наше предложение, сделанное Гендерсону, зафиксировать на бумаге, что предложение устное, сделанное по ходу беседы, не есть твердое предложение» (ДВП. Т. XIV. С. 435—437; 700—701).

№ 179

**Из протокола № 82
8 января 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 1. О конференции по разоружению (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить проект директив на конференцию по разоружению с поправками т. Сталина (см. приложение)¹.

б) Утвердить делегацию в составе тт. Литвинова (председатель), Сокольникова, Луначарского и Лангового.

в) Разрешить т. Радеку поехать на конференцию от «Известий» с тем, чтобы он опоздал с выездом дня на три.

г) Разрешить Мих. Кольцову поехать на конференцию от «Правды».

д) Определить максимальный состав делегации, вместе с экспертами и сотрудниками, в 30 человек, поручив тт. Литвинову и Кагановичу окончательно установить список.

е) Назначить делегатом в специальный комитет по изучению пакта об экономическом ненападении г. Сокольникова².

Приложение

Сов. секретно

Проект директив

1. Решительно бороться против возможных попыток замены вопроса разоружения или сокращения вооружения постановкой на конференции вопроса о перемирии в вооружениях³, ибо такая замена есть метод закрепления существующих **размеров** вооружений, метод, принципиально несовместимый с методом сокращения вооружения и создает угрозу миру, отдаст мирные и слабые государства на съедение сильным в военном отношении и агрессивным государствам, усиленно развивавшим и развивающим свои вооружения.

2. Делегация не должна, по своей инициативе, поднять или поощрять вопрос об анализе цифр вооружений, сообщенных правительствами Лиге Наций, так как и это может привести к замене вопросов о разоружении другими вопросами.

3. В случае необходимости внесения поправок в таблицу вооружений, представленную СССР, в соответствии с методами учета, принятыми другими государствами, а также вследствие изменений происшедших за последний год, делегации предоставляется право выбора момента для внесения этих поправок по ее усмотрению⁴.

4. Делегация выступает с проектом полного разоружения и настаивает на рассмотрении его конференцией, соглашаясь на назначение специальной комиссии для изучения этого проекта

5. В случае отклонения этого проекта, делегация выдвигает проект максимального сокращения вооружений, внесенный ею в подготовительную комиссию по разоружению.

6. В случае отклонения этого проекта, делегация вносит отдельные статьи проекта в виде поправок к тому проекту конвенции, который будет принят конференцией, видоизмененный, однако, следующим образом:

а) Государства с армией свыше 200 тыс. чел. сокращают численность на 50%, от 30-ти до 200 тыс. — в прогрессивно возрастающей пропорции по соответственной кривой, ниже 30 тыс. сокращению не подлежат.

б) Военные флоты сокращаются по графику, представленному Реввоенсоветом, причем Соединенные Штаты, Англия, Япония остаются в числе стран, сокращающих флот на 50%.

в) Для сокращения воздушного флота устанавливается предел для сокращения на 50% в 1000 самолетов и в 100 самолетов для

не сокращения. Воздушные флоты от 100 до 1000 самолетов сокращаются в прогрессивно возрастающей пропорции.

7. При заключении военных союзов, вооружения союзных стран при применении к ним пропорциональной системы сокращений, должны считаться за одно целое.

8. В случае не прохождения советских предложений, делегация голосует за турецкое предложение о не сокращении армий численностью до 100 тыс. человек, если соответствующие страны не состоят с другими в военном союзе, и о постепенном сокращении армий численностью свыше 100 тыс. чел. в продолжение 3-х лет.

9. При включении в цифру наших морских вооружений Бизертского флота⁵, настаивать ввиду того, что Франция присвоила наш Бизертский флот на праве непосредственной замены всего Бизертского тоннажа новым, заявив, что это наше право считаем непререкаемым.

10. Поддержать требование побежденных в мировой войне стран об отмене односторонних ограничений вооружений, навязанных им мирными договорами⁶.

11. Решительно возражать против увеличения вооруженных сил отдельных стран против существующих, допуская изъятия лишь для особо слабых полуколониальных стран по списку, согласованному между НКВД и Реввоенсоветом.

12. Делегация обязывается заявить, что увеличение вооружений других государств, в особенности тех, которые отрицают необходимость восстановления дипломатических отношений с СССР или заключения пакта о ненападении с ним может вызвать в интересах самозащиты необходимость увеличения вооружений СССР.

13. Решительно возражать против принципа индивидуального определения размеров вооружения для каждой страны, указывая на невозможность нахождения справедливого критерия. Не давая согласия на этот принцип, делегация, однако, продолжает участвовать в разработке этого принципа при соответственном заявлении о желании ознакомиться с окончательными результатами применения этого принципа. Делегация, однако, заранее заявляет, что СССР не только не может одобрить какое ли бы то ни было изменение в соотношении между вооруженными силами СССР и других государств в пользу последних, но требует сокращения вооружения этих государств, усиленно вооружающихся за последние годы.

14. Для установления метода сокращения предметов вооружения делегация предлагает норму технической насыщенности армии, установленную Версалем для Германии.

15. Решительно бороться против замены прямого сокращения вооружений бюджетным. В случае принятия конференцией бюд-

жетного сокращения, делегация настаивает на принципе пропорциональности, а в случае отклонения, поступает согласно п. 13-го.

16. Делегация не возражает против гласности вооружений лишь при условии действительного сокращения вооружений.

17. Согласно директив, данных для работ в подготовительной комиссии по разоружению, делегации предлагается, несмотря на возможное провокационное поведение делегации капиталистических стран, максимально воздерживаться от ухода с конференции и создания поводов для обвинений СССР в срыве конференции.

18. В политических выступлениях делегация при каждом удобном моменте обязательно обращает внимание конференции на угрозу миру, созданную на Дальнем Востоке, угрозу, опрокидывающую всякую возможность разоружения или какого бы то ни было сокращения вооружения.

Выписки посланы: тт. Литвинову — все; Радеку — п. «в»; Мехлису, Кольцову — п. «г».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 107, 113—116.

Примечания:

¹ Конференция по сокращению и ограничению вооружений открылась в Женеве 2 февраля 1932 г. В соответствии с публикуемыми директивами, 18 февраля Литвинов передал председателю конференции советские проекты резолюций о всеобщем разоружении и о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооружений (с поправками) (ДВП. Т. XV С. 115—120).

² Проект протокола об экономическом ненападении был внесен на рассмотрение сессии комиссии по изучению вопроса о европейском союзе в мае 1931 г. (ДВП. Т. XIV. С. 342—343).

³ См. документ № 175.

⁴ См. документы № 151, 175.

⁵ См. документы № 24, 40.

⁶ Германская делегация в период подготовки и на самой конференции выдвинула требование о «равенстве вооружений». Речь шла, прежде всего, об отмене положений Версальского договора, ограничивающего возможность наращивания вооруженных сил Германии.

№ 180

**Из протокола № 86
28 января 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 14. Об Италии¹ (тт. Розенгольц, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять в основе предложение Наркомвнешторга о переговорах. Переговоры вести в Италии².

б) Поручить комиссии в составе тт. Розенгольца, Орджоникидзе, Ворошилова и Сталина решить от имени Политбюро вопрос о составе делегации.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу — все; Орджоникидзе, Ворошилову, Сталину — п. «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 160.

Примечания:

¹ 12 января 1932 г. в беседе с Левенсоном Боттаи от имени итальянского правительства предложил начать переговоры по экономическим отношениям. На следующей встрече с Левенсоном директор министерства корпораций Анцилотти разъяснил схему предложений итальянского правительства по возможным переговорам. Докладывая об этой встрече в письме от 16 января в НКВД и Наркомат внешней торговли, Курский и Левенсон высказались за принятие итальянских предложений и просили наметить конкретные требования в области реализации советского экспорта в Италии. Они предложили также открыть переговоры в Москве, а не в Риме.

² Крестинский сообщил об этих постановлениях ПБ Курскому в письме от 4 февраля (ДВП. Т. XV. С. 820).

№ 181

**Из протокола № 88
13 февраля 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 30/10. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

а) Разрешить т. Гуревичу в целях заключения торг[ового] договора с Францией¹ вступить в переговоры с французскими промышленниками о жирировании нашей нефтяной организацией во Франции выдаваемых нами векселей при размещении заказов.

б) До окончания общих переговоров с французскими промышленниками разрешить т. Гуревичу:

1) попытаться купить во Франции через нашу нефтяную организацию (против векселей последней) часть проката и труб, предусмотренных им[ортным] планом на 1932 год с тем, что контингент будет выделен тов. Розенгольцем;

2) попытаться выдать через нашу нефтяную организацию во Франции заказ на 2—3 нефтеналивных судна при условии 4-летнего кредита;

в) До достижения общей договоренности разрешить НКВТ на базе жирирования векселей нашей нефтяной организации в течение ближайшего времени разместить во Франции заказов на сумму до 10 млн руб., включая сюда прокат, трубы, нефтеналивные суда, заказы Фив Лиль и заказы по цветным металлам.

Выписка послана: т. Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 181.

Примечание:

¹ См. документ № 171.

№ 182

**Из протокола № 88
13 февраля 1932 г.**

Слушали:

п. 31/11. Об Италии.

Постановили:

Утвердить решение комиссии¹ (см. приложение).

Приложение

ПРОТОКОЛ

заседания комиссии Политбюро от 11.II.1932 г.

Присутствуют — члены комиссии: тт. Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Розенгольц. Кроме того присутствовали: тт. Пятаков, Дволайцкий.

Слушали: О переговорах с Италпра.

Постановили: 1. — Назначить делегацию в составе тт. Вейцера, Пятакова, Дволайцкого и Торгпреда в Италии; т. Пятакову выехать в Италию на 10 дней.

II. — Делегации выехать с таким расчетом, чтобы быть в Риме 22-го февраля.

III. — Сообщить Италпра о назначении делегации в указанном в пп. 1-ом составе через т. Курского.

IV. — От Военведа, военной промышленности и от ВОИВ (Нитрошелк) командировать т. Ефимова и 20—30 работников.

V. — Выдвинуть следующие требования по обеспечению нашего экспорта в Италию:

1) Италпра обеспечивают покупку у нас пшеницы в 1932—33 с.х. году (I.VIII.—I.VIII.) в количестве 65—70% импортной потребности Италии;

2) Италпра обязуется по линии сбыта нашей нефти удовлетворить наши требования, изложенные в приложении к настоящему постановлению;

3) В отношении лесоматериалов Италпра обязуется дать указание государственным и муниципальным организациям покрывать свои импортные потребности по преимуществу советским лесом и, в частности, обеспечить покупку у нас леса военным ведомством и государственными железными дорогами;

4) Италпра обязуется дать распоряжение государственным и муниципальным организациям, в первую очередь государственным железным дорогам, покупать для своих потребностей преимущественно наш антрацит и уголь;

5) Италпра предоставляет нам генеральное наибольшее благоприятствование (на началах взаимности), причем мы в случае требования Италпра, отказываемся от льгот, предоставленных нам по отдельным товарам таможенной конвенцией 1924 г.;

6) Италпра принимает на себя обязательство в случае введения им в дальнейшем ограничений по импорту и по переводу валюты предоставлять нам право перевода нашей валютной выручки. Мы соглашаемся на внесение этого обязательства Италпра в отдельный особо секретный протокол.

VI. — Если для осуществления мер итальянского правительства, обеспечивающих реализацию наших экспортных товаров, потребуются заключение нами договоров со специально созданными для этой цели организациями итальянских фирм, предоставить делегации право принять в принципе указанный модус.

VII. — Считать возможным пойти на следующие уступки Италпра:

1) Обязаться перед Италпра целиком использовать в 32 г. гарантийный кредит, предоставленный нам соглашением 27.IV.31 г.² при условии, что цены и тех[нические] условия итальянских фирм не будут хуже, чем в других странах;

2) Мы обязуемся увеличить фрахтование итальянских судов на 600 тыс. тонн против 1931 года (до 3,2 млн. тонн), при условии соответствия фрахтовых ставок;

3) Мы обязуемся кредитовать итальянские фирмы по экспорту с таким расчетом, чтобы задолженность итальянских фирм нам составила к концу 1932 года 3 мил. руб.;

4) Мы обязуемся в порядке т.н. джентльменского соглашения вносить в один из итальянских банков срочные вклады в золоте с таким расчетом, чтобы общая сумма этих вкладов достигла к концу 1932 года 3,5 мил. рублей.

VIII. — Оговорить, что наши уступки по импорту сохраняют силу в случае выполнения Италпра его обязательств по обеспечению нашего экспорта.

IX. — Размещение заказов по импорту поставить в зависимости от обеспечения Италпра нашего экспорта, и крупных заказов не подписывать до подписания соглашения по экспорту и валюте.

X. — Заказы для военной промышленности на предмет вооружений и на техпомощь по нитрошелку определить в 50—100 млн. лир.

Приложение

К ПОСТАНОВЛЕНИЮ «О ПЕРЕГОВОРАХ С ИТАЛЬЯНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ»

По нефти Италпра обязуется:

а) закупить у нас через Аджип, кроме предусмотренных договором 75 тыс. тонн бензина ежегодно, по 20 тыс. тонн дополнительно ежегодно в 1932, 1933 и 1934 гг. по мировым ценам с 10%-ной скидкой с них;

б) способствовать нашей организации Петролиа разместить через собственный аппарат последней следующее количество бензина:

в 1932 году..... 20.000 тонн

в 1933 году..... 30.000 тонн

в 1934 году..... 40.000 тонн

В случае, если Петролиа не продаст означенные количества, Италпра обязуется побудить Аджип закупить у Петролиа непроданные остатки;

в) закупить у нас через Аджип, сверх установленных договором 225 тыс. тонн мазута в год, в 1932 г. дополнительно 175 тыс. тонн;

г) побудить Марину заключить с нами договор о закупке 1 млн. тонн мазута в течение 3—6 лет;

д) предоставить Петролиа реальную возможность свободного строительства инсталляций.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 185, 186.

Примечания:

¹ См. документ № 180. 8 февраля ПБ приняло решение: «Пополнить состав комиссии Политбюро по вопросу о посылке делегации в Италию тов. Молотовым и разрешить вопрос в 24 часа». В тот же день по предложению Сталина было оформлено решение ПБ о назначении главой делегации в Италию Пятакова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 173).

14 февраля решением ПБ состав делегации был пополнен секретарем советского полпредства в Италии Вейнбергом (Там же. Л. 182). В конечном итоге, во главе советской делегации на торговых переговорах в Италии был поставлен заместитель наркома внешней торговли Вейцер, а Пятаков назначен членом делегации.

² См. примечание 1 к документу № 162.

Из протокола № 89
23 февраля 1932 г.

Слушали:

п. 16. Об Англии (т. Розенгольц).

Постановили:

а) Принять предложения т. Розенгольца с внесенными поправками (см. приложение).

б) Сообщить т. Озерскому, что все эти условия могут быть предложены, если будет обеспечен нам свободный экспорт леса, хлеба и других товаров и что эти наши уступки являются максимальными.

в) Считать нецелесообразным официальное участие т. Сокольникова в переговорах, так как при неудаче переговоров они могут привести к невыгодным политическим последствиям.

г) т. Сокольников должен сообщить Саймону, что правительство поручило вести переговоры об экспорте и импорте т. Озерскому, которому даны все необходимые директивы¹.

Приложение

Постановление Политбюро
от 23.II.32 г. о переговорах с Англией

1. Разрешить т. Озерскому сделать официальное заявление от имени Союзного правительства о нашем согласии довести количество размещаемых в Англии в 1932 г. заказов до 20 мил. фунтов стерлингов, при предоставлении соответствующих технических условий и соответствующих цен, а также при условии сохранения со стороны английского правительства благоприятного отношения к нашему экспорту и непринятия им никаких ограничительных мер против него.

Из размещаемых заказов на сумму 20 мил. фунт. ст. заказы на оборудование, металлы и др. предметы английского происхождения должны составить 15 мил. фунт. ст. и заказы на реэкспортные товары, главным образом, из английских колоний и доминионов — на 5 мил. ф. ст.

2. Выразить согласие на разделение наших заказов, по которым имеется гарантия правительства, на три группы: 1) первая группа со сроком кредита в 12 мес. со дня поставки, в отношении таких товаров, как ферросплавы, легированные специальные стали, инструменты и аппаратура, согласно прилагаемого перечня. Дать согласие в отношении этой группы разместить заказов на сумму 1,5 мил. фунт. стерл. (10 мил. зол. рублей); 2) вторая группа — со сроком кредита 18 мес. со дня поставки (черные металлы и оборудование, согласно прилагаемого перечня) на сумму

(первая позиция) — 4,5 мил. фунт. ст. (30 мил. зол. рублей);
3) третья группа — среднее и тяжелое оборудование (согласно прилагаемого списка) — со сроком кредита 24 мес. со дня поставки, — на сумму 9 мил. фунт. ст. (60 мил. зол. рублей).

В качестве второй позиции выразить согласие на то, чтобы заказать товары второй и третьей группы поровну, т. е. по каждой группе на 6.750.000 фунт. стерлингов (45 мил. зол. рублей).

3. Если англичане не удовлетворятся размером заказов и будут настаивать на дальнейшем увеличении наших заказов, сообщить, что мы не можем рассматривать дальнейшее увеличение заказов без увеличения сроков кредита и что мы согласны были бы рассмотреть дополнительные контингенты на тяжелое оборудование, главным образом прокатные станы со сроками кредита 30 мес. со дня поставки по заказам в 32-м году — на 7,5 мил. фунт. стерлингов (50 мил. золотых руб.).

4. Сообщить англичанам, что при удовлетворительном разрешении вопроса о нашем экспорте мы согласны пойти на увеличение в 32 г. фрахтуемого тоннажа английского флага на 40%, при условии соответствия цен фрахта.

5. Командировать в Англию в срок, который установить в дальнейшем, группу видных хозяйственников. Список командированных установить т. т. Орджоникидзе и Розенгольцу.

6. Поручить Наркомвнешторгу, совместно с ВСНХ, выделить конкретный портфель заказов в Англии на оборудование и черные металлы в 32 г. на сумму 100 мил. рублей.

Срок исполнения — не позже 1-го марта.

Само подписание крупных договоров по заказам производить лишь после заключения общего соглашения по экспорту и импорту и лишь после подтверждения из Москвы.

7. В качестве обеспечения по долгосрочным кредитам допустить, в виде первой позиции, акцептование импортных векселей нашими экспортными организациями.

В качестве второй позиции, не сообщаемой пока т. Озерскому согласиться на предоставление конкретных обеспечений материального порядка с тем, чтобы они составляли не больше 5% от заказов, получаемых в кредит (депонирование платины, золота, валюты).

8. Разрешить т. Озерскому при личных беседах с представителями английского правительства конфиденциально сообщить цифру нашей задолженности в размере ...² с разбивкой по ряду стран, указав, что она разбивается в основном на три ближайших года и ежегодно покрывается нашим экспортом за 6 месяцев не считая добычи золота.

При вопросе о нашем золотом запасе сослаться на официально публикуемые данные.

9. Отпустить т. Озерскому фонд в 10.000 ф. ст. на информационную работу и на представительские расходы.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу — все; Крестинскому — без приложения.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 187, 190—191.

Примечания:

¹ 5 февраля 1932 г. министр иностранных дел Великобритании Саймон передал временному поверенному в делах СССР в Великобритании заявление для советского руководства, в котором говорилось, что «английское правительство чрезвычайно обеспокоено неблагоприятным для Англии балансом в англо-советской торговле», ставился вопрос об увеличении советских заказов и содержалось предупреждение, что «в случае, если такое состояние англо-советской торговли будет продолжаться, английское правительство должно будет само принять меры к сбалансированию торговли» (DBFP. Second Series. Vol. VII. Doc. 15. P. 231—232; ДВП. Т. XV. С. 86—87). Подобные заявления сопровождались публикациями в английской печати о возможной денонсации англо-советского торгового соглашения. Для того чтобы предотвратить обострение отношений, советское руководство решило начать переговоры на основе публикуемых условий, которые означали готовность расширить закупки в Англии в случае предоставления английской стороной долгосрочных кредитов (тяжелая финансовая ситуация не позволяла СССР принимать платежные обязательства на 1933 г.). 26 февраля 1932 г. Крестинский сообщил Сокольникову о принятых решениях (Там же. С. 141—142).

² В документе цифра задолженности не указана.

№ 184

**Из протокола № 90
26 февраля 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 42/5. Телеграмма т. Литвинова.

П о с т а н о в и л и :

Поручить т. Крестинскому послать т. Литвинову следующую телеграмму:

Инстанция не настаивает на Вашем приезде в Москву и предлагает делегации согласиться на участие на равных правах, если державы, подписавшие пакт Келлога, пригласят СССР на совещание по китайско-японскому конфликту¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 193.

Примечание:

¹ Речь идет о возможном участии советской делегации (находившейся в это время в Женеве на конференции по сокращению и ограничению воору-

жений) в заседании ассамблеи Лиги Наций, назначенном на 3 марта для рассмотрения дальневосточного конфликта. 26 февраля Литвинов сообщил в Москву, что «о приглашении не членов Лиги Наций на ассамблею речи больше нет» (ДВП. Т. XV. С. 140).

№ 185

**Из протокола № 94
1 апреля 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 14. О конференции по разоружению (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Принять с поправками предложения НКИД (см. приложение) ¹.

Приложение

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) от 1.IV.32 г. О КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

1. Делегация должна высказываться и голосовать против финского предложения о международном соглашении о демилитаризованных зонах, указывая на нецелесообразность общего решения вопроса и на возможность разрешения его двусторонними соглашениями.

2. Делегация высказывается и голосует против отмены обязательной воинской повинности, аргументируя, между прочим, оторванностью профессиональных армий от населения, облегчающей использование их для внутренних целей.

3. Делегации не соглашаться на сокращение срока военной службы.

4. Делегация должна поддержать предложение о полном упразднении военной авиации, или, по крайней мере, об упразднении бомбардировочной авиации.

5. Делегация может согласиться на полное упразднение подводных лодок только при условии одновременного полного упразднения флотов.

6. Делегация не должна поддерживать предложение о запрещении строительства крепостей и укрепленных районов, служащих оборонительным целям.

7. Во изменение прежних постановлений, делегация должна предложить сокращение военной авиации на 50% для стран, имеющих 750 самолетов и свыше.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 33, 65.

Примечание:

¹ См. документ № 179.

№ 186

**Из протокола № 94
1 апреля 1932 г.**

С л у ш а л и :

п.15. О посылке делегации в Испанию (тт. Розенгольц, Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

Поручить т. Литвинову выяснить в Женеве у испанского мундела отношение испанского правительства к приезду в Испанию приглашенной Управлением нефтяной монополии советской ответной хозделегации и в случае положительного отношения Испанпра делегацию в Испанию послать¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 33.

Примечание:

¹ В январе 1932 г. директор испанской нефтяной монополии Молукер по поручению испанского правительства приехал в Париж и передал временному поверенному в делах СССР во Франции и советскому торгпреду во Франции сообщение. В нем говорилось, что испанское правительство желает возобновить торговые и дипломатические отношения с СССР и для переговоров по этим вопросам предлагает послать в Испанию советскую делегацию (формально делегацию хозяйственников в ответ на визит испанской торгово-промышленной делегации, состоявшийся в октябре 1931 г.) (ДВП. Т. XV. С. 22—23). 16 января 1932 г. ПБ поручило парижскому полпреду ответить Молукеру, что ответная советская хозяйственная делегация будет отправлена в Испанию в случае, если испанское правительство подтвердит посланное Молукером приглашение (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 129). Однако в последующие месяцы испанские официальные лица сделали ряд опровержений по поводу начала переговоров с СССР о возобновлении дипломатических отношений, а представитель МИД Испании заявил, что МИД ничего не известно о возможном визите советской делегации. Все это вызвало публикуемое решение Политбюро. Выполняя его, Литвинов сделал соответствующий запрос и получил ответ от министра иностранных дел Испании Зулуеты: «Испанское правительство было осведомлено о письме Молукера, и оно считает приезд делегации желательным, но находит настоящий политический момент неподходящим и просит поэтому отложить приезд делегации» (ДВП. Т. XV. С. 271).

**Из протокола № 95
8 апреля 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 8. Об Италии¹ (тт. Розенгольц, Крестинский).

П о с т а н о в и л и :

а) Разъяснить Наркомвнешторгу и Наркоминдел, что особенно доверять нашим шифрам нельзя, что по вопросам серьезного значения надлежит избегать переписки шифром, а посылать, как правило, соответствующих людей с письмом.

Предложить НКВТ и НКИД инструктировать в этом духе своих представителей за границей.

б) Поручить НКВТ послать на имя т. Дволайцкого телеграмму о том, что инициативу переговоров взяли итальянцы, а не мы, и поскольку они предлагают невозможные условия, то, очевидно, они не заинтересованы в переговорах². Кроме того, в телеграмме сказать, что так как в сообщении т. Дволайцкого имеются неясные пункты, то предлагается т. Дволайцкому приехать для доклада в Москву.

в) Поручить комиссии в составе тт. Пятакова, Ворошилова и Сталина рассмотреть вопросы организации переписки по военным заказам³.

г) Поручить т. Розенгольцу послать через т. Халепского Вейцеру и торгпреду в Италии — письмо о том, что все необходимые заказы надлежит разместить в Италии независимо от переговоров, а часть заказов перенести в другие страны⁴.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Крестинскому — все; Пятакову, Ворошилову, Сталину — п. «в».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 82.

Примечания:

¹ Итало-советские экономические переговоры начались 3 марта 1932 г. в Риме (ДВП. Т. XV. С. 154—158). В меморандуме, направленном Гранди 18 марта, Курский отметил недостаточную активность переговоров: советская делегация не получала ответ на предложения, относящиеся к вывозу пшеницы и нефти. Кроме того, советская сторона отвергала итальянские требования о золотом депозите в качестве гарантии поставок итальянских товаров (Там же. С. 189—191; DDI. Serie VII. Vol. XI. Doc. 304. P. 495—496). В тот же день Курский и Вейцер разъяснили основные пункты этого меморандума Гранди, который обещал сообщить о нем Боттаи и Муссолини, подчеркивая интерес Италии в успешном исходе переговоров (ДВП. Т. XV. С. 193).

² Курский сообщил об этом пункте постановления ПБ во время беседы с Аттолико 11 апреля 1932 г (ДВП. Т. XV. С 227—228).

³ 25 сентября 1931 г. ПБ назначило комиссию, которой поручалось изучить вопрос о заказах военного ведомства в Италии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 13). Предложения комиссии рассматривались ПБ на заседании 12 мая 1932 г. (Там же. Д. 12. Л. 135).

⁴ 12 мая 1932 г. ПБ утвердило перечень оборудования на 340 тыс. руб. для заказа в Италии; 15 мая — постановило «купить все образцы по телемеханике» у итальянской фирмы «Сименс Олал» на 500 тыс. долларов, а также заключить договор с фирмой «Фиат» (Там же. Л. 133, 135).

№ 188

**Из протокола № 100
16 мая 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 26. Об информационном бюро (ПБ от 1.IV.32 г. пр. № 94, п. 18) (тт. Радек, Стецкий).

П о с т а н о в и л и :

а) Принять предложения тт. Стецкого и Радека о задачах информационного бюро (см. приложение).

б) Вопрос о работниках для информационного бюро передать в Оргбюро.

Приложение

ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ БЮРО

Задачи БМИ

1. Задачи БМИ состоят:

а) В проверке, сводке, информации по международным делам, приходящим в ЦК ВКП(б) по всем каналам наших учреждений.

б) В извлечении их из иностранной прессы и литературы.

в) В заплучении сведений из иностранных источников.

г) В проверке результатов всей предыдущей работы через высылаемых, в острые моменты, собственных корреспондентов.

2. Разработанный таким образом материал служит:

а) Для ежедневной информации ЦК.

б) Накопляется для разработки в случае необходимости новых, крупных вопросов, в данный момент не решаемых.

в) По указаниям Секретариата ЦК — служит информацией для нашей прессы.

3. БМИ создает только небольшой подсобный постоянный аппарат (переводчики и т.д.), не развертывает работы постоянных кадров собственных сотрудников.

Использует все наличные учреждения, работающие над экономическими, политическими и военными проблемами капиталистических стран. БМИ пользуется их материалами, дает им задания, кроме того, заказывает работы знатокам вопросов. Единственный постоянный кадр, который БМИ создает — это кадр разъездных корреспондентов, которые на основе своего знания, специальных связей могут в моменты, когда надо непосредственно проверить наши суждения, выезжать для этой проверки. Эти специальные корреспонденты не имеют никаких оперативных задач, не могут вмешиваться в работу наших учреждений за границей, не передают никаких директив. Они только наблюдатели, которые должны на месте изучить положение и доложить о результатах своей работы. Они отправляются в качестве спецкоров своей газеты, получая задачу и инструкции от БМИ.

Постоянный, работающий при ЦК аппарат состоит из руководителей и двух его помощников — по экономическим и политическим вопросам, и наконец, из технических сотрудников.

4. Список спецкоров на ближайшие месяцы утверждается тов. Сталиным.

5. На ближайшие месяцы работа концентрируется на освещении следующих вопросов:

- а) польско-советских,
- б) немецко-польских,
- в) немецко-советских отношений,
- г) отношениям Балтики к Польше,
- д) отношения балканско-придунайских стран к проблеме войны с СССР,
- е) организующей роли Франции,
- ж) японо-американским отношениям,
- з) японо-советским отношениям.

6. Бюджет БМИ распадается на три части:

а) Бюджет Московского аппарата БМИ устанавливается совместно с Управлением делами ЦК ВКП(б).

б) Для финансирования поездок за границу открывается в Наркомфине валютное konto спецкоров «Известий» (бюджет заранее определить нельзя, каждая поездка будет согласована с т. Сталиным).

в) Для финансирования заказов — статей, материалов, разрабатываемых здесь, на месте, местными силами, БМИ имеет подотчетный фонд в советских знаках.

Ввиду того, что не всегда желательно, чтобы работающий знал, что пишет для БМИ, этот фонд будет давать заказы и вести расчеты в качестве иностранного отдела «Известий».

7. После организации БМИ Секретариат ЦК поручит соответствующим партийным и советским учреждениям, снабжать БМИ всеми своими информацией, давать БМИ требуемые объяснения и давать разработку вопроса по поручению БМИ.

8. БМИ не выступает официально, а ведет свою работу как секретную.

Выписки посланы: тт. Радеку, Стецкому — все; Оргбюро — п. «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 135, 143—144.

№ 189

**Из протокола № 104
16 июня 1932 г.**

Слушали:

п. 77/19. О предоставлении данных о военном бюджете 1929—30 г. для конференции по разоружению.

Постановили:

а) Принять предложения т. Ворошилова¹ о даче сведений по установленной НКВМором форме с предварительной рассылкой документа членам КО².

б) Признать, что опубликование НКФинном данных о военном бюджете в каких бы то ни было сборниках допускается только по согласованию с НКВМ (по войскам ОГПУ — с ОГПУ).

Выписки посланы: тт. Ворошилову, Гринько.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 183.

Примечания:

¹ 8 июня 1932 г. ПБ поручило решение вопроса о посылке сведений о военном бюджете комиссии в составе: Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович, Молотов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 173).

² Представленный СССР в Лигу Наций военный бюджет за 1929/1930 г. на общую сумму 1096 млн. руб. был сфальсифицирован. Например, судя по архивным данным, расходы по военным заказам составляли в этом году 347 млн. руб. против 191 млн. руб., указанных в отчете, представленном в Лигу Наций (Davies R.W. Soviet Military Expenditure and the Armament Industry, 1929-33: A Reconsideration // Europe-Asia Studies. Vol. 45. № 4. 1993. P. 581, 593).

**Из протокола № 106
28 июня 1932 г.**

Слушали:

п. 40/9. О пакте с Румынией (т. Крестинский).

Постановили:

Послать т. Литвинову через НКВД следующую телеграмму (см. приложение).

Приложение

«Заявите Залесскому, что, поскольку в предложенном проекте советско-румынского пакта нет оговорки о том, что спорные между СССР и Румынией вопросы пактом не задеваются и что стороны сохраняют по ним свои позиции, его формулировка для нас неприемлема.

Вместе с тем скажите, что вы принимаете предложение Титулеску о возобновлении переговоров о пакте¹.

Принимайте меры к тому, чтобы задержка заключения пакта с Румынией не имела своим последствием отсрочки подписания и ратификации пакта с Польшей². По поручению инстанции Крестинский»³.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 3, 9; ДВП. Т. XV. С. 392.

Примечания:

¹ 23 июня Литвинов, находившийся в Женеве, направил в Москву телеграмму, в которой сообщал, что министр иностранных дел Польши Залесский после разговора с посланником Румынии в Великобритании Титулеску, заявил Литвинову, что румынское правительство готово возобновить переговоры о пакте о ненападении. Залесский вручил Литвинову и Титулеску выработанный им проект пакта, который был почти точной копией проекта польско-советского пакта. Титулеску одобрил этот проект (ДВП Т. XV. С. 380). Советское руководство не устраивало отсутствие в проекте специальной оговорки о сохранении и после заключения пакта спорных вопросов, под которыми подразумевался бессарабский вопрос. См. также документ № 191.

² Договор о ненападении между СССР и Польшей был подписан 25 июля 1932 г.

³ Телеграмма была отправлена Литвинову в тот же день, 28 июня (ДВП Т. XV. С. 392).

№ 191

**Из протокола № 113
19 августа 1932 г.**

Слушали:

п. 51/14. О Франции и Румынии.

Постановили:

а) Поручить т. Довгалеvскому дать следующий ответ французам¹:

1. В случае согласия Франции на подписание франко-советского пакта о ненападении, предложенные ими новые поправки к пакту препятствием не явятся².

2. Товарищ Литвинов уже в Женеве заявил посредничавшим полякам и французам, что не возражает против перенесения упоминания о советско-румынских спорах из самого пакта в заключительный протокол³. Предложение г-на Леже может поэтому оказаться базой для соглашения. Тов. Довгалеvский поэтому изъявляет согласие встретиться с г-ном Титулеску немедленно для достижения окончательного соглашения.

б) Поручить т. Литвинову дать т. Довгалеvскому инструкцию для переговоров с Титулеску⁴.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 76.

Примечания:

¹ Данные директивы были даны в ответ на предложения, которые выдвинул директор политического и торгового департамента МИД Франции Леже в беседах с полпредом СССР во Франции Довгалеvским (ДВП. Т. XV. С. 462—463, 481—485).

² Поправки к парафированному тексту договора о ненападении, выдвинутые французским руководством, касались расторжения договора в случае нападения одной из сторон на третью державу и действия ранее заключенных соглашений. Французские поправки в основном были учтены в подписанном 29 ноября 1932 г. договоре о ненападении между СССР и Францией (Там же. С. 788).

³ См. примечания к документу № 190.

⁴ 20 августа Литвинов сообщил об этом решении ПБ Довгалеvскому телеграммой. В тот же день в дополнительной телеграмме он сообщил дополнительные инструкции (ДВП. Т. XV. С. 481, 791).

№ 192

**Из протокола № 114
1 сентября 1932 г.**

Слушали:

п. 4. О разоружении (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать необходимым участие т. Литвинова в сентябрьском заседании президиума конференции¹.

б) Прекратить впредь до дальнейших решений участие советских представителей в технических комиссиях конференции, частности в Бюджетной комиссии².

в) Послать письменный ответ на вопросник Бюджетной комиссии³ и с этой целью обязать Наркомфин, Наркомвоенмор другие ведомства дать необходимые для этого бюджетные сведения.

Выписки посланы: тт. Литвинову — все, Ворошилову — «в».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 82

Примечания:

¹ См. документ № 185. 21 сентября 1932 г после перерыва конференция возобновила свою работу, которая с этого времени проходила исключительно в Бюро, комиссиях и комитетах — рабочих органах конференции

² Работа технических комиссий конференции подвергалась публичной критике со стороны советской делегации за академический характер и бесплодность (ДВП. Т. XV. С. 377—378).

³ Комиссия по расходам на государственную оборону.

№ 193

**Из протокола № 114
1 сентября 1932 г.**

С л у ш а л и :

п. 6. О тт. Курском и Сокольникове (т. Литвинов).

П о с т а н о в и л и :

а) Освободить т. Курского, согласно его просьбы, от обязанностей полпреда в Италии.

б) Назначить полпредом в Италии т. Потемкина, освободив его от обязанностей полпреда в Греции.

в) Полпредом в Греции назначить т. Давтяна.

г) Освободить т. Сокольникова, согласно его просьбы, от обязанностей полпреда в Англии.

д) Предрешить назначение полпредом в Англии т. Майского, со вступлением его в обязанности полпреда не позднее 15 октября с. г.

е) Предложить т. Сокольникову выехать в Лондон и остаться там до приезда нового полпреда (до 15 октября).

Выписки посланы: т. Литвинову — все; т. Сокольникову — «е».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 82.

№ 194

Из протокола № 115
3 сентября 1932 г.

С л у ш а л и :

п. 19/3. Вопрос РВС (т. Гамарник).

П о с т а н о в и л и :

а) Утвердить поездку на маневры в Германии следующих товарищей: Тухачевский, Фельдман, Седякин, Фесенко, Гарькавый, Вайнер, Клейн-Бурзи, Хорошилов, Трифонов, Петкевич.

б) Согласиться на допущение на учения РККА 6 германских и 3 итальянских офицеров.

в) Не возражать против присутствия на учениях РККА предложенных РВС иностранных военных атташе.

Выписки посланы: тт. Ворошилову, Литвинову — все; Горб (ОГПУ) — «а», «б».

Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 90.

№ 195

Из протокола № 129
27 января 1933 г.

С л у ш а л и :

п. 57/39. Об Италии¹.

П о с т а н о в и л и :

1) Предложить торгпреду в Италии т. Левенсону договориться с Италпра на базе превышения нашего экспорта над импортом, включая сюда и фрахт, в 1933 году (прохождение таможенной границы) на сумму в 10—15 мил. рублей.

2) В случае не достижения соглашения на основе директивы, изложенной в п. 1-м, предложить Италпра следующий модус: нам представляется возможность без всякой импортной компенсации экспортировать в Италию на 10—15 млн. рублей с тем, что весь экспорт сверх этой суммы компенсируется нами равной суммой заказов (в заказы включить по возможности и фрахтование итальянского тоннажа).

Предложить итальянцам принять этот модус как **устное соглашение**, заявив им в устной же форме,

а) что мы не намерены пойти на аналогичное соглашение в отношении какой бы то ни было другой западной страны,

б) но что мы выражаем готовность подтвердить письменно это соглашение с Италией, если бы мы в дальнейшем подписали подобное соглашение с какой-нибудь другой западной страной.

3) Отвергнуть предложение Италпра о введении разрешительной системы для нашего экспорта и об организации постоянной смешанной комиссии для наблюдения за ходом советско-итальянской торговли. Для проверки исполнения сторонами вновь заключаемого соглашения предложить Италпра периодическую встречу (не чаще чем через 4—6 месяцев) представителя Италпра и торгпреда. Разрешить т. Левенсону принять на себя обязательство в случае, если наш импорт или заказы за проверяемый период окажутся недостаточными, исправить обнаружившееся несоответствие до следующей проверки².

4) Во всем остальном оставить в силе постановление Политбюро от 17.XI.32 года³.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Левенсону.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 49.

Примечания:

¹ Телеграммой от 28 декабря 1932 г. Муссолини сообщил послу Италии в Москве, что итальянская делегация решила прервать переговоры с Советским Союзом из-за «непримиримого подхода» Левенсона (DDI. Serie VII. Vol. XII. Doc. 580. P. 700). 16 января 1933 г. итальянское правительство известило советское посольство о денонсировании торгового договора и таможенной конвенции от 7 февраля 1924 г. (ДВП. Т. XVI. С. 66).

² Публикуемое решение ПБ представляло собой инструкцию советскому торгпреду Левенсону о продолжении торговых переговоров. 28 января советский полпред в Италии сообщил Муссолини о намерении правительства СССР продолжить такие переговоры «немедленно по возвращении т. Левенсона из Москвы с надлежащими уступками» (ДВП. Т. XVI. С. 65—66)

³ 17 ноября 1932 г. ПБ разрешило торгпреду в Италии Левенсону в контакте с полпредом начать переговоры с итальянским правительством о заключении торгового договора на основе предложений Наркомвнешторга (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 14).

№ 196

**Из протокола № 129
27 января 1933 г.**

Слушали:

п. 58/40. Об Англии.

Постановили:

Утвердить проект директивы тт. Майскому и Озерскому по переговорам с английским правительством¹ (см. приложение).

Приложение

ДИРЕКТИВА

т.т. Майскому и Озерскому по переговорам
с английским правительством

1. В случае невозможности договориться с англичанами о сохранении в новом торговом договоре безоговорочного генерального наибольшего благоприятствования —

первая позиция —

настаивать на формуле генерального наибольшего благоприятствования с **ограничением действия** этого принципа в отношении нескольких товаров (хлеб, лес, рыбные консервы и др. по списку, устанавливаемому НКВТ) лишь определенными количествами ежегодного вывоза в Англию.

вторая позиция —

пойти на формулу **списочного** наибольшего благоприятствования, согласившись на ограничение действия этого принципа в отношении нескольких товаров (хлеб, лес, рыбные консервы и др. по списку, устанавливаемому НКВТ) определенными количествами ежегодного вывоза в Англию.

2. Добиться письменного заявления англичан, что они не видят никаких оснований для применения к нам ст. 21-й Англо-Канадского соглашения в течение всего времени действия нового торгового договора, поскольку мы соглашаемся ограничить определенными количествами наш ежегодный вывоз товаров, по которым мы конкурируем с Канадой (хлеб, лес, рыбные консервы и др. по списку, устанавливаемому НКВТ).

3. Согласиться с предложением англичан об установлении определенного соотношения между нашей экспортной выручкой и платежами в Великобритании, предложив им, чтобы соотношение это составляло:

	Первая позиция	Вторая позиция
для первого года действия договора	2:1	1,5:1
для второго " " "	1,75:1	1,4:1
для третьего " " "	1,5:1	1,3:1
для четвертого " " "	1,4:1	1,2:1
для пятого " " "	1,2:1	1,1:1

Примечание: 1. Добиться включения в наши платежи не только сумм, идущих на оплату н / обязательств по заказам, но также фрахта и торговых расходов, производимых нами на территории Великобритании.

Примечание: 2. Предусмотреть, что излишек платежей сверх пропорции, установленной для данного года, включается в платежи следующего года.

Примечание: 3. Предусмотренная этим пунктом пропорция может быть превышена в нашу пользу с разрешения Англопра.

4. Оговорить, что при соблюдении пропорций, предусмотренных в п. 3-м, мы пользуемся правом свободного перевода нашей выручки.

5. Договор заключить на пять лет с тем, чтобы сторонам было предоставлено право денонсировать его через два года с предупреждением за 6 месяцев.

6. Одновременно с подписанием торгового договора, добиться соглашения с Департаментом Экспортных кредитов о гарантировании английским правительством наших обязательств по импорту с средним кредитом в 21 мес. (1-я позиция), 18 мес. (2-я позиция).

7. В случае, если этого потребуют англичане, согласиться на периодическую проверку (не чаще двух раз в год) исполнения сторонами установленного договором соотношения между нашей выручкой и платежами; в случае, если бы обнаружилось, что платежи за проверяемый период больше или меньше соответствующей пропорции, предусмотренной п. 3-м, обнаружившееся несоответствие исправляется до следующей проверки.

8. Добиваться выделения в особое соглашение вопроса о соотношении между нашей выручкой и платежами.

9. Наркомвнешторгу и НКТяжпрому в пятнадцатидневный срок выделить, за счет контингентов имплана 1933 года, контингент маневренных заказов на сумму в 3 млн. фунтов для переговоров с фирмами и сверх этого заявить англичанам, что в случае, если они пойдут на уступки, мы закупим в Англии сельдей на 1 млн. руб[лей].

10. Разрешить т. Озерскому израсходовать в 1933 году на информационные расходы и представительские нужды неиспользованный в 32-м году фонд, предоставленный в его распоряжение постановлением Политбюро от 23-го февраля 1932 года².

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Озерскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 49, 57—58.

Примечания:

¹ См. документ № 183. 11 ноября 1932 г. во время встречи с Майским Саймон предложил начать переговоры о заключении нового торгового договора (ДВП. Т. XV. С. 434; DBFP. Second series. Vol. VII. Doc. 176. P. 265). 6 декабря 1932 г. Литвинов передал Майскому положительный ответ Советского Союза на предложение Саймона (ДВП. Т. XV. С. 811). Переговоры было поручено вести Майскому и заместителю наркома внешней торговли Озерскому (Там же. С. 673).

² Решением ПБ от 23 февраля 1932 г. Озерскому был отпущен фонд в 10000 фунтов стерлингов на информационную работу и на представительские расходы (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 191).

№ 197

**Из протокола № 140
19 июня 1933 г.**

С л у ш а л и :

п. 26/5. Об Италии¹.

П о с т а н о в и л и :

Принять предложения т. Потемкина, т.е. независимо от извещения французов о переговорах с Италией немедленно дать согласие Муссолини на его предложение о пакте и представить ему наш проект пакта ненападения, поручив ведение переговоров т. Потемкину².

Выписки посланы: тт. Крестинскому, Потемкину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 162.

Примечания:

¹ Проект заключения итало-советского договора о нейтралитете или о ненападении возник в первый раз во время встречи Гранди и Литвинова, состоявшейся в Милане 24 ноября 1930 г. (DDI. Serie VII. Vol. IX. Doc. 411. P. 589—595). 22 февраля 1933 г. в беседе с Алоизи Литвинов, ссылаясь на свой разговор с Гранди в Милане, снова предложил проект договора о ненападении (DDI. Serie VII. Vol. XIII. Doc. 126. P. 127—128). В телеграмме от 9 марта 1933 г. к Аттолико Муссолини выразил убежденность, что еще не пришло время принять советские предложения о пакте (Ibid. Doc. 186. P. 198—199). Тем временем, 6 мая положительно завершились торговые переговоры (ДВП. Т. XVI. С. 284—287). Встретившись с Муссолини 28 мая, советский посол Потемкин еще раз предложил план политического договора и на этот раз получил положительный ответ от главы итальянского правительства (ДВП. Т. XVI. С. 316—321; DDI. Serie VII. Vol. XIII. Doc. 726. P. 776—778). Во время беседы с Литвиновым, состоявшейся в Лондоне 17 июня, Сувич утверждал, что итальянское правительство ожидало конкретные политические предложения со стороны советского правительства и считало желательным связать эти предложения с переговорами между Литвиновым и Гранди в Милане (DDI. Serie VII. Vol. XIII. Doc. 858. P. 896).

² 19 июня Крестинский передал Потемкину это постановление ПБ и поручил ему сообщить о нем официально Аттолико (ДВП. Т. XVI. С. 35; DDI. Serie VII. Vol. XIII. Doc. 896. P. 907). Переговоры закончились 2 сентября подписанием итало-советского договора о дружбе, ненападении и нейтралитете (ДВП. Т. XVI. С. 494—496; DDI. Serie VII. Vol. XIV. Doc. 141. P. 147—149).

№ 198

**Из протокола № 142
1 августа 1933 г.**

С л у ш а л и :

п. 4. Вопрос т. Пятницкого (т. Пятницкий).

П о с т а н о в и л и :

а) Признать желательным созыв в ноябре 1933 г. Исполкома Коминтерна о следующем порядком дня¹:

1) Международный фашизм, военная опасность и задачи компартий².

2) Отчетные доклады КПГ и Англ[ийской] ком[мунистической] партии³.

б) Созвать очередной конгресс Коминтерна в сентябре 1934 года⁴.

Выписка послана: т. Пятницкому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 15.

Примечания:

¹ Речь идет о XIII пленуме ИККИ (29 ноября — 13 декабря 1933 г.).

² Доклад по этому вопросу делал О. Куусинен.

³ С докладом о положении в Германии выступил В. Пик, с докладом о «едином фронте в Англии» — Г. Поллит.

⁴ Имеется в виду VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле—августе 1935 г.

№ 199

**Из протокола № 143
3 августа 1933 г.**

С л у ш а л и :

п. 22/8. Вопрос т. Ворошилова.

П о с т а н о в и л и :

а) Послать на итальянские маневры и у нас принять 2—3 человек.

б) Принять у нас (осенью) и послать в Италию 2—3 командиров для присутствия на упражнениях флотов.

в) После окончания летней учебы произвести учебный поход отряда кораблей в Средиземное море, с заходом в Стамбул, Грецию и один из итальянских портов¹.

Выписка послана: т. Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 23.

Примечание:

¹ Письмо Ворошилова, содержащее эти инструкции, было передано Потемкиным Сувичу во время встречи 7 августа 1933 г. (DDI. Serie VII. Vol. XIV. Doc. 67. P. 77—79).

№ 200

**Из протокола № 146
23 сентября 1933 г.**

Слушали:

п. 101/65. Вопрос НКВД.

Постановили:

Поручить т. Хинчуку заявить германскому правительству немедленно протест против того, что несмотря на то, что на процесс о поджоге рейхстага допущены корреспонденты всех стран, только наши корреспонденты не допущены и кроме того еще подвергались аресту и обыску и предупредить, что мы со своей стороны не останемся в долгу и вышлем немецких корреспондентов и отзовем своих¹.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 82.

Примечание:

¹ 20 сентября 1933 г. полпредство СССР в Германии получило официальное уведомление о недопущении советских корреспондентов на Лейпцигский процесс по делу о поджоге здания рейхстага. 22 сентября германские власти арестовали представителя ТАСС в Германии и корреспондента газеты «Известия», которые направлялись на Лейпцигский процесс (в тот же день они были отпущены). 23 сентября советское полпредство заявило протест МИД Германии в соответствии с указаниями, данными в публикуемом решении ПБ (ДВП. Т. XVI. С. 858).

№ 201

**Из протокола № 146
27 сентября 1933 г.**

Слушали:

п. 146/110. О Германии (ПБ от 26.IX.33 г., пр. № 146, п. 98 опр.).

Постановили:

1. Продлить срок высылки немецким журналистам на два дня, т. е. до 30-го сентября, сообщив им, что ходатайства о дальнейшем продлении не будут рассматриваться.

2. В случае поступления от германского посольства официального сообщения о причислении Баума к составу посольства, разрешить ему оставаться в Москве без права корреспондирования¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 86.

Примечание:

¹ См. документ № 200. 26 сентября ПБ приняло решение дать в печать от имени ТАСС сообщение: «Вследствие недопустимых условий, созданных германскими правительственными органами для работы представителей советской печати в Германии, подвергавшихся арестам, обыскам и т. п. и, наконец, лишенных доступа на Лейпцигский судебный процесс, где присутствуют представители печати других стран, ТАСС, «Известия ЦИК СССР ВЦИК» и «Правда» отозвали своих корреспондентов из Берлина. Одновременно правительство СССР постановило выслать всех представителей германской печати в Москве, которым 26 сентября предложено в трехдневный срок покинуть пределы СССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 85). В тот же день о решении выслать немецких журналистов было сообщено временному поверенному в делах Германии в СССР Твардовскому. Твардовский немедленно связался с Берлином и в тот же день, 26 сентября, встретился с Литвиновым, перед которым поставил вопрос о продлении срока высылки и о разрешении остаться в СССР консультанту прессы при германском посольстве Бауму (ДВП. Т. XVI. С. 536—540). См. также документ № 203.

№ 202

**Из протокола № 147
8 октября 1933 г.**

С л у ш а л и :

п. 76/53. О радиопередачах на иностранных языках.

П о с т а н о в и л и :

1. Передачи на английском, французском и польском языке ограничить исключительно внутренней информацией, допуская иногда международную информацию, касающуюся третьих стран.

2. Передачи на немецком языке вести главным образом по вопросам внутренней информации, допуская информацию о Лейпцигском процессе по ТАСС, без личных нападок на членов германского правительства¹.

3. Возложить полную ответственность за проведение этих указаний на т. Фрумкину, а контроль за проведением радиопередач на тов. Уманского.

Обязать Отдел печати НКВД (т. Уманского) рассматривать и визировать предварительно передачи.

4. Ликвидировать почтовый ящик для всех иностранных радиопередач и курсы ленинизма на иностранных языках.

Выписки посланы: тт. Стецкому, Долецкому, Фрумкиной, Литвинову, Уманскому, Прокофьеву (ОГПУ).

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 98.

Примечание:

¹ См. документы № 200, 201.

№ 203

**Из протокола № 148
25 октября 1933 г.**

С л у ш а л и :

п. 102/82. О поездке т. Литвинова.

П о с т а н о в и л и :

а) Считать целесообразной остановку т. Литвинова в Берлине¹ и не отказываться от беседы с Нейратом или, если пожелает Гитлер, то и с ним.

б) В случае, если немцы будут предлагать подписать протокол о том, что все конфликты улажены, то идти на это можно при условии, если они публично в той или иной извиняющейся форме выразят сожаление по поводу ряда неправильных действий германских властей в конфликте о журналистах. Если же они протокола требовать не будут, то ограничиться беседой в тоне, дающем им понять, что мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений².

в) Считать целесообразной при проезде через Париж встречу т. Литвинова с Поль Бонкуром, если соответствующее предложение т. Литвинову будет сделано³.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 119.

Примечания:

¹ Литвинов выезжал в США в связи с завершением переговоров об установлении дипломатических отношений.

² Беседа Литвинова с министром иностранных дел Германии Нейратом состоялась 28 октября 1933 г. Обсуждался вопрос об урегулировании конфликта вокруг журналистов (см. документы № 200 и 201). Нейрат отверг предложение Литвинова о публичном извинении германской стороны и публичном же сообщении о наказании виновных. Литвинов высказал свои претензии по поводу содержания коммюнике об урегулировании конфликта. Было решено, что коммюнике будет опубликовано после получения Хинчуком ответа по этому поводу из Москвы (ДВП. Т. XVI. С. 589—592). 29 октября ПБ приняло решение по этому вопросу (см. документ № 20). Коммюнике, выдержанное в примирительных тонах, было опубликовано в советской и германской печати 31 октября 1933 г. В нем говорилось, что советские журналисты будут продолжать свою деятельность в Германии, а германские в СССР. Два советских корреспондента получили разрешение присутствовать на процессе о поджоге рейхстага.

³ Беседа Литвинова с министром иностранных дел Франции Бонкуром состоялась 31 октября 1933 г. (Там же. С. 595—596).

№ 204

**Из протокола № 148
29 октября 1933 г.**

Слушали:

п. 146/128. О немецких журналистах.

Постановили:

Согласиться с предложением т. Литвинова относительно коммюнике, согласованного Хинчуком с Нейратом¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 121.

Примечание:

¹ См. документы № 200, 201 и примечание 2 к документу № 203.

№ 205

**Из протокола № 149
10 ноября 1933 г.**

Слушали:

п. 56/41. О свидании т. Литвинова с Муссолини.

Постановили:

Признать целесообразным, чтобы т. Литвинов возвращался из Америки на итальянском пароходе через Италию и повидался при проезде с Муссолини. Предоставить т. Литвинову дать Потемкину окончательные указания по вопросу об организации свидания¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 132.

Примечание:

¹ Беседа Литвинова с Муссолини состоялась в Риме 4 декабря 1933 г и касалась в основном положения в Европе, «пакта четырех» и советско-итальянских отношений (ДВП. Т. XVI. С. 712—714; DDI. Serie VII. Vol. XIV. Doc. 437. P. 474—480).

Из протокола № 151
17 декабря 1933 г.

С л у ш а л и :

п. 88/63. О торговых переговорах с Францией.

П о с т а н о в и л и :

При торговых переговорах с Францией руководствоваться следующими директивами:

1) Мы сокращаем наши экспортные требования при условии сокращения суммы наших обязательств по заказам с 300 млн. франков до 200—225 млн. франков.

2) В связи с сокращением суммы заказов оказывается достаточным гарантировать эти заказы одними лишь авалами советского нефтяного общества во Франции, поскольку советская нефтяная выручка во Франции примерно соответствует указанной сокращенной сумме заказов. Если нефтяной выручки окажется недостаточно, то стороны вступят друг с другом в переговоры относительно равноценных обеспечений.

3) Зафиксировать в соглашении иммунитет торгпреда, двух его заместителей и служебных бюро торгпредства.

4) Французское правительство берет на себя обязательство внести в парламент с благожелательным отзывом предложение об освобождении торгпредства СССР от мер предварительного обеспечения исков¹.

Выписки посланы: т. т. Розенгольцу, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154.

Примечание:

¹ См. документ № 158.

1934—1939 гг.

1934—1939 гг. были для Советского Союза периодом гигантских потрясений и громадных свершений, неоспоримых успехов и явных провалов, демократической конституции и «большого террора», упрочения тоталитарного режима и укрепления мифа о стране социализма. СССР все более явно отказывался от курса на мировую революцию, его внешняя политика все более ориентировалась на национально-государственные и геополитические интересы в понимании кремлевского диктатора.

На обеде у К. Ворошилова 7 ноября 1937 г. Сталин заявил своим соратникам: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали **одно хорошее дело** — создали **огромное государство** — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как единое неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а на пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство...»* В соответствии с логикой наследника русского царизма, правителя огромного государства и действовал Сталин.

В сфере международной политики сталинский режим стремился предотвратить создание антисоветской коалиции, избежать угрозы большого военного конфликта в Европе с участием СССР. Мировой экономический кризис и его политические последствия способствовали укреплению в советском руководстве ощущения нарастающей угрозы. 5 января 1932 г. А. Лозовский обратился с письмом в делегацию ВКП(б) в Коминтерне, в котором отмечал: «Ряд фактов свидетельствует о том, что война приближается»**.

Советское руководство стремилось укрепить свои собственные внешнеполитические позиции. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии в январе 1934 г. Сталин отверг ориентацию Советского Союза на Францию и Польшу, как и ориентацию в предшествующий период на Германию. «Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР... И если интересы СССР требуют сближения с теми

* Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 128.

** РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 228. Л. 34.

или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний»*.

Основным фактором, обусловившим изменения во внешней политике Советского Союза, стал приход к власти в Германии нацистов с их жесткой антисоветской риторикой и решительными мерами по усилению влияния рейха в Европе. Те методы, которыми новое германское руководство действовало на международной арене, не могли не настораживать Кремль. Отсюда стремление подстраховаться через сближение с Францией и ее союзниками, через политику коллективной безопасности. В сложившейся ситуации СССР стал выступать как фактор стабильности в Европе**.

Поэтому данная часть публикуемых документов Политбюро открывается его решением от 19 декабря 1933 г., предусматривавшим возможность вступления СССР в Лигу Наций и заключения регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии (Восточного пакта)***. В июне 1934 г. Советский Союз был признан Чехословакией и Румынией. В сентябре СССР был принят в Лигу Наций и сразу же стал постоянным членом ее Совета.

Вопросы сближения и союза с Францией, а также возможного заключения Восточного регионального пакта занимали важное место в европейской политике СССР в 1933—1935 гг. Эти вопросы неоднократно рассматривались и на заседаниях Политбюро. Думается, что это была серьезная долговременная политическая линия, а не просто отвлекающий дипломатический маневр. Другое дело, что советское руководство исходило при этом не из идеологии антифашизма и не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР****. Поэтому оно стремилось к наиболее выгодному для СССР варианту реализации концепции коллективной безопасности, в частности, настаивало на обязательном участии в Восточном пакте Франции и Польши, но возражало против участия в нем Румынии из-за нерешенного вопроса о Бессарабии.

В 1934 г. выявилось явно отрицательное отношение Германии и Польши к заключению Восточного пакта при весьма двусмысленном отношении к этому проекту со стороны Великобритании. Опасаясь франко-германского сближения, а, возможно, и

* Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 436.

** См: Pons S. Stalin e la guerra inevitabile. 1936—1941. Torino, 1995. P. 4—5.

*** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154—155.

**** См: Ульдрикс Т. Дж. Политика безопасности СССР в 1930-е годы // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917—1991. М., 1993. С. 74—77.

реализации идеи «пакта четырех» (Франция, Великобритания, Германия и Италия), Москва интенсифицировала контакты с Парижем, которые привели к заключению СССР договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией в мае 1935 г. При подготовке к подписанию советско-французского пакта Политбюро неоднократно требовало от советского посла в Париже В. Потемкина «не забегать вперед и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые»*. Тем не менее 2 мая 1935 г. был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Францией, а 16 мая — между СССР и Чехословакией.

В условиях жесткой антисоветской линии германского руководства ориентация на взаимодействие с Францией была характерна для советской внешней политики в 1935—1936 гг. Москва предоставила Парижу инициативу возобновления переговоров о Восточном региональном пакте. При обсуждении в Лиге Наций вопроса о санкциях против Италии в связи с ее агрессией против Эфиопии М. Литвинову в октябре 1935 г. было дано указание сохранять «по возможности контакт с Францией»**. То, что именно правительство Франции выступило инициатором соглашения о невмешательстве в испанские дела, способствовало принятию этого предложения советским руководством, хотя оно неизменно отстаивало свою собственную позицию поддержки испанским республиканцам. Значительная часть решений Политбюро в 1936—1938 гг. связана именно с деятельностью Комитета по невмешательству в испанские дела, ибо все директивы советским представителям в комитете утверждались высшей партийной инстанцией.

Думается, что именно испанские события сыграли роль главного препятствия на пути развития советско-французского сближения. Французская политика последовательно ориентировалась на позицию Великобритании, которая вызывала в Москве враждебность и подозрительность. Неблагоприятное изменение отношения советского руководства к Франции выразилось в решении Политбюро от 19 ноября 1937 г. отклонить предложение М. Литвинова о приглашении министру иностранных дел Франции И. Дельбосу посетить СССР — «мы не понимаем, для чего собственно **сейчас** нужна поездка Дельбоса в Москву»***.

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 5—6.

** Там же. Д. 18. Л. 178.

*** Там же. Д. 22. Л. 60.

К этому времени фактически безрезультатно завершились попытки военных переговоров между Москвой и Парижем. Обе стороны относились к ним с недоверием и настороженностью. Французские военные руководители стремились выяснить, в каких формах и какими видами вооруженных сил СССР мог бы оказать помощь Франции и Чехословакии. Со своей стороны, советские представители считали необходимым официальное решение французского правительства относительно ведения двусторонних военных переговоров. Одновременно они ставили перед руководителями французского генштаба ключевой для Москвы вопрос: «Имеются ли у французского правительства основания рассчитывать на пропуск советских войск через те страны, которые отделяют Советский Союз от Германии, в частности через Литву и Польшу»*.

Обращая внимание на противодействие некоторых французских политических и военных деятелей развитию сотрудничества с СССР, советский полпред в Париже В. Потемкин сообщал в Москву в ноябре 1936 г. : «Из всего вышеизложенного ясно, как опасно строить иллюзии насчет расположения к СССР некоторых влиятельных членов правительства и высшего командования и какую осторожность и сдержанность нужно проявлять в нашей работе по закреплению франко-советского сотрудничества. Менее всего желательно выказывать при этом нашу особую заинтересованность»**. Не менее скептически в отношении начавшихся военных переговоров было настроено и руководство наркомата обороны СССР. Нарком К. Ворошилов писал Сталину в январе 1937 г. : «Хотя французский генштаб и взял на себя инициативу начала переговоров о военном выражении договора о взаимопомощи, но делает он это в такой форме, которая похожа на желание получить расплывчатый и ничего не значащий ответ, который позволил бы Гамелену доказывать в правительстве бесполезность и невыгоду дружественных отношений с Советским Союзом»***.

Расхождения между СССР и Францией по вопросам международной политики, пробуксовывание двусторонних военных переговоров, крушение надежд на правительства Народного фронта привели к заметному охлаждению советско-французских отношений во второй половине 1937 г.

* РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3965 (Записка наркома обороны СССР К. Ворошилова И. Сталину. Январь 1937 г.).

** Там же. Д. 5390 (Выписка из письма В. Потемкина Н. Крестинскому от 12. XI. 1936 г.)

*** Там же. Д. 3965 (Записка наркома обороны СССР К. Ворошилова И. Сталину. Январь 1937 г.)

Вместе с тем имидж Советского Союза в международном сообществе потерпел серьезный урон из-за массовых репрессий, развернутых в стране сталинским режимом. 23 января 1937 г. начался второй московский процесс. 17 подсудимых обвинялись в создании «троцкистско-зиновьевского центра», который якобы пытался свергнуть советское правительство организовав покушения на его членов с целью реставрации в СССР капитализма при пособничестве иностранных государств, прежде всего Германии и Японии. Ведущей темой процесса стала тема саботажа, открывшая путь к массовой расправе над хозяйственными и партийными кадрами. «Большой террор» был подхлестнут решениями февральско—мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б). По стране прокатывались волны репрессий, затронувшие сотни тысяч руководителей разного уровня. В июне был вынесен смертный приговор группе высших военачальников Красной Армии во главе с заместителем наркома обороны маршалом М. Тухачевским. За два последующих года Красная Армия была обезглавлена и заметно ослаблена сталинскими чистками. Ситуация в СССР с точки зрения любого зарубежного наблюдателя становилась все более непредсказуемой и нестабильной. Советский Союз перестал быть надежным внешнеполитическим партнером.

Документы «особых папок» Политбюро позволяют охарактеризовать советскую внешнюю политику как осторожную и прагматичную. Израильский исследователь Г. Городецкий совершенно обоснованно утверждает: «Советская политика по существу всегда была взвешенной *Realpolitik*»*.

Советское руководство не хотело резкого ухудшения отношений ни с фашистской Италией, ни с нацистской Германией, оставляя себе поле для политического маневра. При обсуждении в Лиге Наций вопроса об агрессии Италии против Эфиопии (Абиссинии) в октябре 1935 г. ПБ давало советским представителям В. Потемкину и М. Литвинову весьма характерные директивы: «По своей инициативе ни одного из поставленных Вами вопросов в Совете не подымайте... Если можно не выступать, ограничьтесь лишь голосованием по означенным вопросам. Ни в коем случае не заостряйте выступления»; «Не проявляйте большей ретивости в санкциях, чем другие страны...»**. В январе 1936 г. советское руководство стремилось избежать введения против Италии нефтяных санкций***. Наконец, показателен

* Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 21.

** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 173, 178.

*** Там же. Д. 19. Л. 32.

отказ Политбюро на просьбу Эфиопии в декабре 1935 г. о помощи военными инструкторами и оружием — «нам самим не хватает»^{*}.

Столь же осторожным было отношение сталинского руководства к нацистской Германии. Правда, в «особых папках» Политбюро отсутствуют какие-либо упоминания о контактах Радека—Канделаки—Бессонова с германским руководством^{**}. Очевидно, дискуссии о значении этих советских демаршей будут продолжаться.

Вместе тем ставшие ныне доступными для исследователей документы подтверждают, что Сталин даже в период борьбы СССР за коллективную безопасность стремился сохранить «открытыми двери» для эвентуального соглашения и даже сотрудничества с национал-социалистической Германией^{***}. Так в сентябре 1936 г. в связи с грубыми антисоветскими выпадами германских лидеров на съезде нацистской партии в Нюрнберге советский полпред в Берлине Я. Суриц предлагал дать сильный и резкий ответ на эти антисоветские выступления. «Этот ответ мог бы выразиться, например, в следующих мероприятиях: 1) нота протеста; 2) твердое публичное выступление одного из руководителей нашей страны; 3) приостановка поставок сырья в ущерб Германии, даже если это сопряжено с оплатой некоторых наших векселей в золоте»^{****}. М. Литвинов поддержал Я. Сурица и поставил вопрос о советской реакции на съезд нацистской партии на заседании Политбюро. Однако сталинское руководство решило не только не приостанавливать поставки советского сырья в Германию, но даже не посылать ноту протеста: «Отклонить предложение тт. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступления Гитлера и других на Нюрнбергском съезде»^{*****}. Очевидно, сам Сталин поддержал эту гораздо более осторожную и прагматичную позицию.

Характерно, что и в нацистском руководстве имелись различные подходы к отношениям с Советским Союзом. Так, в декабре 1936 г. Г. Геринг пригласил советского посла Я. Сурица на встре-

^{*} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 13.

^{**} См: Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security. 1933—1939. New York, 1991.

^{***} Случ С. Германия и СССР в 1918—1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1955). М., 1995. С. 66.

^{****} ДВП. Т. XIX, примечания, с. 762.

^{*****} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 78.

чу, на которую Политбюро дало свое согласие*. Во время этой беседы имперский министр авиации высказался за развитие экономических связей между Германией и СССР и нормализацию политических отношений между двумя странами**. К сожалению, мы пока не знаем реакцию Кремля на эти заявления Геринга.

Публикуемые документы свидетельствуют о широком тематическом и географическом круге вопросов, находившихся в поле зрения Политбюро. Это не только отношения СССР с крупными европейскими державами (Францией, Великобританией, Германией), но и с малыми странами Европы, в первую очередь с соседями СССР: Польшей, Румынией, государствами Прибалтики, а также с Чехословакией.

Поскольку ни один сколь-нибудь серьезный вопрос не мог быть решен соответствующими наркоматами и Совнаркомом без санкции Политбюро, то высший партийный орган обсуждал и вопросы торгово-экономических связей СССР с зарубежными странами, и консульские связи, и судьбы отдельных иностранных граждан, попавших в руки ОГПУ—НКВД.

Вместе с тем, с утверждением сталинской диктатуры важнейшие внешнеполитические решения принимались единолично «вождем народов». Вся сложная внешнеполитическая игра сталинского руководства весной—летом 1939 г. : переговоры с представителями Великобритании и Франции, с одной стороны, контакты с руководством нацистской Германии, с другой — все это не отразилось в «особых папках» Политбюро. Процесс принятия решений в Кремле упорно не хочет раскрывать свои тайны.

М. М. Наринский

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 130.

** Там же. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3646.

Из протокола № 151
19 декабря 1933 г.

С л у ш а л и :

п. 99/74. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Дать тов. Довгалеvскому для ответа Бонкуру следующие директивы¹:

1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций (об условиях см. ниже).

2) СССР не возражает против того, чтобы, в рамках Лиги Наций, заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.

4) Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела проекта соглашения.

5) Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу.

6) СССР вступит в Лигу Наций лишь при выполнении следующих условий:

а) СССР имеет серьезные возражения против 12 и 13 ст. ст. статута Лиги, предусматривающих обязательное третейское разбирательство². Идя навстречу предложению Франции, СССР согласен, однако, снять эти возражения, если ему будет разрешено при вступлении в Лигу сделать оговорку о том, что арбитраж для него обязателен будет лишь по спорам, которые возникнут из конфликтов, событий и действий, которые будут иметь место после вступления Союза в Лигу.

б) Исключить вторую часть 1-го пункта ст. 12-ой, санкционирующей войну для разрешения международных споров и, таким образом, привести эту статью в соответствие с пактом Келлога—Бриана³.

в) Исключить ст. 22-ю, дающую право на мандатное управление чужими территориями, не настаивая на обратном действии

исключения этого пункта, т. е. на отмене существующих мандатов.

г) Включить в ст. 23-ю пункт об обязательности для всех членов Лиги расового и национального равноправия.

д) СССР будет настаивать на восстановлении с ним нормальных отношений всеми остальными членами Лиги, или в крайнем случае, на включении в устав Лиги или на проведении собранием Лиги постановления о том, что все члены Лиги считаются восстановившими между собою нормальные дипломатические отношения и взаимно признавшими друг друга⁴.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154—155.

Примечания:

¹ После выхода Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г. министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур имел ряд бесед с советским полпредом в Париже В. С. Довгалевским о возможном соглашении о взаимопомощи между двумя странами. Французская сторона настаивала на заключении пакта в рамках Лиги Наций (Documents Diplomatiques Français (далее DDF), 1932—1939, I Serie. V. Paris, 1970. Doc. № 84. P. 165). При этом во французском МИДе рассматривали различные возможности: заключение двустороннего франко-советского договора о взаимопомощи, принятие Советским Союзом на себя обязательств по Рейнскому гарантийному пакту 1925 г., обмен гарантий СССР на французское гарантирование советско-германских обязательств («Восточное Локарно»).

В конце ноября 1933 г. советское руководство согласилось обсудить вопрос о вступлении СССР в Лигу Наций и о заключении франко-советского соглашения о взаимопомощи. 11 декабря наркоминдел СССР М. Литвинов в телеграмме В. Довгалевскому подчеркивал: «...Мы взяли твердый курс на сближение с Францией» (ДВП. Т. XVI. С. 736; DDF. 1932—1939. I Serie. V. Paris, 1970. Doc. № 80. P. 160—161). 15 декабря 1933 г. Литвинов направил письмо в ЦК ВКП(б) о торговых переговорах с Францией, в котором он защищал тезис, что заключение договора в этой области имело бы положительные политические последствия для Советского Союза (ДВП. Т. XVI. С. 752).)

17 декабря ПБ одобрило пересмотренные условия заключения торгового соглашения с Францией, выработанные на основе французских предложений (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154). 11 января 1934 г. советско-французское временное торговое соглашение было подписано.

Предложения Советского Союза, утвержденные решением ПБ от 19 декабря, были переданы В. Довгалевским Ж. Поль-Бонкуру 28 декабря. «В заключение Бонкур заявил мне, — сообщил полпред в Москву, — что рассматривает мое сообщение как выражение серьезности намерения Советского правительства и приветствует его как большой шаг с нашей стороны навстречу предложениям французского правительства» (ДВП. Т. XVI. С. 773).

² В соответствии с Уставом Лиги Наций ее члены соглашались в случае возникновения между ними спора, способного повлечь разрыв отношений, подвергнуть его либо третейскому разбирательству, либо рассмотрению Со-

вета Лиги (ст. 12). В ряде случаев споры между членами Лиги должны были передаваться на третейское разбирательство в обязательном порядке, в частности, споры, относившиеся к толкованию какого-либо договора, или по вопросам международного права (ст. 13). (Версальский мирный договор. Под ред. Ю. Ключникова и А. Собанина. М., 1925. С. 10).

³ Пакт Келлога—Бриана — Договор о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики — был подписан представителями ряда государств 27 августа 1928 г. в Париже. СССР выразил готовность присоединиться к пакту в ноте от 31 августа 1928 г. в ответ на приглашение его инициаторов. Пакт вошел в силу 24 июля 1929 г.

⁴ 6 декабря 1933 г. Поль-Бонкур уведомил Париж о недовольстве Литвинова позицией ряда государств — членов Лиги Наций, которые еще не признали советского государства (DDF. 1932—1939, I Serie V. Paris, 1970. Doc. № 88. P. 173—174).

№ 208

Из протокола № 152 17 января 1934 г.

С л у ш а л и :

п. 194/175. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Ввести немедленно в действие подписанный 11-го января в Париже советско-французский торговый договор¹.

Выписки посланы: гг. Розенгольцу, Литвинову, Мирошникову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 166.

Примечание:

¹ Временное торговое соглашение с Францией было подписано 11 января 1934 г (DDF 1932—1939. I Serie V. Paris, 1970. Doc. № 213. P. 436—437).

15 декабря 1933 г. М. Литвинов обратился в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором отмечал, что надо было принять к сведению, что французы не рассчитывают на подписание значительного экономического договора. Несмотря на это, он высказался за заключение договора (ДВП. Т. XVI. С. 752—753). Эти предложения были одобрены решением ПБ от 17 декабря 1933 г. СССР соглашался снизить свои экспортные требования при условии сокращения советских обязательств по заказам с 300 млн. франков до 200—225 млн франков. В связи с сокращением суммы заказов оказывалось достаточно гарантировать эти заказы одними лишь авалами советского нефтяного общества во Франции. В соглашении должен был фиксироваться иммунитет торгпреда, двух его заместителей и служебных бюро торгпредства. Французское правительство брало на себя обязательство внести в парламент с благожелательным отзывом предложение об освобождении торгпредства СССР от мер предварительного обеспечения исков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154). Принятие советским руководством французских предложений и позволило подписать временное торговое соглашение между двумя странами.

Из протокола № 152
17 января 1934 г.

Слушали:

п. 195/176. О Прибалтике¹.

Постановили:

I. Политические мероприятия.

1. Вопрос о приглашении в Москву министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы и об ответных визитах т. Литвинова — отложить².

2. Осуществить частично предложение о поездке по СССР группы лидеров финляндских политических партий. Не возражать против поездки их в Карельскую республику, если на этом будут настаивать.

3. Считать целесообразным поездку в Москву группы видных политических и общественных деятелей Латвии.

4. Пригласить группу высших военачальников Латвии, в частности пом. нач. штаба ген. Гартмана.

5. Пригласить в Москву начальника Литовского штаба генерала Кубелюнаса.

6. Организовать поездку в СССР группы видных политических и общественных деятелей Эстонии.

II. Экономические мероприятия.

7. Предусмотреть заказы в Финляндии в первом квартале на 200 тыс. рублей. Тов. Розенгольцу представить номенклатуру этих заказов.

8. Предусмотреть заказы в Латвии в 1-м квартале на 200 тыс. рублей. Номенклатуру выработать тт. Розенгольцу и Микояну и согласовать с т. Литвиновым.

9. Предусмотреть заказы в Эстонии в 1-м квартале на 200 тыс. рублей. Тов. Розенгольцу представить номенклатуру заказов.

10. Предусмотреть заказы в Литве в 1-м квартале на 200 тыс. рублей. Тов. Розенгольцу представить номенклатуру заказов.

III. Мероприятия по общественно-культурной линии.

11. Признать принципиальную желательность взаимного обмена гастролями артистов между СССР и Прибалтикой, а также посылку туда для выступлений советских ученых и артистов (без обмена). Предложить Секретариату ЦК разрешать такие вопросы в ускоренном порядке при условии отсутствия для нас валютных расходов и отсутствия персональных возражений против отдельных поездок.

По Финляндии.

12. Разрешить проезд в СССР экскурсии финляндских журналистов, предложив ее устроить одновременно с поездкой политических деятелей (см. выше п. 2) и на тех же условиях.

13. Организовать на началах взаимности доклады финляндских ученых — геологов и полярных исследователей в Географическом Обществе в Ленинграде и в Арктическом Институте, а также доклады наших ученых в Финляндии, в первую очередь проф. Самойловича и Визе.

14. Считать целесообразным присвоить звание членов-корреспондентов Академии Наук: проф. Гельсингфорского Университета Лахтила (анатом), проф. Вайно Таннер (геолог) и проф. Пальмгрен (археолог).

15. Разрешить проезд в СССР группы финляндских писателей.

16. Считать целесообразной организацию на началах взаимности советской выставки искусств в Гельсингфорсе и Финляндской выставки в Москве и Ленинграде.

17. Предложить Наркомпросу принять предложение финляндского министра просвещения по посылке в Финляндию видного советского педагога для прочтения цикла лекций о постановке школьного дела в СССР. Кандидатуру согласовать с т. Кагановичем.

По Латвии.

18. Разрешить экскурсию в СССР виднейших латвийских журналистов, согласно предложений Латвийского посланника.

19. Разрешить устройство в Москве в феврале—марте выставки латвийской живописи и графики, согласно предложения Латпра.

20. Организовать ответную выставку советской графики в Риге, а также выставку советской книги.

По Эстонии.

21. Организовать экскурсию в СССР виднейших эстонских журналистов.

22. Организовать в Эстонии выставку советской графики и советской книги.

По Литве.

23. Организовать экскурсию литовских журналистов в СССР.

24. Организовать в Литве выставку советской графики и советской книги.

Выписки посланы: тт. Литвинову — все; Розенгольцу — п. п. 7, 8, 9, 10.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 166—167.

Примечания:

¹ Во время беседы наркома иностранных дел М. Литвинова с посланником Польши в СССР Лукасевичем 14 декабря 1933 г. советская сторона предложила выступить с совместной декларацией двух стран об их твердой решимости охранять и защищать мир на Востоке Европы. В проекте декларации отмечалось: «Необходимым условием этого мира оба государства считают неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость стран новых политических образований, выделившихся из состава бывшей Российской империи, и что эта независимость является предметом забот обоих государств. В случае угрозы независимости Прибалтийских стран СССР и Польша обязуются вступить в немедленный контакт и обсудить создавшееся положение» (ДВП. Т. XVI С. 747).

² Приглашение в Москву министров иностранных дел Прибалтики было отложено, поскольку предварительный зондаж в Латвии и Финляндии выявил, что правительства этих стран не изъявили желания поддержать намечавшуюся декларацию по Прибалтике.

В результате последующих переговоров в апреле 1934 г. были продлены сроки действия договоров о ненападении и мирном разрешении конфликтов между СССР и Латвией, Литвой, Эстонией, Финляндией.

№ 210

**Из протокола № 4
25 марта 1934 г.**

С л у ш а л и :

п. 49/25. О приглашении в СССР группы французских политических деятелей.

П о с т а н о в и л и :

1. Разрешить НКИД пригласить в СССР Эррио, Шотана, Бюиссона, Бастида и других связанных с ними политических деятелей в количестве около 10 человек¹.

2. Поручить СНК СССР установить необходимую для организации этой поездки сумму и отпустить ее НКИД из резервного фонда СНК.

Выписки посланы: тт. Крестинскому, Мирошникову, Артузову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 27.

Примечание:

¹ Решение ПБ было связано со стремлением советского руководства воздействовать на политическую борьбу во Франции по вопросам развития отношений с СССР. Э. Эррио уже посетил Советский Союз с 26 августа по 9 сентября 1933 г. Его поездка в СССР получила определенный политический резонанс и содействовала франко-советскому сближению.

№ 211

**Из протокола № 4
29 марта 1934 г.**

С л у ш а л и :

п. 2. О кампании за границей о советском шпионаже (т. Сталин).

П о с т а н о в и л и :

а) Поручить т. Крестинскому сегодня же представить текст опровержения ТАСС для опубликования в печати¹.

б) Поручить т. Ворошилову подробно ознакомиться с вопросом и доложить Политбюро.

Выписка послана: тов. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 25.

Примечание:

¹ В соответствии с решением ПБ газета «Правда» 30 марта опубликовала следующее опровержение ТАСС.

«В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР, ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ни на чем не основанным клеветническим вымыслом».

Французская печать обвиняла арестованных в ведении шпионажа в пользу Советского Союза, в сборе сведений о положении во французских колониях. При этом утверждалось, в частности, что МОПР являлся «вербовочным центром советского военного шпионажа».

В официальных «Очерках истории российской внешней разведки» говорится, что в 30-е годы «агентурный аппарат парижской резидентуры позволял ей вплоть до 1940 года регулярно добывать секретную, в том числе документальную, информацию. Она касалась расстановки сил, позиций и планов действий основных участников сложной политической борьбы, развернувшейся в Европе накануне второй мировой войны» (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933 — 1941 годы. М., 1997. С. 62).

№ 212

**Из протокола № 7
25 мая 1934 г.**

С л у ш а л и :

п. 225/209. Телеграмма т. Литвинова № 6466.

П о с т а н о в и л и :

Послать т. Литвинову следующий ответ:

Считаем, что наряду с региональным пактом о взаимной помощи можно выдвинуть универсальный пакт против нарушителя

мира, предусматривающий лишь экономические, финансовые и дипломатические санкции вплоть до разрыва отношений. По-нашему, ни участие в таком пакте, ни инициатива его выдвижения не противоречат пакту региональному¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 64.

Примечание:

¹ Запрос Литвинова был связан с его переговорами в Женеве, где он находился на заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

В соответствии с решением ПБ, Литвинов, выступая 29 мая на заседании комиссии, заявил: «Вопросы безопасности не чужды конференции. Она создала даже для этих вопросов специальную политическую комиссию. Более того, она занималась уже этими вопросами, правда, не доведя их до конца. Я напоминаю в первую очередь о советском предложении об определении агрессии, принятом уже одной из комиссий конференции, воплощенном уже в ряде международных договоров... Могут быть внесены, наконец, и новые предложения того же порядка, как, например, о тех или иных санкциях против нарушителей мира или нарушителей пакта Келлога. Можно установить градацию этих санкций, не доводя её до военных мероприятий, не для всех государств приемлемых. В дополнение к такому более или менее универсальному пакту могут быть ещё отдельные региональные пакты взаимной помощи, предложенные здесь в свое время французской делегацией... Конференция же, которую я имею в виду, должна быть создана для предупреждения войны и её тяжелых последствий. Она должна вырабатывать и совершенствовать методы управления безопасностью, своевременно откликаться на предостережения о грядущих военных опасностях, на призывы о помощи, на «SOS» угрожаемых государств и оказывать последним своевременную помощь, будь то моральная, экономическая, финансовая или иная» (ДВП. Т. XVII. С. 357—359.) Литвинов попытался получить поддержку советских предложений от политических деятелей различных государств — членов Лиги Наций, однако добиться реальных результатов ему не удалось.

№ 213

**Из протокола № 8
8 июня 1934 г.**

С л у ш а л и :

п. 125/ 113. О Румынии и Чехословакии.

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение т. Литвинова о восстановлении дипломатических отношений с Румынией и Чехословакией¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 89.

Примечание:

¹ Восстановление дипломатических отношений СССР с Румынией и Чехословакией было осуществлено 9 июня 1934 г. в Женеве путем обмена соответствующими нотами (ДВП. Т. XVI. С. 379—381; DDF. 1932—1939. I Serie VI. Paris, 1972. Doc. № 315. P. 664—666). При восстановлении дипломатических отношений с Румынией советская сторона первоначально добивалась «оговорки об отказе обеих стран от разрешения остающихся между ними спорных вопросов насильственным путем» (Решение ПБ от 10 мая 1934 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 59). Однако в результате все спорные вопросы между двумя странами были обойдены в соответствии с решением ПБ от 1 июня 1934 г. : «В крайнем случае считаем возможным при восстановлении дипломатических отношений умолчать о спорных вопросах» (Там же. Л. 87).

№ 214

**Из протокола № 10
14 июля 1934 г.**

Слушали:

п. 194/197. О восточном региональном пакте.

Постановили:

Согласиться на подписание тройственного соглашения с Францией и Германией, гарантирующего восточный региональный пакт¹.

Выписка послана: тов. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 119.

Примечание:

¹ Посол Франции в СССР Альфан 13 июля сделал по поручению министра иностранных дел Франции Барту заявление наркому по иностранным делам М. Литвинову, в котором информировал о беседах Барту в Лондоне с британскими руководителями. С английской стороны было выражено пожелание, чтобы французские и советские взаимные гарантии по планировавшемуся Восточному пакту распространялись бы и на Германию. В предварительном порядке Барту дал Дж. Саймону успокоительные заверения, способные обеспечить содействие Англии в заключении Восточного пакта. М. Литвинов поддержал позицию Барту (DDF. 1932—1939. I Serie.VI. Paris, 1972. Doc. № 457. P. 940—942).

В соответствии с решением ПБ от 14 июля М. Литвинов направил временному поверенному в делах СССР во Франции М.И. Розенбергу телеграмму, в которой говорилось: «Немедленно передайте Барту или Леже, что мы не возражаем против включения в гарантийное соглашение также и Германии, чтобы на неё распространялись гарантии как Франции, так и СССР» (ДВП. Т. XVII. С. 479).

**Из протокола № 11
25 июля 1934 г.**

Слушали:

п. 86/68. О Лиге Наций.

Постановили:

1. Ответить французскому правительству, что мы связывали до сих пор вступление в Лигу с заключением пактов взаимопомощи, но что, учитывая совет французского правительства и идя навстречу его пожеланию, мы готовы теперь же осуществить вступление в Лигу в случае получения от нее соответственного приглашения и обеспечения нам постоянного места в Совете Лиги. Мы рассчитываем, что этот шаг облегчит заключение пактов по укреплению мира¹. При вступлении в Лигу нами будет сделано заявление о нераспространении арбитража Лиги и других международных учреждений на спорные вопросы, возникшие между СССР и другими государствами до нашего вступления в Лигу².

2. В случае вступления в Лигу добиваться места одного из помощников секретаря Лиги.

Выписка послана: тов. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 140—141.

Примечания:

¹ Решение связано с беседой народного комиссара по иностранным делам СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Пайяром 23 июля 1934 г. Пайяр по поручению французского правительства сообщил Литвинову следующее: «Переговоры о пакте взаимопомощи, по-видимому, затянутся. Во всяком случае, эти переговоры могут оказаться неоконченными к 10 сентября, когда собирается Ассамблея Лиги Наций. Французское правительство хотело бы знать, будем ли мы просить о допущении СССР в Лигу до Ассамблеи; при этом оно напоминает нам о своей позиции касательно неразрывной связи между нашим вступлением в Лигу и пактами. Оно обращает наше внимание на дебаты в английском парламенте, из которых явствует, что наше вступление в Лигу будет встречено весьма тепло английским правительством. Если мы не сделаем обращения в Лигу до Ассамблеи, то вопрос может быть отложен до сентября 1935 г., если тем временем не будет созвано экстраординарное собрание Лиги. Французскому правительству будет неприятно, если мы своё вступление в Лигу отложим, но оно не может оказывать никакого давления на наше решение. Оно только выражает твёрдую надежду на принятие нами скорого решения и на скорое доведение до его сведения этого решения...» (ДВП. Т. XVII. С. 495).

Решение Политбюро было передано телеграммой Литвинова временному поверенному в делах СССР во Франции М. И. Розенбергу 26 июля 1934 г. (Там же. С. 501—502). В этой же телеграмме содержалась и негативная оценка польского предложения об участии Румынии в Восточном региональном пакте. Соответствующее решение Политбюро от 25 июля

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 141) было вызвано телеграммой М. И. Розенберга в НКВД СССР от 23 июля 1934 г., в которой он сообщил о своей беседе с Барту. Последний спросил, как бы мы (т. е. СССР) «отнеслись к присоединению Румынии к Восточному пакту. Я привёл ряд доводов против польского диверсионного маневра». 21 сентября Литвинов телеграфировал из Женевы в НКВД, что Барту информировал его об отказе Румынии от участия в Восточном пакте. О польском предложении дать возможность Румынии участвовать в договоре см.: ДВП. Т. XVII. С. 811; DDF. 1932—1939. 1 Serie. VI. Paris, 1972. Doc. № 444. P. 914—915.

² В письме наркома иностранных дел М. М. Литвинова председателю XV Ассамблеи Лиги Наций Сандлеру от 15 сентября 1934 г. сообщалось о согласии СССР вступить в Лигу Наций и одновременно отмечалось. «Поскольку статьи 12 и 13 Статута предоставляют на усмотрение государств передачу споров на третейское или судебное разрешение, Советское правительство полагает необходимым уточнить, что, по его мнению, подобный порядок не может применяться к конфликтам, относящимся к вопросам, возникшим до его вступления в Лигу» (ДВП. Т. XVII. С. 589; DDF. 1932—1939. 1 Serie VI. Paris, 1972. Doc. № 324. P. 683—684).

№ 216

Из протокола № 13 3 сентября 1934 г.

С л у ш а л и :

п. 146. О торговых переговорах с немцами.

П о с т а н о в и л и :

1) Считать возможным заключить соглашение с немцами на базе пятилетнего кредита и процентной ставки, равной учетной ставке Рейхсбанка плюс 2,1%, т. е. 6,1 %, но не идти на обязательство по текущим заказам свыше 30 миллионов марок.

2) Это решение означает последнюю уступку и больше уступать мы не будем.

3) При выдаче нами заказов немцы обязуются открыть нам доступ во все без исключения заводы, в том числе в целлюлозные заводы, во все другие химические заводы, в военные и авиационные заводы и вообще во все заводы и институты без ограничения, чтобы мы имели возможность реализовать полностью свое право свободных заказчиков.

4) Без этих условий договор с немцами не подписывать¹.

Выписки посланы: тт. Элиаве, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 32.

Примечание:

¹ Советское руководство заняло жесткую позицию в отношении торговых переговоров с немцами. 15 сентября ПБ приняло предложения Сталина, находившегося на отдыхе, изложенные в следующей телеграмме:

«ЦК ВКП(б). Я могу голосовать лишь в том случае, если пришлете номенклатурный список заказов, который, возможно, нуждается в улучшении, если можете сообщить — остается ли в силе и до какого срока наш кабальный золотой договор с немцами, в силу которого мы обязываемся продавать немцам все добываемое у нас золото, если буду иметь в руках окончательный текст проекта договора о пятилетнем кредите. Кроме того, нам нужно, чтобы не только торгпредовцы, но и наши промышленники — заказчики имели обеспеченную возможность посещать немецкие заводы и получать там нужные сведения. Договор с немцами очень серьезное дело. Мы не можем доверять одному Фридрихсону подписать на свою ответственность договор, не имея в руках текста договора. Фридрихсон по молодости торопится, но торопливость в большом деле опасна. Торопливость нужна в данном случае не нам, а немцам, которые договором с нами хотят спутать карты в Европе, сгладить плохое впечатление от своего отказа от Восточного пакта, посеять недоверие к нам у французов и улучшить свое внутреннее положение. Советую не торопиться с немцами: немцы от нас не уйдут, так как они нуждаются в договоре с нами больше, чем мы. Вызовите в Москву Фридрихсона, получите окончательный текст договора, пришлите мне указанные выше сведения, и когда все вопросы будут выяснены, — решим вопрос о подписании договора. 14. IX. 1934 г. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 49).

В ходе дальнейших переговоров немцы пошли на некоторые уступки. 15 октября 1934 г. посол Германии в СССР Ф. Шуленбург в беседе с наркомом по внутренней торговле РСФСР Л. Хинчуком заявил, что он возлагает большие надежды на благоприятный исход ведущихся переговоров о заказах на сумму 200 млн. марок. «Насколько ему известно, переговоры подошли к концу и срок кредита установлен пятилетний. Несомненно, заявил он, что благоприятное разрешение этого вопроса будет содействовать значительному улучшению не только наших экономических, но и политических взаимоотношений...» (ДВП Т. XVII. С. 639). Советско-германские экономические переговоры завершились 20 марта 1935 г. заключением соглашения между торгпредством СССР в Германии и «Комитетом германской экономики по русским делам» об общих условиях поставок из Германии в СССР (Documents of German Foreign Policy (далее DGFP). Series C. Vol. III. Doc. № 546. P. 1028—1030). 9 апреля 1935 г. между правительствами обеих стран было заключено новое экономическое соглашение, предусматривавшее, в частности, пятилетний германский кредит на сумму в 200 млн. марок для советских заказов в Германии (DGFP. Series C. Vol. IV. Doc. № 20. P. 28—29. Doc. № 21. P. 29—38).

№ 217

Из протокола № 13 7 сентября 1934 г.

С л у ш а л и :

п. 188. О Лиге Наций.

П о с т а н о в и л и :

а) Дать Барту через французское посольство в Москве и через наше полпредство в Париже такой ответ: пусть Барту от своего

имени без ссылки на обмен мнениями с СССР ответит Беку, что он не понимает его беспокойства по вопросу о нацменьшинствах, так как рижский договор, регулирующий этот вопрос между СССР и Польшей, сохранит свою обязательную силу как для Польши, так и для СССР и после вступления СССР в Лигу Наций¹.

б) Сообщить устно в Варшаве польскому МИДу или в Москве через польского поверенного в делах для передачи уехавшему уже в Женеву Беку, что все наши договора с Польшей, естественно, остаются в силе.

в) Если Бек, не удовлетворившись нашим устным ответом, будет настаивать на обмене нотами, разрешить т. Литвинову в крайнем случае согласиться на это².

Выписка послана: тов. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 33—34.

Примечания:

¹ Польское руководство относилось настороженно-негативно к предстоящему вступлению СССР в Лигу Наций (DDF. 1932—1939, 1 Serie. VII. Paris, 1979. Doc. № 242. P. 359—360). Так, посол СССР в Польше сообщал о высказываниях министра иностранных дел Польши Ю. Бека в беседе с ним 4 сентября: «Многие думают, что после нашего вступления в Лигу Наций наше отношение к Польше может измениться и, в частности, ослабеет значение подписанных между нами договоров, особенно пактов... Он обсудил все это дело с правительством, и он решил обратиться к нам с предложением обменяться весьма короткими нотами, в которых было бы подчеркнуто, что наше вступление в Лигу Наций не изменяет и не ослабляет подписанных между нами договоров» (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. 1933—1938 гг. М., 1969. С. 220—221).

² В соответствии с публикуемым решением ПБ, 10 сентября в Москве состоялся обмен краткими нотами между временным поверенным в делах Польши в СССР Г. Сокольниковым и заместителем наркома по иностранным делам СССР Н. Крестинским. В советской ноте было заявлено: «В ответ на вашу ноту от сего числа имею честь сообщить Вам от имени моего правительства, что правительство Союза Советских Социалистических Республик полностью согласно с польским правительством в том, что и после эвентуального приглашения и вступления Союза Советских Социалистических Республик в Лигу Наций основой отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской республикой останутся существующие между ними договоры, которые все, включая договор о ненападении и конвенцию об определении агрессора, и впредь сохраняют полностью свою силу» (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. 1933—1938 гг. М., 1969. С. 225; DDF. 1932—1939, 1 Serie. VII. Paris, 1979. Doc. № 277. P. 406—407).

№ 218

**Из протокола № 12
23 сентября 1934 г.**

С л у ш а л и :

п. 129. О Восточном пакте.

П о с т а н о в и л и :

Не торопиться с инициативой пакта без Германии и Польши, отложив решение до возвращения т. Литвинова. Считать, что в настоящее время т. Литвинов должен ограничиться зондажем намерений французов и других¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 17.

Примечание:

¹ К концу сентября 1934 г. выявилось отрицательное отношение Германии и Польши к заключению Восточного пакта. В частности, министр иностранных дел Польши Бек в беседе с М. Литвиновым в Женеве 22 сентября заявил, что Германия почти дала отрицательный ответ, «а участие в пакте без Германии не гармонизировало бы с польско-германским соглашением. Польша довольна существующими договорами и опасается, что новый пакт их только ослабит» (ДВП. Т. XVII. С. 606). В этой ситуации и советское, и французское руководство решило занять выжидательную позицию (DDF. 1932—1939. 1 Serie. VII. Paris, 1979. Doc. № 160. P. 254—255). Литвинов в телеграмме из Женевы 25 сентября сообщал: «Из сегодняшней беседы с Барту вынес впечатление, что французы тоже решили заморозить вопрос дальнейших советско-французских отношений; они изучают германский меморандум, на который они пока ещё не собираются отвечать, ожидают польский ответ и решат, какие выводы надо из этого сделать, сохраняя с нами все время контакт. Так как это отвечает и нашей позиции, согласно решению инстанции, я выразил полное согласие с высказанными Барту взглядами» (ДВП. Т. XVII. С. 608).

№ 219

**Из протокола № 16
2 ноября 1934 г.**

С л у ш а л и :

п. 47. Вопросы НКИД.

Б. Об отношениях с Францией.

П о с т а н о в и л и :

а) Признать возможным заключение Восточного пакта и без участия Германии и Польши, в случае согласия на это Франции и Чехословакии или одной Франции¹.

б) Никаких предложений о легализации вооружений Германии по нашей инициативе не делать. В случае обнаружения со стороны Франции готовности согласиться на требование Германии о такой легализации, предлагать Франции настаивать на участии Германии в Восточном пакте о взаимной помощи.

в) Предложить Франции соглашение об обоюдном обязательстве СССР и Франции не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного взаимного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией².

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 75—76.

Примечания:

¹См. DDF. 1932—1939. 1 Serie. VIII. Paris, 1979. Doc. № 134. P. 200—203.

² В октябре положение в советско-французских отношениях резко изменилось. 9 октября в Марселе хорватским террористом был убит поборник сотрудничества двух стран французский министр иностранных дел Луи Барту (вместе с югославским королем Александром I). На смену Барту в качестве министра иностранных дел пришел П. Лаваль. Заверяя на словах в продолжении политики Барту, он вместе с тем не скрывал своего стремления к соглашению с Германией, «ибо мир в Европе невозможен без франко-германского соглашения» (ДВП. Т. XVII. С. 647; DDF. 1932—1939. 1 Serie. VII. Paris, 1979. Doc. № 62. P. 87). В сложившейся ситуации советское руководство и приняло решение интенсифицировать контакты с Парижем и добиваться обязательств о взаимной информации в отношении переговоров с Германией. В результате советской инициативы 5 декабря 1934 г. М. Литвиновым и П. Лавалем был подписан Женевский протокол (см. примечание 2 к документу № 220; DDF. 1932—1939. 1 Serie. VIII. Paris, 1979. Doc. № 151. P. 230—231).

№ 220

**Из протокола № 21
11 февраля 1935 г.**

Слушали:

п. 50. О Лондонском соглашении¹.

Постановили:

1) Не допускать никаких конференций ни по одному из затронутых в коммюнике вопросов без участия нашего и Малой Антанты.

2) Давить на Францию, чтобы она взяла в свои руки переговоры с Германией, не доверяя их посредничеству Англии.

3) Добиваться немедленного продолжения переговоров о Восточном пакте, вне общей схемы, данной в коммюнике. Мы этого можем добиваться, опираясь на Женевский протокол².

4) Добиваться скорейшего окончательного ответа от Германии и, в случае отрицательного характера его, поставить перед Францией вопрос о заключении Восточного пакта без Германии и Польши.

5) Настаивать на включении в воздушную конвенцию³ пункта о прекращении действия этой конвенции в отношении участника конвенции, совершившего агрессию против какого бы то ни было государства.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 130.

Примечания:

¹ Решение Политбюро было связано с визитом в Лондон французской правительственной делегации во главе с премьер-министром П. Фланденом и министром иностранных дел П. Лавалем 31 января — 3 февраля 1935 г., ее переговорами с британскими руководителями и итоговым коммюнике (DDF. 1932—1939. 1 Serie. IX. Paris, 1980. Doc. № 136, 142—144. P. 205—223, 228—236; DBFP. 1919—1939. Second Series. XII. London, 1972. Doc. № 397, 398, 400. P. 458—475, 477—484).

В Москве лондонские переговоры были восприняты с настороженностью и подозрительностью. В письме полпреду СССР во Франции В. Потемкину от 4 февраля 1935 г. руководство НКВД отмечало, что «первый минус лондонских переговоров — это неизбежное уменьшение заинтересованности Франции в Восточном пакте. Следующим минусом надо считать открывающуюся возможность совещания между участниками конвенции, а отсюда недалеко до осуществления идеи «пакта четырех» (ДВП. Т. XVIII. С. 616). Со своей стороны В. Потемкин информировал Москву об опасениях относительно лондонского коммюнике:

«1. Коммюнике наводит на мысль, что Восточный пакт утрачивает свое первоначальное значение самостоятельной акции и подчиняется, как составная часть, весьма широкому, сложному и трудноосуществимому плану новой генеральной конвенции.

2. При таких условиях осуществление Восточного пакта затягивается на продолжительное время, которым Германия может воспользоваться для его срыва и дальнейшей подготовки своей экспансии на Восток.

3. В процессе длительных переговоров Восточный пакт рискует подвергнуться существенной модификации, могущей изменить самую его природу. Вполне реальной нам представлялась возможность попыток со стороны Германии, при поддержке Англии и Италии, подменить обязательства взаимной помощи в проекте Восточного пакта ненападением и консультацией.

4. Термин «одновременно», фигурирующий в коммюнике для определения процедуры предстоящих переговоров, наводит нас на мысль, что самостоятельные дипломатические переговоры, уже начатые по пакту, могут

быть приостановлены, пока не откроются переговоры по всей совокупности проекта генеральной конвенции.

5. Нам казалось подозрительным, что коммюнике ничем не намекает на то, что, в случае неудачи общих переговоров или отказа Германии присоединиться к Восточному пакту, Франция намерена заключить его и без немцев.

6. Так же точно казалось нам неясным, ставится ли признание германских вооружений в зависимость от согласия Германии заключить Восточный пакт.

7. Наконец, особые опасения вызывало у нас то обстоятельство, что, с одной стороны, все международные акции, связанные с обеспечением безопасности в Европе, ставятся в зависимость от переговоров с Германией по ряду разнородных вопросов, а с другой, что эти переговоры с Германией монополизированы Англией, присваивающей себе роль представителя и опекуна всех остальных государств, не исключая и СССР» (ДВП. Т. XVIII. С. 89).

Решение ПБ от 11 февраля было в тот же день передано В. Потемкину в виде директив М. Литвинова (Там же. С. 93).

² Женевский протокол был подписан 5 декабря 1934 г. М. Литвиновым и П. Лавалем. Правительства СССР и Франции брали обязательство не вести какие-либо переговоры о заключении любых соглашений, могущих нанести ущерб подготовке и заключению Восточного регионального пакта, а также информировать друг друга о любых подобных предложениях (ДВП. Т. XVII. С. 725—726).

³ Воздушная конвенция, о которой идет речь, предполагалась как соглашение о немедленной и автоматической взаимной помощи с участием Англии, Франции, Бельгии и Германии — оно дополняло бы Локарнский договор 1925 г.

№ 221

Из протокола № 23 8 марта 1935 г.

С л у ш а л и :

п. 43. Об Англии.

П о с т а н о в и л и :

Дать следующую директиву полпреду в Англии:

Заявите немедленно Ванситтарту, что советское правительство будет очень радо приезду Идена в Москву и официально приглашает его. Что касается срока, то мы считали бы желательным его немедленный приезд, а если это невозможно, то немедленно после берлинских англо-германских переговоров¹.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 142.

Примечание:

¹ В телеграмме от 7 марта полпред СССР в Великобритании И. Майский, ссылаясь на беседу с постоянным заместителем государственного сек-

ретаря Форин Оффиса Р. Ванситтартом, сообщил в НКИД о решении британского правительства направить лорда-хранителя печати А. Идена в Москву и Варшаву (ДВП. Т. XVIII. С. 623; DDF. 1932—1939. 1 Serie. IX. Paris 1980. Doc. № 322, 346. P. 487—488, 519).

Решение ПБ было передано И. Майскому телеграммой М. Литвинова от 8 марта (ДВП. Т. XVIII. С. 165—166).

Визит А. Идена в Москву и его переговоры с советскими руководителями состоялись 28 марта — 31 марта 1935 г. (DBFP. 1919—1939. Second Series XII. London, 1972. Doc. № 669, 670, 673. P. 766—769, 771—791).

№ 222

Из протокола № 24 9 апреля 1935 г.

С л у ш а л и :

п. 52. О Востпакте.

П о с т а н о в и л и :

Признать желательным внесение во французский проект следующих изменений¹:

1) Предусмотреть оказывание немедленной военной помощи до вынесения решения Советом Лиги в случаях несомненной агрессии.

2) Включение в пакт советского определения агрессии.

3) Сделать обязательным для сторон оказание военной помощи и в случае решения в порядке ст. 16-й простым большинством голосов, а не только единогласного.

4) Установить общее для обеих сторон толкование 1-го пункта ст. 16-й в смысле обязательности экономических санкций и без соответственного постановления Совета Лиги.

5) Согласиться с поправками Титулеску².

6) Срок 10 лет.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 2.

Примечания:

¹ 30 марта 1935 г. министр иностранных дел Франции П. Лаваль изложил полпреду В. Потемкину предложение обсудить, «не удовлетворит ли нас заключение двусторонних соглашений о взаимопомощи с Францией, Чехословакией, а в дальнейшем, может быть, с Италией и другими странами на базе Устава Лиги Наций» (DDF. 1932—1939. I Serie. X. Paris, 1981. Doc. № 59. P. 75—83). При этом Лаваль вручил и примерный текст соглашения, который гласил:

«Основа для европейских соглашений о безопасности (двусторонние соглашения). Франция—СССР. СССР—Чехословакия. СССР—Италия и так далее.

Вступление, указывающее на общие намерения:

Укрепить мир в Европе путем более полного обеспечения точного применения постановлений Устава Лиги Наций, направленных к поддержанию национальной безопасности государств и к обеспечению исправления эвентуальных нарушений обязательств не обращения к войне.

Посвятить свои усилия подготовке и заключению общеевропейского соглашения, преследующего эту цель, а тем временем содействовать в меру своих сил применению постановлений пакта.

Ст. 1. В том случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется со стороны какого-либо европейского государства нападению, угрозе или опасности нападения, обязательство другой договаривающейся стороны — оказать ей помощь в соответствии с решениями, которые примет Совет с целью обеспечения выполнения обязательств, сформулированных в ст. 10 Устава Лиги Наций.

Ст. 2. В случае применения статей 16 и 17 Устава Лиги Наций против какого-либо европейского государства в пользу одной из договаривающихся сторон, обязательство других сторон — оказать последней помощь в соответствии с решениями, которые будут приняты Советом в силу 2-й части ст. 18» (ДВП. Т. XVIII. С. 254).

Советское руководство предпочитало заключить «пакт взаимопомощи на Востоке с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и Прибалтийскими странами» (Там же. С. 259). Однако отрицательное отношение Германии и Польши к участию в Восточном пакте побудило советское руководство форсировать переговоры с Францией о заключении двустороннего договора о взаимопомощи. При этом Москва стремилась усилить твердое обязательство о взаимопомощи, ослабив его зависимость от решения Совета Лиги Наций.

Директивы ПБ были переданы В. Потемкину телеграммой М. Литвинова от 10 апреля (Там же. С. 281).

² Поправки Титулеску, о которых идет речь, были сформулированы им в начале апреля 1935 г. Советский полпред сообщил из Парижа в Москву «По мнению Титулеску, вполне осуществимо улучшение проекта. Во-первых, французы должны принять внесение в него статьи 15, параграфа 7 пакта Лиги Наций, предоставляющего сторонам свободу действий, если в Совете нет единогласия. Во-вторых, обеспечение автоматизма взаимной помощи достигается опущением из статьи 2 проекта слов «в соответствии с рекомендациями Совета» и сохранением простой ссылки на статью 16 пакта Лиги» (Международная жизнь. 1963. № 10. С. 153).

№ 223

**Из протокола № 24
19 апреля 1935 г.**

С л у ш а л и :

п. 123. Вопрос т. Литвинова.

П о с т а н о в и л и :

Дать т. Литвинову следующий ответ:

«Выезжайте немедленно в Москву, а Лаваль может отложить свою поездку в Москву до окончания выборов во Франции, о чем имеется уже публикация во французской печати¹.

Текст договора с протоколом можем утвердить после личной беседы с Вами, так как нет возможности согласовать по телеграфу такой важный документ. По поручению инстанции Крестинский»².

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 5.

Примечания:

¹ Муниципальные выборы во Франции состоялись 5—12 мая 1935 г.

² Решение ПБ было вызвано телеграммой М. М. Литвинова из Женевы, где он находился в связи с сессией Лиги Наций, от 18 апреля. Литвинов сообщил, что 17 апреля он завершил в Женеве согласование с П. Лавалем текста советско-французского пакта о взаимопомощи. «Он был туг на уступки, ссылаясь на то, что предложение, сделанное им раньше Потемкину, является пределом, дальше которого советом министров ему не разрешается идти, — телеграфировал Литвинов. — Всем своим поведением и разговором он подчеркивал своё полное равнодушие к пакту, которое стало у него ещё заметнее после Стрезы, укрепившей солидарность Франции как с Англией, так и с Италией. Он говорил друзьям, что считает себя в отношении нашего пакта в положении подгоняемой собаки. Сделав некоторые уступки, он отказался парафировать до утверждения его правительством» (ДВП. Т. XVIII. С. 292, DDF. 1932—1939. 1 Serie. X. Paris, 1981. Doc. № 197, 203. P. 322—325, 334—335).

Согласованный Литвиновым и Лавалем текст гласил:

«Статья 1.

В случае, если Франция или СССР явилась бы предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, СССР и соответственно Франция обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановлений статьи 10 устава Лиги Наций.

Статья 2.

В случае, если в условиях, предусмотренных в статье 15, параграф 7 устава Лиги Наций, Франция или СССР явилась бы предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, СССР и взаимно Франция окажут друг другу немедленно помощь и поддержку.

Статья 3.

Принимая во внимание, что согласно статье 16 устава Лиги Наций каждый член Лиги, прибегающий к войне вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15 устава, тем самым рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги, Франция и взаимно СССР обязуются в случае, если одна из них явится в этих условиях предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, оказать друг другу немедленно помощь и поддержку, действуя применительно к статье 16 пакта.

То же обязательство принято на случай, если СССР или Франция явится предметом нападения со стороны европейского государства в условиях, предусмотренных в статье 17 параграф 3 устава Лиги Наций.

Статья 4.

Так как обязательства, установленные выше, соответствуют обязанностям высоких договаривающихся сторон, как членов Лиги Наций, то ничто в настоящем договоре не будет толковаться как ограничение задачи этой последней принимать меры, способные эффективно ограждать всеобщий мир, или как ограничение обязанностей, вытекающих для высоких договаривающихся сторон из устава Лиги Наций» (Международная жизнь. 1963. № 10. С. 154).

Литвинов сообщал из Женевы в Москву: «Вам надо теперь решить принципиально вопрос о подписании согласованного пакта и протоколов и сообщить об этом завтра же по телефону как мне в Женеву, так и Потемкину в Париж. В случае положительного решения, я завтра вечером выезжаю в Париж и в субботу подписываю пакт либо настаиваю на том, чтобы Лаваль в воскресенье выехал в Москву. В случае отрицательного решения, еду завтра в Москву, а Лавалю предлагаю отложить свою поездку» (ДВП. Т. XVIII. С. 293). В соответствии с решением ПБ Литвинов выехал в Москву, а поездка Лавалья была отложена до мая 1935 г.

№ 224

Из протокола № 24 20 апреля 1935 г.

С л у ш а л и :

п. 153. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Послать следующую директиву в Париж т. Потемкину:

«Советуем не слишком ангажироваться на счет соглашения с французами и не забегать вперед, чтобы потом не получился у вас конфуз, если проект договора не будет одобрен в Москве. Второй раз предупреждаем Вас не забегать вперед и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые»¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 5—6.

Примечание:

¹ Решение ПБ было принято в связи с телеграммами посла СССР во Франции В. П. Потемкина в НКВД СССР от 20 апреля. При встрече того же числа с генеральным секретарем МИД Франции А. Леже собеседники констатировали согласованность советско-французского договора о взаимопомощи. Однако тут же выяснилось, что А. Леже и юрисконсульт МИД Франции Бадеван уже в Париже внесли существенное изменение в текст,

прилагавшегося к пакту протокола, которое демонстративно подчеркивало подчинение обеих сторон рекомендации Совета Лиги Наций даже в случае внезапного и невызванного нападения третьей стороны, когда требовалось немедленное оказание взаимной помощи (ДВП. Т. XVIII. С. 295).

В тот же день Потемкин был принят Лавалем. Тот был явно растерян. «В результате нашего разговора мы условились сообщить прессе, что окончательное согласование текста пакта ожидается на днях, что пакт будет парафирован в Париже, а подписан в Москве Лавалем и Литвиновым» (Там же. С. 296).

Решением ПБ от 21 апреля было принято предложение Сталина опубликовать следующее сообщение ТАСС: «Переговоры между т. Литвиновым и Лавалем временно приостановлены. Тов. Литвинов вызван в Москву для доклада Совету Народных Комиссаров» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 7).

№ 225

Из протокола № 25
4 мая 1935 г.

С л у ш а л и :

п. 79. О пакте с Чехословакией.

П о с т а н о в и л и :

Уполномочить т. Александровского дать согласие на текст пакта, идентичный с советско-французским, за исключением 2-го пункта протокола (о Локарно), каковой должен быть исключен. В пакте должно быть ясно сказано, что помощь против нападения на территорию СССР и Чехословакии оказывается лишь в тех случаях, когда на помощь жертве нападения выступает и Франция¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 22.

Примечание:

¹ Договор о взаимной помощи между СССР и Чехословацкой Республикой был подписан 16 мая 1935 г. в Праге. В протоколе подписания оба правительства признали, «что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции» (ДВП. Т. XVIII. С. 336).

№ 226

Из протокола № 26
1 июня 1935 г.

С л у ш а л и :

п. 218. О Восточном пакте.

П о с т а н о в и л и :

Предоставить инициативу возобновления переговоров о восточном региональном пакте Франции¹. Предложить ей выяснить при этом состав участников пакта. В зависимости от ответа Германии решать вопрос о нашем вмешательстве в переговоры и представлении нашего проекта пакта.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 49.

Примечание:

¹ В сообщении ТАСС о беседах И.В. Сталина, В.М. Молотова и М.М. Литвинова с министром иностранных дел Франции П. Лавалем, состоявшихся в Москве 13, 14, 15 мая 1935 г., отмечалось: «Представители обоих государств установили далее, что заключение договора о взаимной помощи между СССР и Францией отнюдь не уменьшило значения безотлагательного осуществления регионального Восточно-европейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обязательства ненападения, консультации и неоказание помощи агрессору. Оба правительства решили продолжать свои совместные усилия по изысканию наиболее соответствующих этой цели дипломатических путей» (ДВП. Т. XVIII. С. 337; DDF. 1932—1939. 1 Serie. X. Paris, 1981. Doc. № 388, 423. P. 575—577, 630—631).

24 мая советскому представителю, находившемуся в Женеве, был показан проект меморандума о Восточном пакте, который Франция предполагала вручить германскому послу в Париже. В нем сообщалось о готовности Франции вступить в переговоры о пакте на основе германских предложений. В связи с французским демаршем НКВД запросил ПБ о советской позиции.

Директивы ПБ были переданы полпреду СССР во Франции В.П. Потемкину телеграммой наркома по иностранным делам М.М. Литвинова от 1 июня 1935 г. (ДВП. Т. XVIII. С. 362).

№ 227

**Из протокола № 28
25 июня 1935 г.**

С л у ш а л и :

п. 16. О Бельгии.

П о с т а н о в и л и :

Сообщить Вандервельде, что мы готовы восстановить отношения с Бельгией путем обмена нот¹. Мы готовы при этом обязаться через 3—4 недели после восстановления отношений приступить к переговорам об установлении соотношения между импортом и экспортом, не беря, однако, никаких обязательств по существу этих переговоров.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 70.

Примечание:

¹ Новое бельгийское правительство, пришедшее к власти в марте 1935 г., поручило министру без портфеля Э. Вандервельде осуществить установление дипломатических отношений между СССР и Бельгией. Посредником выступил известный французский политический деятель Леон Блюм. Москва сразу же выразила согласие на встречу полпреда СССР во Франции В. Потемкина с Э. Вандервельде. При этом советское руководство выражало готовность возобновить дипломатические отношения путем обмена нотами, но без всяких условий. В частности, Потемкину предписывалось отвергнуть наибольшее благоприятствование по старым долгам и претензиям.

В беседе Э. Вандервельде с советником полпредства СССР во Франции И. Дивильковским 12 июня бельгийское правительство согласилось больше не поднимать вопроса о «прошлых претензиях» к СССР. Установление дипломатических отношений между СССР и Бельгией предлагалось осуществить «путем простого обмена документами» (ДВП. Т. XVIII. С. 648) По мнению бельгийской стороны, восстановлению дипломатических отношений должна была предшествовать договоренность о заключении советско-бельгийского экономического соглашения.

Решение Политбюро от 25 июня было передано М. Литвиновым В. Потемкину телеграммой от 27 июня. Советские условия были приняты. Обмен нотами между правительствами СССР и Бельгии об установлении дипломатических отношений состоялся 12 июля 1935 г. в Париже.

№ 228

**Из протокола № 34
4 октября 1935 г.**

С л у ш а л и :

п. 31. О Лиге Наций.

П о с т а н о в и л и :

Дать т. Потемкину в Женеве следующие инструкции:

1. В случае рекомендаций Италии и Абиссинии в духе ранее сделанных «Комитетом Пяти» предложений, выступить с возражениями. Указывать, что Совет не может навязывать члену Лиги опеку и ограничение его политической, административной и экономической независимости. Даваемое Абиссинией согласие на такое ограничение при нынешних обстоятельствах нельзя считать добровольным. В случае постановки рекомендаций на голосование, от голосования воздержаться, мотивируя отрицательным отношением к рекомендациям империалистического характера и нежеланием в то же время отрицательным вотумом мешать возможному мирному разрешению конфликта¹.

2. Против применения экономических санкций не возражать, согласившись на участие СССР в санкциях при условии применения их остальными членами Лиги².

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 172—173.

Примечания:

¹ Столкновение итальянских войск с эфиопскими отрядами на границе между итальянской колонией Эритреей и Эфиопией (Абиссинией) начались с декабря 1934 г. В мае 1935 г. правительство Эфиопии обратилось в Лигу Наций с просьбой о мерах против агрессивных действий Италии. Однако Великобритания и Франция стремились сохранить отношения сотрудничества с правительством Муссолини.

На сентябрьской сессии Совета Лиги эфиопский делегат просил немедленно применить против Италии ст. 16 Устава Лиги и принять все меры для предотвращения войны. Совет Лиги Наций образовал «Комитет пяти», которому было поручено найти способы мирного решения итало-эфиопского конфликта. Однако рекомендации «Комитета пяти» означали уступки фашистской Италии и ограничения независимости Эфиопии.

Рекомендации «Комитета пяти» не смогли предотвратить вооруженный конфликт. 3 октября итальянские войска вторглись на территорию Эфиопии.

Решение Политбюро от 4 октября было в тот же день передано М. Литвиновым телеграммой члену советской делегации в Лиге Наций В. Потемкину (ДВП. Т. XVIII. С. 523—524).

² Во время беседы с итальянским послом в Москве Ароне, состоявшейся 5 октября 1935 г., Литвинов заявил, что не СССР, а Великобритания оказывала давление, чтобы принять экономические санкции в отношении Италии (DDI. Serie VIII. 1935—1939. 11. Roma, 1991. Doc. № 254. P. 238—239).

№ 229

**Из протокола № 34
4 октября 1935 г.**

С л у ш а л и :

п. 34. О Лиге Наций.

П о с т а н о в и л и :

Дать следующую директиву т. Потемкину :

«По своей инициативе ни одного из поставленных Вами вопросов в Совете не подымайте. Дайте, во всяком случае, выступить сперва, по крайней мере Англии и Франции, как наиболее заинтересованным сторонам. В процессе обсуждения, если явится надобность выступить, согласитесь с теми, которые признают наличие агрессии, а нападающей стороной Италию. Если можно не выступать, ограничьтесь лишь голосованием по означенным вопросам. Ни в коем случае не заостряйте выступления. Можете выразить сожаление об отсутствии принятого Лигой Наций оп-

ределения агрессии, которое уже дано в известном нашем определении»¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162 Д. 18. Л. 173.

Примечание:

¹ О позиции В. Потемкина в Лиге Наций см также: DDF 1932—1939 1 Serie XII Paris, 1984. Doc. № 338. P. 477—478.

№ 230

**Из протокола № 34
8 октября 1935 г.**

Слушали:

п. 84. О Лиге Наций.

Постановили:

Согласиться с посылкой т. Литвиновым следующей директивы т. Потемкину:

«1. Предлагаю, если это будет необходимо, ограничиться завтра в Ассамблее кратким выступлением. Сославшись на сделанное мною в Совете и в Ассамблее принципиальное заявление о позиции СССР в итало-абиссинском конфликте, Вы заявите о готовности СССР выполнять, наравне с другими членами Лиги, возлагаемые на них уставом Лиги обязательства¹.

2. От участия в Комитете по определению характера и объема санкций не уклоняйтесь».

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 175.

Примечание:

¹ Информацию о выступлении В. Потемкина на заседании Ассамблеи Лиги Наций 10 октября см. ДВП. Т. XVIII С. 525—526. Что касается заявления Литвинова, то он занял непримиримую позицию по вопросу о принципиальных действиях Лиги Наций в отношении государства-агрессора, но одновременно проявил большую гибкость в отношении санкций против Италии (См. : DDI. Serie VIII. 1935—1939. 11. Roma, 1991. Doc. № 318 P. 296—297, 348—349).

№ 231

**Из протокола № 34
15 октября 1935 г.**

Слушали:

п. 137. О Лиге Наций.

П о с т а н о в и л и :

Дать т. Литвинову в Женеву следующую директиву:

«Женева, Литвинову. 1) Правительство СССР, как и другие члены Лиги Наций, будет проводить в жизнь принятое Координационным Комитетом постановление об эмбарго. 2) Для участия в Комиссии по эмбарго военных материалов командиром в Женеву Орлова (нашего военного атташе в Берлине)»¹.

Выписки посланы: тт. Крестинскому — все; Гамарнику — п. 2.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 178.

Примечание:

¹ 7 октября 1935 г. Совет Лиги Наций признал Италию агрессором. В связи с этим решением члены Лиги в соответствии со ст. 16 Устава обязаны были применить против Италии санкции. Состоявшаяся в октябре сессия Ассамблеи Лиги приняла решение о создании координационного комитета, которому поручено было разработать систему санкций против агрессора. Решение ПБ от 15 октября явилось ответом на телеграмму В. Потемкина от 11 октября, в которой, в частности, говорилось: «ТАСС передает сегодня текст «предложений» комитета по координации касательно наложения эмбарго на ввоз в Италию оружия, снаряжения и боеприпасов и одновременного снятия такого же эмбарго с Абиссинии. Правительствам, имеющим в составе комитета своих представителей, надлежит ответить в ближайший срок, принимают ли они эти предложения. Прошу срочно сообщить ваше решение» (ДВП. Т. XVIII. С. 661)

№ 232

**Из протокола № 34
15 октября 1935 г.**

С л у ш а л и :

п. 142. О Лиге Наций.

П о с т а н о в и л и :

Дать т. Литвинову в Женеву следующую директиву:

«1) Проводите самостоятельную советскую линию в духе вашей последней речи в Женеве и избегайте всего того, что может быть истолковано, как подчинение нашей линии позиции Англии»¹.

2) Не проявляйте большей ретивости в санкциях, чем другие страны, и сохраняйте по возможности контакт с Францией».

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 178.

Примечание:

¹ См. : DBFP. 1919—1939. Second Series XV. London, 1976. Doc. № 76, 77. P. 89—92.

№ 233

**Из протокола № 34
14 ноября 1935 г.**

Слушали:

п. 326. Об Италии.

Постановили:

Ответить на запрос Комитета Координации об отсутствии возражений к запрещению вывоза в Италию угля и нефти и другого сырья при условии обеспечения запрещения вывоза этих товаров из всех других стран, как состоящих, так и не состоящих членами Лиги¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Розенгольцу.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 187.

Примечание:

¹ Согласно итальянским дипломатическим источникам, Литвинов считал, что всеобщее присоединение к эмбарго на поставку энергетических продуктов Италии было бы весьма затруднительным (DDI. Serie VIII. 1935—1939. 11. Roma, 1991. Doc. № 625. P. 606—607). См. также документ № 235.

№ 234

**Из протокола № 34
19 ноября 1935 г.**

Слушали:

п. 373. О Румынии.

Постановили:

Сообщить Титулеску, что если б он предложил заключение общего пакта о взаимной помощи, без исключения агрессии какого бы ни было государства, то мы считали бы такое предложение дискутабельным, но что в определении границ СССР и Румынии в таком пакте надобности нет, т. к. этот вопрос может вызвать нежелательную дискуссию, а практически вопрос разрешен пактом об определении агрессии¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 188.

Примечание:

¹ Решение Политбюро было связано с переговорами о советско-румынском пакте. 16 ноября полпред СССР в Румынии М.С. Островский телеграфировал М. Литвинову о своей беседе с Н. Титулеску, который заявил, что

«румыно-советский пакт должен быть аналогичен чехословацко-советскому, включая и протокол» (ДВП. Т. XVIII. С. 666). Бухарест добивался включения в договор такого определения территории Румынии, которое означало бы фактический отказ Советского Союза от Бессарабии. Москва не соглашалась. Эти разногласия затягивали переговоры.

Директивы Политбюро были отражены в телеграмме М. Литвинова М. Островскому от 20 ноября (Там же. С. 558—559). См. также документ № 213.

№ 235

Из протокола № 35 14 декабря 1935 г.

С л у ш а л и :

п. 149. Вопрос т. Литвинова.

П о с т а н о в и л и :

Дать т. Потемкину следующие указания по Абиссинскому вопросу:

«Предложение Лавая—Хора означает раздел Абиссинии и нарушение ее территориальной целостности. Это противоречит уставу Лиги, гарантирующему всем членам Лиги неприкосновенность и целостность их территории, во имя чего Лига Наций и вмешалась в конфликт и стала применять санкции. Лига Наций не может поэтому одобрить подобных предложений. Конечно, если бы Абиссиния по каким бы то ни было соображениям сочла возможным принять предложение, то Лига Наций не должна побуждать ее к продолжению войны, а наоборот должна будет зарегистрировать состоявшееся между воюющими сторонами соглашение. До тех пор, пока Абиссиния не заявит о своем принятии предложения Лавая—Хора, Лига Наций не может ни в какой мере его одобрить»¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 14.

Примечание:

¹ Секретное соглашение о плане урегулирования итало-эфиопского конфликта путем раздела Эфиопии и передачи значительной ее части Италии было достигнуто 8 декабря 1935 г. в Париже между министром иностранных дел Великобритании С. Хором и премьер-министром Франции П. Лавалем (DDF. 1932—1939. 1 Serie. Paris, 1984. Doc. № 420. P. 608). План Хора—Лавая был отвергнут Эфиопией как направленный в конечном счете на ликвидацию ее независимости. Содержание секретного соглашения Хора—Лавая было разглашено прессой и вызвало возмущение в Англии и Франции. С. Хор был вынужден уйти в отставку.

№ 236

**Из протокола № 36
15 января 1936 г.**

Слушали:

п. 226. О нефтяных санкциях.

Постановили:

Представителю СССР в Женеве по своей инициативе применения к Италии нефтяных санкций не предлагать. При обсуждении этого вопроса, отмечать сомнительную эффективность этой меры, ввиду накопления Италией значительных запасов и трудности контролирования вывоза из США, заявив, однако, что, в случае решения Комитета о применении нефтяных санкций, СССР этому решению подчинится¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 32.

Примечание:

¹ Вопрос о нефтяных санкциях против Италии обсуждался в Лиге Наций с ноября 1935 г. Однако, нежелание Великобритании, Франции и СССР ухудшать отношения с Италией привели к затягиванию дискуссий по этому вопросу. В результате позиции ведущих держав нефтяные санкции против Италии так и не были введены. См. также документ № 233.

№ 237

**Из протокола № 36
15 января 1936 г.**

Слушали:

п. 227. Переговоры с Румынией.

Постановили:

Отклонить предложение Титулеску о каком бы то ни было определении территории Румынии в пакте о взаимной помощи¹. Согласиться на подписание отдельного протокола, в котором говорилось бы, что, в случае осуществления взаимной помощи согласно пакта или по статье 16-й Устава Лиги, обе стороны обязуются, по миновании надобности, вывести свои войска обратно: СССР к Востоку от Днестра, а Румыния к Западу от Днестра.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 33.

Примечание:

¹ Публикуемое постановление исходило из неизменной линии советского руководства: ни в коем случае не признавать существующие границы

между СССР и Румынией при заключении двустороннего пакта о взаимопомощи. См. документ № 211. Во второй половине июля 1936 г. министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску заявил М. Литвинову в Монтрё, «что вопрос о Бессарабии не будет больше служить препятствием к заключению пакта» (ДВП. Т. XIX. С. 478). Однако в августе 1936 г. под давлением прогерманских кругов Н. Титулеску, являвшийся сторонником коллективной безопасности, был смещен с поста министра иностранных дел. После этого переговоры между СССР и Румынией о заключении пакта о взаимопомощи были прекращены. См. документ № 234.

№ 238

**Из протокола № 39
7 мая 1936 г.**

С л у ш а л и :

п. 108. Основные директивы по вопросу о проливах.

П о с т а н о в и л и :

1. Для нечерноморских государств проход через проливы в Черное море в мирное время закрыть для военных кораблей всех классов, допуская исключения для нанесения визитов надводными кораблями невоюющих государств в составе не свыше одного крейсера и одного дивизиона эсминцев (4 ЭМ).

Если это требование не будет принято, то добиваться максимального уменьшения права прохода через проливы в мирное время военных судов государств, не расположенных на Черном море. Во всяком случае, особо должно быть ограничено право прохода судов государств, не имеющих собственных портов и морских баз в Черном, Эгейском и Средиземном морях.

2. Настаивать на неразрешении прохода в военное время через проливы военных судов любых государств, кроме Турции, иначе, как в порядке оказания помощи жертве агрессии в соответствии с постановлениями Совета Лиги Наций¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 163.

Примечание:

¹ Вопрос о пересмотре режима черноморских проливов был поднят турецким правительством в ноте от 11 апреля 1936 г. Советское правительство в ноте от 16 апреля согласилось участвовать в соответствующих переговорах. Конференция о режиме проливов происходила 22 июня — 21 июля 1936 г. в Монтрё (Швейцария). Советская делегация последовательно отстаивала позиции, изложенные в публикуемых директивах Политбюро.

Согласно новой конвенции, заключенной в Монтрё, Турция получила право на ремилитаризацию зоны проливов. За торговыми судами всех стран сохранялась свобода прохода через проливы как в мирное, так и в военное

время. Черноморские державы получили почти неограниченное право проводить через проливы свои военные корабли в мирное время. Для нечерноморских держав вводился ряд существенных ограничений: общий тоннаж военных кораблей этих держав в транзите через проливы не должен был превышать 15 тыс. тонн, а число одновременно проходящих кораблей — 9. Общий тоннаж военных судов нечерноморских держав при их пребывании в Черном море не должен был превышать 30 тыс. тонн, а срок их пребывания — 21 день. В случае участия Турции в войне ей предоставлялось право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов; при неучастии Турции в войне проливы закрывались для прохода военных судов любого воюющего государства.

№ 239

Из протокола № 40
27 мая 1936 г.

С л у ш а л и :

п. 82. О морских переговорах.

П о с т а н о в и л и :

Послать в Лондон гг. Майскому и Чикунскому следующую директиву:

«Лондон, Майскому, Чикунскому.

Попытайтесь еще раз нажать на англичан и, если не пойдут на уступки, можете принять оговорку Крейги насчет возможного внелимитного строительства в Японии и заменить ею нашу оговорку о Дальнем Востоке»¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 185.

Примечание:

¹ Советско-английские переговоры о морских вооружениях проходили в мае—декабре 1936 г. и продолжались в 1937 г. С советской стороны в переговорах участвовали полпред И. Майский и военно-морской атташе Чикунский, с британской — помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Крейги и начальник отдела планирования адмиралтейства Филипс. На заседаниях 20, 25 мая и 4 июня обсуждался вопрос о советской оговорке о Дальнем Востоке. СССР добивался права осуществлять строительство военно-морских сил для Дальнего Востока, сверх намечавшихся лимитов, в связи с угрозой со стороны Японии. На встрече 20 мая «Крейги сделал предложение изменить соответствующую часть нашей ноты в том смысле, что наша оговорка в отношении Дальнего Востока входит в силу, если Япония на практике станет нарушать договорный лимит» (ДВП. Т. XIX. С. 272). В результате была достигнута устная договоренность, что англо-советское соглашение не будет лимитировать советские военно-морские силы на Дальнем Востоке до заключения специального морского соглашения между СССР и Японией. При этом СССР обязался не проявлять

инициативы в отношении внелимитного морского строительства. Но в случае инициативы Японии по осуществлению такого строительства СССР мог считать себя свободным от взятых обязательств. См. также документ № 240.

№ 240

Из протокола № 40
27 июня 1936 г.

С л у ш а л и :

п. 365. О морских переговорах с Англией.

П о с т а н о в и л и :

При переговорах с англичанами согласиться на постройку 2 линкоров с артиллерией в 16 или 15 дюймов по нашему усмотрению и 8 крейсеров, включая в их число «Красный Кавказ» с артиллерией в 7,1 дюйма¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 202.

Примечание:

¹ См. документ № 215. Помимо советской оговорки о Дальнем Востоке, о которой шла речь ранее, на советско-английских переговорах важное место занимал вопрос о количестве разрешенных к строительству советских кораблей и калибре их орудий. 12 июня английская делегация предложила советской стороне согласиться на строительство двух линкоров с орудиями в 15 дюймов и 6—7 внелимитных крейсеров (вместо предлагавшихся 10). Директивы ПБ шли навстречу британским предложениям. Когда И. Майский довел советскую позицию до сведения английской стороны, «Крейги выразил удовлетворение...и заявил, что Советское правительство обнаружило в ходе морских переговоров искреннюю готовность идти на компромисс в интересах качественного ограничения морских вооружений...» (ДВП. Т. XIX. С. 376). Тем не менее советско-английские морские переговоры затянулись и так и не были завершены в 1936 г.

№ 241

Из протокола № 41
3 июля 1936 г.

С л у ш а л и :

п. 49. Об Италии.

П о с т а н о в и л и :

1. Разрешить торгпреду СССР в Италии т. Беленькому вступить в переговоры с итальянским правительством о возобновле-

нии торгового соглашения с Италией от 15 июня 1935 г., в основном на прежней базе, и подписать соответствующее соглашение.

2. Обеспечить в новом соглашении:

а) превышение нашего экспорта над импортом (толеранс) в сумме не менее 25 млн. лир в год;

б) наше право трансфера иностранной валюты за границу в сумме 40, в крайнем случае 30 млн. лир;

в) незачет наших поставок нефтепродуктов в итальянскую внетаможенную зону в расчеты по нашему торговому договору с Италией.

3. Добиваться заключения торгового соглашения с Италией на срок до 31 декабря 1937 года.

4. Разрешить торгпреду СССР в Италии т. Беленькому продлить действие нынешнего торгового соглашения без изменений на время переговоров о новом соглашении¹.

Выписки посланы: тт. Розенгольцу, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 4.

Примечание:

¹ 10 июля 1936 г. кроме решения возобновить торговый договор с Италией, Политбюро отменило экономические санкции против Италии, утвердив следующее постановление СНК:

«Совет Народных Комиссаров постановляет отменить с 15 июля 1936 г.: постановление СНК СССР № 2320 от 17 октября 1935 г. о вывозе в Италию некоторых предметов;

постановление СНК СССР от 17 октября 1935 г. № 2310 о применении финансовых санкций против Италии;

постановление СНК СССР от 14 ноября 1935 г. № 2511 о запрещении ввоза в СССР товаров итальянского происхождения и

постановление СНК СССР от 14 ноября 1935 г. № 2512 о воспрещении ввоза в Италию некоторых товаров» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 8).

№ 242

**Из протокола № 42
7 августа 1936 г.**

С л у ш а л и :

п. 94. Вопрос НКВД.

П о с т а н о в и л и :

Принять предложение т. Крестинского о приезде в СССР Леона Блюма¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 38.

Примечание:

¹ Лидер Французской социалистической партии Л. Блюм после победы Народного фронта на выборах возглавил в июле 1936 г. правительство Франции. Будучи премьером, он выразил желание приехать в Москву, и ему было послано приглашение. Однако визит Л. Блюма в СССР не состоялся, как отмечал М. Литвинов, «по разным причинам». (ДВП. Т. XXII. С. 49).

№ 243

Из протокола № 42 17 августа 1936 г.

С л у ш а л и :

п. 236. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Дать Пайяру следующий ответ:

«СССР согласен обсудить предложения Франции при наших поправках, но раньше чем сделать это, Совпра хотело бы знать, как обстоит дело с поправками Италии, Германии и других государств, приняты они или сняты, а если приняты, то кем приняты, только Францией или и другими странами»¹.

Если Пайяр ответит незнанием или неудовлетворительно, действовать через нашего поверенного в Париже. Если окажется, что все поправки других стран сняты и наши поправки являются единственным тормозом, принять предложение Франции и снять наши поправки².

Выписки посланы: гг. Литвинову, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 50.

Примечания:

¹ 17—18 июля 1936 г. в Испании вспыхнул военно-фашистский мятеж против республиканского правительства Народного фронта, положивший начало гражданской войне.

2 августа правительство Франции обратилось к Англии, Германии, Италии, Польше, Бельгии и СССР с предложением заключить соглашение о невмешательстве в испанские дела (См.: DDF. 1932—1939. 11 Serie. III. Paris, 1966. Doc. № 56, 59. P. 97—98, 100—101). Советское руководство ответило согласием при условии привлечения к этому соглашению Португалии и немедленного прекращения помощи, оказывавшейся некоторыми государствами мятежникам. Заместитель наркома по иностранным делам Н. Крестинский в докладной записке Сталину от 5 августа отмечал: «Мы не можем не дать положительный, или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3663).

9 августа советское правительство сообщило временному поверенному в делах Франции в СССР Ж. Пайяру, что оно в основном приняло французский проект декларации о невмешательстве в испанские дела. Советские поправки касались вводной части французского проекта и предлагали не указывать мотивов, по которым принималось решение о невмешательстве. Решение Политбюро от 17 августа подтвердило эту советскую позицию.

² 23 августа Политбюро приняло решение (во изменение постановления от 17 августа) снять советские поправки к вводной части декларации французского правительства о невмешательстве в испанские дела «и предложить М. Литвинову подписать декларацию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 58). В тот же день состоялся обмен нотами между правительствами СССР и Франции по вопросу о Декларации о невмешательстве в дела Испании. Оба правительства заявили о своей решимости строго воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела Испании (ДВП. Т. XIX. С. 402—403)

№ 244

**Из протокола № 42
17 августа 1936 г.**

С л у ш а л и :

п. 244. Об Испании.

П о с т а н о в и л и :

Обязать НКВТ немедленно продать испанцам мазут по пониженной цене в необходимом количестве на самых льготных условиях.

Выписка послана: т. Судьину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 51

№ 245

**Из протокола № 42
29 августа 1936 г.**

С л у ш а л и :

п. 395. Об Испании.

П о с т а н о в и л и :

1. Предложить Наркомвнешторгу издать немедленно распоряжение о запрещении вывоза амуниции и самолетов в Испанию, огласив его в печати¹.

2. Согласиться на участие в Комитете послов в Лондоне для координации действий, вытекающих из декларации о невмешательстве в испанские дела².

Выписки посланы: тт. Судьину, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 62.

Примечания:

¹ В соответствии с решением ПБ 30 августа в советской печати было опубликовано следующее Сообщение ТАСС: «В связи с вступлением в силу обмена нот между СССР и Францией о «невмешательстве в испанские дела» Народный Комиссариат по Внешней Торговле издал приказ о запрещении с 28 августа 1936 года экспорта, реэкспорта и транзита в Испанию, испанские владения и Испанское Марокко всякого рода оружия, амуниции, и всяких материалов, воздушных судов в собранном и разобранном виде, а также военных судов» (Правда. 1936. 30 августа).

² В конце августа 1936 г. Франция предложила создать Комитет по невмешательству, на который возлагалась задача наблюдения за выполнением соответствующего соглашения. О французском предложении создать Комитет по невмешательству см. : DDF. 1932—1939. 11 Serie. III. Paris, 1966. Doc. № 199. P. 279. 9 сентября этот комитет с участием представителей 27 европейских государств начал свою работу в Лондоне.

№ 246

Из протокола № 43 20 сентября 1936 г.

Слушали:

п. 181. Вопрос тт. Литвинова и Сурица.

Постановили:

Отклонить предложение тт. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступлений Гитлера и других на Нюрнбергском съезде¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 78.

Примечание:

¹ Решение Политбюро определило форму реакции советского руководства на прошедший в сентябре 1936 г. съезд нацистской партии в Нюрнберге, на котором прозвучали грубые выпады против СССР и его руководителей (См. : DDF. 1932—1939. 11 Serie. III. Paris, 1966. Doc. № 284. P. 413). В телеграмме в НКВД СССР от 11 сентября полпред СССР в Германии Суриц предлагал: «На Нюрнберг нам необходимо дать ответ сильный и резкий, который встретит понимание и одобрение в ряде стран, но не такой, который сыграл бы на руку поджигателям войны. Этот ответ мог бы выразиться, например, в следующих мероприятиях: 1) нота протеста; 2) твердое публичное выступление одного из руководителей нашей страны; 3) приостановка поставок сырья в ущерб Германии, даже если это сопряжено с оплатой некоторых наших векселей в золоте» (ДВП. Т. XIX. С. 762). 13 сентября Суриц сообщал в Москву: «Для антисоветских выступлений в Нюрнберге в 1936 г. характерным является не столько обычный низкий уровень, грубость и оскорбительные личные выводы против членов Советского правительства... сколько открыто агрессивный характер выступлений против

Советского государства под лозунгом создания международного блока против СССР» (Там же. С. 423).

19 сентября заместитель наркома Н. Крестинский сообщил Я. Сурицу, что Литвинов поставил вопрос относительно реагирования на антисоветские выступления в Нюрнберге. «Решено ноты не посылать. Что касается реагирования в прессе, то, как Вы видели, наша печать откликнулась на партийтаг достаточно решительно, не останавливаясь перед резкими характеристиками даже членов правительства» (Там же).

Выступая 28 сентября на заседании Ассамблеи Лиги Наций, Литвинов подчеркнул: «Считая национал-социализм и расизм смертельным врагом всех трудящихся и самой цивилизации, Советское правительство не только никогда не проповедовало крестового похода против стран, где господствует эта теория, но и стремилось к сохранению с ними таких же нормальных дипломатических и экономических отношений, как и с другими странами» (Там же. С. 446).

№ 247

Из протокола № 44 19 октября 1936 г.

С л у ш а л и :

п. 59. Вопрос т. Розенберга (ПБ от 17. X. 36 г., пр. № 44, п. 56).

П о с т а н о в и л и :

Поручить т. Розенбергу ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из испанских портов судах с тем условием, что золото будет сопровождаться уполномоченными испанпра или минфина, и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину СССР в нашем порту¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 105.

Примечание:

¹ В начале октября 1936 г. правительство Испанской республики приняло решение использовать часть «металлических резервов» Национального банка для закупки материалов на нужды ведения войны. После непростой дискуссии в качестве страны депозитария был избран Советский Союз, руководство которого уже приняло официальное решение о поддержке испанских республиканцев. 15 октября глава испанского правительства Ф. Ларго Кабальеро информировал советского посла М. Розенберга о решении республиканского правительства передать СССР в качестве депозита 500 тонн золота через Министерство финансов. 17 октября это сообщение было подтверждено официальным письмом, переданным М. Розенбергу. В соответствии с решением Политбюро Советский Союз согласился принять на хранение в виде депозита часть золотого запаса Испанской республики.

Операция по переправке золота в СССР проводилась в обстановке строгой секретности. Золото было доставлено из испанской военно-морской базы Картахена в Одессу и 5 ноября 1936 г. прибыло в Москву. Секретной операцией руководил резидент НКВД в Испании А. Орлов. Депозит состоял из 7800 ящиков (касс), в которых размещалось около 510 080 кг золота, частично в монетах, частично в слитках. Испанская республика получала гарантии поставок вооружения и боеприпасов, а СССР то, что его поставки военных материалов будут оплачены. Как правило, правительство СССР предоставляло Испанской республике кредит для оплаты поставок вооружения и военных материалов из расчета 3% годовых, а этот кредит погашался за счет продажи испанского золота. Всего испанское правительство передало в Москву вплоть до марта 1938 г. распоряжения о продаже 450 тонн золота. Но СССР продолжал осуществлять поставки военных материалов в Испанию летом и осенью 1938 г. и даже в начале 1939 г., вплоть до закрытия франко-испанской границы. (Материалы для данного комментария любезно предоставлены С. П. Пожарской). Решением Политбюро от 14 января 1937 г. И. Майскому предписывалось решительно возражать против обсуждения вопроса об испанском золоте в Комитете по невмешательству (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 162).

№ 248

**Из протокола № 44
23 октября 1936 г.**

С л у ш а л и :

п. 121. О Лондонском Комитете.

П о с т а н о в и л и :

1. Поручить т. Майскому, не дожидаясь открытия заседания Комитета, послать председателю Комитета, с просьбой огласить в начале завтрашнего заседания, наше заявление, принятое ЦК 11 октября. Дать это заявление завтра же в печать в Лондоне и в Москве¹.

2. Добавить в заявлении в конце третьего параграфа слова: «и даже не поставлено в порядок дня сегодняшнего заседания». Далее в конце добавить шестой параграф, гласящий: «Во всяком случае, советское правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение, явно несправедливое в отношении законного испанского правительства и испанского народа, вынуждено теперь же заявить, что в соответствии со своим заявлением от 7-го октября, оно не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из участников этого соглашения».

3. С возмущением отвергать германские обвинения.

4. Настаивать на нашем предложении о контроле².

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 109.

Примечания:

¹ Заявление представителя СССР тов. Майского Международному Комитету по вопросам невмешательства в дела Испании с учетом поправок ПБ от 23 октября было опубликовано в печати 24 октября 1936 г. (См. Правда. 1936. 24 октября).

² ПБ неоднократно рассматривало позицию советских представителей в лондонском Комитете по невмешательству. Решение от 7 октября утвердило заявление представителя СССР С. Б. Кагана, в котором содержался резкий протест против широкой помощи франкистам оружием и военным снаряжением со стороны Германии и Италии, осуществлявшийся через территорию Португалии. В заявлении говорилось: «Советское правительство ни в коем случае не может согласиться превратить соглашение о невмешательстве в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам со стороны некоторых участников соглашения против законного Испанского правительства. Советское правительство вынуждено в виду этого заявить, что, если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 101—102. См. также: ДВП. Т. XIX. С. 463—464).

В связи с наращиванием вмешательства в испанские дела со стороны Германии, Италии и Португалии Советский Союз предпринял меры по оказанию материальной помощи испанским республиканцам. 13 октября в Испанию прибыл первый советский пароход с оружием, в дальнейшем эти советские поставки продолжались, несмотря на колоссальные трудности. Вместе с тем Советский Союз продолжал отстаивать интересы испанских республиканцев в Комитете по невмешательству. 12 октября Советское правительство потребовало немедленного установления контроля над португальскими портами, чтобы перекрыть каналы снабжения франкистских мятежников оружием (DDF. 1932—1939. 11 Serie. III. Paris, 1966. Doc. № 347. P. 521—522). Председатель комитета лорд Плимут 14 октября сообщил советскому представителю, что ответ португальского правительства еще не получен, и в сложившейся ситуации он считает нецелесообразным созыв нового заседания по этому вопросу (ДВП. Т. XIX. С. 470—471).

11 октября Политбюро приняло решение на случай отклонения советского предложения о контроле португальских портов. Представитель СССР должен был сделать заявление, в котором, в частности, говорилось: «Таким образом соглашение превратилось в пустую, разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать. Не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании, каковыми правами и возможностями пользуются теперь все правительства мира, а участникам соглашения предоставить продавать или не продавать оружие Испании» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 96—97).

В соответствии с директивой Политбюро от 23 октября советский представитель И. Майский направил 25 октября соответствующее письмо председателю Комитета по невмешательству лорду Плимуту с просьбой сообщить его содержание членам комитета в начале намеченного на тот день заседания (ДВП. Т. XIX. С. 513—514). Советское правительство готово было согласиться на установление контроля над испанскими сухопутными гра-

ницами, а также над испанскими и португальскими портами. План по установлению контроля над въездом в Испанию и ввозом в страну запрещенных вооружений и военных материалов был утвержден Комитетом по невмешательству 12 ноября 1936 г., однако, его практическая реализация затягивалась (DDF. 1932—1939. 11 Serie. III. Paris, 1966. Doc. № 429. P. 661—662).

№ 249

**Из протокола № 44
21 ноября 1936 г.**

Слушали:

п. 251. О Лондонском комитете.

Постановили:

1) Предложение Майского об отказе от разбора жалоб на нарушение невмешательства отклонить. Разрешить ему, однако, найти повод отметить в Комитете неприличную выходку Идена¹.

2) Не возражать против выработанного экспертами плана воздушного контроля при всей его абсурдности. Если план, однако, не будет отклонен по инициативе других членов Комитета, то возражать против первого пункта о посылке контролеров на вне-испанские аэродромы. Не возражать и против полного отклонения контроля перелетов².

3) Установление пунктов контроля в портах и на сухопутной границе предоставить решить т. Майскому в контакте с испанским послом³.

4) Не поддерживать предложения Корбена о перенесении разбора жалоб в подкомитет, но и не возражать против него.

5) Добиваться максимального сокращения штатов и расходов, но не в ультимативной форме.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 121.

Примечания:

¹ Германия и Италия использовали Комитет по невмешательству для неоднократных обвинений против Советского Союза.

² План установления контроля над воздушными перелетами в Испанию не был принят Комитетом по невмешательству.

³ Советское руководство настойчиво добивалось в лондонском комитете установления контроля португальских портов, а также соглашалось на контроль испанских портов и пограничных пунктов (см. документы № 248, 252). Вместе с тем работа Комитета по невмешательству выявила его неэффективность. Нарком по иностранным делам М. Литвинов телеграфировал 1 ноября 1936 г. И. Майскому: «В случае надобности давайте понять, что мы потеряли всякий интерес к нынешней абсолютно никчемной работе

Комитета и что остаемся в нем, лишь пока еще есть надежда установить контроль на будущее время» (ДВП. Т. XIX. С. 530—531).

В условиях расширявшейся германо-итальянской интервенции в Испании советское руководство через Коминтерн способствовало отправке в Испанию добровольцев, сражавшихся на стороне республиканцев в составе интернациональных бригад. Первая интербригада была сформирована в конце октября 1936 г. Тогда же в Испанию были направлены советские военные специалисты: советники, инструкторы, летчики, танкисты, связисты, инженеры и техники. Всего советских добровольцев в Испании насчитывалось около 600 человек (Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк. М., 1975. С. 221). Вместе с тем, стремясь сохранить дипломатическую и пропагандистскую инициативу, Москва 3 декабря 1936 г. предложила И. Майскому срочно направить председателю Комитета по невмешательству лорду Плимуту письмо, «сформулировав в нем наше предложение о распространении соглашения о невмешательстве также на посылку в Испанию добровольцев» (ДВП. Т. XIX. С. 628). 28 декабря Политбюро утвердило советский ответ на англо-французское предложение относительно волонтерства в Испании. Правительство СССР готово было присоединиться к соглашению участников Комитета по невмешательству о запрещении выезда граждан соответствующих стран для участия в военных действиях в Испании при установлении эффективного контроля за выполнением этого соглашения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 153—154; см. также: ДВП Т. XIX. С. 692—693).

№ 250

**Из протокола № 44
9 декабря 1936 г.**

С л у ш а л и :

п. 350. О встрече с Герингом.

П о с т а н о в и л и :

Предложить т. Сурицу принять приглашение Геринга¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 130.

Примечание:

¹ Встреча советского посла в Германии Я. Сурица с имперским министром авиации и главой правительства Пруссии Г. Герингом состоялась 14 декабря 1936 г. по приглашению последнего. Беседа проходила в доме Геринга на Лейпцигерплац и продолжалась примерно час, при этом почти все время занял монолог германского министра.

Геринг заявил послу, что он пригласил его в качестве ответственного за реализацию германского четырехлетнего плана: «Я являюсь сторонником развития экономических отношений с СССР, и как руководитель хозяйства понимаю их значение» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3646). Он подчеркнул важность развития экономических связей между Германией и СССР независимо от состояния политических отношений между двумя странами

Далее Геринг поднял вопрос о списке заявок на советские закупки, представленном ему торгпредом СССР в Германии Канделаки. По мнению Геринга, список был составлен таким образом, чтобы неизбежно вызвать негативный ответ германской стороны: «В списке имеются объекты, которые, как строго секретные, ни одно государство никогда не продаст другому, даже связанному с ним самой тесной дружбой». В ответ Суриц разъяснил, что советская сторона руководствовалась исключительно деловыми соображениями: «Он, Геринг, должен...понять, что экономические отношения между нами могут развиваться в такой степени, в какой мы сможем получить из Германии все, что нас интересует» (Там же). При обсуждении списка Канделаки выяснилось, что некоторые объекты могли бы быть поставлены в СССР. Затем Геринг перешел к политическим вопросам: «Говоря о своем искреннем желании развить хозяйственные отношения с СССР, он сказал, что это отвечает и его взгляду на желательность нормализации и политических отношений и при этом припомнил заветы Бисмарка и даже ошибку, которую допустил Вильгельм II, отступив от этих заветов» (Там же). Рейхсминистр обратил внимание посла на то, что сам он после прихода национал-социалистов к власти не допускал никаких публичных выпадов против СССР и его руководителей.

№ 251

**Из протокола № 45
7 января 1937 г.**

С л у ш а л и :

п. 87. О пароходе «Комсомол».

П о с т а н о в и л и :

Запросить английское и французское правительства, намерены ли они принять меры против пиратства в испанских водах и какие¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 159.

Примечание:

¹ Советский пароход «Комсомол» был потоплен в районе Гибралтара 14 декабря 1936 г. Предложение Советского Союза принять коллективные меры по пресечению пиратства фашистских кораблей не встретило поддержки со стороны правительств Великобритании и Франции, уклонившихся от официального ответа.

№ 252

**Из протокола № 45
14 января 1937г.**

С л у ш а л и :

п. 123. О морском контроле.

П о с т а н о в и л и :

Не возражать против международного морского контроля в испанских водах. Указать на сугубую недопустимость задержания торговых судов мятежниками после установления такого контроля¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 161.

Примечание:

¹ Комитет по невмешательству обсуждал вопрос об установлении морского контроля в январе—феврале 1937 г. Германия и Италия пытались добиться отстранения Советского Союза от участия в осуществлении контроля. Однако в результате усилий советских представителей в феврале 1937 г. Комитет по невмешательству принял решение об участии в морском контроле всех стран — членов комитета. Советское правительство не претендовало на фактическое использование своего права и сочло желательным «поручить контроль в отведенной советскому флоту зоне, а именно в Бискайском заливе, Великобритании или Франции» (ДВП. Т. XX. С. 697).

В середине февраля 1937 г. в Комитете по невмешательству была достигнута договоренность о введении в действие соглашения о добровольцах — с 20 февраля, о контроле — с 6 марта. Выработанный механизм включал контроль за испанским берегом с моря и сухопутный контроль на португальско-испанской и французско-испанской границах. Целью контроля было запрещение посылки в Испанию добровольцев и переправки военных материалов.

№ 253

**Из протокола № 45
22 января 1937 г.**

С л у ш а л и :

п. 175. Вопрос т. Розенберга.

П о с т а н о в и л и :

Не возражать против присылки делегации испанпра в СССР, но предложить провести это дело без шума, так как шум может повредить испанскому правительству в глазах европейских держав, поскольку испанпра посылает делегацию только в СССР¹.

Выписка послана: т. Крестинскому.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 167.

Примечание:

¹ Несмотря на публикуемое решение Политбюро, визит делегации испанского правительства в СССР не состоялся, во всяком случае о нем ничего не известно.

**Из протокола № 46
15 марта 1937 г.**

С л у ш а л и :

п 160. Вопросы НКВД.

14) Об участии итальянских дивизий на стороне Франко.

П о с т а н о в и л и :

Выяснить отношение Францпра к постановке вопроса в Лондонском комитете¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 215.

Примечание:

¹ Несмотря на соглашение в Лондонском комитете по невмешательству о запрещении посылки добровольцев в Испанию с 21 февраля 1937 г. (DDF. 1932—1939. 11 Serie. V. Paris, 1968. Doc. № 1. P. 1—3), итальянское правительство отказывалось вывести из Испании свои воинские части, сражавшиеся на стороне франкистов. В соответствии с директивами Москвы полпред СССР во Франции В. Потемкин 19 марта осведомился у министра иностранных дел И. Дельбоса, намерено ли французское правительство поставить в Лондонском комитете вопрос об итальянских дивизиях. Дельбос ответил, что по его совету испанское правительство предпримет в Комитете специальный демарш по этому вопросу. Французский представитель в Комитете Корбен должен был поддержать испанскую акцию, «дабы побудить Комитет принять решение об отзыве иностранных волонтеров из Испании» (ДВП. Т. XX. С. 130). Если бы советский представитель поставил в Комитете вопрос об итальянских войсках, то он мог бы рассчитывать на французскую поддержку.

В телеграмме от 23 марта советскому представителю в Комитете И. Майскому предписывалось предложить «послать в Испанию комиссию для выяснения случаев посылки итальянским правительством волонтеров уже после 20 февраля и продолжающегося снабжения Франко военными материалами вопреки соглашению, а также участия регулярных частей итальянской армии в военных действиях против испанского правительства» (Там же. С. 141). О выступлении советского посла в Комитете по невмешательству относительно присутствия регулярных итальянских войск в Испании см.: DDF. 1932—1939. 11 Serie. V. Paris, 1968. Doc. № 165. P. 261—262.

В тот же день итальянский представитель в Комитете Гранди сделал заявление, что ни один итальянский доброволец не покинет Испанию до конца гражданской войны. О выступлении Гранди см. : DDI. Serie VIII (1935—1939) VI. Roma, 1997. Doc. № 334, 336. P. 399—400.

**Из протокола № 47
20 марта 1937 г.**

Слушали:

п. 28. Вопросы НКВД.

1. О морском соглашении.

Постановили:

Поручить Майскому сделать Идену следующее заявление: Совпра по-прежнему считает наиболее соответствующим цели качественного и количественного морского разоружения созыв морской конференции¹. Если, однако, британское правительство почему-либо не находит возможным или своевременным созвать такую конференцию, то совпра, ввиду настойчивой просьбы Идена, готово заключить соглашение на следующих условиях:

1) Подписывается только соглашение, но не предложенный английским правительством меморандум;

2) Совпра имеет право по собственной инициативе, независимо от германского правительства, построить 10 крейсеров с орудиями калибра, не превышающего 7,1 дюйм, причем за Германией остается такое же право по собственной инициативе, независимо от советского строительства, построить всего до 5-ти крейсеров, предусмотренных ст. 6-й проекта соглашения;

3) По вопросу об информировании Германии о внелимитных судах для Дальнего Востока и о распространении общей информации на малые корабли принимаются английские предложения².

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 1.

Примечания:

¹ В ходе англо-советских переговоров об ограничении морских вооружений правительство СССР в конце декабря 1936 г. выступило за созыв конференции всех заинтересованных в морских вопросах держав. Это предложение было повторено британской стороне 5 января 1937 г., но британское руководство негативно отнеслось к созыву подобной конференции.

² 15 марта британский министр иностранных дел Иден передал Майскому меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества считает необходимым со всей полнотой и откровенностью изложить Советскому Союзу свою точку зрения, ибо оно полагает, что крах англо-советских переговоров в вышеуказанных условиях может не только подорвать (undermine) добрые отношения, существующие между обоим Правительствами, но также окончательно затормозить движение в пользу международного соглашения об ограничении морских вооружений, которое Правительство Его Величества стремилось всеми мерами реализовать»

(ДВП. Т. XX. С. 125). При этом британское правительство возлагало всю ответственность за срыв двусторонних переговоров на правительство СССР.

Решение Политбюро шло навстречу британским пожеланиям. Майский изложил полученные им директивы в беседе с Иденом 23 марта. «Иден был чрезвычайно обрадован моим сообщением, — информировал Майский Москву. — ...Он глубоко благодарил Советское правительство за его решение и заявил, что это решение произведет великолепное впечатление в стране и несомненно благоприятно отразится на развитии англо-советских отношений» (Там же. С. 143). См. также документ № 234.

№ 256

Из протокола № 49
3 мая 1937 г.

С л у ш а л и :

п. 115. Вопросы НКВД.

VII. О переговорах с Румынией¹.

П о с т а н о в и л и :

В случае невозможности заключения с Румынией пакта о взаимной помощи, не возражать против переговоров на базе пакта, аналогичного итало-югославскому, с имеющими быть внесенными нами изменениями. Ни в коем случае не связывать переговоров о том или ином пакте с вопросом о Бессарабии.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ежову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 35.

Примечание:

¹ См. документы № 234, 237. 28 апреля 1937 г. министр иностранных дел Румынии Антонеску поставил перед полпредом СССР М. Островским вопрос о возможности заключения двустороннего договора по образцу итало-югославского пакта о ненападении и консультациях, подписанного 25 марта того же года.

№ 257

Из протокола № 51
22 июня 1937 г.

С л у ш а л и :

п. 21. Вопрос НКВД.

П о с т а н о в и л и :

Поручить Майскому:

1. Выдвинуть в Комитете предложение испанским мятежникам воздерживаться от остановки, а тем более захвата в открытом

море иностранных коммерческих судов, пригрозив им, в противном случае, посылкой международной морской карательной экспедиции.

2. Английскому предложению о постепенном отзывании по равному числу добровольцев противопоставить принцип пропорциональности¹.

3. Воздерживаться от преждевременных слишком активных выступлений в Комитете и возражений против делаемых там предложений, резервируя окончательное решение за советским правительством и за испанским правительством.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 86.

Примечание:

¹ Советское руководство решительно возражало против вывода из Испании равного количества добровольцев с обеих сторон. На заседании Комитета по невмешательству 22 июня Майский выступил против британского предложения об эвакуации небольшого, но равного числа добровольцев с каждой стороны. При этом он ссылаясь на явную несоизмеримость числа сражавшихся на стороне Франко марокканцев и итальянцев с числом добровольцев-интербригадцев. (Правда. 1937. 24 июня). В телеграмме Литвинова Майскому от 25 октября 1937 г. вновь подчеркивалось: «Не соглашайтесь на равное количество при символической эвакуации» (ДВП Т. XX. С. 562). Советские представители в Комитете по невмешательству отстаивали принцип пропорционального вывода добровольцев, настаивая на существенном сокращении их численности (на 75—80%) до признания за франкистами права воюющей стороны.

№ 258

**Из протокола № 51
7 июля 1937 г.**

С л у ш а л и :

п. 170. Вопросы НКВД .

1). О морском соглашении.

П о с т а н о в и л и :

Разрешить т. Майскому подписать морское соглашение с Англией¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Ворошилову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 94.

Примечание:

¹ См. документ № 255. В июне—июле 1937 г. были согласованы вопросы о строительстве Советским Союзом крейсеров, по которым до этого со-

хранялись разногласия 17 июля советско-английское морское соглашение было подписано в Лондоне. Англо-советское морское соглашение устанавливало согласованные качественные лимиты для основных категорий военно-морских кораблей и предусматривало взаимную информацию о военноморском строительстве (Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. IV (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. С. 282).

№ 259

**Из протокола № 53
11 сентября 1937 г.**

С л у ш а л и :

п. 11. О Средиземноморской конференции.

П о с т а н о в и л и :

Утвердить проект телеграммы т. Литвинову:

На Ваш № 19349. При условии отказа от системы зон нужно добиться включения в предложенную конвенцию таких формулировок, при которых она, во-первых, не могла бы быть истолкована как легализация досмотра и потопления торговых судов, во-вторых, не содержала бы признания за Франко и его сообщниками права воюющих сторон. При этих условиях можете дать согласие на подписание конвенции¹.

Выписка послана: т. Потемкину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 2.

Примечание:

¹ Италия активно использовала в Средиземном море свои подводные лодки против торговых судов, доставлявших грузы испанским республиканцам. Конференция в Нионе (Швейцария) по укреплению безопасности торгового судоходства в Средиземном море была созвана 10 сентября 1937 г. по предложению Франции и Великобритании. В конференции принимали участие Франция, Великобритания, Югославия, Греция, Турция, Египет, СССР, Румыния и Болгария. Сущность англо-французских предложений сводилась к следующему: Средиземное море делилось бы на зоны, охрана которых поручалась отдельным государствам — Англии, Франции, Югославии и Греции, Турции и СССР. В этих зонах каждая подводная лодка, которая атаковала любое торговое судно, кроме испанского, без соблюдения Лондонской конвенции от 22 апреля 1930 г., могла быть уничтожена. О советской позиции в отношении вопросов, которые рассматривались на конференции см.: DDF. 1932—1939. 11 Serie. VI. Paris, 1970. Doc. № 401. P. 700—701.

11 сентября Литвинов в телеграмме из Женевы сообщал в Москву: «Англичане и французы в частном разговоре согласились отказаться от системы зон, взяв на себя охрану всего Средиземного моря... Таким образом, за нашу подпись под конвенцией мы получаем некоторую, хоть и не полную, охрану наших судов и, во всяком случае, их команд... Мне кажется,

что и нам выгодно согласиться при условии такой формулировки, которая не может быть истолкована как легализация останавливания и потопления торговых судов, даже с соблюдением известных правил, и как признание за Франко или Италией прав воюющих сторон» (ДВП. Т. XX. С. 501). Директивы Политбюро были сообщены Литвинову 11 сентября телеграммой Потемкина (Там же. С. 501—502). В тот же день нарком телеграфировал в Москву о выработке Нионской конференцией проекта соглашения: «Многие из моих возражений в тексте учтены, и особенно выпукло отмечено непризнание прав воюющих сторон» (Там же. С. 751).

14 сентября Литвинов наряду с представителями других стран, участвовавших в конференции, подписал Нионское соглашение о борьбе с пиратскими действиями подводных лодок против торговых судов в Средиземноморье. О работе конференции после 11 сентября см. : DDF. 1932—1939. 11 Serie. VI. Paris, 1970. Doc. № 448 P. 781—785.

№ 260

Из протокола № 54 22 октября 1937 г.

С л у ш а л и :

п. 400. Вопрос НКИД.

П о с т а н о в и л и :

Одобрить представленный тов. Литвиновым проект ответной ноты Дельбосу в связи с Нионским соглашением¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 35.

Примечание:

¹ 16 октября 1937 г. министр иностранных дел Франции И Дельбос направил полпреду СССР во Франции Я. Сурицу ноту, в которой информировал о приглашении Италии, сделанном Францией и Великобританией, участвовать в реализации Нионского соглашения. Одновременно советскому полпреду был направлен текст технического соглашения, заключенного в Париже 30 сентября британскими, французскими и итальянскими морскими экспертами о подключении Италии к осуществлению Нионских решений.

В ответной ноте от 25 октября советское правительство заявило, что договоренности экспертов трех стран выходят за рамки технического соглашения. «По мнению Советского правительства, техническое соглашение морских экспертов имеет значение лишь для трех участвовавших в нем стран и не может ни в какой мере задевать интересы остальных государств, подписавших Нионское соглашение, вследствие чего Советское правительство не находит возможным высказываться об означенном соглашении по существу» (ДВП. Т. XX. С. 758). Москва по-прежнему считала морально и политически ответственными за охрану коммерческого судоходства в Эгейском и Средиземном морях Францию и Англию.

Из протокола № 55
4 ноября 1937 г.

С л у ш а л и :

п. 108. О Германии.

П о с т а н о в и л и :

1. Настаивать на закрытии до 15 ноября 5 германских консульств, в том числе консульства в Ленинграде¹.

2. Если гермпра откажется выполнить это требование, прекратить сношения наших властей с соответствующими консульствами, а также лишить их права шифрованной переписки.

3. В случае принятия немцами предложения, изложенного в п. 1, дать им два месяца на ликвидацию консульств и разрешить либо продать их имущество местным комиссионным магазинам, либо вывезти его без пошлины за границу, за исключением ценного антикварного имущества².

Выписки посланы: тт. Стомонякову, Ежову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 50.

Примечания:

¹ В начале октября 1937 г. советское правительство сообщило германскому послу Ф. Шуленбургу о намерении в дополнение к имевшимся двум консульствам СССР открыть в Германии два новых советских консульства — в Бреславле и Мюнхене. Предлагалось довести число консульств каждой из обеих сторон до четырех, что предполагало закрытие трех германских консульств в СССР из имевшихся семи. В конце октября Шуленбург сообщил, что германское правительство возражало против учреждения новых советских консульств в Германии. В ответ было заявлено, что в этом случае и Германии будет разрешено сохранить лишь два консульства в СССР (DGFP. Serie D. I. Doc. № 614, 615 P 903—909).

² Решение Политбюро о закрытии германских консульств было подтверждено 11 ноября 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 56). В результате дальнейших переговоров в марте 1938 г. было решено закрыть все германские консульства в СССР и все советские консульства в Германии к 15 мая 1938 г. (Там же. Л. 142).

Из протокола №55
19 ноября 1937 г.

С л у ш а л и :

п. 257. О Франции.

П о с т а н о в и л и :

Отклонить предложение т. Литвинова о Дельбосе.

Если французы в Москве или Париже заговорят с нашими людьми о поездке Дельбоса в Москву, ответить, что мы не понимаем, для чего собственно сейчас нужна поездка Дельбоса в Москву. Нам самим не проявлять инициативы¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 60.

Примечание:

¹ В связи с намеченным на середину декабря визитом министра иностранных дел Франции Дельбоса в Польшу, Румынию, Югославию и Чехословакию Литвинов полагал целесообразным организовать поездку Дельбоса и в Москву. См. : DDF. 1932—1939. 11 Serie. VII. Paris, 1972. Doc. № 237. P. 433—435

№ 263

**Из протокола № 56
11 декабря 1937 г.**

Слушали:

п. 12. О торговле с Францией.

Постановили:

Разрешить Наркомвнешторгу продлить действующее торговое соглашение с Францией на 1938 год¹.

Выписки посланы: тт. Чвялеву, Петруничеву, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 87.

Примечание:

¹ Советско-французские переговоры о заключении постоянного торгового договора натолкнулись на трудности. 19 декабря 1937 г. заместитель наркома иностранных дел Потемкин в письме полпреду СССР во Франции Сурицу отметил: в Москве пришли к выводу, что французы ни по одному из вопросов, по которым остались разногласия, не обнаруживают склонности идти на какие-либо уступки. Далее он писал: « Я полагаю, что при нынешней внешнеполитической линии французского правительства у нас нет каких-либо оснований делать дальнейшие уступки, которые шли бы вразрез с нашими деловыми интересами» (ДВП. Т. XX. С. 673—674; DDF. 1932—1939. 11 Serie. VII. Paris, 1972. Doc. № 237. P. 433—435). В результате было принято решение о продлении действовавшего временного соглашения на 1938 г.

№ 264

**Из протокола № 56
21 декабря 1937 г.**

Слушали:

п. 109. О Германии.

П о с т а н о в и л и :

1. Разрешить Наркомвнешторгу продлить на 1938 год действующее соглашение о товарном и платежном обороте с Германией, предусмотрев наше право производить в 1938 г. оплату векселей выручкой в марках от продажи советских экспортных товаров Германии на обычных основаниях, т. е. без согласования номенклатуры с германским правительством.

2. О кредите ответа сейчас не давать. В случае вторичного обращения немцев по этому вопросу по их инициативе, поручить торгпреду СССР в Германии ответить, что мы согласны принять к рассмотрению этот вопрос при условии, что германское правительство предварительно снимет все ограничения в отношении номенклатуры советских заказов германским фирмам.

Выписки посланы: тт. Чвялеву, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 93—94.

№ 265

**Из протокола № 56
10 января 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 288. Об экономических отношениях с Италией.

П о с т а н о в и л и :

1. Поручить полпреду СССР в Италии заявить министерству иностранных дел, что в течение последних месяцев имели место случаи самовольного одностороннего отказа от уплаты сумм, причитающихся нашим хозорганам по поставленным товарам, и потребовать от итальянского правительства вмешательства в это дело для немедленной оплаты задержанных сумм.

2. В случае отказа итальянцев удовлетворить наши требования, или в случае неполучения от них ответа в ближайшие 5—6 дней, опубликовать постановление Совнаркома СССР, временно запрещающее Наркомфину и Госбанку производить трансфер платежей на Италию, ссылкой на одностороннюю самовольную задержку итальянскими организациями и учреждениями платежей, причитающихся советским хозяйственным организациям за поставленные последними товары. В этом же постановлении предложить хозорганам вносить причитающиеся итальянским фирмам и учреждениям суммы в рублях на блокированные счета указанных фирм, специально для этой цели открываемые в Госбанке.

3. В случае, если после опубликования указанного постановления СНК СССР, итальянцы предложат переговоры об урегулировании взаимных претензий, считать возможным отменить упо-

мянутое постановление СНК СССР и возобновить поставку в Италию мазута по существующему договору Союзнефтеэкспорта с морским министерством лишь при принятии итальянцами следующих условий:

а) Дачи реальной гарантии, что лидер, строящийся на верфи «Орландо», будет сдан в полном порядке в соответствии с договором и в срок не позже 1. VI. 1938 г. ;

б) Предоставления нам контингентов на наши экспортные товары в пределах, необходимых для покрытия текущих платежей;

в) Снятия всяких претензий, связанных с временной приостановкой нами поставок мазута морскому министерству.

4. В случае возобновления поставок мазута на основе предыдущего пункта, поручить СНК СССР выделить необходимый экспортный фонд мазута.

5. Впредь до урегулирования взаимных претензий на основе п. «в» настоящего постановления, предложить Наркомводу запретить заход советских судов в итальянские порты.

Выписки посланы: тт. Мологову, Микояну, Потемкину, Мерекалову — все; Пахомову — 3 «в», 5.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 103—104.

№ 265

**Из протокола № 57
28 января 1938 г.**

Слушали:

п. 37. Об английском консульстве в Ленинграде.

Постановили:

По вопросу о закрытии английского консульства в Ленинграде утвердить предложенные т. Потемкиным проекты: памятной записки, ноты Британскому правительству и личной ноты на имя лорда Чилстона (см. записку т. Потемкина от 27.I.38 г., № 6047).

Выписка послана: т. Потемкину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 113.

№ 266

**Из протокола № 59
11 марта 1938 г.**

Слушали:

п. 133. Об Эстонии.

П о с т а н о в и л и :

Дать согласие эстонскому правительству на созыв в Москве предусмотренной договором о ненападении советско-эстонской смешанной согласительной комиссии для разбора имевших место столкновений на советско-эстонской границе¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 149.

Примечание:

¹ Советско-эстонский договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов был подписан в Москве 4 мая 1932 г. Стороны взаимно гарантировали неприкосновенность советско-эстонской государственной границы и обязались воздерживаться от всякого акта нападения одна на другую и от всяких насильственных действий. Спорные вопросы, не поддающиеся урегулированию обычным дипломатическим путем, должны были решаться в смешанной согласительной комиссии (ДВП Т XV С 296—298).

№ 267

**Из протокола № 59
27 марта 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 294. О полпредстве СССР в Вене.

П о с т а н о в и л и :

Ввиду уничтожения Австрии в качестве самостоятельного государства, полпредство СССР в Вене ликвидировать, не создавая там консульства¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Петруничеву, Калинин, Ежову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 159.

Примечание:

¹ На рассвете 12 марта германские войска вторглись на территорию Австрии и оккупировали страну 14 марта Гитлер подписал акт об «объединении» Австрии с германским рейхом Австрия как независимое государство перестала существовать

№ 268

**Из протокола № 61
29 апреля 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 49. Вопрос т. Литвинова.

П о с т а н о в и л и :

Уполномочить Народного Комиссара Иностранных Дел т. М.М. Литвинова дать подпись под конвенцией о международной борьбе с терроризмом¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 23.

Примечание:

¹ Литвинов подписал от имени СССР международную конвенцию по борьбе с терроризмом в Женеве 14 мая 1938 г. (Правда. 1938. 15 мая).

№ 269

**Из протокола № 62
27 июня 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 112. Вопрос НКВД.

П о с т а н о в и л и :

Дать т. Кагану следующую окончательную директиву:

а) Напомнить Комитету ранее принятые им решения, которые затем менялись и отменялись по требованию интервентов, а также о затраченных и затрачиваемых, вопреки нашим возражениям, на содержание контролеров на судах деньгах. Ввиду этого нет никаких гарантий, что и ныне принятый план не будет отменен или изменен: все поведение интервентов со времени возникновения вопроса об эвакуации волонтеров заставляет сомневаться в действительном проведении эвакуации. Мы присоединились к англо-французским предложениям в порядке компромисса, не желая препятствовать работе Комитета, но мы все же продолжаем сомневаться как в эффективности предполагаемого контроля, так и в действительной эвакуации. Ввиду всего этого мы в настоящее время можем принять на себя расходы только в минимальных размерах, падающие на нас лишь как на одного из участников Комитета¹.

б) Расходы по содержанию международного персонала по контролю в портах, подсчету волонтеров и организации эвакуации должны нести по $\frac{1}{6}$ — 1) Великобритания, 2) Франция, 3) СССР, 4) Германия, 5) Италия, 6) все остальные участники Комитета вместе взятые, поровну (не должно быть прав без обязанностей).

в) Расходы по содержанию волонтеров в лагерях до их репатриации должны нести испанское правительство и Франко, пропорционально числу отпущенных ими волонтеров. Мотив: если

они могли содержать волонтеров месяцами и годами, то они могут содержать их еще пару недель, оставшиеся с момента их освобождения из армии до эвакуации.

г) Расходы по транспортировке волонтеров из Испании должны нести все государства пропорционально их националов среди волонтеров.

д) Если и когда все волонтеры будут действительно эвакуированы из Испании в течение ближайших четырех месяцев, Советское правительство обязуется увеличить свою долю расходов по содержанию международного аппарата и по репатриации всех волонтеров, кроме итальянцев и немцев, до $\frac{1}{5}$ в том случае, если участники Комитета, кроме пяти великих держав, окончательно откажутся нести какие-либо расходы.

е) Свою долю аванса мы готовы внести не раньше окончательного принятия всего плана испанским правительством и ген[ералом] Франко.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 92—93.

Примечание:

¹ Телеграммой от 16 июня 1938 г. временный поверенный в делах СССР в Великобритании С.Б. Каган передал в НКВД СССР компромиссные предложения лорда Плимута по морскому контролю. Предлагалось установить контроль за всеми судами, прибывающими в испанские порты, связанные с внешней торговлей. Этот план был менее эффективен, чем советские предложения, предусматривавшие контроль за всеми испанскими портами. Что касается финансовых расходов по организации морского контроля и на эвакуацию волонтеров, то Плимут предложил распределить расходы поровну между пятью великими державами (DDF. 1932—1939. 11 Serie. X. Paris, 1976. Doc. № 94. P. 180). В директивах НКВД С. Кагану 19, 20, 23 июня говорилось: «Если немцы и итальянцы примут новое предложение Плимута без поправок, то можете голосовать за это предложение...», «Вопрос о важности тех или иных портов допускает споры...», «Можете заявить, что мы будем согласны нести определенную долю расходов только по содержанию международного персонала, а также аппарата контроля с момента установления его в эффективной форме на основе утверждаемого ныне плана» (ДВП. Т. XXI. С. 338, 339, 341). Директивы Политбюро, уточнявшие прежние указания Москвы, были переданы С. Кагану телеграммой Литвинова от 27 июня (Там же. С. 342—343).

№ 270

**Из протокола № 63
3 сентября 1938 г.**

Слушали:

п. 190. Вопросы НКВД.

II. О морских соглашениях с Англией.

П о с т а н о в и л и :

1. Отклонить предложение Англии о дальнейших, хотя бы и неформальных обязательствах, ведущих к ограничению тоннажа линейных кораблей, размерами ниже 45. 000 тонн¹.

2. Дать согласие на заключенные Англией морские соглашения с Польшей, Швецией, Норвегией, Данией и Финляндией, при условии, что Англия обязуется не передавать указанным странам сообщаемые нами сведения о закладке внелимитных крейсеров для Дальнего Востока, ввиду отсутствия взаимности.

3. Предложить зам. Наркомвоенфлота т. Смирнову представить на утверждение сведения о морской программе на 1938 г. в пределах установленных лимитов для сообщения английскому правительству, согласно советско-английского морского соглашения.

Выписки посланы: гг. Литвинову, Молотову, Смирнову (НКВМФ).

Ф. 17. Оп. 62. Д. 23. Л. 146.

Примечание:

¹ См. документ № 258. В соответствии с англо-советским морским соглашением от 17 июля 1937 г. о лимитах на строительство военно-морских кораблей верхний лимит водоизмещения линкоров был установлен в 35 тыс. тонн. 3 июня 1938 г. временный поверенный в делах СССР в Великобритании С. Каган был приглашен в британский МИД, где ему сообщили о завершении переговоров участников морского соглашения (Великобритания, Франция, США и Германия) о пересмотре морского договора. Стороны договорились о новом верхнем лимите для линкоров в 45 тыс. тонн. Форин Оффис просил выяснить мнение советского правительства относительно нового лимита водоизмещения для линкоров, возможную договоренность имелось в виду оформить специальным протоколом (ДВП. Т. XXI. С. 742).

29 июня Политбюро приняло решение: «Согласиться на английское предложение об оформлении особым протоколом повышения верхнего лимита линкоров до 45 тыс. тонн, вместо лимита в 35 тыс. тонн, установленного советско-английским морским соглашением» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 95). В тот же день это решение было передано телеграммой наркома Кагану в Лондон.

6 июля 1938 г. заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган и временный поверенный в делах СССР в Великобритании С. Каган подписали протокол о новом лимите тоннажа линкоров — 45 тыс. тонн. При этом Кадоган сообщил о том, что Великобритания не намерена строить линкоры водоизмещением свыше 40 тыс. тонн и выразил пожелание, чтобы и СССР придерживался этого лимита. Решение Политбюро от 3 сентября было на следующий день передано директивой НКВД полпреду в Лондоне: «Отклонить предложение касательно обмена письмами об отсутствии намерений строить линкоры свыше 40 тыс. т[онн]. Мотивировка — явное нежелание Японии связывать себя какими-либо обязательствами и раскрывать свои карты по части морского строительства. При этих обстоятельствах мы не желаем брать на себя никаких новых обязательств, и даже неформальных» (ДВП. Т. XXI. С. 742).

**Из протокола № 64
20 сентября 1938 г.**

Слушали:

п. 54. Вопрос НКВД.

Постановили:

Утвердить следующий проект ответа на телеграмму тов. Александровского:

«1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги Наций, на основании ст. ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3. Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство»¹.

Выписка послана: т. Потемкину.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 5—6.

Примечание:

¹ В условиях острого международного кризиса, вызванного требованиями Германии о передаче ей Судетской области Чехословакии, Великобритания и Франция оказывали давление на Прагу, добиваясь существенных уступок Гитлеру. 19 сентября полпред СССР в Чехословакии С. Александровский сообщил в Москву о своей беседе с президентом Э. Бенешем. Президент сообщил ему содержание совместного англо-французского предложения о решении судетско-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляли больше 50% населения. Остальные округа должны были получить частичную автономию. Предполагалось, что новые границы Чехословакии установит международная комиссия.

В этих условиях Бенеш просил правительство СССР дать как можно быстрее ответы на следующие вопросы:

1. Окажет ли СССР согласно советско-чехословацкому договору 1935 года немедленную действительную помощь, если Франция выполнит свои обязательства и тоже окажет помощь Чехословакии.

2. Окажет ли СССР помощь Чехословакии в качестве члена Лиги Наций в случае просьбы Бенеша о введении в действие ст. 16 и 17 Устава Лиги (ДВП. Т. XXI. С. 498—499).

Ответ советского руководства в соответствии с публикуемым решением Политбюро был передан 20 сентября телеграммой заместителя наркома

иностранных дел Потемкина полпреду СССР в Чехословакии С. Александровскому (Там же. С. 500). В тот же день Александровский сообщил содержание ответа по телефону Бенешу во время заседания правительства Чехословакии, на котором обсуждалось заявление правительств Великобритании и Франции от 19 сентября.

Бенеш заявил о неприемлемости англо-французского предложения для Чехословакии, которой оставалось лишь защищаться против агрессии.

№ 272

**Из протокола № 65
3 ноября 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 36. О Польше.

П о с т а н о в и л и :

Предложить польскому правительству совместное коммюнике, согласно текста, представленного т. Литвиновым (см. приложение)¹.

Приложение

ПРОЕКТ КОММЮНИКЕ

Польский посол г. Гржибовский, по поручению своего правительства, имел в течение последних дней несколько бесед с народным комиссаром иностранных дел т. Литвиновым для обмена мнений в связи с создавшейся новой международной конъюнктурой.

В результате обмена мнений, было констатировано:

1. Что советско-польский договор о ненападении, заключенный в 1932 году на 5 лет и продленный на дальнейший срок до 1945 года имеет достаточно широкую основу, обеспечивающую ненарушение мирных отношений между обоими государствами и невовлечение одного из этих государств в политические комбинации, враждебные другому государству;

2. Что правительства СССР и Польши воодушевлены стремлением к лояльному соблюдению всех положений означенного соглашения;

3. Что будучи заинтересованы в сохранении мира и спокойствия на всем протяжении Востока Европы, оба правительства будут консультировать друг друга в случаях, когда миру и спокойствию будет угрожать какая-либо опасность;

4. Что оба правительства поручат соответственным представителям приступить немедленно к изучению возможностей расширения торгового оборота между их государствами.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 38, 48.

Примечание:

¹ Советско-польские отношения ухудшились в сентябре 1938 г. 23 сентября советское правительство сделало заявление польскому правительству в связи с сообщениями о подготовке Польшей агрессии против Чехословакии. Советский Союз предупредил Польшу о возможности денонсации советско-польского пакта о ненападении от 25 июля 1932 г. в случае агрессии Польши против Чехословакии (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969 С. 363). В октябре—ноябре 1938 г. В. Гржибовский имел несколько бесед с руководителями НКВД СССР, в которых он выражал желание польского правительства улучшить отношения с СССР. Во время беседы Литвинова с Гржибовским 4 ноября советский нарком иностранных дел предложил проект совместного коммюнике, одобренный Политбюро 3 ноября.

В ходе последующих переговоров польское правительство придало коммюнике довольно общий характер, в частности, исключив из него пункт о взаимных консультациях. Литвинов отмечал: «Польское правительство выхолостило наш проект и получился документ довольно бесцветный» (ДВП. Т. XXI. С. 648—649) Текст коммюнике см: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. С. 371.

№ 273

**Из протокола № 66
6 декабря 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 48. О Германии.

П о с т а н о в и л и :

Разрешить Наркомвнешторгу продлить соглашение о торгово-платежном обороте между СССР и Германией, заключенное 1-го марта 1938 г., на 1939 год, предложив торгпредству СССР в Германии обменяться об этом письмами с имперским Министерством хозяйства Германии.

Выписки посланы: тт. Микояну, Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 65.

№ 274

**Из протокола № 66
13 декабря 1938 г.**

С л у ш а л и :

п. 86. Вопрос НКВД.

П о с т а н о в и л и :

1. Придраться к случаю нападения на советское консульство в Милане, ликвидировать последнее и предложить итальянскому правительству закрыть итальянское консульство в Одессе¹.

2. Перевести торгпредство из Милана в Рим.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Молотову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 65.

Примечание:

¹ 9 декабря в Милане состоялась враждебная демонстрация против советского консульства. Толпа около 200 человек бросала камни, выбила окна, затем часть толпы прорвалась на второй этаж и пыталась проломить дверь консульства (ДВП. Т. XXI С. 665). Публикуемое решение Политбюро отменяло его же решение от 27 марта 1938 г., которое гласило: «Признать несвоевременной ликвидацию итальянского консульства в Одессе и предложить НКВД принять меры к созданию нормальных условий существования консульства» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 159).

В результате последующих переговоров генеральные консульства СССР в Милане и Италии в Одессе были закрыты в декабре 1938 г.

№ 275

**Из протокола № 67
7 января 1939 г.**

С л у ш а л и :

п. 9. О Венгрии.

П о с т а н о в и л и :

1. Разрешить НКВД сделать венгерскому правительству представление по поводу предполагаемого присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту¹.

2. Предрешить, в случае реализации этого присоединения, ликвидацию взаимных диппредставительств в Будапеште и Москве, предложив венгерскому правительству дальнейшие сношения с СССР вести через диппредставителей в Анкаре или в Варшаве².

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 79.

Примечания:

¹ Антикоминтерновский пакт — договор, заключенный 25 ноября 1936 г. в Берлине между Германией и Японией, по которому его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коминтерна и в тесном сотрудничестве вести против него борьбу. Антикоминтерновский пакт был дополнен специальным секретным соглашением о совместных мерах для защиты общих интересов участников пакта в случае конфликта одного из них с СССР.

7 января 1939 г. М. Литвинов направил И. Сталину записку, в которой сообщил о намерениях Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Литвинов писал: «Я считал бы полезным дать некоторое предупреждение Венгрии, запросив ее, действительно ли она собирается примкнуть к антикоминтерновскому пакту, который фактически является соглашением против миролюбивых стран, в том числе и против СССР, и в каких целях, намекнув при этом, что из присоединения Венгрии к этому пакту мы сделаем свои выводы относительно дальнейших отношений с Венгрией. Такое представление полезно будет сделать в том случае, если мы заранее решим осуществить угрозу. Мы мало заинтересованы в сохранении своего полпредства в Будапеште, а еще менее — в пребывании в Москве венгерской миссии...» К записке был приложен проект постановления ПБ по этому вопросу (ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 20). Именно это постановление и было принято Политбюро 7 января 1939 г.

9 января Литвинов вручил временному поверенному в делах Венгрии в Москве Ж. Михалковичу ноту НКВД СССР, в которой, в частности, говорилось: «Советскому правительству было бы совершенно непонятно присоединение к такому враждебному СССР соглашению Венгрии, с которой у СССР не имеется никаких политических спорных вопросов и против интересов которой СССР никогда нигде не выступал. Совершенно естественно, что присоединение Венгрии к названному пакту не сможет не оказать весьма серьезного и немедленного влияния на отношения СССР с Венгрией» (Там же. Кн. 2. С. 500). В ответе венгерского правительства, переданного Литвинову 13 января, утверждалось, что антикоминтерновский пакт носит чисто оборонительный характер и не направлен против каких-либо государств, а лишь против Коминтерна, с которым советское правительство никогда себя не отождествляло. 21 января посланник Венгрии в СССР М. Юнгерт-Арноти дополнительно разъяснил, что «присоединение к пакту со стороны Венгрии носит характер только демонстрации дружбы к Германии и Италии и желания заслужить их доверие» (Там же. Кн. 1. С. 63). Аргументация Будапешта не изменила отрицательного отношения Москвы к присоединению Венгрии к антикоминтерновскому пакту.

² 1 февраля 1939 г. Литвинов направил Сталину записку, в которой отмечал решение венгерского правительства присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Оформление этого присоединения затягивалось по техническим причинам. Литвинов считал целесообразным немедленно объявить о ликвидации дипломатических представительств в Будапеште и Москве, чтобы предостеречь другие государства, на которые оказывалось давление Германии, Италии и Японии с целью их вовлечения в антикоминтерновский пакт (Там же. С. 89). 2 февраля Литвинов сообщил посланнику Венгрии в СССР о решении советского правительства ликвидировать свое полпредство в Будапеште и об ожидаемом закрытии венгерской миссии в Москве. При этом Литвинов отмечал: «Мы не разрываем дипломатических отношений, а переносим их в третью страну» (Там же. С. 96).

Венгрия официально присоединилась к антикоминтерновскому пакту 24 февраля 1939 г. После закрытия дипломатических миссий в Будапеште и Москве дипломатические отношения между СССР и Венгрией поддерживались через представителей обоих государств в третьих странах. Деятельность дипломатических представительств обеих стран в Будапеште и Москве возобновилась в конце октября 1939 г.

**Из протокола № 67
18 января 1939 г.**

Слушали:

п. 120. Вопрос НКВД.

Постановили:

Не возражать против предложения тов. Литвинова по вопросу о приезде в СССР Блюма (см. записку т. Литвинова от 17. I. 39 г., № 4060/л)¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 85.

Примечание:

¹ 17 января 1939 г. М. Литвинов направил И. Сталину записку, в которой отмечал неоднократно выражавшееся желание Л. Блюма посетить Москву. Нарком писал: «Ставит он и теперь вопрос в связи с намеченной им поездкой в Америку, где он хочет повести кампанию за образование широкого антифашистского блока с участием Америки и СССР. Он хотел бы на эту тему, а также об объединении социалистической и коммунистической партий поговорить с Вами лично». Литвинов предлагал положительно отнестись к возможному приезду Л. Блюма в Москву, который по мнению наркома, был бы более целесообразен после его поездки в США (ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 49).

Несмотря на публикуемое решение Политбюро, визит Л. Блюма в СССР так и не состоялся.

**Из протокола № 67
21 января 1939 г.**

Слушали:

п. 152. Об Аландских островах¹.

Постановили:

1. Потребовать от Финляндии гарантии (если возможно обменом нот) недопущения использования укреплений третьими странами против советского флота или в качестве морской базы, угрожающей СССР.

2. Требовать объяснения по поводу сообщения в шведской газете о продаже Германии островов близ Котки.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 86.

Примечание:

¹ Международная конференция, проходившая в Женеве в октябре 1921 г., выработала Конвенцию о демилитаризации и нейтрализации

Аландских островов, принадлежавших Финляндии. Конвенция вступила в силу 6 апреля 1922 г. Советская Россия не участвовала в ее выработке.

В начале 1939 г. Финляндия и Швеция, стремясь добиться отмены демилитаризации Аландских островов, обратились по этому вопросу в Совет Лиги Наций. Еще в ноябре 1938 г. полпред СССР в Швеции А. Коллонтай сообщала в Москву: «В настоящий момент милитаризация Аланда всецело в руках Финляндии, а так как финляндская военщина всецело в руках финских фашистов, которые не раз заявляли, что они никогда не будут направлять с Аланда свои пушки против немцев, то возникает вопрос у более радикально мыслящей шведской общественности: в чьих же, собственно, интересах милитаризируется Аланд?» (ДВП. Т. XXI. С. 626).

Вопрос о возможной милитаризации Аландских островов обсуждался на переговорах между представителями СССР и Финляндии в Москве в начале декабря 1938 г. При этом финская делегация выдвигала вопрос об укреплении Аландских островов, а советские представители выясняли возможность того, чтобы оборону на острове Суурсаари создавал все же СССР (Зимняя война 1939—1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 87).

В результате обсуждения вопроса об Аландских островах в Лиге Наций Совет решением от 27 мая 1939 г. оставил в силе Конвенцию 1921 г.

№ 278

Из протокола № 69 8 марта 1939 г.

С л у ш а л и :

п. 84. Вопрос НКВД.

П о с т а н о в и л и :

Направить тов. Штейна в Финляндию для выполнения миссии по поручению тов. Литвинова¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Андрееву, Берия.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 120.

Примечание:

¹ 5 марта 1939 г. М. Литвинов сделал правительству Финляндии предложение о сдаче СССР в аренду на 30 лет островов Гогланд, Лавансаари, Сейскари и Тютурсаари в Финском заливе для использования их в качестве наблюдательных пунктов на подступах к Ленинграду. 8 марта финская сторона отвергла это предложение.

Для продолжения переговоров решено было направить в Хельсинки советского дипломата Б. Е. Штейна, бывшего полпредом СССР в Финляндии в 1932—1934 гг. Во время переговоров с руководителями Финляндии Штейн выдвигал предложение как об аренде указанных островов, так и об их обмене на пограничные районы Советской Карелии (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 526). В беседах министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко со Штейном финская сторона изъявила готовность предоставить письменную гарантию защиты своей территории от любой агрессии; не заключать никаких соглашений, которые могли бы нарушить нейтралитет страны; а

также обсуждать с СССР вопросы безопасности Финского залива. Однако предложения об аренде или об обмене островов правительство Финляндии решительно отвергло (Зимняя война 1939—1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 88). Переговоры между СССР и Финляндией были прерваны. 6 апреля Штейн выехал в Москву.

№ 279

**Из протокола № 69
20 марта 1939 г.**

С л у ш а л и :

п. 112. О приезде в Москву французской торговой делегации.

П о с т а н о в и л и :

Считать присылку делегации несвоевременной¹.

Выписка послана: т. Литвинову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 120.

Примечание:

¹ 20 марта 1939 г. Литвинов направил Сталину следующую записку: «Бонне спрашивал Сурица (см. телеграмму от 15 марта 1938 г.), не считаем ли мы полезным приезд в Москву французской торговой делегации с участием представителей военной промышленности. Мне кажется, что торговые отношения с Францией более или менее урегулированы и нам от Франции в этом отношении ничего уже не нужно. Возможно, что Бонне имеет в виду послать под флагом торговой делегации кого-либо для политического зондажа. Мне кажется, что меньше всего мы должны позволять Франции прибегать к таким уловкам. Во всяком случае, прошу указаний, какой ответ должен быть дан Бонне» (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 208—209).

№ 280

**Из протокола № 1
23 марта 1939 г.**

С л у ш а л и :

п. 46. Вопрос НКВД.

П о с т а н о в и л и :

Ликвидировать полпредство СССР в Праге, преобразовав его в генеральное консульство¹.

Выписки посланы: тт. Литвинову, Большакову.

Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 1.

Примечание:

¹ 15 марта 1939 г. германская армия вступила на территорию Чехословакии. Германия присоединила к себе Чехию и Моравию в качестве протектората, а в Словакии был создан марионеточный прогитлеровский режим.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ*

Аванесов В.А. (1884—1930) — член РСДРП с 1903 г. С марта 1919 г. член коллегии, с августа 1919 г. заместитель начальника Особого отдела ВЧК. В 1920—1924 гг. член коллегии Наркомата госконтроля, заместитель наркома РКИ.

Аврамов Р.П. (1882—1937) — член РКП(б) с 1920 г. В 1925—1929 гг. заместитель торгового представителя СССР во Франции, Германии, председатель правления и директор-распорядитель акционерного общества «Аркас» в Лондоне. В 1930—1937 гг. управляющий треста «Хлебострой». Расстрелян.

Александр I Карагеоргиевич (1888—1934) — король Югославии. Убит в Марселе.

Александров Тодор (1881—1924) — с 1920 г. глава Внутренней Македонской Революционной организации (ВМРО).

Александровский С.С. (1889—1949) — член РСДРП с 1906 г. В 1924—1925 гг. заведующий отделом Центральной Европы НКВД, в 1925—1927 гг. полпред СССР в Литве, в 1927—1929 гг. полпред СССР в Финляндии, в 1929—1931 гг. уполномоченный НКВД при СНК УССР, в 1931—1933 гг. советник полпредства СССР в Германии, в июне 1933 — марте 1939 гг. полпред СССР в Чехословакии.

Алоизи — в 1933 г. глава итальянской делегации в Лиге Наций.

Альберт А.К. (1896—1937). В 1932—1935 гг. заместитель наркома лесной промышленности СССР. Расстрелян.

Альперович Е.М. — в 1931 г. управляющий Станкостроительным объединением.

Андреев А.А. (1885—1971) — член РСДРП с 1914 г., член ЦК в 1922—1961 гг., в 1926—1930 гг. кандидат, в 1932—1952 гг. член ПБ. В 1922—1927 гг. председатель ЦК союза железнодорожников. В 1928—1930 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1930—1931 гг. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР и заместитель председателя СНК СССР. В 1931—1935 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1935—1946 гг. секретарь ЦК, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР.

Антипов Н.К. (1894—1938) — член РСДРП с 1912 г., член ЦК РКП(б) с 1924 г. В 1924—1925 гг. заведующий организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б). В 1926—1927 гг. секретарь Ленинградского губкома партии, в 1928—1931 гг. нарком почт и телеграфов. Расстрелян.

Антонов-Овсеенко В.А. (1884—1939) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1924—1928 гг. представитель СССР в Чехословакии, в 1928—1930 гг. полпред СССР в Литве, в 1930—1934 гг. полпред СССР в Польше. Расстрелян.

* Биографические сведения приводятся в хронологических рамках книги. Значительная часть советских партийных и государственных деятелей, упоминаемых в книге, погибла в годы «большого террора». В тех случаях, когда выяснить их судьбу — был ли человек расстрелян, погиб ли во время следствия или в лагере, подвергался репрессиям — невозможно, составители пользовались таким несовершенным определением как репрессирован.

Анцилотти Д. (1867—1950) — член итальянской делегации на мирной конференции в Париже в 1919 г. С 1920 г. общий заместитель в Лиге Наций.

Аралов С.И. (1880—1969) — член РСДРП(б) с 1918 г. В 1923—1925 гг. полпред в Латвии. В 1925—1927 гг. член коллегии НКВД СССР. С 1927 г. член Президиума, заведующий иностранным отделом ВСНХ СССР, затем член коллегии Наркомата финансов СССР.

Аренс И.Л. (1889—1938) — с 1921 г. в аппарате НКВД СССР. В 1927—1930 гг. сотрудник полпредства СССР во Франции, затем в Канаде. В 1930 г. временно исполняющий обязанности зав. отделом печати НКВД. Расстрелян.

Аркус Г.М. (1896—1936) — член РСДРП(б) с 1918 г. В 1931—1936 гг. заместитель председателя правления Госбанка СССР. Расстрелян.

Ароне — в 1935 г. посол Италии в СССР.

Артузов А.Х. (1891—1937) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1922—1927 гг. начальник контрразведывательного отдела ОГПУ СССР. В 1927—1931 гг. помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. В августе 1931—1935 гг. начальник ИНО ОГПУ, НКВД. Расстрелян.

Аттолико Бернардо (1880—1942) — итальянский дипломат. В 1927—1934 гг. посол Италии в Бразилии, в 1934—1935 гг. — в СССР, в 1935—1940 гг. — в Германии.

Балтрушайтис Юргис (1873—1944) — литовский поэт и дипломат. В 1920—1939 гг. посланник в СССР.

Баранов П.И. (1892—1933) — член РСДРП с 1912 г., с 1927 г. кандидат в члены ЦК. В 1924—1931 гг. начальник ВВС РККА. В июне 1931 г. назначен председателем правления ВАО. С декабря 1931 г. заместитель председателя ВСНХ по Главному управлению авиационной промышленности, в 1932—1933 гг. заместитель наркома тяжелой промышленности. Погиб в авиационной катастрофе.

Барту Жан Луи (1862—1934) — французский государственный деятель. В 1934 г. министр иностранных дел. Убит в Марселе.

Бауман К.Я. (1892—1937) — член РСДРП с 1907 г., член ЦК в 1925—1934 гг., кандидат в члены ЦК в 1929—1930 гг. В 1928—1930 гг. второй, затем первый секретарь Московского комитета ВКП(б). Умер в тюрьме.

Бек Юзеф (1894—1944) — в 1932—1939 гг. министр иностранных дел Польши.

Беленький Б.С. (1888—1939) — член РКП(б) с 1919 г. В 1934—1938 гг. торгпред СССР в Италии.

Бенеш Эдуард (1884—1948) — чехословацкий государственный деятель и дипломат. В 1918—1935 гг. министр иностранных дел.

Берзин Я.К. (1890—1938) — член РСДРП с 1905 г. В 1924—1935 гг. начальник Разведуправления штаба РККА. Расстрелян.

Берия Л.П. (1899—1953) — член РСДРП(б) с 1917 г., член ЦК в 1934—1953 гг. В 1938—1945 гг. нарком внутренних дел СССР. Расстрелян.

Бертело Филипп (1866—?) — французский дипломат, товарищ министра (генеральный секретарь) иностранных дел.

Бессонов С.А. (1892—1938?) — с 1930 г. сотрудник торгпредства СССР в Германии, в 1932 г. заместитель торгпреда в Англии, с 1933 г. советник полпредства в Германии. Репрессирован.

Беттхер Пауль (1891—1975) — член КПГ с 1920 г., в 1923 г. министр финансов рабочего правительства Саксонии.

Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815—1898) — первый рейхсканцлер германской империи в 1871—1890 гг.

Биткер Г.С. — до осени 1929 г. заместитель торгпреда СССР в Германии, затем председатель АО «Металлоимпорт».

Блюм Леон (1872—1950) — лидер Французской социалистической партии. В 1936—1938 гг. глава правительства народного фронта.

Богомоллов Д.В. (1890—1938) — в 1927—1929 гг. полпред СССР в Польше, в 1930—1932 гг. советник полпредства СССР в Великобритании. Расстрелян.

Боев И.В. (1892—1938) — член РСДРП. В 1922—1927 гг. торгпред, заместитель торгпреда СССР в Германии, Швеции, Великобритании. В 1931 г. член правления ВО «Экспортлес», в 1932—1933 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР. Расстрелян.

Болдуин Стэнли (1867—1947) — премьер-министр Великобритании в 1923—1929 гг.

Бонне Жорж Этьен (1889—1973) — французский государственный и политический деятель, дипломат. В 1935—1936 гг. министр торговли, в 1936—1937 гг. посол в США, в 1937 г. министр финансов и национальной экономики, в 1938 г. государственный министр, в 1938—1939 гг. министр иностранных дел.

Брандлер Генрих (1881—1967) — немецкий коммунист. В 1921—1923 гг. член ИККИ, с 1924 г. проживал в СССР.

Боттаи Дж. (1895—1959) — с 1926 г. член Великого Совета и министр корпорации Италии. С 1936 г. министр национального воспитания.

Братман-Бродовский С.И. (1880—1937) — член РСДРП с 1903 г. В 1920—1931 гг. секретарь и советник полпредства СССР в Германии. Расстрелян.

Браун — председатель Американского комитета по объявлению войны вне закона.

Браун (Эверт Артур) (1890—1959) — член ЦК КПГ в 1925—1929 гг., эмиссар ИККИ в компартии Великобритании в 1926 г.

Бреслав Б.А. (1882—1943) — член РСДРП с 1903 г. С 1927 г. сотрудник НК РКИ СССР. С 1930 г. заместитель полпреда СССР во Франции. Расстрелян.

Бриан Аристид (1862—1932) — французский государственный и политический деятель, дипломат. В 1926—1932 гг. министр иностранных дел.

Брокдорф-Ранцау Ульрих фон (1869—1928) — германский дипломат. В 1922—1928 гг. посол Германии в СССР.

Брон С.Г. (1887—1938). В 1930—1931 гг. торгпред СССР в Великобритании, член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. Расстрелян.

Брюханов Н.П. (1878—1938) — член РСДРП с 1902 г. В 1926—1930 гг. нарком финансов СССР. Расстрелян.

Бубнов А.С. (1884—1938) — член РСДРП с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1924—1937 гг. В 1929—1937 гг. нарком просвещения РСФСР. Расстрелян.

Будняк Д.Ф. (1886-?) — член РСДРП с 1906 г. В 1927—1928 гг. уполномоченный ВСНХ в Берлине, в 1929—1930 гг. заместитель начальника объ-

единения военных заводов, с июля 1930 г. по 1933 г. начальник Орудийно-оружейного объединения.

Бухарин Н.И. (1888—1938) — член РСДРП с 1906 г., в 1917—1934 гг. член ЦК ВКП(б), в 1924—1929 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1919—1929 гг. член Исполкома Коминтерна. В 1918—1929 гг. ответственный редактор газеты «Правда». В 1929—1933 гг. член Президиума ВСНХ, член коллегии НКТП и в 1934—1937 гг. ответственный редактор газеты «Известия». Расстрелян.

Вальрот В. — в 1922—1928 гг. заведующий IV отделом по восточным делам МИД Германии, глава германской делегации на советско-германских переговорах в феврале-марте 1928 г.

Вандервельде Эмиль (1866—1938) — бельгийский государственный и политический деятель, дипломат. В 1935—1936 гг. министр без портфеля, в 1936—1937 гг. министр здравоохранения.

Ванжер — французский промышленник, директор фирмы «Петрофин».

Ванситтарт Роберт (1881—1957) — британский дипломат. В 1930—1938 гг. постоянный заместитель министра иностранных дел, в 1938—1941 гг. главный дипломатический советник МИД Великобритании.

Варга Е.С. (1879—1964) — член РКП(б) с 1920 г. В 1921—1927 гг. заведующий Статистико-информационным институтом ИККИ, в 1927—1947 гг. директор Института мировой экономики и мирового хозяйства АН СССР.

Вейнберг Х.С. — в 1933 г. первый секретарь полпредства СССР в Италии.

Вейцер И.Я. (1889—1938) — член РСДРП с 1914 г. В 1931 г. заместитель наркома внешней торговли СССР, в 1932—1934 гг. торгпред СССР в Германии, с июля 1934 г. заместитель наркома внутренней торговли СССР. Расстрелян.

Визе В.Ю. (1886—1954) — исследователь Арктики, член-корреспондент АН СССР.

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг.

Винтер А.В. (1878—1958) — советский энергетик. В 1929—1932 гг. начальник Днепростроя по строительству новых заводов, в 1932—1934 гг. председатель Энергоцентра и заместитель наркома тяжелой промышленности.

Воган Дж. — в 1925 г. посол Великобритании в Латвии.

Войков П.Л. (1888—1927) — член РСДРП с 1903 г. С октября 1924 г. полпред СССР в Польше. 7 июня 1927 г. убит белоэмигрантом Б. Ковердой в Варшаве.

Воровский В.В. (1871—1923) — член РСДРП с 1894 г. В 1921—1923 гг. представитель РСФСР в Италии, одновременно генеральный секретарь советской делегации на Генуэзской конференции 1922 г., член советской делегации на Лозаннской конференции. 10 мая 1923 г. убит белоэмигрантом М. Конради.

Ворошилов К.Е. (1881—1969) — член РСДРП с 1903 г., с 1926 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1925—1934 гг. председатель РВС ССР, нарком по военным и морским делам СССР.

Врангель П.Н. (1878—1928) — русский генерал.

Гайлис К.А. (1888—1960) — член РСДРП с 1906 г. После 1921 г. член, заместитель председателя, старший консультант Верховного суда РСФСР и СССР.

Гамарник Я.Б. (1894—1937) — член РСДРП с 1916 г., с 1927 г. член ЦК ВКП(б). В 1929—1937 гг. начальник Политуправления РККА, в 1930—1934 гг. первый заместитель наркома по военным и морским делам СССР и заместитель председателя РВС СССР. Покончил жизнь самоубийством.

Гамелен Морис Гюстав (1872—1958) — армейский генерал, в 1939—1940 гг. главнокомандующий сухопутными союзными войсками во Франции.

Ганецкий Я.С. (1879—1937) — член РСДРП с 1896 г. В 1921—1923 гг. член коллегии НКВД, в 1923—1929 гг. член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. Расстрелян.

Гарриман Уильям Аверелл (1891—1985) — государственный и политический деятель США. В 1933—1940 гг. занимал ряд административных постов, в том числе советника президента США Ф. Д. Рузвельта.

Гарькавый И.И. (1888—1937) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1931—1935 гг. заместитель командующего Ленинградского военного округа. Репрессирован.

Гендерсон Артур (1863—1935) — британский государственный и политический деятель. В 1929—1931 гг. министр иностранных дел.

Геринг Герман (1893—1946) — председатель рейхстага в 1932—1945 гг., в 1933—1945 гг. имперский министр авиации. Покончил жизнь самоубийством.

Гесслер О.К. (1875—1955) — в 1920—1928 гг. министр обороны Германии.

Гитлер Адольф (1889—1945) — глава германского государства, с января 1933 г. рейхсканцлер Германии.

Гойхбарг А.Г. (1883—1962) — член РКП(б) с 1919 г. В 1921—1923 гг. заместитель председателя Малого Совнаркома, с ноября 1922 г. член Главконцесскома. С 1924 г. юрисконсульт в Наркомате внешней торговли.

Горб М.С. (1894—?) — член РКП(б) с 1918 г. В 1926—1931 гг. сотрудник ИНО ОГПУ, где занимал должность от уполномоченного до заместителя начальника. Репрессирован.

Горбунов Н.П. (1892—1938) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1922—1928 гг. управляющий делами СНК СССР. Расстрелян.

Гранди Дино (1895—1988) — в 1925—1929 гг. заместитель министра, в 1929—1932 гг. министр иностранных дел Италии.

Грегори Дж. (1878—1951) — заведующий северным отделом МИД Великобритании.

Гринько Г.Ф. (1890—1938) — член РКП(б) с 1919 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1930—1937 гг. нарком финансов СССР. Расстрелян.

Гронский И.М. (1894—1985) — член РКП(б) с 1918 г. В 1925—1934 гг. член редколлегии, заместитель ответственного редактора, редактор «Известий ЦИК».

Гумбольд (Беннет, Петровский) — настоящее имя Липец Давид (1826—1937), в начале 20-х годов сотрудник ИККИ, референт по Великобритании, был представителем Коминтерна при КПА.

Гуральский А. (1890—1960) — член РКП(б) с 1918 г. В 1926 г. сотрудник аппарата Коминтерна, с 1927 г. научный сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

Гуревич А.И. (1896—1937) — член РСДРП с 1916 г., член ЦКК в 1927—1934 гг. В 1930 г. член Президиума ВСНХ, в 1932—1937 гг. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР, начальник Главного управления металлургической промышленности. Репрессирован.

Гусев С.И. (1874—1933) — член РСДРП с 1896 г. В 1926—1927 гг. заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б).

Давтян Я.Х. (1888—1938) — член РСДРП с 1905 г. В 1932—1934 гг. полпред СССР в Греции, в 1934—1937 гг. — в Польше. Расстрелян.

Дволайцкий Ш.М. (1893—1937) — член РСДРП с 1911 г. С 1926 г. член коллегии Наркомата торговли СССР. Неоднократно возглавлял советские делегации на торговых переговорах с европейскими странами. Расстрелян.

Дельбос Ивон (1885—1956) — в 1937 г. министр иностранных дел Франции.

Джойнсон-Хикс (1865—1932) — в 1925—1928 гг. министр внутренних дел Великобритании.

Дзержинский Ф.Э. (1877—1926) — член РСДРП с 1895 г. В 1922—1926 гг. председатель ГПУ при НКВД РСФСР, ОГПУ при СНК СССР, одновременно с 1924 г. председатель ВСНХ СССР.

Дивильковский И.А. (1901—1935) — советский дипломат. В 1930—1932 гг. заместитель генерального секретаря конференции по разоружению в Женеве, в 1932—1934 гг. генеральный секретарь НКИД СССР, в 1934—1935 гг. советник полпредства во Франции.

Димитров Георги (1882—1949) — деятель болгарского и международного коммунистического движения. В 1924 г. член Президиума ИККИ.

Дирксен Герберт (1882—1955) — германский дипломат. В 1928—1933 гг. посол Германии в СССР.

Довгалецкий В.С. (1885—1934) — член РСДРП с 1908 г. В 1924 — феврале 1927 гг. полпред СССР в Швеции, в марте-октябре 1927 г. полпред СССР в Японии, в октябре 1927 — июле 1934 гг. полпред СССР во Франции.

Догадов А.И. (1888—1937) — член РСДРП с 1905 г., в 1924—1930 гг. член ЦК РКП(б)—ВКП(б). С 1921 г. член Президиума, с 1929 г. секретарь ВЦСПС. Расстрелян.

Долгов В.Г. (1900—1938) — член РКП(б) с 1918 г. С 1935 г. заместитель наркома финансов РСФСР. Расстрелян.

Долецкий Я.Г. (1888—1937) — член РСДРП с 1904 г. В 1921—1925 гг. руководитель РОСТА, в 1925—1934 гг. ответственный руководитель ТАСС. Репрессирован. Покончил жизнь самоубийством.

Друммонд — в 1928 г. генеральный секретарь Лиги Наций.

Ежов Н.И. (1895—1940) — член РСДРП(б) с 1917 г., член ЦК ВКП(б) в 1934—1939 гг., кандидат в члены Политбюро в 1937—1939 гг. С 1930 г. заведующий распределом, отделом кадров и промышленным отделом ЦК ВКП(б); в 1936—1938 гг. нарком внутренних дел СССР. Расстрелян.

Енукидзе А.С. (1877—1937) — член РСДРП с 1898 г., в 1924—1934 гг. член ЦКК. В 1922—1935 гг. секретарь и член Президиума ЦИК СССР. Расстрелян.

Ефимов Н.А. (1897—1937) — в 1929 г. заместитель начальника вооружений РККА, с 1930 г. начальник ГАУ. Репрессирован.

Жорес Жан (1859—1914) — руководитель Французской социалистической партии, основатель газеты «Юманите».

Жуков И.П. (1889—1937) — член РСДРП с 1909 г., член ЦК ВКП(б) в 1925—1937 гг. В 1929—1932 гг. председатель электротехнической промышленности, член Президиума ВСНХ СССР. В 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности. Расстрелян.

Залесский Август (1883—1972) — польский дипломат и государственный деятель. В мае 1926 — ноябре 1932 гг. министр иностранных дел, в 1935—1939 гг. президент Главного торгового банка.

Земблюхтер М.В. (1886—1965) — член РСДРП с 1903 г. Председатель правления коммунального банка.

Зиновьев Г.Е. (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г., в 1921—1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). В 1919—1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Расстрелян.

Зулуэта — в 1932 г. министр иностранных дел Испании.

Иден Антони (1897—1977) — британский политик и дипломат. В 1934—1935 гг. лорд-хранитель печати, в 1935 г. министр без портфеля, министр по делам Лиги Наций, в 1935—1938 гг. министр иностранных дел.

Илек Богумил (1892—?) — секретарь ЦК КПЧ в 1925—1929 гг. и одновременно член Исполкома Коминтерна.

Ищенко А.Г. (1885—1937) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1927 г. председатель ЦК союза водников, член коллегии НКПС. Репрессирован.

Каган С.Б. — член РКП(б) с 1919 г., в 1932 г. первый секретарь посольства, затем советник посольства СССР в Великобритании, с 1936 г. поверенный в делах СССР в Великобритании.

Каганович Л.М. (1893—1991) — член РСДРП с 1911 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС в 1924—1957 гг., кандидат в члены Политбюро в 1926—1930 гг., член Политбюро в 1930—1957 гг. В 1930—1935 гг. первый секретарь Московского Комитета ВКП(б).

Кадоган Александр (1884—1968) — в 1938—1946 гг. заместитель министра иностранных дел Великобритании.

Калинин М.И. (1875—1946) — член РСДРП с 1898 г., с 1926 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1919—1938 гг. председатель ВЦИК и ЦИК СССР.

Каллас — в 1925 г. эстонский посланник в Великобритании.

Калманович М.И. (1888—1937) — член РСДРП(б) с 1917 г., с 1930 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1929—1934 гг. председатель правления Госбанка СССР и заместитель наркома финансов СССР. Расстрелян.

Каменев Л.Б. (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г. В январе — августе 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР, в 1926—1927 гг. полпред СССР в Италии, в 1928—1929 гг. председатель научно-технического управления ВСНХ СССР, в 1929—1932 гг. председатель Главконцесскома. Расстрелян.

Камерон П.А. (1888—1948) — член Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Каминский Г.Н. (1895—1938) — член РСДРП с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925—1938 гг. В январе-августе 1930 г. заведующий От-

дела агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б), затем секретарь Московского комитета партии. Расстрелян.

Канделаки Д.В. (1895—1938) — член РКП(б) с 1919 г. С декабря 1934 г. по апрель 1937 г. торгпред СССР в Германии. Расстрелян.

Карахан Л.М. (1889—1937) — член РСДРП с 1904 г. В 1923—1927 гг. полпред СССР в Китае, в 1925—1934 гг. заместитель наркома по иностранным делам СССР. Репрессирован.

Катанян Р.П. (1881—1966) — член РСДРП с 1903 г. С 1923 г. помощник прокурора РСФСР, в 1933—1937 гг. старший помощник прокурора СССР. Подвергался репрессиям.

Кауфман М. Я. — с октября 1926 г. начальник отдела печати и информации экономического управления НКВД СССР, член советской делегации на советско-германских экономических переговорах в 1928 г.

Квириг Э.И. (1888—1937) — член РСДРП с 1912 г., член ЦК ВКП(б) в 1923—1934 гг. С 1925 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, в 1927—1928 гг. председатель правления Днепростроя, в 1931 г. заместитель наркома путей сообщения СССР. Расстрелян.

Келлог Фрэнк Биллингс (1856—1937) — государственный и политический деятель США. В 1925—1929 гг. госсекретарь США. В 1930—1935 гг. член Постоянной палаты международного правосудия.

Керзон Джордж Натаниел (1859—1925) — маркиз, британский государственный деятель. В 1919—1924 гг. министр иностранных дел Великобритании.

Кентжинский — в 1925 г. посол Польши в СССР.

Киров С.М. (1886—1934) — член РСДРП с 1904 г., член ЦК РКП(б) с 1923 г., с 1926 г. кандидат в члены Политбюро, с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б).

Клодель — в 1928—1929 гг. посол Франции в США.

Коверда Б. — белоэмигрант, убивший в 1927 г. полпреда СССР в Польше П.Л. Войкова.

Коларов Васил Петров (1877—1950) — в 1919—1923 гг. секретарь ЦК БКП, в 1921—1943 гг. член Президиума Коминтерна. В 1922—1924 гг. Генеральный секретарь ИККИ.

Коллонтай А.М. (1872—1952) — член РСДРП с 1915 г. В 1930—1941 гг. полпред СССР в Швеции.

Кольцов М.Е. (1898—1940) — писатель и журналист. С 1922 г. сотрудник газеты «Правда». Расстрелян.

Копп В.Л. (1880—1930) — член РСДРП с 1908 г. В 1923—1925 гг. член коллегии НКВД СССР. С апреля 1925 г. полномочный представитель СССР в Японии, в 1927—1930 гг. в Швеции.

Корбен Шарль — в 1935 г. представитель Франции в Лиге Наций.

Косиор С.В. (1889—1939?) — член РСДРП с 1907 г., член ЦК с 1924 г., кандидат в члены Политбюро в 1927—1930 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1928—1938 гг. генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б) Украины. Репрессирован.

Котов В.А. (1895—1937) — член РСДРП с 1915 г., член ЦК ВКП(б) в 1925—1930 гг. В 1925—1927 гг. секретарь Московского комитета партии. Расстрелян.

Красин Л.Б. (1870—1926) — член РСДРП с 1890 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1926 гг. В 1924—1925 гг. полпред СССР во Франции.

Крестинский Н.Н. (1883—1938) — член РСДРП с 1903 г. В 1922—1930 гг. полпред РСФСР, СССР в Германии. В 1930—1933 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. Расстрелян.

Кржижановский Г.М. (1872—1959) — член РСДРП с 1893 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1939 гг. В 1925—1930 гг. председатель Госплана СССР.

Кроу Е. (1864—1925) — с 1920 г. постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

Круммин Г.И. (1894—1938) — член РСДРП с 1909 г., член ЦКК в 1930—1934 гг. В 1928—1930 гг. редактор газеты «Правда». В 1930 г. редактор «Известий ВЦИК и ЦИК Советов». Репрессирован.

Крыленко Н.В. (1885—1938) — член РСДРП с 1904 г. В 1922—1931 гг. помощник прокурора, прокурор РСФСР, с 1931 г. нарком юстиции РСФСР, с 1936 г. — СССР. Расстрелян.

Ксандров В.Н. (1876—1942) — в 1928—1929 гг. начальник Главэлектро.

Кубяк Н.А. (1881—1937) — член РСДРП с 1898 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1923—1934 гг. В 1928—1931 гг. нарком земледелия РСФСР. Расстрелян.

Куйбышев В.В. (1888—1935) — член РСДРП с 1904 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1922—1923, 1927—1935 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1923—1926 гг. председатель ЦКК, нарком РКИ, одновременно в 1926 г. заместитель председателя СНК и СТО СССР. В 1926—1930 гг. председатель ВСНХ, в 1930—1934 гг. председатель Госплана СССР.

Кук Артур Джеймс (1889—1931) — активист левого крыла английских тред-юнионов, с 1924 г. генеральный секретарь Федерации горняков.

Курицын В.И. (1892—1937) — член РСДРП с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1931 г. на хозяйственной работе — управляющий Локомотивным объединением ВСНХ, в 1932 г. директор Сормовского завода. Репрессирован.

Курский Д.И. (1874—1932) — член РСДРП с 1904 г. В 1918—1928 гг. нарком юстиции, генеральный прокурор РСФСР, СССР. В 1928—1932 гг. полпред СССР в Италии.

Курциус Юлиус (1877—1948) — в 1926—1929 гг. министр экономики, в 1929—1931 гг. министр иностранных дел Германии.

Кутепов А.П. (1882—1930) — российский генерал от инфантерии (1920), с 1928 г. председатель Русского общевойскового союза.

Куусинен О.В. (1881—1964) — член РСДРП с 1904 г. В 1921—1939 гг. член Президиума ИККИ.

Лаваль Пьер (1883—1945) — французский государственный и политический деятель. В 1932, 1934—1935 и 1935—1936 гг. министр иностранных дел, в 1934 г. министр колоний, в 1935—1936 гг. премьер-министр Франции.

Ланговой А.А. — член ВКП(б) с 1926 г. В 1924—1926 гг. начальник части Разведывательного управления РККА, в 1926—1930 гг. военный цензор Главлита, с 1930 г. военный атташе в Персии.

Лапиньский П.Л. (Михальский) (1879—1937) — в 1920—1927 гг. советник полпредства СССР в Германии.

Ларго Кабальеро Франсиско (1869—1946) — в 1936—1937 гг. премьер-министр и военный министр правительства народного фронта Испании.

Левенсон М.А. (1888—1938) — член коллегии Наркомата внешней торговли СССР, в 1931—1934 гг. торгпред СССР в Италии. Расстрелян.

Леже Алексис (1888—1975) — французский дипломат и поэт. В 1925—1932 гг. директор кабинета министров иностранных дел, в 1933—1940 гг. генеральный секретарь МИД Франции.

Ленгиель Ю.О. (1888—1938) — член РКП(б) с 1919 г. В 1922—1930 гг. член совета торгпредства СССР в Германии. В 1930—1931 гг. член президиума Торговой палаты. Расстрелян.

Липер Р. (1888—1968) — английский дипломат, в 1923—1924 гг. поверенный в делах в Варшаве, затем Риге и в 1925 г. в Константинополе.

Литвинов М.М. (1876—1951) — член РСДРП с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1934—1941 гг. В 1921—1930 гг. заместитель наркома, в 1930—1939 гг. нарком иностранных дел СССР, в 1934—1938 гг. представитель СССР в Лиге Наций.

Литвинов С.М. — член РСДРП с 1915 г. Брат Литвинова М.М. Сотрудник торгпредства СССР в Берлине. В 1930 г. был предан французскими властями суду за мошенничество и оправдан.

Ллойд Джордж (1863—1945) — британский государственный и политический деятель. В 1926—1931 гг. лидер либеральной партии.

Лобов С.С. (1888—1937) — член РСДРП с 1913 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1937 гг. В 1926—1930 гг. председатель ВСНХ РСФСР. В декабре 1930 г. — 1932 г. заместитель наркома снабжения СССР. Расстрелян.

Лозовский С.А. (1878—1952) — член РСДРП с 1901 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927—1937 гг., с 1937 г. член ЦК ВКП(б). В 1921—1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна. Расстрелян.

Ломов Г.И. (1888—1938) — член РСДРП с 1903 г. В 1926—1929 гг. председатель правления Донуголь, с 1929 г. член Президиума ВСНХ СССР. Репрессирован.

Лукашевич Юлиуш (1892—1962) — в 1933 — 1934 гг. посланник, в 1934 — 1936 гг. посол Польши в СССР.

Луначарский А.В. (1875—1933) — член РСДРП с 1895 г. В 1917—1929 гг. нарком просвещения РСФСР. В 1927—1932 гг. входил в состав советской делегации на Женевской конференции по разоружению.

Любимов И.Е. (1882—1937) — член РСДРП с 1902 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1924—1926 гг. заместитель председателя Моссовета, в 1926—1930 гг. председатель правления Центросоюза. В 1930—1931 гг. заместитель наркома внешней и внутренней торговли и одновременно торгпред СССР в Германии, в 1932—1933 гг. нарком легкой промышленности СССР. Расстрелян.

Майский И.М. (1884—1975) — советский дипломат и историк. В 1929—1932 гг. полпред СССР в Финляндии. В 1932—1943 гг. полпред (с 1941 г. посол) СССР в Великобритании.

Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) — британский государственный и политический деятель. До 1924 г. один из членов руководства лейбористской партии. в январе — ноябре 1924 г. премьер-министр и министр иностранных дел. В 1924—1929 гг. лидер оппозиции.

Мак-Кенн Дж. (1863—1943) — английский государственный деятель, с 1919 г. президент банка «London Joint City & Midland Bank».

Мальцан Адольф (1877—1927) — германский дипломат. В 1922—1925 гг. статс-секретарь по иностранным делам, в 1925—1927 гг. посол Германии в США.

Манн Том (1856—1941) — один из основателей компартии Великобритании, руководитель движения меньшинства английских тред-юнионов в середине 20-х годов.

Мануильский Д.З. (1883—1959) — член РСДРП с 1903 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) с 1923 г. В 1922—1943 гг. на ответственной работе в Коминтерне: с 1924 г. член Президиума, в 1928—1943 гг. секретарь ИККИ.

Маршалл Э. Дж. — исполнительный директор фирмы «Becos Traders Ltd».

Маслов А. (1891—1941) — член КПГ с 1918 г., теоретик ее левого крыла, в 1924—1925 гг. в руководстве КПГ, с июля 1924 г. кандидат в члены ИККИ. В августе 1926 г. был исключен из КПГ.

Мдивани Б. Г. (1877—1937) — член РСДРП с 1903 г. В 1926 г. торгпред СССР во Франции. Репрессирован.

Мееровиц — в 1925 г. министр иностранных дел Латвии.

Межлаук В.И. (1893—1938) — член РСДРП(б) с 1917 г., в 1927—1934 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). С 1931 г. первый заместитель председателя Госплана СССР. Расстрелян.

Мельничанский Г.Н. (1886—1937) — член РСДРП с 1902 г. В 1918—1924 гг. председатель Московского губернского совета профессиональных союзов, член Президиума ВЦСПС, член ЦИК и Исполнительного бюро Профинтерна. Репрессирован.

Менжинский В.Р. (1874—1934) — член РСДРП с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1927—1934 гг. В 1926—1934 гг. председатель ОГПУ.

Мерекалов А.Ф. (1900—1983) — в 1937—1938 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР, в 1938—1939 гг. полпред СССР в Германии.

Мессинг С.А. (1890—1937) — член РСДРП с 1908 г. В 1929—1930 гг. начальник ИНО ОГПУ, заместитель председателя ОГПУ. Репрессирован.

Мехлис Л.З. (1889—1953) — член РКП(б) с 1918 г. В 1930—1937 гг. редактор газеты «Правда», одновременно заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б).

Микоян А.И. (1895—1978) — член РСДРП с 1915 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926—1934 гг. С 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР. В 1930—1934 гг. нарком снабжения СССР.

Милютин В.П. (1884—1937) — член РСДРП с 1903 г. В 1922—1924 гг. представитель Коминтерна в Австрии и на Балканах. Расстрелян.

Минкин А.Е. (1887—1955) — член РСДРП с 1903 г. В 1927—1929 гг. член коллегии Наркомата внутренней и внешней торговли СССР.

Мирошников И.И. (1894—1938) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1921—1937 гг. заместитель управляющего, управляющий делами СНК и СТО СССР, в 1937 г. заместитель наркома финансов СССР. Расстрелян.

Михалкович Ж. — в 1939 г. временный поверенный в делах Венгрии в СССР.

Молотов В.М. (1890—1986) — член РСДРП с 1906 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС в 1921—1956 гг., кандидат в члены Политбюро с 1921 г.,

член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г. В 1930—1941 гг. председатель СНК и СТО СССР.

Молукер — в 1932 г. директор испанской нефтяной монополии.

Монзи А. (1876—1947) — известный адвокат и французский политический деятель. В 1909—1940 гг. был депутатом, сенатором и неоднократно министром.

Монмуссо Гастон (1883—1960) — французский коммунист, с 1922 г. секретарь, затем генеральный секретарь Унитарных профсоюзов Франции, с 1923 г. член Исполкома Профинтерна, с 1925 г. член КПФ, в 1926—1945 гг. член ЦК КПФ.

Москвин И.М. (1890—1937) — член РСДРП с 1911 г. В 1926—1930 гг. заведующий Орграспредотделом ЦК ВКП(б). В 1930—1934 гг. начальник сектора кадров ВСНХ по Наркомтяжпрому. Расстрелян.

Мрачковский С.В. (1888—1936) — член РСДРП с 1905 г. В 1927 г. председатель правления Госшвеймашина ВСНХ СССР. Репрессирован.

Муссолини Бенито (1883—1945) — в 1922—1943 гг. премьер-министр Италии.

Нейрат Константин (1873—1956) — германский государственный деятель. В 1932—1938 гг. министр иностранных дел.

Никулин П.Ф. (1896—?) — член РКП(б) с 1918 г. В 1931 г. заместитель управляющего ВОМТА, с января 1932 г. управляющий объединения нефтяного и геолого-разведочного оборудования.

Овий Эсмонд (1879—1963) — английский дипломат, в 1929—1933 гг. посол Великобритании в СССР.

Озерский А.В. (1891—1938) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1930—1931 гг. заместитель наркома внешней и внутренней торговли, с сентября 1932 г. торгпред СССР в Великобритании. Расстрелян.

Орджоникидзе Г.К. (1886—1937) — член РСДРП с 1903 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1926—1930 гг. председатель ЦКК и нарком РКИ СССР, с 1930 г. председатель ВСНХ, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР.

Осинский Н. (Оболенский В.В.) (1887—1938) — член РСДРП с 1907 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925—1937 гг. В 1926—1928 гг. управляющий ЦСУ СССР. Расстрелян.

Павлуновский И.П. (1888—1940) — член РСДРП с 1905 г., член ЦКК в 1927—1934 гг. В 1930 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, с июля 1931 г. заместитель председателя ВСНХ по военной промышленности, с 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Расстрелян.

Пайяр — в 1932 г. советник посольства Франции в СССР.

Патек Станислав (1866—1945) — польский государственный деятель. В 1926—1933 гг. посол Польши в СССР.

Пахомов Н. И. (1890—1938) — член РСДРП с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК с октября 1937 г. В 1935—1938 гг. нарком водного транспорта СССР. Расстрелян.

Персель Альберт Артур (1872—1936) — председатель Международной Федерации профсоюзов, один из основателей англо-русского комитета профсоюзного единства в 1925—1927 гг.

Петкевич Н.Ю. (?—1935) — член РСДРП. С 1930 г. начальник артиллерии Московского военного округа.

Петровский А. М. (1897—?) — с декабря 1924 г. по январь 1930 г. полпред СССР в Эстонии.

Петруничев Н.А. (1899—1942) — член РСДРП(б) с 1917 г. С февраля 1933 г. заместитель руководителя инспекции, в марте 1934 — октябре 1935 гг. руководитель инспекции КСК в торговом представительстве СССР в Германии. С октября 1935 г. руководитель группы внешней торговли КСК, в 1937—1938 гг. управляющий делами СНК СССР. Участник Великой Отечественной войны, пропал без вести в июне 1942 г.

Пий XI (1857—1939) — в 1922—1939 гг. римский папа.

Пик Вильгельм (1876—1960) — член ЦК КПГ с 1918 г., в 1928—1933 гг. депутат рейхстага, в 1928—1943 гг. член ИККИ.

Пилсудский Юзеф (1867—1935) — польский государственный деятель. В 1926—1928 гг. и в 1930 г. премьер-министр Польши.

Плимут К. (1889—1943) — английский лорд, в 1931 г. — министр транспорта, в 1936 г. председатель Комитета по невмешательству в дела Испании.

Поллит Гарри (1890—1960) — деятель английского и международного коммунистического движения. В 1929—1956 гг. генеральный секретарь КП Великобритании, в 1924—1943 гг. член ИККИ.

Поль-Бонкур Жозеф (1873—1972) — французский государственный и политический деятель. В 1932—1933 гг. премьер-министр и министр иностранных дел, в 1933—1934 гг. министр иностранных дел Франции.

Попов Н.Н. (1891—1938) — член РКП(б) с 1919 г. В 1922—1932 гг. член редколлегии «Правды». Расстрелян.

Поссе Г.Э. — заведующий II отделом имперского министерства экономики. Руководитель германской делегации на германо-советских экономических переговорах в декабре 1928 г.

Потемкин В.П. (1874—1946) — советский государственный деятель и дипломат. В 1932—1934 гг. полпред СССР в Италии, в 1934—1937 гг. полпред СССР во Франции, в 1937—1940 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР.

Преображенский Е.А. (1886—1937) — член РСДРП с 1903 г. в 1924—1927 гг. заместитель председателя Главконцесскома, член коллегии Наркомата финансов СССР. Репрессирован.

Прокофьев Г.Е. (1895—1937) — член РКП(б) с 1919 г. В 1932—1933 гг. заместитель председателя ОГПУ, начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ, с 1934 г. заместитель наркома внутренних дел СССР. Расстрелян.

Протогеров Александр Николов (1867—1928) — генерал-майор, один из руководителей ВМРО. Убит в 1928 г.

Пуанкаре Раймон (1860—1934) — французский государственный и политический деятель. В 1922—1924 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Франции.

Пугачев С.А. (1889—1939) — в 1925—1928 гг. заместитель начальника штаба РККА.

Пью Артур — заместитель председателя, секретарь Федерации союза металлистов, председатель Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов.

Пятаков Г.Л. (1890—1937) — член РСДРП с 1910 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1923—1927, 1930—1936 гг. С 1923 г. заместитель председателя

ВСНХ и председатель Главконцесскома. В 1927—1928 гг. торговый представитель СССР во Франции, с ноября 1928 г. заместитель председателя, в 1929—1930 гг. председатель правления Госбанка. В 1930—1931 гг. член президиума ВСНХ СССР, с 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Репрессирован.

Пятницкий И.А. (1882—1938) — член РСДРП с 1898 г. В 1923—1935 гг. секретарь ИККИ. Расстрелян.

Рабинович Ф.Я. (1885—1937) — член РСДРП с 1902 г. В 1929—1937 гг. сотрудник Наркомата внешней торговли СССР. Расстрелян.

Радек К.Б. (1885—1939) — член РСДРП с 1903 г., член ЦК РКП(б) в 1919—1924 гг. С середины 30-х годов работал заведующим иностранным отделом газеты «Известия». В 1932—1934 гг. заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б). Репрессирован.

Раковский Х.Г. (1873—1941) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1923—1928 гг. полпред СССР в Великобритании. Репрессирован.

Раскольников Ф.Ф. (1892—1939) — член РСДРП с 1910 г. В 1930—1938 гг. полпред СССР в Эстонии, Дании, Болгарии. Репрессирован.

Раумер Г. фон — бывший имперский министр финансов и экономики, управляющий центрального союза германской электропромышленности. Руководитель германской делегации на германо-советских переговорах о согласительной процедуре.

Рейнгольд И.И. (1887—1936) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1926—1927 гг. член коллегии Наркомата финансов СССР.

Рейнюс Мечисловас (1884—1953) — в 1925—1926 гг. министр иностранных дел Литвы.

Рейхель М.И. — в 1926—1929 гг. член Главконцесскома.

Ремнант Э. — редактор журнала «English Review». Один из организатор путешествия английских промышленников в СССР в марте 1929 г.

Рогачевский И.С. — в 1931—1932 гг. директор металлургического завода им. Ленина. В декабре 1932—1934 гг. управляющий трубным трестом.

Розенберг М.И. (1896—1938) — член РКП(б) с 1919 г. В 1930—1936 гг. советник полпредства СССР в Италии, Франции, в 1936—1937 гг. полпред СССР в Испании. Расстрелян.

Розенгольц А.П. (1889—1938) — член РСДРП с 1905 г., член ЦКК в 1927—1934 гг. С 1928 г. заместитель наркома РКИ СССР, с 1930 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР. Расстрелян.

Ройзенман Б.А. (1878—1938) — член РСДРП с 1902 г., в 1927—1934 гг. член ЦКК. В 1926—1932 гг. член коллегии НК РКИ СССР, заведующий внеплановой инспекцией наркомата РКИ. Репрессирован.

Ротштейн Ф.А. (1871—1953) — член РСДРП с 1901 г. В 1920—1923 гг. полпред РСФСР в Иране, в 1923—1930 гг. ответственный редактор журнала «Международная жизнь», член коллегии НКИД СССР, в 1924—1925 гг. директор Института мирового хозяйства и мировой политики.

Рудзутак Я.Э. (1887—1938) — член РСДРП с 1905 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1920—1937 гг., кандидат в члены Политбюро в 1923—1926 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926—1932 гг. В 1924—1930 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1926—1937 гг. заместитель председателя СНК и СТО

СССР, одновременно в 1931—1934 гг. председатель ЦКК и нарком РКИ СССР. Расстрелян.

Рухимович М.Л. (1889—1938) — член РСДРП с 1913 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1937 гг. В 1926—1930 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР, в 1930—1931 гг. нарком путей сообщения СССР. Расстрелян.

Рыков А.И. (1881—1938) — член РСДРП с 1899 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1920—1934 гг., в 1922—1930 гг. член Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). В 1924—1930 гг. председатель СНК СССР и РСФСР, одновременно в 1926—1930 гг. председатель СТО СССР. Расстрелян.

Савельев М.А. (1884—1939) — член РСДРП с 1903 г. В 1928—1930 гг. директор Института Ленина. С июля 1928 г. член редколлегии газеты «Правда».

Саймон Джон Олсбрук (1873—1954) — британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1931—1935 гг. министр иностранных дел.

Самойлович Р.Л. (1881—1940) — советский полярный исследователь. В 1925—1930 гг. директор Института по изучению Севера, начальник экспедиций на ледоколах «Красин», «Русанов», «Седов» и др.

Сандлер Рихард (1884—1964) — один из лидеров социал-демократической партии, в 1932—1939 гг. министр иностранных дел Швеции, в 1934 г. председатель XV Ассамблеи Лиги Наций.

Сванидзе А. С. (1884—1941) — член РСДРП с 1904 г. В 1923—1924 гг. член коллегии, начальник валютного управления Наркомата финансов СССР, в 1925—1928 гг. генеральный агент Наркомата финансов в Берлине, в 1928—1929 гг. председатель акционерного общества «Экспортмарганец», в 1930—1931 гг. заместитель торгпреда в Германии. С января 1931 г. член правления Госбанка СССР, с декабря 1931 г. председатель правления Внешторгбанка. Репрессирован.

Свидерский А.И. (1878—1933) — член РСДРП с 1899 г. С 1922 г. член коллегии НК РКИ, заместитель наркома земледелия РСФСР.

Седякин А.И. (1893—1938) — член РСДРП(б) с 1917 г. С 1927 г. заместитель начальника Главного управления, инспектор пехоты и бронесил РККА, в 1931—1932 гг. начальник и комиссар Военно-технической академии РККА. Расстрелян.

Сект Ганс фон (1866—1936) — в 1920—1926 гг. командующий сухопутными войсками рейхсвера.

Семар Пьер (1887—1942) — деятель Французской компартии, в 1924—1930 гг. генеральный секретарь ЦК Компартии Франции, член Исполкома Коминтерна. один из руководителей французских профсоюзов.

Серебровский А.П. (1884—1938) — член РСДРП с 1903 г. С 1926 г. начальник Главного управления по цветным металлам, золоту и платине, заместитель председателя ВСНХ СССР. Репрессирован.

Ситрин Уолтер (1887—1983) — в 1926—1946 гг. генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов, в 1928—1945 гг. председатель Амстердамского Интернационала профсоюзов.

Скалина — в 1929 г. премьер-министр Австралии.

Склянский Э.М. (1892—1925) — член РСДРП с 1913 г. С октября 1918 г. по март 1924 г. заместитель народного комиссара по военным делам, заместитель председателя РВСР, член совета обороны. С 1924 г. работал в ВСНХ.

Скоблевский П.А. (Володько) — руководитель военной комиссии КПГ в 1923—1924 гг.

Скшиньский Александр (1882—1931) — министр иностранных дел Польши в 1922—1924 гг. и 1925—1926 гг., премьер-министр в 1925—1926 гг.

Смирнов А.П. (1878—1938) — член РСДРП с 1896 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1922—1933 гг. В 1928—1930 гг. заместитель председателя СНК РСФСР. Расстрелян.

Смит Герберт — председатель Федерации горняков Англии, член Исполкома Интернационала горняков.

Сокольников Г.Я. (1888—1939) — член РСДРП с 1905 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1922—1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930—1936 гг. В 1929—1932 гг. полпред СССР в Великобритании, затем заместитель наркома и член коллегии НКВД СССР. Убит в тюрьме.

Сокольников Хенрик (1891—?) — польский дипломат, советник миссии (посольства) в СССР в 1932—1936 гг., посланник в Финляндии в 1936—1941 гг.

Спунде А.П. (1892—1962) — член РСДРП с 1909 г. С мая 1926 г. член правления Госбанка СССР, с 1928 г. начальник валютного управления и член коллегии Наркомата финансов СССР.

Сталин И.В. (1878—1953) — член РСДРП с 1898 г. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК РКП(б)—ВКП(б).

Стеклов Ю.Н. (1873—1941) — участник революционного движения в России с 1888 г. С октября 1917 г. редактор газеты «Известия ВЦИК», журналов «Новый мир», «Красная нива». Репрессирован.

Стецкий А.И. (1896—1938) — член РСДРП с 1915 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1930—1938 гг. заведующий отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Расстрелян.

Стомоняков Б.С. (1882—1941) — член РСДРП с 1902 г. В 1921—1925 гг. торговый представитель РСФСР в Германии, в 1924—1925 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР, в 1926—1934 гг. член коллегии НКВД СССР, в 1934—1938 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. Расстрелян.

Сувич Ф. — (г.р. 1887). — итальянский депутат с 1921 г. В 1926—1928 гг. — заместитель министра финансов, в 1931—1932 гг. итальянский финансовый представитель в Лиге Наций, с июля 1932 г. заместитель министра иностранных дел, в июне 1936 г. назначен итальянским послом в Вашингтоне.

Судьин С.К. (1894—1938) — член РКП(б) с 1918 г. В 1932—1936 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР. Расстрелян.

Сулимов Д.Е. (1890—1937) — член РСДРП с 1905 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1923—1937 гг. В 1927—1930 гг. первый заместитель наркома путей сообщения СССР, в 1930—1937 гг. председатель СНК РСФСР. Репрессирован.

Суриц Я. З. (1882—1952) — член РСДРП с 1903 г. В 1923—1934 гг. полпред СССР в Турции.

Таннер Вайно (1881—1966) — финский государственный и политический деятель, в 1926—1927 гг. премьер-министр Финляндии, в 1939—1940 гг. министр иностранных дел.

Твардовский Ф. фон — советник посольства Германии в СССР и заместитель главы посольства в 1929—1932 гг.

Тельман Эрнст (1886—1944) — деятель германского и международного коммунистического движения. С 1925 г. председатель КПГ, в 1924—1943 гг. кандидат, член ИККИ.

Теодорович И. А. (1875—1937) — член РСДРП с 1895 г. В 1928—1930 гг. генеральный секретарь Крестьянского интернационала, директор Международного аграрного института. Репрессирован.

Титулеску Николае (1882—1941) — румынский государственный деятель и дипломат. В 1932—1936 гг. министр иностранных дел, в 1928—1936 гг. постоянный представитель Румынии в Лиге Наций.

Толоконцев А. Ф. (1889—1937) — член РСДРП с 1914 г., в 1925—1934 гг. член ЦК ВКП(б). Занимал руководящие должности в военной промышленности: член Центрального правления артиллерийских заводов, начальник Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности.

Томас Джеймс Генри (1874—1949) — в 1917—1931 гг. генеральный секретарь Национального союза железнодорожников Великобритании.

Томский М. П. (1880—1936) — член РСДРП с 1904 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1919—1934 гг., член Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1922—1930 гг. В 1922—1929 гг. председатель ВЦСПС. Покончил жизнь самоубийством.

Трилиссер М. А. (1883—1940) — член РСДРП с 1901 г. С 1921 г. в органах ВЧК—ОГПУ, в 1926—1929 гг. заместитель председателя ОГПУ. Расстрелян.

Троцкий Л. Д. (1879—1940) — член РСДРП с 1897 г., член ЦК в 1917—1927 гг., член Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1919—1926 гг. В 1925—1927 гг. член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главконцесскома.

Тухачевский М. Н. (1893—1937) — член РКП(б) с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1925—1928 гг. заместитель начальника штаба РККА, в 1928—1931 гг. командующий войсками Ленинградского военного округа, с 1931 г. заместитель председателя РВС СССР, с 1934 г. заместитель, затем 1-й заместитель наркома обороны СССР. Расстрелян.

Уайз Эдуард Френк (1885—1933) — английский политический деятель. Участвовал в неофициальных переговорах о возобновлении англо-советских дипломатических отношений.

Угаров Ф. Я. (1885—1932) — член РСДРП с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925 г., член ЦК в 1927—1930 гг. В 1925—1929 гг. председатель Ленинградского областного совета профсоюзов, с 1930 г. председатель треста Моссредпром.

Угланов Н. А. (1886—1937) — член РСДРП с 1907 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1923—1930 гг. В 1924—1929 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1924—1928 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Расстрелян.

Ульрих В. В. (1889—1951) — член РСДРП с 1910 г. В 1921—1924, 1926—1935 гг. председатель, в 1924—1926 гг. заместитель председателя военной коллегии Верховного Суда СССР.

Ульянова М. И. (1878—1937) — член РСДРП с 1898 г., с 1925 г. член ЦКК. В 1917—1929 гг. член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда».

Уманский К. А. (1902—1945) — советский дипломат и журналист. В 1931—1936 гг. заместитель заведующего, заведующий Отделом печати и информации НКВД СССР. Погиб в авиационной катастрофе.

Уншлихт И.С. (1879—1938) — член РСДРП с 1900 г., в 1925—1937 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1925—1930 гг. заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР, в 1930—1933 г. заместитель председателя ВСНХ, в 1933—1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. Расстрелян.

Уркарт Лесли (1874—1933) — английский финансист и промышленник.

Фельдман Б.М. (1890—1937) — в 1931—1937 гг. начальник Главного управления командного и начальствующего состава РККА. Расстрелян.

Фесенко Д.С. — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1932—1933 гг. заместитель командующего войсками Киевского военного округа.

Фигатнер Ю.П. (1889—1937) — член РСДРП с 1903 г., член ЦКК в 1925—1934 гг. В 1924—1925 гг. второй секретарь полпредства СССР во Франции. С 1929 г. член Президиума ВСНХ. Репрессирован.

Филиппс — в 1936 г. начальник отдела планирования адмиралтейства Великобритании.

Фланден Пьер Этьен (1889—1958) — французский политический деятель. В 1930 г. министр торговли, в 1931—1932 гг. министр финансов. В 1934—1935 гг. — премьер-министр Франции.

Франко Баамонде (1892—1975) — глава испанского государства в 1939—1975 гг.

Фридрихсон Л.Х. (1889—1937?) — член РСДРП с 1908 г. С 1926 г. заведующий Хлебторга, с 1930 г. председатель правления акционерного общества «Экспортхлеб», в 1932—1937 гг. член коллегии НКВТ, заместитель торгпреда СССР в Германии, в 1937 г. заместитель наркома внешней торговли. Репрессирован.

Фрумкин М.И. (1878—1938) — член РСДРП с 1898 г. В 1922—1925 гг. заместитель наркома внешней торговли РСФСР. В 1926 г. заместитель председателя СТО, в 1926—1929 гг. заместитель наркома финансов СССР. Расстрелян.

Фрунзе М.В. (1885—1925) — член РСДРП с 1904 г., член ЦК РКП(б) с 1921 г., с 1924 г. кандидат в члены Политбюро. В 1920—1924 гг. командующий войсками Украины и Крыма, заместитель председателя СНК УССР. С марта 1924 г. заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркома по военным и морским делам (с января 1925 г. председатель и нарком).

Халепский И.А. (1893—1938) — член РСДРП(б) с 1918 г. В 1924—1929 гг. начальник Военно-технического управления РККА, с 1929 г. начальник Управления моторизации и механизации, в 1932—1934 гг. член РВС СССР. Расстрелян.

Хартманис Мартин (1882—1941) — латвийский военный деятель. В 1934—1939 гг. начальник штаба армии.

Хатаевич М.М. (1893—1937) — член РСДРП с 1913 г. В 1925 г. заместитель заведующего организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б), в 1925—1928 гг. секретарь Татарского обкома ВКП(б). Расстрелян.

Хаулев — член ВМРО. Убит в Милане в декабре 1924 г.

Хильгер Г. — в начале 20-х годов — легационный советник посольства Германии в СССР.

Хинчук Л.М. (1868—1939) — член РКП(б) с 1920 г. В 1926—1927 гг. торгпред СССР в Великобритании, в 1927—1930 гг. заместитель наркома торговли СССР. Расстрелян.

Хор С. (1880—1959) — английский политический деятель. В 1929—1931 гг. министр по Индии, в 1935 г. министр иностранных дел Великобритании.

Цанков Александр Цалов (1879—1959) — болгарский политический и государственный деятель. С июня 1923 г. по 1926 г. премьер-министр и министр народного просвещения, депутат парламента.

Цюрупа А.Д. (1870—1928) — член РСДРП с 1898 г. В 1923—1925 гг. председатель Госплана СССР, в 1925—1926 гг. нарком внешней и внутренней торговли СССР.

Чемберлен Остин (1863—1937) — британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1924—1929 гг. министр иностранных дел.

Черчилль Уинстон (1874—1965) — британский государственный и политический деятель. В 1924—1929 гг. министр финансов.

Чжан Цзолинь (1876—1928) — военный деятель Китая.

Чичерин Г.В. (1872—1936) — член РСДРП с 1905 г. В 1918—1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, СССР.

Членов С.Б. (1890—1937) — беспартийный. Главный юрисконсульт при Наркомате внешней торговли. Расстрелян.

Чубарь В.Я. (1891—1939) — член РСДРП с 1907 г., член ЦК РКП(б) с 1921 г. В 1923—1934 гг. председатель СНК Украинской ССР, одновременно в 1923—1925 гг. заместитель председателя СНК СССР, в 1934—1938 гг. заместитель председателя СНК и СТО СССР, одновременно в 1937—1938 гг. нарком финансов СССР. Расстрелян.

Чуцкаев С.Е. (1876—1946) — член РСДРП с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927—1934 гг. В 1923—1927 гг. заместитель наркома РКИ СССР, в 1927—1929 гг. председатель Дальневосточного крайисполкома, в 1931 г. председатель Бюджетной комиссии ЦИК. Репрессирован.

Шаляпин Ф.И. (1873—1938) — русский оперный певец. С 1922 г. эмигрант.

Шварц И.И. (1879—1951) — член РСДРП с 1899 г., член ЦК РКП(б)—ВКП(б) в 1924—1934 гг. С 1921 г. председатель ЦК союза горняков, с 1929 г. член Президиума ВСНХ.

Шейдеман Филипп (1865—1939) — лидер правого крыла германской социал-демократии. Один из организаторов подавления рабочего движения в Германии в 1918—1921 гг.

Шейнман А.Л. (1886—1944) — член РСДРП с 1903 г. С 1918 г. заместитель наркома внешней и внутренней торговли, член правления Госбанка РСФСР, затем председатель правления Госбанка СССР, в 1926—1929 гг. заместитель наркома финансов СССР.

Шкирятов М.Ф. (1883—1954) — член РСДРП с 1906 г. Член ЦКК в 1922—1934 гг.

Шкловский Г.Л. (1875—1937) — член РСДРП с 1898 г. С 1918 по 1925 гг. на дипломатической работе.

Шлезингер Р. — в 1929 г. советник по экономическим вопросам IV отдела МИД Германии.

Шлейфер И.О. (1892—1937) — в 1925—1930 гг. член коллегии Наркомата торговли СССР. В феврале — марте 1928 г. глава советской делегации на экономических переговорах между СССР и Германией. Расстрелян.

Шляпников А.Г. (1885—1937) — член РСДРП с 1901 г. В 1925—1926 гг. председатель правления акционерного общества «Металлимпорт». Расстрелян.

Шмидт В.В. (1886—1938) — член РСДРП с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1925—1930 гг., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г. В 1918—1928 гг. нарком труда РСФСР (СССР). Репрессирован.

Шотан К. (1885—1963) — французский политический деятель, в 1933—1934 гг. и в 1937—1938 гг. премьер-министр правительства народного фронта.

Штейн Б.С. (1892—?) — член ВКП(б) с 1926 г. В 1923—1925 гг. консультант НКВД, в 1925—1931 гг. заведующий 3-м западным отделом НКВД.

Штреземанн Густав (1878—1929) — министр иностранных дел Германии в 1923—1929 гг.

Шубин П.А. (1878—1937) — с 1925 г. работник аппарата ИККИ. Репрессирован.

Шуленбург Ф. (1875—1944) — немецкий дипломат, посол в Бухаресте с 1931 г., в Москве с 1934 г. Участник покушения на Гитлера в июле 1944 г. Расстрелян.

Шумяцкий Б.З. (1886—1938) — член РСДРП с 1903 г. С марта 1923 г. по апрель 1925 г. полпред в Персии. Расстрелян.

Эверт Артур (1890—1959) — член СДПГ с 1908 г., с 1919 г. член КПГ, в 1923 г. секретарь Политбюро ЦК КПГ, с 1925 г. член Политбюро ЦК КПГ.

Элиава Ш.З. (1883—1937) — член РСДРП с 1904 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1931—1936 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР. Репрессирован.

Эрбетт Ж. — в 1925—1931 гг. посол Франции в СССР.

Эркко Э. — в 1938—1939 гг. министр иностранных дел Финляндии.

Эррио Эдуард (1872—1957) — лидер французской партии радикалов. В 1932 г. премьер-министр Франции.

Юренев К.К. (1888—1938) — член РСДРП с 1905 г. В 1923—1924 гг. полпред СССР в Чехословакии, в 1924—1925 гг. — в Италии, в 1925—1927 гг. — в Иране, в 1927—1933 гг. — в Австрии, в 1933—1937 гг. — в Японии, в 1937 г. — в Германии. Расстрелян.

Юровский Л.Н. (1884—1938) — в 1926—1929 гг. член коллегии НКФина. Расстрелян.

Ягода Г.Г. (1891—1938) — член РСДРП с 1907 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1924 г. заместитель председателя ОГПУ. В 1934—1936 гг. нарком внутренних дел СССР. Расстрелян.

Яковлев Я.А. (1896—1938) — член РСДРП с 1913 г. В 1929—1934 гг. нарком земледелия СССР. Расстрелян.

Янсон Н.М. (1882—1938) — член РСДРП с 1905 г. В 1925—1930 гг. заместитель наркома РКИ СССР, член Президиума ЦКК. Расстрелян.

Ярославский Е.М. (1878—1943) — член РСДРП с 1898 г. В 1923—1934 гг. секретарь партколлегии ЦКК и член коллегии наркомата РКИ СССР, в 1920—1930-е гг. член редколлегии газеты «Правда» и журнала «Большевик».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов — 170, 171
Аванесов В.А. — 28, 29, 44, 129, 130
Аврамов Р.П. — 173, 190
Адибеков Г.М. — 96, 107
Александр I (югославский король) — 319
Александров Годор — 32, 34
Александровский С.С. — 94, 95, 326, 363, 364
Алоизи П. — 291
Альберт А.К. — 256
Альперович Е.М. — 244
Андреев А.А. — 369
Антипов Н.К. — 61, 77, 78
Антонеску — 351
Антонов-Овсеенко В.А. — 178, 179
Анцилотти Д. — 271
Аралов С.И. — 75, 77, 94, 95, 138, 139, 160, 184, 187
Аренс И.Л. — 190
Аркус Г.М. — 184, 245, 264
Ароне — 329
Артузов А.Х. — 310
Аттолико Бернардо — 250, 281, 291
- Бадеван — 325
Балтрушайтис Юргис — 94
Баранов П.И. — 93, 129
Барту Луи — 313, 315, 316, 318, 319
Бастид — 310
Баум — 293, 294
Бауман К.Я. — 182, 219
Бек Юзеф — 317, 318
Беленький Б.С. — 337, 338
Беннет см. Гумбольд
Бенеш Эдуард — 178, 179, 363
Берзин Я.К. — 75, 149, 172
Берия Л.П. — 369
Бертело Филипп — 108, 241, 247, 248, 251, 255, 262, 263, 264, 266
Бессонов С.А. — 263, 303
Беттхер Пауль — 25
Бисмарк Отто — 347
Биткер Г.С. — 244
Блэк — 53
Блюм Леон — 328, 338, 339, 368
Богомолов Д.В. — 203, 208
Богумил см. Илек Богумил
Боев И.В. — 150
Болдуин Стенли — 15, 49, 53, 65, 151, 191
Большаков — 370
- Бонкур Поль см. Поль-Бонкур
Бонне Жорж Этьен — 370
Боттаи Дж. — 260, 271, 280
Боценгардт — 29
Брандлер Генрих — 20
Братман-Бродовский С. И. — 160
Браун — 175
Браун А. (Эверт Артур) — 116
Бреслав Б.А. — 254
Бриан Аристид — 108, 165, 166, 168, 236, 241, 249, 250, 251, 266, 305, 307
Бродовский см. Братман-Бродовский С.И.
Брокдорф-Ранцау Ульрих фон — 29, 30, 54, 57, 67-69, 85, 86, 89, 92, 93, 163, 175
Брон С.Г. — 218, 238, 239
Брюханов Н.П. — 46, 47, 127, 129, 138, 159, 172, 182, 183, 202, 204
Будняк Д.Ф. — 129, 244
Бухарин Н.И. — 19, 34, 58, 59, 89, 97-101, 126, 137, 149, 151, 155, 156, 169, 172, 173, 182, 186, 193, 199, 200
Бюиссон — 310
- Вайнер — 287
Вальрот — 158, 162
Вандервельде Эмиль — 327, 328
Ванжер — 258, 259, 262
Ванситтарт Роберт — 321, 322
Варга Е.С. — 73, 100, 156
Вейнберг Х.С. — 274
Вейцер И.Я. — 263, 264, 272, 274, 280
Визе В.Ю. — 309
Вильгельм II Гогенцоллерн — 347
Винтер А.В. — 244
Воган Дж. — 71, 77, 78
Войков П.Л. — 50, 105
Володько см. Скоблевский П.А.
Вольшт Т. — 67, 68
Воровский В.В. — 3, 52, 105, 109, 147
Ворошилов К.Е. — 7, 93, 94, 109, 128, 135, 152, 157, 164, 182, 185, 192, 243, 244, 246, 250, 271, 272, 280, 283, 286, 287, 292, 298, 301, 311, 348-350, 352
Врангель П.Н. — 53, 61
Гайлис К.А. — 130
Гальперин — 130
Гамелен Морис — 301
Гамарник Я.Б. — 287, 331

- Ганецкий Я.С. — 73, 80, 81, 89, 90-93
 Гарриман (Харриман) Уильям Авелл — 54, 55, 120, 121, 123
 Гартман см. Хартманис Мартин
 Гарькавый И.И. — 287
 Гейнеман — 129
 Гендерсон Артур — 192-201, 203, 207, 208, 216-218, 220, 221, 229, 244, 267
 Георгиев — 21
 Геринг Герман — 303, 346, 347
 Герцфельд — 230, 231
 Гесслер — 137
 Гильгер см. Хильгер
 Гильдер см. Хильдер
 Гитлер Адольф — 295, 303, 341, 359
 Гойхбарг А.Г. — 48
 Горб М.С. — 287
 Горбунов Н.П. — 112, 135, 159, 160, 200
 Городецкий Г. — 302
 Гранди Дино — 230, 256, 280, 291, 349
 Грегори Дж. — 49, 53
 Гржибовский — 364, 365
 Гринько Г.Ф. — 283
 Гронский И.М. — 149, 254
 Гумбольд (Г.И. Ретровский, Беннет) — 116, 119, 123-125
 Гуральский А.Я. — 20
 Гуревич А.И. — 139, 140, 142, 254, 271
 Гусев С.И. — 115, 116
- Давтян Я.Х. — 286
 Данилов В.П. — 209
 Дволайцкий Ш.М. — 224, 251, 272, 280
 Дельбос Ивон — 300, 349, 354-356
 Джойнсон-Хикс — 150, 172-174
 Дзержинский Ф. Э. — 35, 37, 45, 49, 72, 75, 93, 111, 128, 129
 Дивильковский И. А. — 328
 Димитров Георги — 35, 298
 Димов — 34
 Дирксен Герберт — 86, 187, 188, 223, 224, 235
 Диттмар М. — 67, 68
 Дмитриев — 31
 Дмитров см. Димитров Георги
 Довгалецкий В.С. — 154, 155, 166-168, 183, 190-201, 232, 240, 241, 247, 248, 250, 251, 254, 262, 263, 266, 285, 305, 306
 Догадов А.И. — 78, 115-118, 120, 126
 Долгов В.Г. — 111
 Долецкий Я.Г. — 148, 240, 294
 Друммонд — 157
 Дункан — 169
- Дэвиссон — 17, 19
- Ежов Н.И. — 7, 351, 355, 359
 Енукидзе А.С. — 112, 206
 Ефимов Н.А. — 272
- Жорес Жан — 78
 Жуков И.П. — 244
- Залесский Август — 266, 284
 Земблюхтер М.В. — 170, 174
 Зиновьев Г.Е. — 12, 15, 19, 20, 21-24, 34, 48, 52-54, 79, 97-99, 101, 115, 116, 118, 119, 123-126, 151
 Зулуэта — 279
- И. — 170
 Иден Антони — 321, 322, 345, 350, 351
 Илек Богумил — 119
 Ишервуд Дж. — 183, 187
 Ищенко А.Г. — 118
- Кабальеро — см. Ларго Кабальеро
 Каган С.Б. — 344, 360-362
 Каганович Л.М. — 7, 199, 200, 204, 212, 213, 258, 261, 266, 267, 283, 309
 Кадоган Александр — 362
 Калинин М.И. — 84, 87, 246, 359
 Каллас — 70, 71
 Калманович М.И. — 261
 Каменев Л.Б. — 50, 93, 97, 120, 123, 182, 187, 202
 Камерон П.А. — 84
 Каминский Г.Н. — 219
 Канделаки Д.В. — 303, 347
 Карахан Л.М. — 53, 65, 66, 138, 148, 149, 168, 175, 189-192, 206, 213, 236, 257, 259, 263, 265
 Катанян Р.П. — 73
 Кауфман — 160
 Кац — 25, 72
 Кац Иван — 25, 72
 Квелч — 169
 Квириг Э.И. — 120, 126
 Келлог Фрэнк Биллингс — 107, 165, 175, 176, 277, 305, 307, 312
 Кен О. — 9
 Кентжинский — 77
 Керзон Джордж Натаниел — 18, 44
 Килеан — 25
 Киндерман (отец) — 67, 72
 Киндерман К. — 67, 68, 72
 Киров С.М. — 116, 219
 Клейн-Бурзи В.А. — 287
 Клодель — 167
 Коверда Б. — 105

- Коларов Васил — 31, 35, 37
 Коллонтай А.М. — 369
 Кольцов М.Е. — 267, 270
 Конради М. — 52
 Копп В.Л. — 35, 50
 Корбен — 345, 349
 Корк — 76
 Косиор С. В. — 166, 172, 219
 Костюшко И.И. — 9
 Котов В. А. — 149
 Красин Л. Б. — 17, 18, 26, 27, 30, 55,
 60-62, 65, 66, 78, 79, 82, 83, 86
 Крейги — 336, 337
 Крестинский Н. Н. — 7, 23, 24, 28-31,
 69, 79, 80, 82, 85, 90, 103, 112-115,
 133, 135-137, 152, 158, 160, 161, 163,
 174, 175, 178, 180, 189, 234-236, 239,
 240, 242, 243, 248, 250, 251, 257-265,
 270, 271, 277, 280, 283, 284, 291, 296,
 310-312, 315, 317, 318, 324, 325, 331,
 336-339, 342
 Кржижановский Г. М. — 61, 111, 112,
 138, 182
 Кроу — 71
 Крумин Г. И. — 240
 Крыленко Н. В. — 54, 84
 Ксандров В. Н. — 179
 Кубелюнас — 308
 Кубяк Н. А. — 182
 Куйбышев В. В. — 23, 24, 49, 65, 66,
 93, 133, 135, 136, 138, 182, 217, 218,
 225
 Кук Артур — 125
 Курицын В. И. — 244, 245
 Курский Д. И. — 90, 91, 165, 230, 258,
 260, 271, 272, 280, 281, 286
 Курциус Юлиус — 222, 224, 242
 Кутепов А. П. — 211
 Куусинен О. В. — 20, 292

 Лаваль Пьер — 319-322, 324-327, 333
 Ланговой А. А. — 185, 267
 Лапинский К. — 15
 Лапинский П. Л. — 56, 65, 82
 Ларго Кабальеро — 342
 Лахтила — 309
 Левенсон М. А. — 256-258, 260, 271, 287,
 288
 Леже Алексис — 285, 313, 325
 Ленгиель Ю. О. — 160
 Ленин В. И. — 3
 Липер Р. — 51
 Литвинов М. М. — 3, 11, 13, 14, 25-30,
 49, 52-54, 56-63, 65-75, 77, 78, 80,
 92-94, 106, 108, 109, 111-116, 118,
 119, 130, 132, 134-138, 142, 147-154,
 156-158, 160-164, 168, 171, 172, 175-
 179, 181-185, 187, 189, 190, 193, 194,
 196, 198-202, 204-208, 210, 212, 215-
 217, 219-225, 228, 229, 231-236, 240-
 249, 255, 257-267, 270, 277-279, 284-
 287, 290, 291, 294-297, 300, 302, 303,
 306-315, 317-327, 329-335, 339-342,
 345, 347, 348-357, 359-362, 364-370
 Литвинов С. М. — 137
 Ллойд Джорж — 202, 238, 239
 Лобов С. С. — 233, 238
 Лозовский С. А. — 4, 49, 115-119, 123,
 125, 126, 173, 298
 Ломов Г. И. — 83
 Ломовский М. М. — 134
 Лоудон М. — 244
 Лукасевич Юлиус — 310
 Луначарский А. В. — 152, 267
 Лущер — 62
 Любимов И. Е. — 48, 116, 229, 230,
 239, 244, 256

 Майский И. М. — 286, 288-290, 321,
 322, 336, 337, 343-346, 349-352
 Макдональд Джеймс Рамсей — 11, 28-
 30, 48, 53-55, 124, 191
 Мак-Кенна Дж. — 49, 50, 238
 Максимов — 138
 Мальцан Адольф — 57
 Мальцман — 48
 Манн Том — 116
 Мануильский Д. З. — 35, 37, 46, 51, 98,
 200
 Марину — 274
 Марлио — 233
 Мартынович — 81
 Маршалл Э. Дж. — 48, 49
 Маслов А. — 68
 Мдивани Б. Г. — 83, 111, 112
 Мееровиц — 71
 Межлаук В. И. — 129, 254, 258, 259, 261,
 262
 Мельничанский Г. Н. — 53
 Менжинский В. Р. — 31, 49, 66, 67, 72,
 73, 77, 162, 166, 222, 223
 Мерекалов А. Ф. — 358
 Мессинг С. А. — 245
 Мехлис Л. З. — 270
 Микоян А. И. — 77, 103, 130, 132, 134,
 139, 149, 151, 155, 158, 160, 162,
 166, 172-174, 178, 182-184, 186-189,
 202-204, 218, 219, 225, 230, 231, 234,
 239, 308, 358, 365
 Милютин В. П. — 31, 34, 35
 Минкин А. Е. — 81, 93, 94
 Мирошников И. И. — 91, 307, 310

- Михалкович Ж. — 367
 Михальский см. Лапинский П. Л.
 Молотов В. М. — 7, 77, 90, 99, 115-117, 119, 120, 126, 149, 160, 169, 172, 182, 191-193, 199, 200, 210, 219, 243, 246, 250, 258, 259, 261, 263, 266, 267, 272, 274, 283, 327, 358, 366
 Молукер — 279
 Монзи (де Монзи) — 60, 62, 142
 Монмуссо Гастон — 116, 119
 Морелли — 237
 Москвин И. М. — 172, 204, 220, 221, 239
 Мрачковский С. В. — 130, 133
 Муссолини Бенито — 3, 59, 230, 256, 258, 260, 280, 288, 291, 296, 329
 Мэн Том см. Манн Том

 Наринский М. М. — 304
 Нейрат Константин — 215, 295, 296
 Никулин П. Ф. — 244

 Ови см. Овий
 Овий Эсмонд — 202
 Озерский А. В. — 244, 245, 254, 258, 259, 261, 262, 275-277, 288-290
 Олдфильд — 203
 Ону М. А. — 28
 Орджоникидзе Г. К. — 77, 142, 199, 243-245, 250, 254, 262, 264, 266, 271, 272, 276, 282
 Орлов — 331
 Орлов А. — 343
 Осинский Н. (Оболенский В. В.) — 142, 143, 147, 149
 Островский М. С. — 332, 333, 351

 Павлуновский И. П. — 244, 245
 Пайяр — 314, 339, 340
 Пальмгрен — 309
 Патек Станислав — 212, 213, 257, 265, 266
 Пахомов Н. И. — 358
 Персель Альберт — 53, 54
 Перумов С. Г. — 61
 Петкевич Н. Ю. — 287
 Петровский А. М. — 71
 Петруничев Н. А. — 356, 359
 Пий XI — 219, 220
 Пик Вильгельм — 292
 Пилсудский Юзеф — 104
 Платонов — 100, 156
 Плимут — 344, 346, 361
 Пожарская С. П. — 343
 Покровский — 53
 Поллит Гарри — 173, 174, 292

 Поль-Бонкур Жозеф — 295, 296, 305-307
 Понсонби — 46
 Попов — 53
 Попов Н. Н. — 254
 Поссе Г. Э. — 187, 234
 Потемкин В. П. — 286, 291, 296, 300-302, 320-323, 325-331, 349, 353, 354, 356, 358, 363, 364
 Преображенский Е. А. — 48, 60-62, 65, 78, 83, 111, 221
 Прислей — 169
 Прокофьев Г. Е. — 294
 Протогеров Александр — 32, 34
 Пуанкаре Раймон — 29, 112, 132
 Пугачев С. А. — 152, 164, 185
 Пуста — 77
 Пью Артур — 120
 Пятаков Г. Л. — 19, 23, 27, 54, 55, 66, 81, 93, 108, 132, 142, 179, 182-188, 193, 243-245, 258, 259, 261, 262, 264, 272, 274, 280
 Пятницкий И. А. — 21, 22, 31, 35, 37, 46, 64, 66-69, 72, 77, 98, 100, 101, 115-117, 119, 123, 125, 149, 156, 169, 170-172, 291, 292

 Рабинович Ф. Я. — 184
 Радек К. Б. — 15, 19, 20, 23, 49, 81, 267, 270, 281, 283, 303
 Радовиц — 55
 Раковский Х. Г. — 11-14, 27, 28, 30, 37, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 53, 54, 65, 66, 82, 108, 111, 132, 134, 137, 142, 152, 155
 Ранцау см. Брокдорф-Ранцау
 Раскольников Ф. Ф. — 19
 Раумер фон — 234
 Рейнгольд И. И. — 48, 60, 62, 83, 108, 132
 Рейнис см. Рейнюс Мечисловас
 Рейнюс Мечисловас — 95
 Рейхель М. И. — 135
 Ремнант Э. — 102, 183
 Рогачевский И. С. — 244
 Розе см. Руайе Ш.
 Розенберг М. И. — 313-315, 342
 Розенгольц А. П. — 148, 150, 151, 172, 187, 189, 232-236, 238, 243-245, 250-252, 254, 256-264, 270-272, 275-277, 279, 280, 288, 290, 297, 307-309, 332, 338
 Ройзенман Б. А. — 187-189
 Ротштейн Ф. А. — 35, 191
 Руайе Ш. — 247, 248

- Рудзутак Я. Э. — 23, 103, 108, 115-118, 130, 138, 158-161, 192, 225, 263
 Рудой — 142
 Рупасов А. — 9
 Рухимович М. Л. — 139, 142, 182, 187, 244, 245
 Рушди-бей — 236
 Рыков А. И. — 20, 37, 43, 56, 68, 73, 74, 80, 88, 89, 100, 119, 123, 129, 149, 151, 156, 160, 181, 182, 199, 219, 220, 230, 231, 233
 Рястас О. Ю. — 51
- С. см. Литвинов С. М.
 Саблин М. Е. — 28
 Савельев М. А. — 240
 Саймон Дж. — 266, 267, 275, 277, 290, 313
 Самойлович Р. Л. — 309
 Сандлер Рихард — 315
 Сапунов — 21, 22
 Сванидзе А. С. — 54, 160
 Свидерский А. И. — 73
 Седякин А. И. — 287
 Сект Г. — 69, 129
 Семар Пьер — 116, 117, 119, 124
 Серебровский А. П. — 142
 Ситрин Уолтер — 120
 Скалина — 208
 Склянский Э. М. — 21, 22
 Скоблевский П. А. (Володько) — 68-70, 79, 80
 Скржинский см. Скшиньский Александр
 Скшиньский Александр — 50
 Смирнов А. П. — 182
 Смирнов П. И. — 362
 Смит Герберт — 125
 Соколов — 203
 Сокольников Г. Я. — 53, 60, 111, 160, 182, 187, 202-204, 207, 208, 216-221, 223, 225, 238, 239, 248, 249, 266-268, 275, 277, 286
 Сокольников Хенрик — 317
 Сосновский И. И. — 73
 Спунде А. П. — 151
 Сталин И. В. — 4, 6, 7, 13, 20, 22, 25, 26, 34, 37, 43, 50, 52, 53, 68, 97, 98, 100, 117, 119, 120, 123, 133, 149-151, 156, 163, 173, 182, 183, 186, 189, 191, 192, 202, 204, 205, 210, 212-214, 232, 236, 242-244, 250, 253, 257-259, 263, 266, 267, 271, 272, 280, 282, 298, 301, 303, 311, 315, 316, 327, 339, 367, 368
- Стеклов Ю. М. — 19, 34
 Стен-Гарт см. Стен Гардинг
 Стен Гардинг — 17, 19
 Стецкий А. И. — 240, 281, 283, 294
 Стомонаков Б. С. — 24, 25, 30, 73, 80, 81, 111, 127, 138, 139, 142, 162, 179-181, 184, 187-189, 191, 192, 224, 225, 228, 230, 231, 234, 355
 Сувич Ф. — 291, 292
 Судьин С. К. — 340
 Сулимов Д. Е. — 187
 Суриц Я. З. — 165, 303, 341, 342, 346, 347, 356, 370
- Таннер Вайно — 309
 Твардовский Ф. — 234, 235, 294
 Тельман Эрнст — 117, 119
 Теодорович И. А. — 142
 Титулеску Николае — 294, 295, 322, 323, 332, 334, 335
 Толоконцев А. Ф. — 120
 Томас — 124
 Томский М. П. — 48, 53, 99, 111, 112, 115-117, 119, 123-126, 149, 157, 182, 202, 204
 Трилиссер М. А. — 31, 35-37, 51, 75, 100, 156, 182
 Трифонов — 287
 Троцкий Л. Д. — 19, 20, 23, 35, 37, 68, 81, 82, 88, 97, 108, 111, 128, 135
 Тухачевский М. Н. — 287, 302
- Уайз Эдуард Френк — 193
 Угаров Ф. Я. — 152
 Угланов Н. А. — 116
 Ульдрикс Т. Дж. — 299
 Ульрих В. В. — 73, 84
 Ульянова М. И. — 92, 149
 Уманский К. А. — 294
 Унфрид — 25
 Уншлихт И. С. — 24, 31, 35, 37, 46, 47, 50, 51, 75, 93, 129, 130, 132, 133, 135-137
 Уркварт (Уркварт) Лесли см. Эркарт Лесли
- Фельдман Б. М. — 287
 Фесенко Д. С. — 287
 Фигатнер Ю. П. — 61
 Филиппс — 336
 Филитов А. М. — 16
 Финк — 84
 Фланден П. Э. — 320
 Франко Баамонде — 349, 352, 354, 360, 361
 Фридрихсон Л. Х. — 316

- Фрумкин М. И. — 24, 56, 61, 73, 74, 77, 90, 91-93, 112, 115, 142, 158, 160, 187-189, 294
 Фрумкина М. Я. — 294
 Фрунзе М. В. — 35-37, 46, 47, 77, 81, 88
- Халепский И. А. — 280
 Харриман см. Гарриман Уильям
 Хартманнс Мартин — 304
 Хатаевич М. М. — 66
 Хаулев — 34
 Хикс см. Джойсон-Хикс
 Хильгер Г. — 87, 89, 90
 Хинчук Л. М. — 150, 173, 182, 184, 217, 239, 242, 243, 245, 263, 264, 293, 295, 296, 316
 Хлевнюк О. В. — 215
 Ходжсон — 44
 Хор С. — 333
 Хорошилов — 287
- Цанков Александр — 22, 32, 63, 64
 Циеленсон Ф. — 139
 Цюрупа А. Д. — 66, 73, 151
- Чарнекис — 78
 Чаулев — 32
 Чвялев — 356, 357
 Чемберлен Остин — 15, 53, 54, 65, 66, 71, 77, 99, 192
 Черчилль Уинстон — 65, 99
 Чжан Цзолинь — 148
 Чикунский — 336
 Чилстон — 358
 Чичерин Г. В. — 13, 15, 17, 18, 20, 27-29, 31, 34, 35, 37, 42-61, 65-69, 74, 75, 77-87, 89-91, 93-95, 100, 104, 108, 109, 111-119, 123, 126, 127, 130, 152, 154, 156-160, 162-168, 172-177, 206
 Членов С. Б. — 60
 Чочев — 21
 Чубарь В. Я. — 182
 Чуцкаев С. Е. — 82, 88
- Шаляпин Ф. И. — 231
 Шанин — 173
 Шварц И. И. — 125, 126
 Шейдеман Филипп — 133
 Шейнман А. Л. — 37, 43, 48, 49, 103, 108, 115, 120, 123, 127, 130, 132, 157-162, 171, 173
 Шеффер — 189
 Шкирятов М. Ф. — 182
 Шкловский Г. Л. — 130
 Шлезингер — 188, 189, 234
 Шлейфер И. О. — 127, 139, 142, 159, 160, 162, 163, 180, 184, 187
 Шлибен фон — 129
 Шляпников А. Г. — 61-63, 78, 79
 Шмидт В. В. — 23, 24
 Шоль — 89
 Шотан — 310
 Штамер — 151
 Штейн Б. Е. — 156, 369, 370
 Штреземан Густав — 79, 80, 85, 87, 113, 115, 163, 178
 Шуберт — 102, 103, 113, 158, 175
 Шубин П. А. — 84
 Шуленбург Фридрих — 316, 355
 Шумяцкий Б. З. — 19
- Эверт Артур — 119
 Элиава Ш. З. — 315
 Эрбетт Ж. — 62, 83, 155, 168, 177, 231
 Эркарт Лесли — 26, 28, 65, 66
 Эрко Э. — 369
 Эррио Эдуард — 61, 62, 310
 Юнгерг-Арноти М. — 367
 Юренев К. К. — 59
 Юровский — 142
 Ягода Г. Г. — 67, 69, 90, 91, 130, 149, 173, 204, 205
 Яковлев Я. А. — 182
 Янсон Н. М. — 100, 156, 170, 172, 174
 Ярославский Е. М. — 84, 182
- Davies R. W. — 213, 283
 Haslam J. — 303
 Pons S. — 299

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Англопра — английское правительство
- АРКОСБАНК — Банк Англо-советского торгового акционерного общества
- АЭГ — Всеобщая электрическая компания, Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft (Германия)
- БКП — Болгарская коммунистическая партия
- БКТ — Британский конгресс тред-юнионов
- ВАО — Всесоюзное акционерное общество
- Велпра — правительство Великобритании
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВМРО — Внутренняя македонская революционная организация
- Внешторг, НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли
- Вост. — Восточный
- ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
- ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
- Гемпра, гермпра — германское правительство
- Генсек — генеральный секретарь
- Генсовет — генеральный совет
- ГКП — Германская коммунистическая партия
- Главконцесском, ГКК — Главный концессионный комитет при СНК РСФСР
- Главметалл — Главное управление государственной металлической промышленности
- Гос. — государственный
- ГПУ — Государственное политическое управление
- Губком — губернский комитет
- Д. — дело
- Е. Б. В. — Его Британское Величество
- ж. д. — железная дорога
- Зап. — Западный
- ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
- имплан — импортный план
- ИНО — иностранный отдел
- Испанпра — испанское правительство
- Италпра — итальянское правительство

КО — Комиссия обороны
ком. — коммунистический
Коминтерн — Коммунистический Интернационал
КП — коммунистическая партия
КПГ — Коммунистическая партия Германии
Л. — лист
Латпра — латвийское правительство
ЛК — Ленинградский комитет
мес. — месяц
Мил., млн. — миллион
МВРО см. ВМРО
Медпром — медицинская промышленность
Межрабпом — Международная рабочая помощь
МК — Московский комитет
млрд — миллиард
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
Моснарбанк — Московский народный банк
Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли
Наркоминдел, НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомторг, НКТорг — Народный комиссариат внешней и внутренней торговли
Наркомтруд — Народный комиссариат труда
Наркомфин, НКФин — Народный комиссариат финансов
нач. — начальник
Нефтесиндикат — Всероссийский нефтяной торговый синдикат ВСНХ
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКТяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
Оп. — опись
ОП — особая папка
п. — пункт
ПБ, Политбюро — Политическое бюро
полпред — полномочный представитель
пом. — помощник
пост. — постановление
пр. — прочее
прот. — протокол

Профинтерн — Красный Интернационал профсоюзов
Разведупр — разведывательное управление
РВС, реввоенсовет — революционный военный совет
РВСР — Революционный военный совет Республики
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОСТА — Российское телеграфное агентство при СНК
с. г. — сего года
с.-д. — социал-демократ
с. х. — сельское хозяйство
СДПГ — Социал-демократическая партия Германии
см. — смотри
СНК — совет народных комиссаров
сов. — советский
Совпра — советское правительство
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — статья
страхкасса — касса социального страхования
США — Соединенные Штаты Америки
Т., тов. — товарищ
т. д. — так далее
т. е. — то есть
т. п. — тому подобное
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
торгпред — торговый представитель
тыс. — тысяча
УВВС — Управление военно-воздушных сил
ф. — фунт
Ф. — фонд
ф. ст. — фунт стерлингов
фр. — франк
Францпра — французское правительство
ЦК — Центральный комитет
ЦИК — Центральный исполнительный комитет СССР
ЦКК — Центральная контрольная комиссия

Содержание

Введение	3
1923—1925 гг. [Вступительная статья — А.М. Филитов]	11
1926—1929 гг. [Вступительная статья — Г.М. Адиебеков]	96
1930—1933 гг. [Вступительная статья — О.В. Хлевнюк]	209
1934—1939 гг. [Вступительная статья — М.М. Наринский]	298
Именной комментарий	371
Указатель имен	391
Список сокращений	397

**Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа.
Решения «особой папки». 1923—1939**

Редактор *Т.Хордина*

Художественное оформление *А.Сорокин*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н.Галанчева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 2.10.2001.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 25,0. Уч.-изд.л. 27,3. Тираж 1500 экз. Заказ № 4638

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры